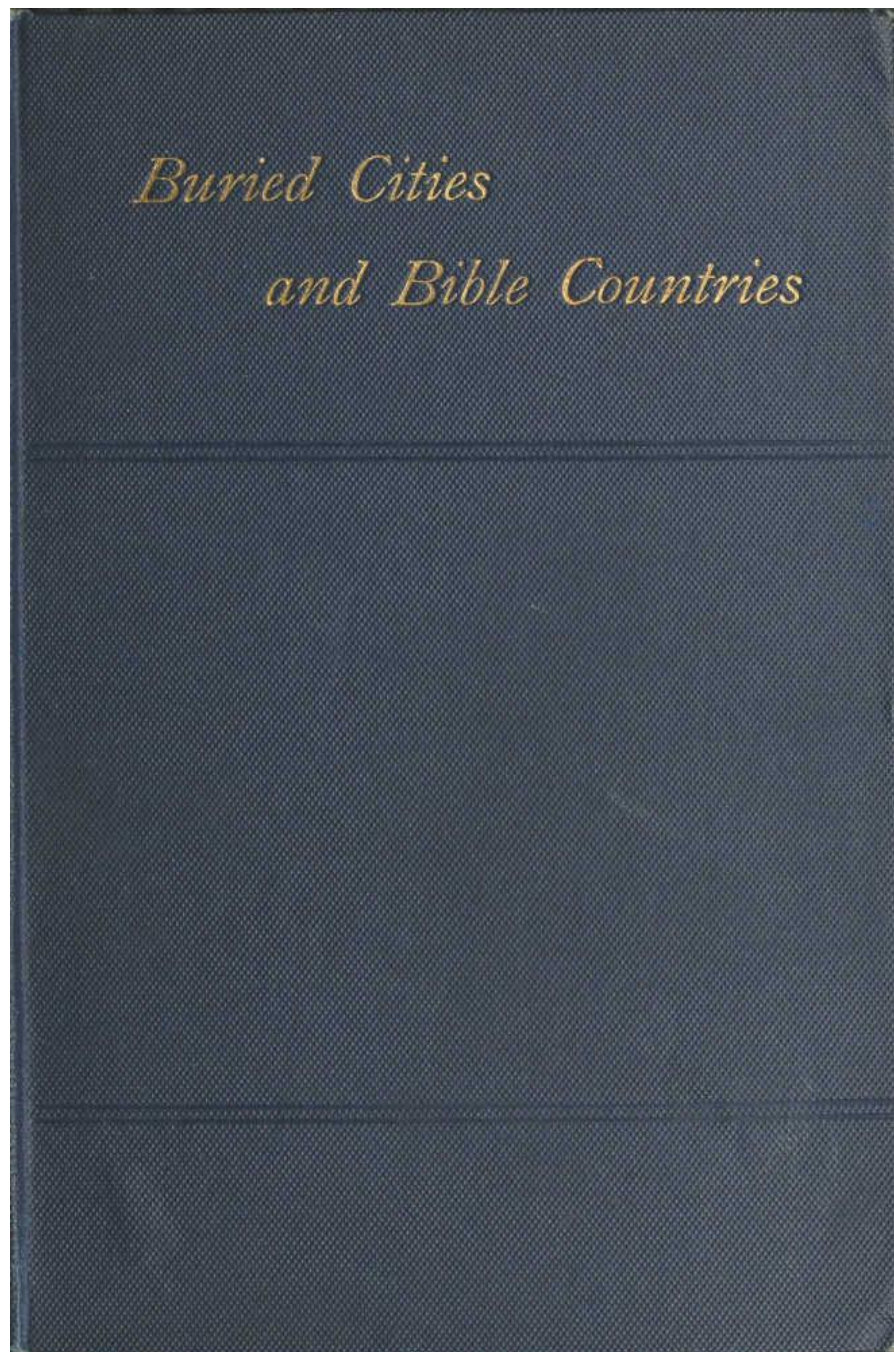

Погребенные города и библейские страны

Джордж Сент-Клер

Электронная книга проекта Гутенберга о погребенных городах и библейских странах

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Погребенные города и библейские страны

Автор: Джордж Сент-Клер

Дата выхода: 4 июня 2021 г. [Электронная книга № 65497]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен MFR, Карин Спенс и командой онлайн-корректоров (<https://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПОГРЕБЕННЫЕ ГОРОДА И БИБЛЕЙСКИЕ СТРАНЫ" ***

Электронная книга проекта Гутенберга "Погребенные города и библейские страны" Джорджа Сент-Клера

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. См. <https://archive.org/details/buriedcitiesbibl00stcl>

ПОГРЕБЕННЫЕ ГОРОДА И БИБЛЕЙСКИЕ СТРАНЫ.

Фронтиспис.

Руины Галилейской синагоги (Кефр Бирим).

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

ПОГРЕБЕННЫЕ ГОРОДА И БИБЛЕЙСКИЕ СТРАНЫ

ДЖОРДЖ СЕНТ-КЛЕР, Ф.Г.С.

ЧЛЕН ОБЩЕСТВА БИБЛЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ;
ЧЛЕН АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
ФОНДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЛОНДОН
КИГАН ПОЛ, TRENCH, TRÜBNER & CO. Ltd.

ИМПОРТИРОВАНО
ТОМАСОМ УИТТАКЕРОМ
2 И 3 БИБЛЕЙСКОГО ДОМА
В НЬЮ-ЙОРКЕ

Содержание.

ГЛАВА.

Предисловия

СТРАНИЦА

9

I.	Египет и Библия —	
1.	Розеттский камень. Расшифровка египетских иероглифов	11
2.	Короли и династии Египта	16
3.	Находка мумий	19
4.	Египтяне в Палестине перед Исходом. Войны с хеттами	27
5.	Семиты в Египте до начала угнетения. <i>Скрижали Телль-эль-Амарны</i> Телль-эль-Амарны	40
6.	Израиль в Египте	47
7.	Погребенные города	54
8.	Библейские места в Египте	57
9.	Маршрут исхода	76
10.	Странствия по дикой природе	81
II.	Исследование Палестины—	
1.	Палестина в целом	86
2.	Физические особенности Палестины	88
3.	Мертвое море	99
4.	Города равнины	104
5.	“Жена Лота”	112
6.	Естественная история Палестины в зависимости от ее физической географии	114
7.	Топографический обзор Западной Палестины	121
8.	Войны и культ Израиля рассматриваются в связи с физическими особенностями страны—Завоевания и войны	125
9.	Священные места	161
10.	Метод обследования и эпизоды работы	171
11.	Восток Иордании	183
III.	Иерусалим—	203
1.	Город как он есть	204
2.	Осады города и судьба его стен	220
3.	Раскопки в Иерусалиме	227
4.	Иерусалим, каким он был: холмы и долины	249
5.	Иерусалим, каким он был: стены и ворота города	259
6.	Эпизоды истории теперь лучше осознаются	277
7.	Осада города, понятая благодаря улучшенному знанию топографии	293
IV.	Евангельская история в свете исследования Палестины —	
1.	Христос в провинциях	300
2.	Христос в столице	325

V.	Месопотамия и Библия—	
1.	Ассирия	340
2.	Вавилония	357
3.	Как читались эти Писания	370
	Вандализм выходцев с Востока	375

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	СТРАНИЦА
Руины	<i>фронтисписа синагоги.</i>
Мумии Сети I и Рамзеса II.	25
Хеттские портреты	32
Хеттская надпись	37
Карта дельты Нила и Синайской пустыни	<i>Лицом к лицу</i> 57
Меридиональный разрез Палестины	90
Геологический набросок-карта	95
Обобщенный геологический разрез	97
Карта Палестины	<i>Лицом к лицу</i> 125
Городище Гат	154
План Иерусалима	205
План Благородного святилища	<i>Лицом к лицу</i> 212
Арка Робинсона—Весенний камень	228
Арка Робинсона—Разрез	230
Арка Вильсона	232
Южная стена из Благородного святилища	234
Глубокая шахта под юго-восточным углом	235
Ручки древних глиняных кувшинов	236
Древняя глиняная ваза	236
Следы каменщиков	237
Восточная стена Благородного святилища	239
План Силоамского туннеля	242
Шахты у фонтана Богородицы	245
Скальная площадка Иерусалима	251
Линия второй стены Шика	263
Южная стена Неемии (Сент—Клер)	268
Общий план Иерусалима	334

Карта Месопотамии	<i>Лицом к лицу</i> 340
Ассирийский крылатый Бык	347
Черный обелиск	348
Сеннахирим перед Лахишем	350
Надпись на Бехистунской скале	371

ПРЕДИСЛОВИЕ.

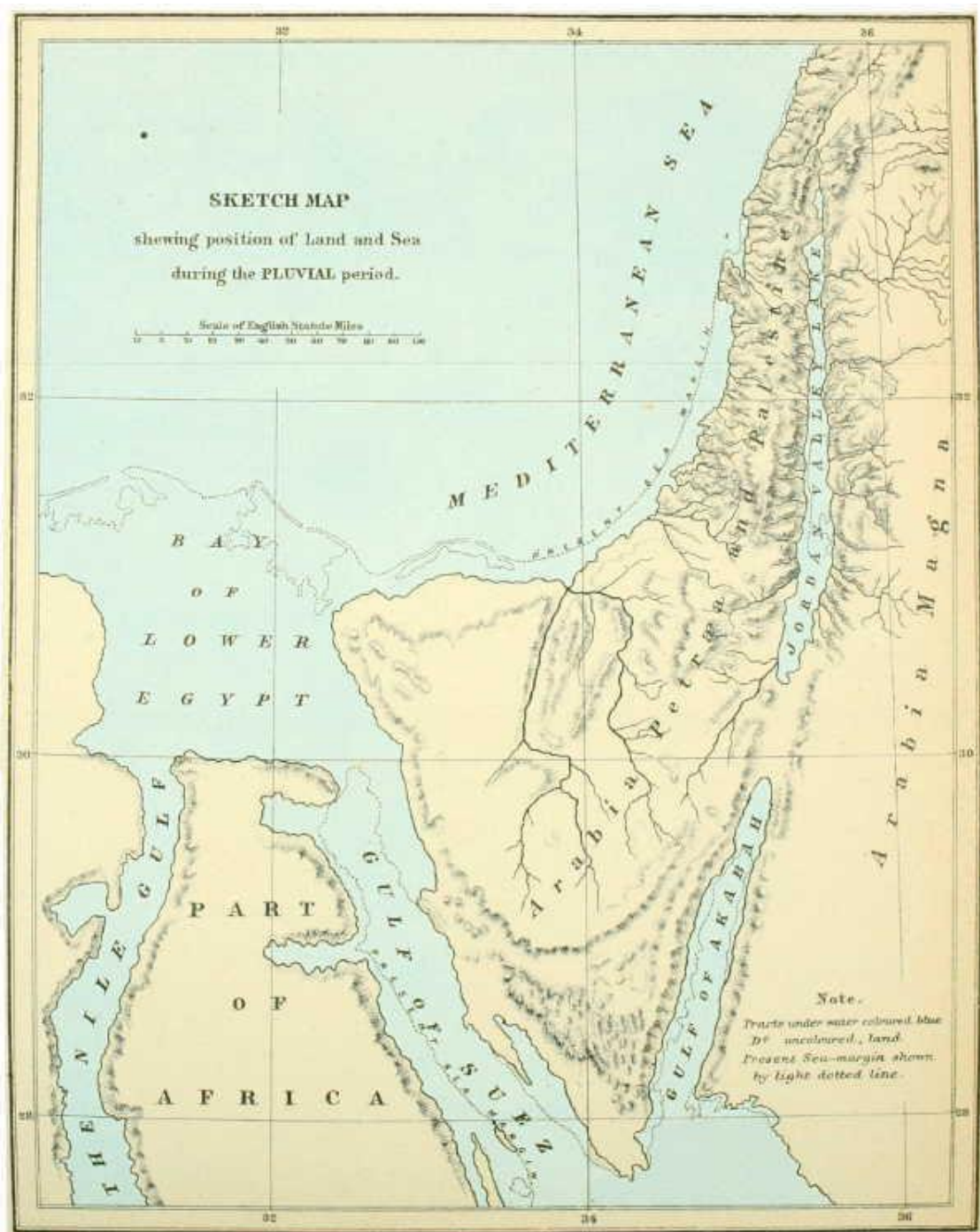
Эта книга содержит описание некоторых наиболее важных современных открытий, имеющих отношение к Библии, причем выбор сделан с учетом потребностей тех, у кого нет времени следить за ходом исследований и нет вкуса к техническим деталям. К подготовке такого тома меня часто подталкивали те, кто слушал мои лекции об исследовании Палестины.

В такой работе точность имеет большую ценность, чем оригинальность; и поэтому я без колебаний собирал информацию из лучших источников и свободно ею пользовался. Авторитетные источники будут приведены в списке в конце каждой главы; и таким образом, после того как будет сделано должное признание, читатель будет знать, куда обратиться за дополнительной информацией.

Действительно, в одной главе, касающейся топографии Иерусалима во времена Священного Писания, я осмеливаюсь изложить свои собственные взгляды и дать собственную карту местности; но это только потому, что мое специальное изучение предмета, кажется, оправдывает мое доверие и заставляет меня отличаться от других авторов.

Я хочу выразить особую признательность Комитету Фонда исследования Палестины за разрешение использовать их таблички для иллюстраций к этому тому; герру Шику из Иерусалима за разрешение использовать его план Второй стены, Уилфриду Х. Хадлстону, магистру наук, Ф.Р.С., за геологическую карту и разрез, и У. Гарри Райландсу, Ф.С.А., секретарю Общества библейской археологии, за особую любезность в виде оригинального рисунка с одного из камней Хамата.

ДЖОРДЖ СЕНТ-КЛЕР.

ЭСКИЗ КАРТЫ

показывает положение Суши и моря в плювиальный период.

С разрешения Комитета Фонда исследования Палестины.

Лондон, Киган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко.

ГЛАВА I. ЕГИПЕТ И БИБЛИЯ.

I. Розеттский камень: расшифровка египетских иероглифов.

Для всех, кто интересуется древней историей человечества, расшифровка египетских иероглифов является фактом высочайшей важности. Еще при четвертой династии, а возможно, и при первой, египтяне владели искусством письма; но за тысячи лет до нынешнего столетия иероглифы стали мертвым языком, который никто не мог прочесть. Храмы и гробницы в долине Нила содержали записи, которые могли бы представлять исключительный интерес; но ключ к ним был утерян, и загадка оставалась неразгаданной. Наконец было сделано открытие, которое открыло путь и оказалось одним из самых замечательных событий в интеллектуальной истории Европы.

В 1799 году, когда армия Наполеона находилась в Египте, французский артиллерийский офицер по фамилии Буссар, выполняя определенные работы на редуте Святого Юлиана в Розетте, обнаружил большую плиту из черного гранита с тройной надписью. Первая, или верхняя, часть была написана иероглифами, средняя - энхориальным или народным шрифтом, а нижняя - греческим. Иероглифический текст был частично разорван и утерян, но два других были почти завершены. Греческий текст показывает, что памятник был спроектирован жрецами Мемфиса в честь фараонов, и в частности Птолемея Эпифана, который правил в то время, когда был издан указ (198 г. до н.э.). Первоначально памятник стоял в храме Тума, бога заходящего солнца; и его копии должны были быть в других местах.

Среди прочего, жрецы говорят о Птолемеи, что “он был благочестив по отношению к богам, он улучшал жизнь людей, он был полон великодушного благочестия, он изо всех сил демонстрировал свои человеческие чувства”. Он снизил налоги, чтобы у людей было вдоволь; он освободил заключенных и ответчиков по судебным искам; он приказал, чтобы доходы храмов, будь то в виде провизии или денег, оставались такими, какими они были. Что касается священников, то он повелел, чтобы они не платили новых сборов за продвижение по службе, чтобы те, кто был вынужден ежегодно совершать путешествие в Александрию, были освобождены от этой обязанности; и чтобы то, чем пренебрегали в храмовых службах, было восстановлено. Естественно, жрецы были благодарны и приказали выгравировать это свидетельство признания на камне священными иероглифами Египта на местном наречии и по-гречески.

Все это было быстро вычленено из греческого текста, и, таким образом, стало ясно, что две другие формы надписи должны иметь тот же смысл. Вот, наконец, ключ к давно утраченному языку иероглифов. Ценность памятника была понята сразу, и после того, как его скопировали, он был разобран и упакован. Победа англичан при Александрии и сдача города в 1801 году передали Розеттский камень в руки мистера У. Р. Гамильтона, британского комиссара, одного из самых выдающихся и ревностных ученых того времени. Сокровище было отправлено в Англию и нашло достойное упокоения место в Британском музее.

Этот, казалось бы, незначительный камень (говорит барон Бунзен) разделяет с великим и великолепнейшим произведением “Описание Египта” честь быть единственным результатом жизненно важного для всеобщей истории похода, блестящего завоевания и кровопролитной битвы за обладание Египтом. Ученые и литераторы, сопровождавшие армию Наполеона в Египте, активно занимались сбором ценных материалов для этой великой работы по древностям, топографии, естественной истории и т. Д. Этой замечательной страны. Когда эта работа появилась в свет, содержащиеся в ней памятники и ученые комментарии, которыми они сопровождались, привлекли общее внимание европейской общественности к египетским исследованиям, которые ранее были практически заброшены. Эта коллекция включала в себя не только самые важные памятники Египта, но и большой погребальный папирус и другие египетские записи высочайшей ценности. Но памятники были немые, иероглифы невозможно было прочесть, и загадка сфинкса по-прежнему оставалась неразгаданной. Попытки предпринимались, но без особого успеха, и именно Розеттский камень на самом деле развязал язык как памятникам, так и летописям и сделал их доступными для исторического исследования. Этот камень был могущественным средством, которое благодаря свету, пролитому им на тайны египетского языка и письменности, должно было позволить науке проникнуть сквозь тьму тысячелетий, расширить пределы истории и даже открыть возможность раскрытия первобытных тайн человеческой расы.

Поскольку гравированные копии Розеттского камня стали обычным явлением в Европе — для чего английские ученые без промедления предоставили их, — возникла уверенность в том, что иероглифы будут расшифрованы. Одним из первых сотрудников был доктор Томас Янг.

Однако (говорит Мариетт) мы не должны воображать, что расшифровка иероглифов с помощью Розеттского камня была выполнена с первой попытки и без поисков ощупью в темноте. Напротив, ученые пытались в течение двадцати лет, но без особого успеха. Наконец появился Шампольон. До него люди думали, что каждая из букв, составляющих иероглифическое письмо, была *символом*; то есть, что в каждой из этих букв выражалась законченная *идея*. Заслуга Шампольона заключалась в доказательстве того, что египетское письмо содержит знаки, выражающие *звуки*; другими словами, что оно *алфавитное*. Он заметил, что везде, где в греческом тексте встречается имя собственное *Птолемей*, в соответствующем месте египетского текста можно найти определенное количество знаков, заключенных в эллиптическое кольцо. Из этого он заключил (1), что имена царей были обозначены в системе иероглифов своего рода накладкой, которую он назвал *картушем*; (2) что знаки, содержащиеся в картуше, должны быть буквой к букве именем Птолемея (Ptolemaios).

Даже если предположить, что гласные пропущены, Шампольон уже владел пятью буквами — P.T.L.M.S. Опять же, Шампольон знал, согласно второй греческой надписи, выгравированной на обелиске Филы, что на этом обелиске виден иероглифический картуш, который, должно быть, изображает Клеопатру. Если его первое прочтение было правильным, то P, L и T имени Птолемей должны быть снова найдены во втором собственном имени; в то же время это второе собственное имя должно было бы давать K и R. Хотя алфавит, открытый Шампольону таким образом, был еще очень несовершенен, при применении к другим картушам он получил в свое распоряжение почти все остальные согласные.

С этого момента ему не нужно было колебаться относительно *произношения* знаков; ибо со дня представления этого доказательства он мог подтвердить, что владеет египетским алфавитом.

Но теперь оставался язык; ибо произнесение слов - ничто, если мы не знаем, что они означают. Здесь гений Шампольона мог бы воспарить. Он понял, что его алфавит, составленный из имен собственных и применяемый к словам языка, просто представляет собой *коптский* язык. Теперь коптский, в свою очередь, является языком, который, не будучи столь хорошо изученным, как греческий, долгое время был не менее доступным. (Это был разговорный язык до шестнадцатого века, и сохранились три разговорных диалекта, достаточно напоминающих древнеегипетский, чтобы можно было изучить все грамматические формы и структуру.) Таким образом, завеса была полностью снята. Египетский язык был только коптским, написанным иероглифами; или, говоря более правильно, коптский - это всего лишь язык древних фараонов, написанный греческими буквами. Остальное можно сделать самостоятельно. От знака к знаку Шампольон действительно шел от известного к неизвестному, и вскоре прославленный отец египтологии смог заложить основы этой прекрасной науки, целью которой является толкование иероглифов.

Далее, как отметил доктор Берч, египтологи терпеливо прослеживали слово за словом в нескольких тысячах текстов и надписей, пока не нашли их правильное значение. В конце концов было установлено, что почти каждое слово состоит из двух частей — иероглифов, обозначающих звук, за которыми следуют иероглифы, выражающие его общее или специфическое значение. Благодаря этим материалам исследование продвинулось вперед. В результате мы постепенно восстанавливаем знания об истории Египта и религии его народа, начиная со времен, задолго до рождения Моисея, и заканчивая последним периодом существования империи. Иероглифы раскрывают богатую литературу, включающую не только летописи империи, но и книги по этике, романы, труды по математике, медицине, морали, юридические и другие отчеты; в то время как великим религиозным произведением является "Книга мертвых".

[*Авторитеты и источники:* —“Место Египта во всеобщей истории”. Кристиан К. Дж. Бунзен. “Памятники Верхнего Египта”. Огюст Мариетт-Бей. “Монументальная история Египта”. Переизданная лекция. С. Берч, доктор права]

2. Цари и династии Египта.

Будет полезно привести здесь таблицу египетских династий, чтобы, когда мы заговорим об Израиле в Египте, читатель мог иметь некоторое представление о долгой предшествующей истории Империи и политических обстоятельствах того времени. К сожалению, в настоящее время мы должны довольствоваться приблизительными датами, поскольку записи египтян не датированы, а хронология известна очень несовершенно.

Таблица египетских династий. [1]

Династия.	Столица.	Современное название.	Приблизительная дата, согласно словам Мариетте.	Приблизительная дата, согласно Видеману.
Старая империя.				

I.	Подумайте	Этом	Гирге	5004	5650
II.	Тинит	Этот	Гиргех	4751	5400
III.	Мемфитский	Мемфисский	Митрахенный	4449	5100
IV.	Мемфитский	Мемфисский	Митрахенный	4235	4875
V.	Мемфитский	Мемфисский	Митрахенный	3951	4600
VI.	Элефантин	Элефантина	Гезирет-Ассуан	3703	4450
VII.	Мемфитский	Мемфис	Митрахенный	3500	4250
VIII.	Мемфитский	Мемфисский	Митрахенный	3500	4250
IX.	Гераклеопо- литский	Гераклеопо- лис	Анас эль- Мединех	3358	4000
X.	Гераклеопо- литский	Гераклеопо- лис	Анас эль- Мединех	3249	3700
XI.	Диосполитан- ские	Фивы	Луксор и ок.	3064	3510
Средняя империя.					
XII.	Диосполитан- ские	Фивы	Луксор и ок.	2851	3450
XIII.	Диосполитан- ские	Фивы	Луксор и ок.	—	3250
XIV.	Ксоит	Ксоис	Саха	2398	2800
Цари—пастухи.					
XV.	Гиксосы	Танис (Зоан)	Сан	2214	2325
XVI.	Гиксосы	Танис	Сан	—	2050
	Диосполитан- ские	Фивы	, Луксор и др.	—	—
XVII.	Гиксосский	Танис	Сан	—	1800
	Диосполитан- ский	Фивы	Луксор и др.	—	—
Новая империя.					
Новая империяXVIII.	Диосполитан- ские	Фивы	Луксор и ок.	1700	1750
XIX.	Диосполитан- ские	Фивы	Луксор и ок.	1400	1490
XX.	Диосполитан- ские	Фивы	Луксор и ок.	1200	1280
XXI.	Танит	Танис	Сан	1100	1100
XXII.	Бубастит	Бубастис	Тел Баст	960	975
XXIII.	Танит	Танис	Сан	766	810

XXIV.	Саит	Саис	Са эль-Хагар	753	720
XXV.	Эфиопская	Напата	гора Баркал	700	715
XXVI.	Саит	Саис	Са эль-Агар	666	664
XXVII.	Персидский	Персеполис	—	527	525
XXVIII.	Саит	Саис	Са эль-Агар	—	415
XXIX.	Мендесиан	Мендес	Эшмун эр-Роман	399	408
XXX.	Себенните	Себеннитос	Семенхуд	378	387

Во времена Моисея египетское могущество уже миновало свой зенит и начало приходить в упадок. Когда-то существовала Старая империя, первой столицей которой был город *Этот*, а первым царем был Менес. Династия сменяла династию, возможно, на протяжении двух тысяч лет, и столица менялась несколько раз, когда появилась Срединная империя, и цари правили из Фив, а затем из Ксоиса. Всего к тому времени существовало четырнадцать династий, и могущество королевства было настолько ослаблено, что оно не смогло сдержать захватчика. Цари-пастухи, пришедшие из Мадиама или, возможно, из Месопотамии, обосновались в Дельте и владели ею в течение нескольких столетий. Их завоевания, однако, не распространились на Верхний Египет, и поэтому местные династии правили одновременно, восседая на троне в Фивах, в то время как гиксосские цари восседали в Зоане.

Вероятно, ближе к концу периода гиксосов Иосиф был назначен правителем Египта при последнем из царей-пастухов. Семнадцатая династия видела последнего из этих иностранцев, и после их изгнания началась Новая Империя, примерно в конце восемнадцатого века до Рождества Христова. Восемнадцатая и девятнадцатая династии включали в себя несколько монархов с большой известностью; и поскольку пребывание Израиля приходится в основном на этот период, будет полезно привести здесь хронологический список.

Монархи Восемнадцатой и девятнадцатой династий, с приблизительными датами, согласно Бругшу.

Восемнадцатая династия.	до н.э.
Ахмес, Амосис; ее основатель	1700
Аменхотеп I. (Аменофис)	1666
Тутмес I. (Тотмос)	1633
Тутмес II. и его сестра-жена Хатшепсут.	1600
Тутмес III.	
Аменхотеп II., сын Тутмоса III.	1566
Тутмос IV.	1533
Аменхотеп III., Сын царицы Мутемны.	1500
Аменхотеп IV., впоследствии названный Хенатоном.	1466
Девятнадцатая династия.	
Рамзес I.	1400

года Сети I. (Сетос) Менефтах	1366
год Рамзеса II. (Сесострис) Миамун	1333
Менефтах II. (Менептес)	1300
года Сети II. Менефтах III., сын Менефтах II.	1266
Сетнахт-Мерер-Миамун II.	1233

Рамсес II. был фараоном угнетения; и израильтяне покинули Египет в правление его преемника Менефтах.

3. Находка мумий.

В 1878 году хедив Саид-паша уполномочил профессора Масперо основать музей в Булаке (пригород Каира) для приема всех древностей, найденных в стране и рассчитанных на то, чтобы пролить свет на историю Египта. Под последовательным руководством профессора Масперо и профессора Гребо коллекция стала одной из самых ценных и поучительных в мире.

В 1881 году музей пополнился самым важным археологическим открытием современности. 5 июля того же года была исследована пещера на равнине Дейр-эль-Бахари, недалеко от Фив, и ее богатое содержимое было целиком перевезено в Булак. Они состояли из мумий королей, королев, принцесс и других выдающихся личностей, с многочисленными предметами одежды, папирусами, вазами и так далее. Иератические надписи на гробах нескольких царей указывали дату переноса тел из их первоначальных захоронений в долине Баб-эль-Малук, недалеко от Луксора, в эту яму или гробницу, а также периодическую проверку, которой подвергалось хранилище. Доказано, что пещера была усыпальницей царей-жрецов Амона, узурпаторов трона Рамессидов, от Хер-Хора до Пинотема III.

Причина, по которой в эту гробницу поместили так много царей разных династий, точно неизвестна, но следующие обстоятельства дают основание для разумных предположений.

“После того, как Рамсес II, последний великий воин Египта, отложил в сторону свое копье и лук, в четырнадцатом веке до Рождества Христова роскошь и праздность сменились их обычными спутниками - бедностью и недовольством. Ремесленники и чернорабочие, вместо того чтобы объединиться в единых усилиях по улучшению положения страны, прибегли к насилию и грабежу. Разграбление гробниц ради их драгоценного содержимого стало обычной практикой, и в правление Рамсеса IX из двадцатой династии, примерно в одиннадцатом веке до рождества Христова, было начато расследование, чтобы установить масштабы разграбления. Грабители были арестованы и привлечены к суду, и некоторые из них были приговорены к смерти от своих собственных рук - обычный способ наказания в древнем Египте. Было также обнаружено, что гробницы фараонов, которые до сих пор пользовались уважением, были, как и все остальные, подвержены опасности”.

Хранители, однако, действовали не хуже грабителей; жрецы египетской церкви, по-видимому, укрывали останки многих великих царей, пряча их так тщательно, что их не находили до третьей четверти нынешнего столетия.

“Это было экстраординарное открытие не только для египетской археологии, но и для истории Египта, и удачливым первооткрывателем был профессор Масперо, главный хранитель Египетского музея в Булаке. Открытие произошло следующим образом. В течение нескольких прошедших лет, еще во времена Мариетты, было замечено, что предметы, представляющие ценность и интерес, таблички, папирусы и т. Д., Попали в музеи Европы, а некоторые - в частные руки. В Египте существует закон, согласно которому гробницы и кладбища нельзя исследовать без прямого разрешения хедива, и любая торговля предметами, представляющими архаический интерес, строго запрещена. Тем не менее существовала своего рода контрабанда, действительный источник которой был неизвестен. Было также сделано еще одно наблюдение, а именно, что подавляющее большинство предметов относятся примерно к одному и тому же периоду и, по-видимому, имеют общее происхождение. Когда Его Королевское высочество принц Уэльский находился в Египте, некий Мустафа Ага из Фив подарил ему ценный папирус, который принц очень щедро передал на хранение в Британский музей. Впоследствии было установлено, что рассматриваемый документ представляет собой лишь половину папируса (это любопытное открытие связано с острыми исследованиями мисс Амелии Б. Эдвардс, один из почетных секретарей Фонда исследования Египта), другая, задняя половина, находится во владении Музея Лувра в Париже. Папирус принца Уэльского был написан для королевы Нотем Маут, состоящей в родстве с великим царем-жрецом двадцать первой династии Хер-Хором — возможно, его женой, но более вероятно, его матерью. Другой, на редкость прекрасный папирус, был куплен полковником Кэмпбеллом в 1876 году за крупную сумму в 400 фунтов стерлингов. Последнее, очевидно, было получено из мумии Верховного жреца Пинотема, потомка Хер-Хора. Совпадение было поразительным и привело профессора Масперо к выводу, что гробница царей-жрецов находилась во владении арабов из района Фив, класса людей, которые живут в гробницах и зарабатывают на жизнь результатами своих поисков. Подозрение быстро указало на причастные к этому стороны. Вождь, Ахмед Абд-дер-Рассул, один из пяти братьев, занимающихся торговлей антиквариатом, был арестован, и вскоре после этого другой из братьев дал признательные показания и провел власти к тайнику, в котором были спрятаны все эти сокровища.

“Недалеко от места старого храма, известного как Дейр-эль-Бахари, у подножия неровного массива отвесной скалы, настолько скрытого от посторонних глаз, что мимо него можно было пройти сотню раз незамеченным, находилась перпендикулярная шахта глубиной 35 футов и диаметром 6 футов. На дне шахты, в ее западном углу, было отверстие высотой чуть более 2 футов и шириной 5 футов - вход в узкий проход, прорытый в скале. Этот проход или туннель вел прямо на запад на протяжении 25 футов, а затем резко поворачивал на север на протяжении 200 футов, заканчиваясь продолговатой камерой длиной 260 футов, при этом вся длина туннеля составляла почти 500 футов. По всей этой обширной площади пол был заставлен гробами и погребальным снаряжением, уложенными так тесно, что некоторое расстояние приходилось ползти на руках и ногах, чтобы хоть как-то продвинуться вперед. Коллекция в этом странном убежище состояла из саркофагов, гробов, мумий, погребальной мебели и погребальных украшений, собранных фрагментов четырех или пяти династий, в частности семнадцатой, восемнадцатой, девятнадцатой и двадцать первой, охватывающих период продолжительностью более пятисот лет и относящихся к восемнадцатому-двенадцатому векам до Рождества Христова....

“Это была жаркая сорокавосемичасовая работа под палящим солнцем Египта, чтобы поднять все эти предметы на поверхность, и кропотливая работа с привлечением услуг трехсот арабов,

чтобы доставить их в Луксор, а затем сложить их на палубе Музейного парохода, который поднялся вверх по реке, чтобы получить их. Плавание вниз по реке носило характер похоронной оваии: женщины с растрепанными волосами бегали по берегу, издавая пронзительные крики и похоронные песнопения, другие бросали пыль себе на головы, мужчины стреляли из ружей, и похороны нынешнего покойного монарха не могли вызвать более явных эмоций ”.

Среди гробов и мумий были следующие:—

Раскёнен, царь Верхнего Египта, потомок древнего фиванского царского рода, но в настоящее время данник гиксосов, или царей-пастухов. Согласно папирусу Саллиера, хранящемуся в Британском музее, он поссорился с гиксосским монархом Апопи из-за передачи важного колодца. Это привело к свержению и изгнанию гиксосов, которые правили страной в течение пяти столетий. Согласно тому же источнику, Иосиф прибыл в Египет во время правления фараона Нуба (1730 г. до н.э.) и прославился при Апопи.

Ахмес I, основатель восемнадцатой династии.

Аменхотеп I (*Аменофис*), гроб и мумия.

Тутмос I.— В гробу находилась мумия царя-жреца Пинотема из двадцать первой династии. Мумия Тутмоса найдена не была.

Первое известное изображение лошади встречается на памятнике этого царствования; и предполагается, что лошадь была завезена в Египет из Азии примерно в это время.

Тутмос II.— Найдены гроб и мумия. Тутмос II. правил недолго.

Тутмос III, один из самых известных египетских царей. Он продолжил наступательные действия своих предшественников против гиксосов и их союзников и расширил свои завоевания до Тигра. В его правление Египет был на вершине своего величия. Стены его великолепного храма в Карнаке покрыты надписями, повествующими о его триумфах и дающими список завоеванных им стран и народов. Стела из черного гранита, найденная в Карнаке, а ныне находящаяся в Национальном музее Египта, содержит стихотворение, посвященное победам этого царя. Найденный гроб и мумия были сломаны.

Хатшепсут, великая женщина-царь, сестра и жена Тутмоса II. Став регентом при своем младшем брате Тутмосе III, она надела королевское платье и мужской стиль. Ни гроб, ни мумия найдены не были. Но при бальзамировании египтяне извлекали внутренности и сохраняли их отдельно; и печень Хатшепсут была обнаружена заключенной в деревянный ящик, инкрустированный слоновой костью, на котором было написано ее имя.

Рамзес I, основатель девятнадцатой династии, был найден помещенным в гроб по моде двадцать первой династии, с которого было тщательно соскоблено имя первоначального владельца.

Сети I., его преемник (гроб и мумия). Великолепный алебастровый саркофаг этого монарха уже находился в музее Соана в Линкольнс-Инн-Филдс. Когда Бельцони обнаружил это в 1817 году в первоначальной гробнице в долине царей в Фивах, он был поражен, обнаружив, что мумия и

гроб исчезли. Когда мумию этого фараона развернули, оказалось, что тело было длинным, лишенным плоти, желто-черного цвета, а руки были скрещены на груди. Голова была покрыта маской из тонкого полотна, почерневшей от битума, которую пришлось снять ножницами. В результате этой операции была представлена самая красивая голова мумии, когда-либо виденная в музее. Скульпторы Фив и Абидоса не льстили этому фараону, придавая ему тот нежный, милый, улыбающийся профиль, который известен путешественникам. По прошествии тридцати двух столетий мумия сохраняет то же выражение, которое характеризовало черты живого человека. Сети I. должно быть, умер в преклонном возрасте. Голова выбрита, брови белые, состояние тела указывает на более чем три десятка лет жизни; таким образом, подтверждается мнение ученых, которые приписывали этому царствованию долгое правление. Сети I. построил Колонный зал в Великом Храме Амона в Карнаке. В Курне, Абидосе и других местах сохранились многочисленные остатки обширных и великолепных зданий, которые он возвел с помощью покоренных семитов, к числу которых, вероятно, следует отнести израильтян. Во время его правления был построен большой канал, первый в своем роде, соединивший Нил с Красным морем.

СЕТИ I.

РАМЗЕС II.

Рамзес II, прославленный воин, сын Сети I., известный грекам как Сесострис. Угнетение израильтян, вероятно, начатое Сети I, было продолжено при Рамзесе II. Однако на шестом году его правления родился Моисей. Мумия Рамзеса II. был найден помещенным в гроб двадцать первой династии, как и гроб Рамзеса I. Это вызвало сомнения относительно того, какой именно Рамзес был заключен, но при разворачивании мумии была обнаружена надпись, объясняющая, что оригинальный гроб был случайно сломан, и не оставляющая сомнений в том, что это был Рамзес II. Наиболее поразительным, если сравнивать с мумией Сети I., является удивительное сходство между отцом и сыном. Нос, рот, подбородок - все черты лица те же, но у отца они более утонченные, чем у сына. Рамзес II. был более шести футов ростом, и по ширине его груди и прямоугольности плеч мы видим, что он, должно быть, был человеком огромной физической силы. Профессор Масперо в своем официальном отчете описывает тело как тело энергичного и крепкого старика с белыми и хорошо сохранившимися зубами, белыми волосами и бровями, длинными и стройными руками и ногами, окрашенными хной, и проколотыми ушами для сережек. Рамсес II правил шестьдесят шесть лет, и на момент его смерти ему было почти сто лет. Он проявлял большое рвение как строитель и был покровителем науки и искусства. Именно он построил Рамессеум в Фивах и подарил ему библиотеку. Он также построил пилоны и колонный зал Луксорского храма и множество второстепенных храмов в Египте и Нубии, а также построил чудесные высеченные в скале храмы в Абу-Симбеле.

Рамзес II. ему наследовал его тринадцатый сын, Менептах II., который продолжал притеснять израильтян и преследовал их, когда они убегали.

Помимо всех этих монархов, в странном хранилище в Дейр-эль-Бахари были найдены гробы и мумии Рамзеса III. (двадцатой династии), последний из великих царей-воинов Египта, Пинотем I и Пинотем II., цари-жрецы двадцать первой династии, а также несколько цариц, принцев и знатных людей того же периода. Трогательная история, которая очень живо напоминает нам о всеобщем родстве человечества, раскрывается содержимым гроба Макары, жены короля Пинотема из династии царей-жрецов. Маленький свернутый сверток лежал у ног королевы, ее маленькой дочери, при рождении которой она также отдала свою жизнь. Таким образом, и это так трогательно, нас подводят к участию в страданиях палаты для больных трехтысячелетней давности. Мертворожденный младенец царицы уже получил имя Маутемхат, первенец богини Маут, жены Амона; и не только имя, ибо она рождена с титулом, непривычным для нашего слуха, а именно "главная царственная супруга".

[Источники и авторитеты: Газета "Таймс", 4 августа 1881 г. Газета "Таймс", 25 июня 1886 года. "Египетские мумии", лекция сэра Эразма Уилсона; Киган Пол, Trench & Co., 1883.]

4. Египтяне в Палестине перед Исходом.

Когда колена Израилевы готовились перейти Иордан, им было сказано, что они собираются овладеть народами, более великими и могущественными, чем они сами, народом великим и высокорослым, города которого были ограждены до небес (Втор. ix. 1; i. 28). Шпионы сообщили, что об этих первых обитателях Палестины Амаликитяне жили в Южной земле; хеттеяне, иевусеи и аморреи жили в горах, а хананеи жили у моря и по берегам Иордана (Числ. xiii. 29). У

нас действительно есть перечисление семи народов, населявших Палестину в то время, и свидетельство их могущества: “Хеттеяне, гиргашиты, аморреи и хананеи, ферезеи, евеи и иевусеи, семь народов, более великих и могущественных, чем ты”. (Втор. vii. 1). В этих отрывках явно подразумевается, что народы, оккупировавшие Палестину до израильского вторжения, находились в высокоразвитом состоянии цивилизации. До недавнего времени мы знали о них мало или вообще ничего, кроме информации, которую давали эти отрывки из Священных Писаний; но теперь, наконец, завеса начинает приподниматься.

Хетты.

Поскольку в Ханаане было семь “наций”, а сама земля не больше Уэльса, долгое время предполагалось, что каждая из “наций” была всего лишь небольшим племенем и была слишком незначительной, чтобы иметь какое-либо значение в истории. Но недавно мы узнали, что если это и было правилом, то хетты были исключением из него. Это был великий народ или, возможно, великая конфедерация или империя, раскинувшаяся на обширной территории в северной Сирии и некоторых соседних странах. Их владычество простиралось более или менее на Малую Азию, а влияние их искусства и культуры достигло даже Греции. Их столицей был Кархемиш на Евфрате, место расположения которого было обнаружено несколько лет назад мистером Скене, английским консулом в Алеппо, и снова, два года спустя, мистером Джорджем Смитом, когда он возвращался из Ассирии. Сейчас это место называется Джераблус. Другим центром хеттского могущества был Кадеш на Оронте, город, который, по-видимому, упоминается в Библии, поскольку утверждается, что там, где Иоав и военачальники “пришли в землю Тахтим-ходши” (2 Цар. xxiv. 6), его следует переводить как “земля Кадеш Хеттов”, поскольку в то время это была северная граница царства Давида. Список мест в Палестине, завоеванных Тутмосом III и выгравированных на стенах его храма в Карнаке, включает название Кадеш. Он расположен там, где Оронт впадает в озеро Хомс (до сих пор называемое озером Кадеш), и был священным городом аморреев до того, как был завоеван хеттами около 1400 г. до н.э. [Преподобный Х. Г. Томкинс, в “Записях прошлого”. Новая серия, том v.] Таким образом, хетты располагались в регионе к северу от собственно Палестины; но, по-видимому, у них были колонии в стране, и именно эти изолированные поселения автор Библии причисляет к малым народам Ханаана. Когда Аврааму в Хевроне понадобился участок земли, чтобы похоронить свою жену Сарру, он купил его у Ефрона Хеттеянина; отсюда ясно, что на юге были хетты, владевшие землей. Судя по упоминанию Хеврона в связи с Зоаном в Числах xiii. 22, есть даже подозрение, что цари-пастухи, правившие в Зоане, были династией хеттов. Во всяком случае, хетты были могущественным народом, способным выстоять как против египтян, так и против ассирийцев, и делали это в регионе Кархемиш в течение тысячи лет.

Тутмос III, “египетский Александр”, который за двадцать лет провел тринадцать кампаний и сделал Египет центром истории, вторгся в Палестину и одержал победу при Мегиддо над царем Кадеша и его союзниками. “Они сломя голову бежали в Мегиддо, с ужасом на лицах, и оставили своих лошадей и свои золотые и серебряные колесницы, и были втянуты веревками к одежде в этот город, поскольку люди закрыли ворота упомянутого города из-за деяний царя”. “Несчастный царь Кадеша” и несчастный царь Мегиддо не спаслись бы таким образом, если бы египетские воины не прекратили преследование и не занялись грабежом. Фараон был вне себя. Однако воины захватили палатку несчастного короля, в которой был найден его сын. Затем они подняли крик радости и воздали почести Амону, владыке Фив, который даровал своему сыну Тутмосу победу. После этого соседние цари собрались вместе, чтобы поклониться фараону и

“испросить дыхания для своих ноздрей”. И затем пришли дети царей и преподнесли подарки из серебра, золота, голубых и зеленых камней; они принесли также пшеницу, и вино в мехах, и фрукты для воинов царя, поскольку каждый из китти [хеттов] позаботился о том, чтобы запастись такой провизией для своего возвращения домой. Тогда король простил иностранных принцев.

Каталог добычи включает 3401 живых пленника, 83 рабочих руки, 2041 кобылу, 191 жеребенка, 6 быков, одну колесницу, покрытую золотыми пластинами, царя ..., 892 колесницы его жалких воинов, один прекрасный железный доспех враждебного царя, один красивый железный доспех царя Мегиддо, 200 предметов снаряжения его жалких воинов, 602 лука, 7 шестов для палатки, покрытых золотыми пластинами, из шатра враждебного царя. Воины фараона также взяли в качестве добычи ... быков, ... коров, 2000 козлят и 20 500 белых коз.

Также приводится список лиц и вещей, которые фараон впоследствии унес как свою собственность, включая 39 знатных лиц, 87 детей враждебного царя и царей, союзных ему, 5 марин (лордов), 1596 мужчин и служанок, 105 человек, которые сдались из-за голода. Кроме этих пленников, были взяты драгоценные камни, золотые блюда и много другой утвари подобного рода, большой кувшин с двойной ручкой, 97 мечей весом 1784 фунта. золотых колец, которые были найдены в руках художников, 969 фунтов. из серебряных колец, одна статуя с золотой головой, 6 стульев и подставок для ног из слоновой кости и кедрового дерева, 6 больших столов из кедрового дерева, инкрустированных золотом и драгоценными камнями, один королевский посох, выполненный в виде скипетра, полностью из золота, один плуг, инкрустированный золотом, множество одежд врага и т.д., и т.п.

Эти каталоги позволяют нам составить некоторое представление о степени совершенства в искусстве и утонченности, которых достигли в Северной Палестине и Сирии до израильского вторжения. Приводятся также списки завоеванных городов и народов, которых заставили подчиниться. Отмечая это, Бругш справедливо говорит, что наивысшую важность каталогу придает неоспоримый факт, что более чем за триста лет до прихода евреев в землю Ханаан в Палестине существовала великая лига народов той же расы при маленьких царях, которые жили в тех же городах и крепостях, о которых мы находим упоминания на памятниках, и которые по большей части попали в руки еврейских иммигрантов в результате завоевания. Среди них царь Кадеша, что на Оронте, в земле аморреев, — как прямо говорится в надписях — играл первую роль, поскольку ему, как их главному вождю, повиновались все цари и их народы от египетских вод (которые совпадают с библейским ручьем, протекавшим по границе Египта) до рек Нахараин, впоследствии названных Месопотамией.

После смерти Тутмоса III. хетты восстановили свою независимость, и их значение росло год от года таким образом, что даже в египетских надписях имена их царей упоминаются на видном месте и о их богах говорится с благоговением. Сети I. взойдя на трон Египта примерно через два столетия после смерти Тутмоса, и с ним возродился воинственный дух Египта. Сети отбросил сирийцев, вторгшихся на его границу, и преследовал их до Финикии, где он с большой резней сверг “царей земли Финикии”. Вероятно, он подозревал хеттов в пособничестве своим врагам, поскольку после свержения финикийцев он двинулся на Кадеш, провозглашенный “мстителем за нарушенные договоры”. Сцена битвы изображена на северной стороне великого храма в Карнаке, где изображен фараон, повергший на землю хеттов и убивший их принцев.

Рамзес II. сначала был связан со своим отцом на троне, а затем наследовал ему. Великая битва его правления произошла против хеттов при Кадесе и была событием первостепенной

важности. Царь хеттов собрал свои войска из самых отдаленных уголков своей империи, и ему помогали союзники и сатрапы от Месопотамии до Мизии и от Арвада на море. Египетское наступление шло вдоль береговой линии, через Иоппию, Тир, Сидон и Бейрут. На утесе у Собачьей реки Рамсес вырезал свои барельефы, а затем, по-видимому, двинулся вверх по долине Элевтерии. Приведя свою армию к Кадешу, произошло великое сражение, в котором египтяне объявили себя победителями; но в какой-то момент сражения фараон был окружен и подвергся величайшей опасности, и по окончании сражения был подписан договор как между равными.

На большом храме в Ибсамбуле есть изображение битвы при Кадесе, девятнадцать ярдов в длину и более восьми ярдов в глубину. В этой грандиозной батальной сцене насчитывается тысяча сто фигур, и среди них нетрудно узнать стройных египтян и их союзников-сардонян в рогатых шлемах с гребнем и длинными мечами, щитами и копьями. “Воинства хеттов и их союзников также изображены” (говорит Бругш) “с живой живописной экспрессией, поскольку художник руководствовался намерением представить перед глазами зрителя упорядоченные массы хеттских воинов и менее регулярные и воинственные войска союзных народов в соответствии с их костюмом и вооружением. Хананеи самым поразительным образом отличаются от союзников, неизвестных нам рас, которые носят головные уборы, похожие на тюрбаны, или высокие шапки, подобные тем, которые в наши дни носят персы”. Кондер также отмечает, что одна раса бородатая, другая безбородая, и что эта картина сражения дает нам наиболее живые изображения хеттских воинов на их колесницах, а также их города, окруженного стенами и башнями, с написанным над ним названием и мостами через Оронт. У хеттов длинные косички, и их китайская внешность очень примечательна.

Хетты (Абу-симбел).

(С разрешения господ К. Филипа и Сына.)

Пентаур из Фив, египетский поэт-лауреат, сопровождал Рамзеса в этой экспедиции и прославил достижения того времени в стихотворении, которое дошло до нас в нескольких изданиях. Оно встречается на свитке папируса и снова в сочетании с великолепными батальными сценами на стенах храмов в Абидосе, Луксоре, Карнаке и Ибсамбуле.

Эта призовая поэма Пентаура была написана три тысячи двести лет назад и является старейшей героической поэмой в мире. “На него можно положиться, - говорит доктор Райт, - как на самый ранний образец специальной военной корреспонденции”. Помимо этого повествования, есть простой прозаический отчет о том же сражении, за которым следует копия мирного договора, установившего наступательный и оборонительный союз между империей хеттов и Египтом.

Я привожу здесь несколько эпизодов из призовой поэмы “Пентаур”, написанной через два года после битвы при Кадесе. Читая между строк хвастливых иероглифов, становится ясно, что хетты, должно быть, сохранили свои позиции в битве, поскольку их царь, который в начале битвы был “мерзким царем хеттов” и “жалким царем хеттов”, к концу битвы становится “великим царем хеттов”.

Согласно Пентауру, хетты и их союзники покрывали горы и долины подобно кузнечикам, и такого множества никогда прежде не видели.... Фараон был молод и смел, он схватил свое оружие, вооружил свой народ и свои колесницы и двинулся в сторону земли хеттов.... Были пойманы арабские шпионы, которые сообщили фараону, что хеттская армия находится в окрестностях Алеппо; но “несчастный царь хеттов” все это время находился в засаде со своими союзниками к северо-западу от Кадеша. Они восстали и застали египтян врасплох. Отступление фараона было отрезано. В этот критический момент он помолился своему богу и отцу Амону, и ему была оказана помощь в совершении чудес доблести. Он метал дротики правой рукой и сражался левой; две тысячи триста коней были разбиты вдребезги, и сердца хеттов замерли у них в груди. Царь хеттов послал восемь своих братьев-царей с вооруженными колесницами против фараона; но шесть раз он нападал на нечистых негодяев, которые не признавали его бога; он убивал их, никто не спасался. Фараон упрекнул своих никчемных воинов, которые бросили его сражаться в одиночку, и пообещал, что по возвращении в Египет он позаботится о том, чтобы кормили его пару лошадей, которые не бросили его в беде.

Битва возобновилась на следующее утро и носила ожесточенный характер против хеттов. Тогда враждебный царь послал гонца просить мира и сказать, что египтяне и хетты должны быть братьями. Фараон собрал своих воинов, чтобы выслушать послание “великого царя хеттов”, и, следуя их совету, заключил мир и вернулся в Египет в безмятежном настроении.

На внешней стене Карнакского храма мы находим надпись о мирном договоре, который был заключен по этому или более позднему поводу, и условия заключенного наступательного и оборонительного союза. Рассказывают, что Хета-сира, царь хеттов, прислал двух герольдов с серебряной табличкой, на которой был выгравирован договор. Договор заключен между великим герцогом Хеты, Хета-сирой, могущественным, и Рамсесом, великим правителем Египта, могущественным. Это мероприятие санкционировано Солнцем и Сутехом, главными богами Египта и Хеты соответственно. Должен быть вечный мир и доброе братство — он будет брататься со мной, а я буду брататься с ним. Великий герцог Хета не должен вечно вторгаться в землю

Египта, чтобы что-либо уносить из нее, и Рамессу-Мериамен, великий правитель Египта, не должен вечно вторгаться в землю Хета, чтобы что-либо уносить из нее. Если в Египет вторгнется какой-нибудь другой враг и фараон пошлет в Хету за помощью, великий князь должен отправиться туда или, по крайней мере, послать свою пехоту и кавалерию; и он, конечно, должен искать ответной помощи. Если эмигранты или беглецы переходят из одной страны в другую, они не должны искать службы или расположения, а должны быть выданы; тем не менее, когда их забирают обратно, они не должны подвергаться наказанию как преступники. В поддержку положений договора его участники призывают “тысячу богов земли Хета совместно с тысячей богов земли Египет”. Всякий, кто не будет соблюдать положения договора, боги будут против его дома, семьи и слуг; но тому, кто будет их соблюдать, боги даруют здоровье и жизнь — его семье, ему самому и его слугам.

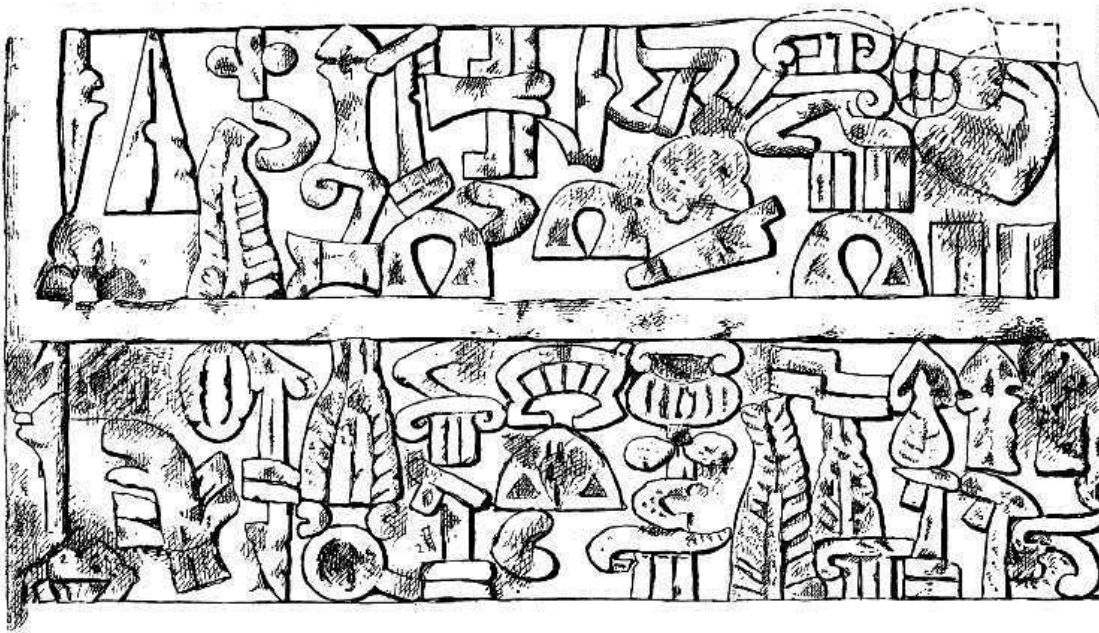
“В такой форме, — говорит Бругш, - были заключены мир и дружба в Рамзесе, городе в Нижнем Египте, между двумя самыми могущественными нациями мира того времени - Хета на востоке и Кеми (Египет) на западе”.

После заключения этого договора у нас сложился счастливый династический союз. Хета-сира, великий царь хеттов, появился в Египте в хеттском костюме в сопровождении своей прекрасной дочери, и фараон сделал эту принцессу своей царицей. Мемориальная доска в Ибсамбуле говорит об этом как о великом, непостижимом чуде — “она сама не знала, какое впечатление произвела на твое сердце ее красота”, — и мы можем справедливо заключить, что ее влияние способствовало международной дружбе, которая длилась до тех пор, пока был жив Рамзес. Мы не знаем родного имени хеттской принцессы, но имя, данное ей при замужестве, было Ур-Маа-Ноферу Ра.

Поскольку стало очевидно, что хетты были великим народом, а не мелким местным племенем вроде ефеев или ферезеев, ученые, естественно, снова обратились к библейским ссылкам, чтобы понять, что они на самом деле подразумевают. При тщательном изучении библейских отрывков становится ясно, что все они согласуются с идеей о том, что еврейские авторы были хорошо знакомы с силой и величием хеттов. Их величие нигде не отрицается; напротив, есть некоторые отрывки, которые, кажется, прямо подразумевают это. Когда Соломон импортировал лошадей и колесницы из Египта, он продавал их царям Сирии и “всем царям Хеттов” (2 Паралипоменон, i. 16). Опять же, когда Бен-Хадад, царь Сирии, осаждал Самарю, и сирийцы были охвачены паникой, полагая, что они слышали “шум колесниц и топот лошадей, даже шум большого войска”, какие народы, по их мнению, были единственными, кто мог послать в поле большое войско с лошадьми и колесницами? Они сказали друг другу: “Вот, царь Израильский нанял против нас царей хеттских и царей египетских” (2 Царств vii. 6). Далее — возьмем пример, более близкий к эпохе Рамсеса II. — когда Моисею и Иисусу Навину обещано будущее обширное наследие Израиля, описание звучит так: “От пустыни и этого Ливана до великой реки Евфрат, всей земли Хеттов и до великого моря к заходу солнца” — слова, которые считались живописным преувеличением, но которые теперь можно рассматривать как буквально точные (Втор. xi. 24; Джош. i. 4).

Благодаря исследованиям мы теперь знакомимся с хеттскими произведениями искусства и надписями на хеттском языке; в то время как, как уже говорилось, у нас есть портреты египетских солдат на стене храма в Ибсамбуле.

Путешественник Буркхардт, возможно, был первым, кто обнаружил и описал хеттскую надпись. Он рассказывает о камне, который он видел в стене города Хамат, покрытом иероглифами, отличающимися от египетских. В то время открытие не принесло результатов, но когда в 1870 году этот камень вместе с четырьмя другими был снова замечен американским гостем мистером Дж. А. Джонсоном, интерес начал пробуждаться. Подобные камни были найдены в Кархемише, в Алеппо и в различных частях Малой Азии. Некоторые из них были переданы в Константинопольский музей, некоторые находятся в Британском музее, а некоторые надписи на скалах остались несменяемыми. Очень хорошая коллекция иллюстративных табличек прилагается к доктору У.М. “Империя хеттов” Райта. Хеттские иероглифы пока не поддаются расшифровке, хотя можно сказать, что доктор А. Х. Сэйс и майор Кондер положили многообещающее начало. Расследованию немного помогла короткая надпись хеттскими и клинописными знаками, выгравированная на выпуклой серебряной пластинке, которая выглядела как набалдашник посоха или кинжала и известна как босс Таркондемоса. Вероятно, нам придется подождать открытия какой-нибудь более длинной двуязычной надписи, прежде чем можно будет добиться значительного прогресса. Между тем майор Кондер находит много оснований полагать, что родство хеттов и их языка было монгольским. Надписи, конечно, являются настоящей загадкой для азиатских народов, в районах которых они найдены, и они приписывают некоторым из них магические свойства. Конкретный камень, изображенный выше, был очень эффективен при люмбаго: человеку достаточно было прислониться к нему спиной, и он полностью излечивался.

Надпись на Хамате (хеттский).

(Специально нарисовано У. Гарри Райлендсом, Ф.С.А.)

Мы кое-что знаем о религии хеттов из их обращения к богам в договоре с Рамзесом II. Они обожали солнце и луну, горы, реки, облака и море. Но их главным божеством был Сутех, “царь небес, защитник этого договора”, которого Бругш считал разновидностью Ваала, но который, более вероятно, был связан с Сетом или Дагоном. Мы не можем предположить, что их

богослужение было чище, чем у окружающих их народов; но, возможно, оно не было менее чистым, а их жизнь - менее нравственной. Обращение к Царю Небесному с просьбой защитить международный договор достойно восхищения, насколько это возможно. На какую высоту они иногда могли подняться в своих представлениях о долге, приятно показать, если, насколько это возможно, приписать им этот прекрасный отрывок из Книги Михея vi. 8— “Чего требует от тебя Господь, как не поступать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить пред Богом твоим”. Пророк цитирует это высказывание Валаама и приводит его как ответ Валаама на вопрос Валака, царя Моавитского, который послал за ним, чтобы проклясть Израиль. Состоялся разговор, который можно изложить следующим образом: —

Царь— С чем мне предстать перед Господом и склониться перед высшим Богом? Должен ли я предстать перед ним со всесожжениями, с годовалыми телятами?

Пророк— Будет ли доволен Господь тысячами баранов или десятью тысячами рек масла?

Царь— Должен ли я отдать моего первенца за мое преступление, плод моего тела за грех моей души?

Пророк— Он показал тебе, о человек, что такое добро; и чего требует от тебя Господь, кроме как поступать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить перед твоим Богом?^[2]

В Книге Чисел мы находим, что за Валаамом послали из другой страны, и он пришел из города Петор. Итак, в Карнакском храме Тутмос III приводит список двух ста восемнадцати городов в Сирии и Араме, которые, по его утверждению, он завоевал, и среди них мы находим Петор. Это был город в верховьях Евфрата, недалеко от Кархемиша, и поэтому находился в пределах хеттского владычества. Таким образом, Валаама можно рассматривать как хеттеянина или принадлежащего к хеттской конфедерации,^[3] и поскольку цитируемый текст показывает его представление о Божественных требованиях, это указывает на стандарт долга, к которому пришли некоторые из этого народа.

Наскальные надписи доказывают, что хетты обладали письменностью, и об этом дополнительно свидетельствует выгравированный ими договор, отправленный Рамсесу II. У них, по-видимому, даже была литература, поскольку египетские летописи упоминают некоего Хилп-сиру как автора книг среди хеттов. Один из их городов на юге Палестины назывался Кириат-Сефер, или Город Книг, так что это место, должно быть, было известно какими-то письменами.

Тот факт, что копия договора, отправленная Рамсесу, была выгравирована на серебряной пластинке с изображением бога Сутеха посередине, показывает, что хетты тоже были артистичным народом. На самом деле их цивилизация была далеко развитой. “У них были города, обнесенные стенами, чеканные изделия из металла, колесницы и лошади, искусные ремесленники. Они умели вырезать на камне и могли писать иероглифическими знаками. Всей этой замечательной культурой они обладали в то время, когда Израиль еще едва ли был нацией. Таким образом, библейский рассказ о захвате Ханаана Иисусом Навином полностью подтверждается монументальными свидетельствами”.^[4]

[*Авторитеты и источники:*—“История Египта при фараонах”. Генри Бругш-Бей. “Империя хеттов”. Уильяма Райта, доктора философии “Хетты: история забытой империи”. А. Х. Сэйс, доктор права. “Труды Общества библейской археологии”.]

5. Семиты в Египте до начала угнетения.

Если, как кажется вероятным, фараоном Иосифа был Апепи, последний из царей-пастухов, а фараоном Угнетения был Рамзес II, третий царь девятнадцатой династии, то между Иосифом и “новым царем, который не знал Иосифа” проходит почти три столетия. Этот период кажется слишком долгим, чтобы выражение “новый царь” казалось естественным, в то же время более короткий период вряд ли оставил бы место для размножения потомков Иакова и превращения их в опасность для Египта. Это недоумение рассеивается недавним открытием древних писем под обширными руинами Телль-эль-Амарны в Верхнем Египте — места примерно на полпути между Минихом и Сиутом, на восточном берегу Нила. Из этих документов явствует, что семиты были в большом фаворе у Аменхотепа IV. (Аменофис), последний царь восемнадцатой династии, тогда как новая династия, пришедшая на смену, ненавидела это иностранное влияние.

Во второй половине правления восемнадцатой династии между Египтом и Митанни, или Нахриной, царили дружественные отношения (Арам Нахараим, Судьи iii. 8), месопотамский район, лежавший напротив хеттского города Кархемиш. Аменофис III. женился на женщине из царского дома Митанни; и отпрыск этого брака — Аменофис IV. — в свою очередь женился на Тадухепе, дочери Дуйсратты, митаннийского царя. Таким образом, его вдвойне привлекло благосклонное отношение к митаннийской форме веры, которая, как и у семитов, включала поклонение крылатому солнечному диску. Тем временем египетское завоевание Палестины, мелкие короли и губернаторы которой теперь правили как сатрапы египетского монарха, проложило путь чужеземцам из Ханаана и Сирии к завоеванию благосклонности при дворе фараона. Аменофис IV. окружил себя семитскими офицерами и придворными, оскорбив таким образом египетскую знать; и, отказавшись от древней религии своей страны, привел к разрыву с могущественным жречеством Фив. Вынужденный уйти, “король-еретик” построил новую столицу на краю пустыни к северу. Здесь он принял имя Ху-эн-Атон, “слава солнечного диска”, в то время как его архитекторы и скульпторы посвятили новый и своеобразный стиль искусства новой религии, и даже гончары украсили вазы, которые они вылепили, новыми цветами и узорами.

“Архивы империи были перенесены из Фив в новую резиденцию царя и хранились там в царском дворце, который стоял среди садов на северной оконечности города. Но существование и процветание столицы Ху-эн-Атона были недолгими. Когда король умер, он оставил после себя только дочерей, мужа которых унаследовали королевскую власть. Их правление длилось недолго, и даже возможно, что несколькими из них пришлось разделить свою власть с другим принцем. В любом случае, прошло совсем немного времени, прежде чем правители и народ вернулись на старые пути. Вера, которую пытался внедрить Ху-эн-Атон, осталась без приверженцев, чужеземцы-азиаты, которых он и его отец продвигали на высокие государственные посты, были отстранены от власти, а новая столица опустела и больше никогда не будет заселена. Великий храм солнечного диска пришел в упадок, как и царский дворец, а архивы Ху-эн-Атона были погребены под руинами помещения, в котором они хранились”.

Именно эти архивы теперь стали достоянием общественности и предоставляют такую экстраординарную информацию о состоянии Египта и Палестины в столетие,

предшествовавшее Угнетению. Зимой 1887 года египетские феллахи, разыскивая азотистую землю для удобрения своих полей, обнаружили около трехсот древних табличек, исписанных вавилонской клинописью. Таблички представляют собой копии писем и депеш от царей и наместников Вавилонии и Ассирии, Сирии, Месопотамии и Восточной Каппадокии, Финикии и Палестины, в которых они обменивались информацией с египетским фараоном или делали отчеты о состоянии страны, которой они управляли. Среди корреспондентов египетских государей были ассирийский Ассуринбаллид и вавилонский Бурнабурьяс, которые, таким образом, датируют Ху-эн-Атон примерно 1430 годом до н.э. Это, кстати, показывает, что египтологи были совершенно правы, не относя Исход к более раннему периоду, чем 1320 год до н.э., то есть к правлению Менефтах, сына и преемника Рамзеса II.

На момент написания депеш в Палестине и Финикии находились египетские гарнизоны, и их делами более или менее руководили египетские губернаторы. Но в некоторых случаях туземному принцу разрешалось сохранить свой титул и часть своей власти. Таким образом, Иерусалимом (который тогда назывался Уру-Салим — как предполагается, резиденцией или оракулом бога Салима, храм которого стоял на горе Мориа) правил Эбед-тоб. Он, по-видимому, был скорее священником, чем царем, поскольку он говорит нам, что был назначен оракулом бога; и в этом случае государство, которым он руководил, было бы Теократией. Доктор Сэйс считает, что таким образом проливается неожиданный свет на личность и положение Мелхиседека. Он был жрецом Эль-Элиона, “Всевышнего Бога”, и королем только в силу своего священнического сана. Поэтому его отец не назван. [“Записи прошлого”. Новая серия, том v.] Пока еще не было никаких признаков прихода израильтян в эту землю. Но ханаанейскому населению уже угрожал враг с севера. Это были хетты, о которых упоминается в нескольких донесениях из Сирии и Финикии. После ослабления египетской власти в результате религиозных смут, последовавших за смертью Хуан-эн-Атона, хетты получили возможность завершить свои завоевания на юге и вбить клин между семитами Востока и Запада. С возрождением египетской империи при правителях девятнадцатой династии направление завоеваний хеттов на юг было остановлено; но войны Рамсеса II против хеттов из Кадеша на Оронте опустошили Ханаан и подготовили почву для вторжения израильтян. Финикия, по-видимому, была самой дальней точкой на севере, до которой простиралось прямое управление Египтом. Во всяком случае, письма, которые приходили к египетскому монарху из Сирии и Месопотамии, были отправлены ему принцами, называвшими себя его “братьями”, а не чиновниками, которые были “слугами” царя.

Удивительно обнаружить, что в пятнадцатом веке до нашей эры активные литературные контакты велись по всему цивилизованному миру Западной Азии, между Вавилонией и Египтом, а также небольшими государствами Палестины, Сирии, Месопотамии и даже Восточной Каппадокии. И это общение осуществлялось с помощью вавилонского языка и сложной вавилонской письменности. Это подразумевает, что по всему цивилизованному Востоку существовали библиотеки и школы, где преподавались вавилонский язык и литература. Фактически, вавилонский был таким же языком дипломатии и культурного общества, каким французский был в наше время, с той разницей, что, хотя для чтения по-французски не требуется много времени, клинописная слоговая азбука потребовала многих лет упорного труда и внимания, прежде чем ее можно было усвоить. Несомненно, это было вавилонское завоевание. Фактически, мистер Тео Г. Пинчес теперь находит из текста, относящегося примерно к 2115-2090 годам до н.э., что Анимисутана, царь Вавилона в то время, был также царем Финикии среди других мест. [Новая серия “Записей прошлого”, том v.]

Один из фактов, который наиболее четко вытекает из изучения табличек, заключается в том, что семитский язык был не только средством литературного общения между египетским фараоном и его чиновниками за границей, но и в том, что семиты занимали высокие и ответственные посты при самом египетском дворе. Таким образом, мы находим Дуду, или Давида, к которому его сын обращается “мой господин” и который, по-видимому, стоит рядом с монархом; и в Национальной коллекции Египта есть письма, написанные чиновниками не только с египетскими именами, такими как Хапи или Хапи (Апис), но и с такими семитскими именами, как Риб-Адду, Саму-Адду, Бу-Даду (библейский Бедад) и Милкили (библейский Малхиил). Таким образом, поток света проливается на период египетской истории, представляющий большой интерес для изучающих Ветхий Завет. Несмотря на скрытность египетских памятников, теперь мы можем видеть, в чем заключался смысл попытки Аменофиса IV. вытеснить религию предков Египта. Король был азиатом во всех отношениях. Его мать, которая, по-видимому, была женщиной с сильным характером, способной управлять не только своим сыном, но даже своим менее сговорчивым мужем, происходила из региона Евфрата и принесла со своими азиатскими последователями азиатские идеи и азиатскую форму веры. Суд стал семитизированным. Фавориты и чиновники фараона, его офицеры на местах, его корреспонденты за границей носили имена, которые указывали на их ханаанское и даже израильское происхождение. Если Иосиф и его братья в прежние времена пользовались благосклонностью гиксосских князей, то их потомки, вероятно, найдут такое же благоволение при дворе “царя-еретика”.

Поэтому нам не нужно удивляться, если Аменхотеп IV. оказался вынужден покинуть Фивы. Старая аристократия могла бы потворствовать его религиозной ереси, но она не могла смириться с тем, что он заменил их иностранными фаворитами. Возвышение девятнадцатой династии знаменует успешную реакцию коренных египтян на засилье семитов в последние дни правления восемнадцатой династии. Не основатель восемнадцатой династии (Ахмес, изгнавший гиксосов), а основатель девятнадцатой династии был “новым царем, который не знал Иосифа”. С тех пор, как прогресс египтологии дал понять, что Рамсес II. если бы он был фараоном Угнетения, было бы трудно понять, как такой длительный промежуток времени, как весь период восемнадцатой династии, мог лежать между ним и этим “новым царем”, за возвышением которого, по-видимому, почти сразу последовали порабощение и угнетение евреев. Если Ахмес начал Угнетение, как получилось, что целая династия скончалась до того, как израильтяне возопили? Таблички Телль-эль-Амарны теперь показывают, что трудности не существуют. До смерти Ху-эн-Атона семит имел большее влияние, чем туземец в стране Мицраим.

Насколько высокообразованным был этот старый мир, мы только начинаем узнавать. Но мы уже узнали достаточно, чтобы понять, какое важное значение это имеет для критики Ветхого Завета. Критическая школа долгое время молчаливо предполагала, что искусство письма было практически неизвестно в Палестине до эпохи Давида. Утверждалось, что ранним записям еврейского народа нельзя доверять с исторической точки зрения, поскольку они не могли быть посвящены написанию до того периода, когда история прошлого стала традиционной и мифической. Но это предположение больше нельзя поддерживать. Задолго до Исхода в Ханаане были свои библиотеки и свои писцы, свои школы и литераторы. Правда, летописи страны не были начертаны буквами финикийского алфавита на тленном папирусе; материалом для письма служила нетленная глина, а иероглифы были слоговыми клинописными. Хотя

Кириат-Сефер (*т. е.* Город-Книга) был разрушен израильянами, другие города, упомянутые в табличках Телль-эль-Амарны, такие как Газа, или Гат, или Тир, остались независимыми, и мы не можем представить, что старые традиции культуры и письменности были забыты в каком-либо из них. В том, что, по утверждению критической школы, является древнейшей реликвией еврейской литературы, в "Песне Деворы", упоминается о писцах Завулоне, "которые держат перо писца" (Судьи, ст. 14); и теперь у нас больше нет причин интерпретировать слова в неестественном смысле и превращать писца в военного командира (офицера, который выстраивает людей в ряд вместо того, чтобы расставлять буквы и слова). Только вполне вероятно, что переписчики все еще пользовались клинописной слоговой азбукой, а не финикийским алфавитом. Во всяком случае, таблички Телль-эль-Амарны опровергли основной фундамент, на котором была построена большая часть этой критики, и доказали, что население Палестины, среди которого поселились израильяне и чью культуру они унаследовали, было таким же литературным, как жители Египта или Вавилонии.

Но помимо таких побочных эффектов, как эти, на древнюю историю, открытие табличек Телль-эль-Амарны содержит для нас урок, представляющий огромный интерес. Коллекция не может быть единственной в своем роде. В других местах, в Палестине и Сирии, а также в Египте, подобные коллекции, должно быть, все еще лежат под землей. Обожженная глина не повреждается от дождя и влаги, и даже климат Палестины сохранил в целости ее глиняные библиотеки. Такие библиотеки, должно быть, все еще ждут своей очереди на раскопки в таких местах, как Газа, или в других, чьи останки похоронены под высокими курганами Южной Иудеи. Кириджат-Сефер, должно быть, был резиденцией знаменитой библиотеки, состоящей в основном, если не полностью, из глиняных табличек, исписанных клинописными знаками. Поскольку город также носил название Дебир, или "Святынище", мы можем заключить, что таблички хранились в его главном храме, подобно библиотекам Ассирии и Вавилонии. Когда эти реликвии прошлого будут извлечены из—под земли—а это произойдет, если их как следует поискать, - мы узнаем, как жил народ Ханаана во времена Патриархов и как их еврейские завоеватели утвердились среди них в те дни, когда в Израиле еще не было царя.

[Информация, содержащаяся в этом разделе, почерпнута почти исключительно из трудов доктора А. Х. Сэйса, который принимал главное участие в расшифровке надписей Телль-эль-Амарны в Англии. Смотрите "Proc. Soc. Bib. Свод". "Записи прошлого". Новая серия, тома ii, iii, iv и v.; "Ежегодное обращение Института Виктории, 1889". Смотрите дополнительные факты в "Современном обзоре", декабрь 1890 г., и мнения в "Бубастисе" Навилла. О более поздних раскопках в Телль-эль-Амарне, проведенных мистером Флиндерсом Петри, см. В Академии, 9 апреля 1892 года. Предположение Кондера о том, что таблички написаны финикийским или аморейским языком и письменностью того времени, см. в *Ежеквартальном отчете* за июль 1891 г.]

6. Израиль в Египте.

Мы видели, насколько хорошо общие политические обстоятельства в Египте и Палестине за столетия до Исхода дополняют библейское повествование, объясняя, с одной стороны, почему израильяне подвергались угнетению, а с другой - показывая, как Ханаан был подготовлен к их легкому завоеванию. Но в то время как тот факт, что Рамсес II. был фараоном, для которого Израиль построил "города-сокровища", демонстрируется вне всяких разумных противоречий, примечательно, что в надписях ничего не говорится об израильянах. Мы должны

предположить, как и Бругш, что пленники были включены в общее название иностранцев, о которых документы упоминают очень часто. Несомненно, было бы удовлетворительно найти на каком-нибудь современном египетском памятнике упоминание о прибытии Иакова, или о задачах, возложенных на израильтян, или об уничтожении войска фараона в Красном море. Но египтяне не привыкли записывать свои поражения, а что касается трудов, налагаемых на израильтян, то в случае с пленными они были чем-то само собой разумеющимся.

За исключением прямых упоминаний, египетские памятники и летописи дают достаточное подтверждение библейскому рассказу об этом Пребывании. Ссылки Священного Писания на египетские манеры и обычаи во всех отношениях точны; и эта абсолютная точность могла быть результатом только реального контакта и близкого знакомства.

Библейская история Авраама подразумевает, что, когда он посетил Египет, гонимый туда голодом, в этой стране уже существовало устойчивое правительство, был царь и князья, которые действовали как подчиненные царя. Это требует от нас верить, что царя звали фараоном или каким-то именем или титулом, которые передавали это звучание еврейским ушам. И далее, предполагается, что Египет был настолько плодородным и процветающим, что служил житницей для окружающих народов в годы голода. По всем этим пунктам Библия согласуется с тем, что мы узнаем из других источников.

Опять же, согласно Книге Бытия xii. 12, Аврам боялся за Сару, свою жену, чтобы египтяне не отняли ее у него и не убили его, чтобы сделать процесс более безопасным. Иногда ставилась под сомнение возможность подобного поступка со стороны такого цивилизованного народа, как египтяне, но М. Шабас обратил внимание на папирус, в котором фактически говорится, что жена и дети иностранца по праву являются законной собственностью короля. Также в “Повести о двух братьях” — египетском романе времен Сети II. — нам рассказывается, что царь Египта послал две армии, чтобы привести к нему красивую женщину и убить ее мужа.

В этой же истории о двух братьях жена старшего добывается любви младшего почти точно так же, как жена Потифара искушает Иосифа. Вся история Иосифа полностью согласуется с тем, что мы узнаем о Египте из ее собственных записей. Внешние подробности жизни, придворные, торговля рабами, поездки за зерном - все это изображено на стенах храма и каменных плитах. Ни одна черта в библейском повествовании не противоречит тому, что мы знаем об этой стране из других источников. “Потифар”, по-видимому, хорошее египетское имя, и египтологи указали, что его вероятный эквивалент в иероглифах означает “Посвященный богу Солнца”. Новое имя Иосифа, Цафнаф-паанеах, означает “Хранилище дома Жизни”, и было дано ему, когда он поступил на службу к фараону, точно так же, как новое имя было дано хеттской принцессе, когда она стала женой фараона. Абсолютная власть короля в изобилии подтверждается Геродотом, Диодором и другими. Он издавал законы, вводил налоги, вершил правосудие, казнил и миловал правонарушителей по своему усмотрению. У него был телохранитель, которого постоянно можно увидеть на скульптурах, который внимательно следил за его персоной. Ему помогал в управлении государственными делами совет, состоящий из наиболее способных и выдающихся членов жреческого ордена. Его двор был великолепен и состоял из различных высокопоставленных чиновников, чьи гробницы являются одними из самых великолепных ранних памятников египетского искусства. Когда он покидал свой дворец по какой-либо причине, он неизменно ехал в колеснице. Его подданные, где бы он ни появлялся, кланялись

или падали ниц.[5] Цивилизация египтян, даже в период, задолго до пребывания израильтян, включала в себя практику письма, разделение на классы или касты, особое достоинство священников, практику бальзамирования захоронения в деревянных гробах или футлярах для мумий, изготовление и использование льняной одежды, ношение золотых цепей и почти все остальные моменты, которые можно отметить в библейском описании.

В книге Бытия xl. 20 фараон устроил пир в свой день рождения, и главный дворецкий, вернув себе расположение, передал чашу в руки фараону. Из Розеттского камня мы знаем, что еще во времена правления Птолемея Епифана было принято устраивать великое ликование в день рождения короля, считать его святым и не заниматься с ним никакой работой. То, что это должен был быть день, когда помилование было даровано в качестве акта милосердия, более чем вероятно. Кубки, из которых король пил вино, изображены на памятниках; корзины, в которых пекарь носил свою выпечку, используются даже по сей день, и их можно увидеть в Британском музее. Прежде чем предстать перед царем, Иосиф побрился и сменил одежду: и здесь памятники и мирская история снова служат нам иллюстрациями. Египтяне позволяли своим волосам расти только во время траура, и пренебрегать волосами считалось очень неряшливым и грязным. Когда нужно было изобразить человека низкого положения, художник всегда рисовал его с бородой. В Британском музее хранятся египетские бритвы различных форм; а в гробнице в Бени-Хассане действительно изображен процесс бритья.

Что касается семи лет голода, то верно, что Египет пострадал от этого в меньшей степени, чем окружающие страны; и все же, когда уровень разлива Нила опустился ниже среднего, он был подвержен этому бедствию. История рассказывает о многочисленных случаях, когда жители ужасно страдали от нужды, и несколько случаев голода даже упоминаются на памятниках. Профессор Роулинсон отсылает нас к случаю, который проводит близкую параллель с голодом Иосифа. В 1064 году в Египте начался голод, который длился семь лет и был настолько сильным, что были съедены собаки, кошки и даже человеческое мясо; почти все лошади халифа погибли, и его семье пришлось бежать в Сирию.

Когда Иаков отправится в Египет, ему советуют сказать фараону, что он и его сыновья - пастухи крупного рогатого скота, чтобы им была передана земля Гесем, поскольку пастухи являются мерзостью для египтян. Презрение египтян к пастухам ясно видно на памятниках, где они обычно изображаются грязными и небритыми, а иногда даже карикатурно изображаются как уродливая и неприличная раса. Когда Джейкоб умирает, врачи бальмируют его тело, на это уходит сорок дней, а семьдесят дней проводится в трауре. Методы бальзамирования описаны Геродотом и Диодором, и утверждается, что при подготовке тела в соответствии с первым методом операторы начинали с извлечения мозга и заливки в него определенных лекарств. Затем они сделали надрез на боку тела острым эфиопским камнем и вытащили кишки, наполнив полость порошком из чистой мирры, кассии и других благоухающих веществ и зашив отверстие. Сделав это, они посолили тело, "выдержав его в натроне в течение семидесяти дней", после чего вымыли и завернули в ленты из тонкого льна, смазанные с внутренней стороны камедью. Отмечая количество дней, семьдесят или семьдесят два, упомянутое двумя историками, сэр Гарднер Уилкинсон говорит, что есть основания полагать, что оно охватывало весь период траура и что процесс бальзамирования занимал лишь часть его.

Впоследствии, после погребения своего отца, умер сам Иосиф, и его тело также было забальзамировано. Несколько позже появился царь, который не знал Иосифа. Обычно

предполагается, что этим монархом был Рамзес II., и если идентификация была правильной, указания на его характер, предоставляемые Книгой Исход, в точности согласуются с тем, что памятники сообщают об этом надменном угнетателе; но, как уже говорилось, речь, вероятно, идет о Рамзесе I. Рабство израильтян было такого рода, к которому египтяне низводили все враждебные или покоренные народы. Тутмос III во время своих многочисленных кампаний привозил в Египет бесчисленное количество пленников всех рас и заставлял их работать, как каторжников, на общественных работах под надзором архитекторов и надзирателей. На стенах камеры в гробнице в Фивах есть очень поучительное живописное изображение такого принудительного труда, и азиатские лица рабочих сильно напоминают лица представителей еврейской расы. Дата слишком ранняя, и мы можем предположить, что они принадлежат к какому-то другому народу семитской семьи; но, тем не менее, картина показывает метод работы под руководством надсмотрщиков. Одни носят воду в кувшинах из стоящего рядом резервуара; другие месят и режут суглинистую землю; третьи, опять же, с помощью деревянной формы делают кирпичи или аккуратно укладывают их длинными рядами для просушки; в то время как более сообразительные из них выполняют работу по возведению стен. Иероглифические пояснения сообщают, что рабочие являются пленниками, которых Тутмос III. увез для строительства храма своего отца Амона. Они объясняют, что обжиг кирпичей - это работа для нового здания продовольственного склада бога Амона в Апете (восточная сторона Фив), и, наконец, заявляют о строгом надзоре управляющего за иностранцами. Слова таковы: (Здесь видны) заключенные, которых увели живыми в очень большом количестве; они работают на строительстве активными руками; их надзиратели появляются на виду, они яростно настаивают, подчиняясь приказам великого искусного лорда [главного архитектора], который предписывает им работы и дает указания мастерам; (они вознаграждены) вином и всевозможными вкусными блюдами; они выполняют свою службу с умом, полным любви к королю; они строят для Тутмоса III. святая святых для (богов), пусть это будет воздано ему в течение многих лет.

Надсмотрщик так обращается к рабочим на стройке: "Палка в моей руке, не сидите сложа руки".

Некоторые из пленников, которых Тутмос таким образом заставил работать, принадлежали к народу, называемому апериу; и во времена Рамсеса II. упоминается, что они все еще находятся в состоянии рабства, добывая и перевоза камень для великой крепости города Парамессу или Таниса.

Диодор сообщает нам, что Рамсес II. на каждом из своих зданий он сделал надпись, в которой говорилось, что они были возведены пленниками и что ни один коренной египтянин не был задействован на этих работах. Опять же, этот король производил кирпичи на продажу и, используя труд пленников, имел возможность продавать их дешевле, чем другие производители. Использование необработанных кирпичей, обожженных на солнце, было универсальным по всей стране для строительства частных и многих общественных зданий, и сухой климат Египта особенно подходил для использования этих простых материалов. Они отличались дешевизной, и те, что были сделаны три тысячи лет назад, как с соломой, так и без нее, даже сейчас такие же прочные и пригодные для использования, как и в первый раз. Когда они были сделаны из нильского ила или аллювиальных отложений, им требовалась солома, чтобы предотвратить их растрескивание; но те, что были сделаны из глины, взятой из русел ручьев на краю пустыни, скреплялись без соломы; а стены из грубого кирпича часто имели

дополнительную защиту в виде слоя тростника или палок, уложенных через равные промежутки времени в качестве связующих.

[*Авторитеты и источники:* —“Египет при фараонах” Бругша. Книга Уилкинсона “Древние египтяне”. Берча “Египет” (Серия “Древняя история из памятников”). Г. Роулинсона “Исторические иллюстрации к Ветхому Завету”. Э. А. Уоллис Бадж, “Обитатели Нила”. М. Э. Харкнесс, “Египетская жизнь и история”.]

7. Погребенные города Востока—Предварительные.

Если бы погребенные города Востока были полностью разрушены и утеряны, и мы располагали бы лишь краткими сведениями об их исчезновении, эта тема могла бы не представлять для нас особого интереса, и не было бы материала для написания книги. Но сейчас мы являемся свидетелями воскрешения некоторых из них и восстанавливаем историю прошлого, такую, какую могли бы рассказать ожившие египетские мумии. Нет, не только египтяне, которые ходили вокруг...

“На улицах Фив три тысячи лет назад,

Когда Мемнониум был во всей своей красе”,

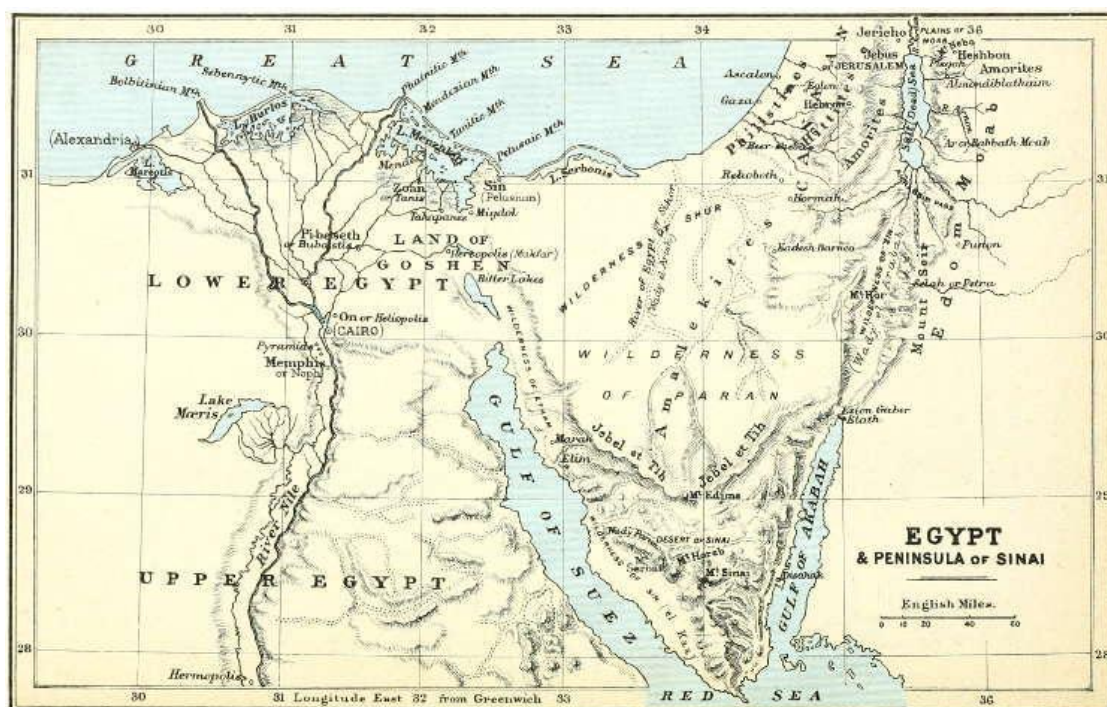
но халдейские пастухи, которые наблюдали за звездами и, возможно, первыми дали названия знакам Зодиака. Древние реликвии и летописи, которые сейчас извлекаются из Египта, Палестины, Ассирии и Вавилонии, воскрешают забытые истории человеческой борьбы и предоставляют материал для новых глав в истории искусства, науки, законов и языка, мифологии, морали и религии. Они также часто проливают побочный свет на библейское повествование, и позволяют нам более справедливо сравнивать израильтян с их современниками и предшественниками.

Катастрофы, приведшие к частичному разрушению и, в конечном итоге, к погребению городов Востока, в то время, должно быть, казались не чем иным, как чистыми бедствиями; но одним из результатов стало предусмотрительное сохранение останков для просвещения нынешнего поколения. Когда обнаруживается погребенный город, это служит опровержению растущего скептицизма и исправлению ошибок, нашедших свое место в книгах по истории. Мы знакомы с фактом, что города Геркуланум и Помпеи были затоплены — первые потоками лавы, вторые - ливнями пепла, пемзы и камней из кратера Везувия в 79 году нашей эры. Существование этих городов подвергалось сомнению, и на протяжении веков о них говорили как о “сказочных городах”; тем не менее, по прошествии шестнадцати столетий они были обнаружены, и они представляют нам картину римской жизни, такой, какой история сама по себе никогда не смогла бы дать. Место, где располагались Помпеи, всегда носило название *Чивита*, или город; и в 1748 году испанский инженерный полковник, услышав, что были обнаружены остатки дома с древними статуями и другими предметами, получил разрешение на раскопки. Через несколько дней его труды были обнадеживающе вознаграждены, и в конце концов было обнаружено около трети древнего города. Теперь мы можем прогуляться по Помпеям, наблюдая, как строились их дома и как были вымощены их улицы. Мы видим колеи, проторенные колесами колесниц, обращаем внимание на общественные фонтаны, храмы, театр, который вмещал бы 10 000 человек. Мы замечаем мельницы для зерна в лавках пекарей, чаны в мастерских

красильщиков, а в частных домах мы с интересом рассматриваем множество предметов домашнего обихода. За исключением того, что верхние этажи домов были разрушены — либо сожжены раскаленными камнями, либо разрушены под тяжестью обрушившегося на них материала - “мы видим цветущий город в том самом состоянии, в котором он существовал почти восемнадцать веков назад — здания такими, какими они были изначально спроектированы, не переделанными и не залатанными в соответствии с требованиями новой моды; картины, не потускневшие от свинцового налета времени; домашняя мебель, оставленная в беспорядке использования; предметы, даже имеющие внутреннюю ценность, брошенные в спешке бегства, но в безопасности от грабителей, или разбросанные по всему городу”. когда они выпали из дрожащих рук, которые не могли остановиться или нагнуться за своим самым ценным имуществом: а в некоторых случаях и костями жителей, печальным свидетельством внезапности и полноты обрушившегося на них бедствия.”[6]

Остатки римского Лондона найдены на глубине 16 или 17 футов под землей, по соседству с Банком Англии и особняком, хотя Лондон не был погребен под вулканическим пеплом. Сам Рим - погребенный город, ибо столица современной Италии стоит на руинах города Цезарей. В восточных странах место древнего города иногда занимает убогая деревушка, являющаяся его пришедшей в упадок преемницей; в других случаях это место совершенно пустынно, и только *телль* или курган остается, чтобы привлекать к нему внимание. Древние памятники также иногда погружались под воды морей или озер. Так, озеро Абукир в Египте недавно осушили, чтобы освободить территорию для возделывания, и когда дно очистили от воды, повсюду появились следы улиц, вымощенных камнем дорог и полей для возделывания, обозначенных линиями ракушек.

Профессор Масперо описывает процесс, посредством которого египетские храмы оказываются погребенными. “Точно так же, как в Европе в средние века население плотнее всего толпилось вокруг церквей и аббатств, так и в Египте они толпились вокруг храмов, пользуясь той безопасностью, которую местному божеству обеспечивали ужас перед его именем и прочность его крепостных стен. Вокруг пилонов и стен сначала было отведено свободное пространство, но со временем дома вторглись на эту территорию и даже были пристроены к пограничной стене. Разрушенные и отстроенные заново, столетие за столетием, на одном и том же месте, *обломки* этих окружающих жилищ настолько подняли уровень почвы, что храмы по большей части были постепенно погребены в котловине, образованной искусственным возвышением окружающего города. Геродот упоминает об этом в Бубастисе, и при ближайшем рассмотрении оказывается, что то же самое было и во многих других местах. Наконец, когда храм был разрушен и заброшен, мусор скрыл его, и таким образом руины были сохранены в награду современному исследователю”.

ЕГИПЕТ И СИНАЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Лондон; Куган Пол, Trench, Trübner & Co. Ф. С. Веллер, F.R.G.S.

8. Библейские места в Египте.

Преподобный Гревилл Дж. Честер справедливо заметил, что едва ли можно найти лучший или более поразительный комментарий к пророкам Израиля, чем нынешнее состояние древних библейских городов Нижнего Египта. Информацией об этих городах — или о том, что от них осталось, погребенных в земле, — мы в значительной степени обязаны Фонду изучения Египта, который был основан в 1883 году с целью содействия историческим исследованиям в Египте посредством систематически проводимых изысканий. Особое внимание уделяется местам, которые, как можно ожидать, прольют свет на неясные вопросы истории и топографии, например, тем, которые связаны с таинственным периодом гиксосов (периодом царей-пастухов), районом пребывания евреев, маршрутом исхода и ранними источниками греческого искусства. Исследователи отправлялись в путь каждое время года, и каждый год был плодотворен на открытия. Обнаруженные предметы старины сначала передаются директору и хранителям Национального египетского музея; а те, которые могут быть сохранены, распределяются между Британским музеем и Музеем изящных искусств, Бостон, США

Раскопки в Сан.—Сан, расположенный в северо-восточной части Дельты, является Танисом Септуагинты и греческих историков, а также Зоаном Библии. Во времена Исхода Зоан был столицей Египта, и там проживал фараон. Чудеса, сотворенные Моисеем и Аароном, упоминаются Псалмопевцем как проявленные на поле Зоан (Псалом lxxviii. 43). Нам говорят, что Хеврон был построен всего за семь лет до Зоана (Числ. xiii. 22), и, следовательно, поскольку Хеврон процветал во времена Авраама, Зоан также, должно быть, был очень древним городом.

Современная деревня Сан представляет собой небольшое скопление глинобитных лачуг, расположенных на берегу канала, который когда-то был Танитским ответвлением Нила. Рядом с деревней есть огромные курганы, в которых находятся разрушенный храм и другие древние руины. Это место было в значительной степени исследовано мистером У. М. Флиндерсом Петри, и Мемуары, содержащие его интересные результаты, опубликованы Фондом изучения Египта.

Рамзес II, фараон угнетения, по-видимому, остановился на Зоане и сделал его новой столицей, потому что благодаря своему положению он контролировал северный путь в Сирию и обеспечил царю после завоевания этой страны беспрепятственное сообщение со всеми своими владениями. Кроме того, это было недалеко от самого центра правления гиксосов, которое только недавно закончилось.

Гиксосы были так называемыми царями-пастухами, которые, по-видимому, пришли из Аравийской пустыни или, возможно, из-за ее пределов и обосновались в Нижнем Египте в период, когда местное правление было слабым. "Памятники гиксосов являются одними из самых любопытных в Египте; и именно Сану мы обязаны большим количеством тех, что были обнаружены. Все они отличаются совершенно иным типом лица, чем любой другой, который можно найти на других египетских памятниках, типом, который нельзя отнести ни к одному другому известному периоду; и поэтому тем более очевидно, что они принадлежат к чужеземной расе. Еще одной особенностью является то, что все они без исключения выполнены из черного или серого гранита. Гиксосы владели только Дельтой, а иногда и большей или меньшей частью Среднего Египта, и поэтому у них не было контроля над каменоломнями красного гранита в Асуане, которые оставались во власти местных правителей. Неизвестно, привезен ли черный гранит с Синая или из района Хаммамат. " Мистер Ф. Л. Гриффит, помощник мистера Флиндерса Петри, упоминает несколько интересных памятников, характерных для этого народа. Одна из них представляет собой группу двух мужчин с густыми, заплетенными в косички волосами и длинными бородами: они стоят, держа перед собой поднос с подношениями, на котором лежат рыбы, а вокруг свисают растения папируса. Детали прекрасно обработаны, цветы и бутоны выполнены с особой деликатностью. Часто описывались сфинксы из черного гранита, сделанные гиксосами. У них плоское, массивное, мускулистое, опущенное лицо с короткими бакенбардами и бородой вокруг него, губы выбриты; а волосы собраны в колтун из густых коротких прядей, спускающихся по всей груди, - стиль, скопированный с великих сфинксов двенадцатой династии. Любопытно, что надписи на гиксосских сфинксах и т. Д. Всегда расположены в линию вдоль правого плеча, никогда - слева. Мистер Петри предполагает, что такое почитание правого плеча этим семитским народом аналогично особому подношению правого плеча, постоянно предписываемому еврейским законом.^[7] Египтяне пропустили эту идею мимо ушей и безразлично вписывали обе стороны, не отдавая предпочтения левой, хотя это была их сторона чести.

Здесь, в Сане, или Танисе, был обнаружен знаменитый Камень Сана, или Указ Канопуса, который сейчас хранится в Национальном музее Египта. На нем приведен текст указа, изданного египетскими жрецами, собравшимися в Канопусе (который в то время был религиозной столицей страны) на девятом году правления Птолемея Эвергета (254 год до н.э.). Он предписывает обожествление Береники, дочери только что умершего Птолемея, и создает пятый орден жрецов, который будет называться Эвергетами, для лучшего воздания

божественных почестей королю и королеве. Главная ценность памятника состоит в том, что надпись трехязычная: иероглифические (священные) символы, демотические (повседневные) и греческий (основной язык иностранцев в Египте); так что, как и Розеттский камень, он очень полезен ученым для расшифровки египетских памятников. В Британском музее хранится гипсовый слепок с этого камня.

Мистер Гриффит считает, что ранние памятники Таниса наводят на мысль о том, что они были привезены Рамзесом II. чтобы украсить свою новую столицу. Правда о возрасте Таниса может быть установлена только тогда, когда будут произведены глубокие раскопки в самом кургане или будет проведено достаточное обследование обширных кладбищ. Но пока исследователь ждет, кладбищам угрожает опасность быть освоенными арабами, а гробницы разрушаются ради амулетов для продажи торговцам и путешественникам.

Телль—Небешех— Примерно в восьми милях к юго-востоку от Таниса (современный Сан) находится невысокий курган Телль-Небешех, первоначально известный как Телль-Фарун -*то есть*, курган фараона, из-за огромного монолитного святилища под названием Рас-Фарун, или Голова фараона. Здесь мистер Петри обнаружил, среди прочего, остатки храма, алтарь которого содержал важные надписи. Они были выгравированы неким “главой канцелярии и носителем королевской печати”, чье имя и дальнейшие титулы стерты. Этот человек был одним из ряда должностных лиц, чьи титулы были удивительно параллельны английскому лорду-верховному канцлеру и лорду-хранителю печати. Алтарь, по-видимому, относится к гиксосскому периоду, и мистер Петри предполагает, что эти чиновники, которые были настолько могущественны, что один из них фактически присвоил для своих надписей царские памятники в общественном храме, были коренными египтянами, завоеватели-гиксосы были всего лишь военной ордой, без особой гражданской организации или организаторских способностей, и взяли на себя, по их мнению, управление местной бюрократией, которая управляла всеми деталями необходимого управления страной. Таким образом, по-видимому, существовал ряд визирей, людей, которые действовали от имени короля в отношении казны и налогов, а также в отношении королевских указов и государственных документов, скрепленных королевской печатью.

После некоторого дальнейшего обсуждения положения и важности этих визирей мистер Петри говорит, что можно процитировать еще один документ, который проливает свет на этот вопрос: рассказ об Иосифе в Книге Бытия, несомненно, относится к периоду гиксосов, и там мы читаем: “Пусть фараон выберет человека благоразумного и мудрого и поставит его над землей Египет” — нет, пусть фараон отдает приказы своим собственным офицерам. “И сказал фараон Иосифу.... Ты будешь над моим домом, и по слову твоему будет править весь мой народ; только на троне я буду больше тебя. И сказал фараон Иосифу: смотри, я поставил тебя над всей землей Египетской. И фараон снял свой перстень-печатку со своей руки и надел его на руку Иосифа, и одел его в одежды из тонкого полотна, и надел золотую цепь ему на шею; и он посадил его во вторую колесницу, которая у него была; и они кричали перед ним: ‘Абрех’; и он поставил его над всей землей Египет ”. Здесь мы читаем о посвящении визиря при гиксосах, присвоении ему звания носителя царской печати и предоставлении ему почестей второй колесницы. Теперь мы видим, что это был не экстраординарный поступок автократа, а заполнение обычного поста главы местной администрации.

Раскопки в Телль-Басте, древнем Бубастисе. Немного южнее Загазига мистер Навилл и мистер Гриффит сделали важные открытия. Бубастис был местом поклонения Баст или Пушт, богине с кошачьей головой, храм которой Геродот описывает как самый красивый в Египте. По его словам, он был окружен низкой стеной, на которой были выгравированы фигуры. Соответственно, здесь в апреле 1887 года наши исследователи начали свою работу в прямоугольной впадине, окруженной со всех сторон насыпями домов, которые, должно быть, были выше храма. За короткое время они обнаружили место, где находился грандиозный гипостильный зал, усеянный упавшими монолитными колоннами работы двенадцатой династии, и зал без колонн, но, как должно было показаться, украшенный искусно выполненными барельефными скульптурами, представляющими великую религиозную церемонию, и содержащий десятки тысяч мельчайших иероглифических надписей. Колонны и архитравы гипостильного зала, хотя и относятся к более раннему периоду, украшены овалами Рамзеса II (девятнадцатая династия). Надписи на фестивальном зале посвящены Осоркону II из двадцать второй династии и его королеве Кароаме. Помимо двух определенных таким образом исторических достопримечательностей, различные кварталы носят названия Усертесена III. а Пепи Мерира свидетельствовал о существовании этого сооружения не только во времена первой великой Фиванской империи, но и в очень отдаленную эпоху правления пирамидальных царей шестой династии. В то же время небольшие предварительные раскопки на западной оконечности этого места позволили установить имя и титулы Нектанебо I., представителя тридцатой и последней местной династии. Таков был результат всего лишь четырехнедельной работы в конце сезона, и казалось разумным надеяться на важные результаты, когда раскопки будут возобновлены. В 1888 году эта надежда более чем оправдалась. Поскольку работы в данном случае велись не в пустыне, а совсем рядом с оживленной железнодорожной станцией, многие путешественники посетили это место. Сцена была удивительно живописной. “Здесь, сгруппированные на краю великого кладбища Священных Кошек, стоят палатки должностных лиц Фонда; вон там, на дне огромной впадины, похожей на кратер, которая отмечает территорию храма, роятся, как пчелы, около трех-четырех сотен рабочих—землекопов в траншеях и ямах, носильщики корзин убирают землю по мере ее выбрасывания, надсмотрщики, следящие за работой землекопов, "путейцы", следящие за тем, чтобы дорожки были открыты, а носильщики двигались, банды мускулистых "Шаялин", или местных жителей. носильщики, связанные вместе прочными веревками и таскающие или переворачивающие скульптурные блоки, которые не видели света много веков; девочки с мисками воды и губками, чтобы мыть резные поверхности перед процессом "выжимания бумаги"; и маленькие мальчики, которые бегают по поручениям, помогают с измерительными лентами и охраняют палатки и багаж. При таком количестве занятых рук и таком количестве надзирателей, которые поддерживают их работу, неудивительно, что раскопки быстро продвигаются вперед. Два больших карьера, которые были открыты в прошлом сезоне, теперь объединены в один и расширяются с востока на запад, следуя оси сооружения. Боковые стены также расчищаются, и не пройдет и месяца, как весь храм, от которого, по-видимому, не осталось камня на камне, будет виден из конца в конец. Вся его длина, вероятно, составляет около 700 или 800 футов; но измерения, конечно, пока носят чисто предположительный характер”.

Среди открытий, сделанных в ходе этого второго исследования, был третий зал, датируемый правлением Осоркона I. Стены которого были украшены крупномасштабными барельефами, изображающими короля в момент поклонения Басту и другим божествам города. Похоже, что одним из почитаемых здесь великих божеств был Амон, а другим - бог Сет.

Никто не подозревал, что Бубастис был местом важного поселения гиксосов; но, судя по типу найденных статуй и других вещей, это действительно так.

Хронографы сохранили имена нескольких гиксосских царей, записав их следующим образом: Силитес (или Салатис), Беон, Апахнас, Таннас (или Танрас), Ассет и Апофис (по-египетски Апепи). Мариетт во время своих очень успешных раскопок в Танисе обнаружил имя Апепи, написанное на руке статуи, хотя статуя была более древней. Мистер Навилл нашел в Телль-Басте колоссальную статую, которую он принимает за статую Апепи. Сейчас она находится в Британском музее. Это особенно интересно, потому что Синцелл рассказывает, что Апепи был царем, в правление которого Иосиф поднялся до высокого положения, описанного в Книге Бытия. Один замечательный предмет, найденный в Телль-Басте, - это часть сидящей статуи, на которой написано королевское имя "Иан-Ра", или "Ра-Иан". Название для нас новое, но когда мистер Навилл отправился в Булак, где тогда находился Музей древностей, и показал копию Ахмеду Кемаль-эд-Дину Эфенди, ученому мусульманскому чиновнику, он сразу воскликнул — "Вы нашли фараона Иосифа. Во всех наших арабских книгах его называют Рейяном, сыном Эль-Велида. Европейские ученые не полностью полагаются на арабские хроники, которые часто бывают причудливыми; тем не менее примечательно, что статуя Иан-Ра, царя Иосифа, по мнению арабов, должна быть найдена в Телль-Басте, в непосредственной близости от статуи Апепи, царя Иосифа, согласно Синцеллу. Мистер Навилл отличает Иан-Ра от Апепи и думает, что он такой же, как Ианиас или Анна, упомянутый Иосифом Флавием как пятый царь из шести. Мистер Навилл также нашел в Телль-Басте имена двадцати пяти фараонов, которые уже были известны, включая Хеопса и Хефрена, строителей пирамид около 3700 года до нашей эры

То, что Иосиф служил царю гиксосов, долгое время принималось большинством египтологов как весьма вероятная гипотеза, как хронологически, так и исходя из внутренних свидетельств библейского повествования. Арабские писатели представляют гиксосов как мадиамских амаликитян. Мистер Навилл согласен с теми, кто думает, что они пришли из Месопотамии и уже обладали высокой степенью цивилизации.

Бубастис, по-видимому, был любимым местом жительства царей-пастухов; и, таким образом, Иосиф должен был находиться недалеко от своих братьев в земле Гесем, где они ухаживали за царскими стадами крупного рогатого скота.

Сафт-эль-Хенне или Гошен. — В течение более чем одного сезона мистер Навилл проводил операции по обнаружению местности Гошен, которая всегда была предметом догадок и споров. Он пришел к выводу, что Гошен был городом немного восточнее современного Загазига и располагался в районе с тем же названием. Землю Гошен можно описать как район примерно треугольной формы с вершиной на юге; с Загазигом в северо-западном углу, Тель-эль-Кебиром на северо-востоке и Бельбейсом на нижней оконечности. Город Гошен, по-видимому, находился в Сафт-эль-Хенне, почти на полпути между восточной и западной точками треугольника. Здесь мы находим название Тель Факус, Факуса греков, и, по-видимому, то же самое, что Кесем, Гесем или Гошен. Сафт-эль-Хенне сам по себе является большой деревней, стоящей посреди особенно плодородной местности, соответствующей, таким образом, "лучшему из земель", которые были даны израильтянам.

"С первого взгляда, - говорит мистер Навилл, - становится ясно, что Сафт-эль-Хенне стоит на месте древнего города значительной протяженности. Вся деревня построена на руинах старых домов, многие из которых до сих пор можно увидеть на южной стороне".

Памятники, обнаруженные в Сафте, включают колоссальную статую Рамзеса II из черного гранита, которая, вероятно, принадлежала какому-то важному храму; и святилище Нектанебо II с посвящающим гимном и информацией о том, что место, где было воздвигнуто святилище, называлось Кес.

Книга Бытия говорит нам, что Гесем был пастбищем. Отсюда мы можем заключить, что она не была густо заселена и еще не была организована в провинцию со своей столицей, своими храмами, своими священниками и своим губернатором. Поскольку с тех пор это название отсутствует в самых ранних египетских списках провинций, а именно в списках Сети I и Рамсеса II (фараона, угнетавшего Израиль), мистер Навилл утверждает, что иероглифические записи, в которых просто опущено название, и библейское повествование, которое случайно объясняет нам причину этого, удивительно согласуются.

Гелиополис.— В Гелиополисе, Городе Солнца, который расположен примерно в девяти милях от Каира в северо-восточном направлении, раскопки пока не проводились. Это был очень древний город, пользовавшийся большой известностью как место поклонения богу солнца *Ра*, символ которого в виде живого быка Мневиса хранился там, о нем заботились и почитали. В Библии город называется Он или Бет-Шемеш. Иосиф, вероятно, служил Потифару в этом городе; и впоследствии фараон отдал его в жены Асенафи, дочери Потифера, жреца Он. Также не может быть никаких сомнений в том, что Моисей, постигший всю мудрость египтян, получил образование в этом средоточии знаний. Поэтому мы должны верить, что он часто смотрел на шесть обелисков— стоявших перед храмом *Ра*, один из которых сохранился до наших дней, поскольку они были воздвигнуты за столетия до его рождения. Четыре из них были созданы Тутмосом III. и его семья, примерно за 1600 лет до христианской эры, а два других - Усертесен I. свыше 3000 лет до н.э. Два обелиска Тутмоса были в более поздний период перенесены в Александрию, чтобы украсить подъезд к великолепному храму, возведенному в честь Цезарей; и именно один из этих двух стал известен как Игла Клеопатры и теперь стоит на набережной Темзы. Единственный обелиск, сохранившийся в Гелиополисе, является старейшим объектом подобного рода в мире.

От самого города сейчас почти ничего не видно. Несомненно, он служил удобной каменоломней для строителей Каира; но поскольку сохранившийся обелиск зарыт на 3-4 фута в нильский ил, не исключено, что здесь также зарыто множество мелких предметов, представляющих интерес для антикваров. Более того, стороны обширной ограды, в которой располагался храм, все еще отмечены насыпями или стенами из грубого кирпича, и они, с северной стороны, имеют свое продолжение в руинах древнего города. Здесь часто встречаются скарабеи или изображения священного жука, а также другие священные изображения, фарфоровые эмблемы и другие предметы старины, так что, по-видимому, это место заслуживает систематических поисков.

Скажи Дефенне, библейскому Тахпанхе.—В июне 1886 года мистеру Флиндерсу Петри посчастливилось обнаружить "Дом фараона", куда Иеремия был доставлен после бедствий в Иудее и где он в качестве символического акта спрятал большие камни в растворе для кирпичной кладки. Он расположен в песчаной пустыне, граничащей с озером Мензале, примерно в двух днях пути от Сана, в нескольких часах езды, с одной стороны, от возделанной дельты, а с другой - от Суэцкого канала. Здесь, посреди равнины, находятся кирпичные руины

большого здания; и в первый вечер своего приезда в этот район мистер Петри, к своему удивлению, услышал, что это здание известно как *Каср эль Бинт эль Иегуди*, или Дворец дочери еврея. Очевидно, это могло относиться к дочери царя Седекии, которая сопровождала Иеремию в его изгнании; и теперь не могло быть никаких сомнений в том, что Дефенне представляла древних Дафнаев и Тахпанес. Это была пограничная крепость или передовой пост, охранявший великую дорогу в Сирию.

Благодаря ассоциациям Тахпанхи мы сразу же обращаемся к Священному Писанию. “Сыны Нофа и Тахпанхеса сокрушили венец на голове твоей” (Иер. ii. 16). Это было после убийства Иосии, низложения Иоахаза, установления притока Иоакима и переселения Иоахаза в Египет — событий, которые ознаменовали первый период общения между евреями и греками. Однако вскоре это общение должно было усилиться; три года спустя Навуходоносор вторгся в Иудею, и все, кто бежал от войны, придут в Тахпанхес, направляясь в Египет, и, скорее всего, там останутся. Короче говоря, во время всех смут, постоянных вторжений и осад Иерусалима в 607, 603 и 599 годах до н.э. (когда произошла массовая депортация людей), и, прежде всего, во время последней длительной осады и разрушения в 590-588 годах до н.э., когда “город был разрушен” и все военные бежали, каждый, кто стремился избежать бедствий войны или был политически несносен, естественно, бежал в Египет. Такие беженцы обязательно добрались бы до пограничного форта на караванной дороге и обнаружили бы там смешанное и в основном иностранное население, греков, финикийцев и египтян, среди которых их присутствие не вызвало бы возмущения, как это было бы со стороны все еще строго настроенных протекционистов египтян дальше по стране. То, что они в значительной степени или, возможно, в основном поселятся там, было бы самым естественным ходом; их бы терпели, они нашли бы постоянную связь со своими соотечественниками и были бы настолько близко к Иудее, насколько могли в безопасности оставаться, пока ждали возможности вернуться.

“Последнее и величайшее переселение в Тахпанес - это то, что полностью описано Иеремией, что дает нам представление о том, что, несомненно, происходило задолго до этого. После того, как Навуходоносор удалился со своей добычей, Годалия, наместник, которого он поставил, был быстро убит, в стране воцарилась анархия, и все оставшиеся ответственные жители бежали в Египет, чтобы избежать мести Навуходоносора. “Иоханан, сын Кареи, и все военачальники войск взяли всех оставшихся Иудеев, которые были возвращены (из всех народов, куда они были изгнаны), чтобы поселиться в земле Иудейской; мужчин, и женщин, и детей, и царских дочерей [Седекии], и всех, кого Навузардан, начальник стражи, оставил с Годолией, сыном Ахикама, сына Сафанова, и пророком Иеремией, и Варухом, сыном царя Иудейского”. Нирия; и пришли они в землю Египетскую, ибо не послушались гласа Господня; и пришли даже в Тахпанхес” (Иер. xliii. 5–7).” Это переселение было предпринято вопреки предупреждениям Иеремии.

Фараон Хофра, правящий монарх Египта, был союзником царя Седекии, и поэтому он предоставил в распоряжение дочери своего друга дворец в этой пограничной крепости Тахпанхес, которая иногда служила царской резиденцией. Здесь мы можем предположить, что беглецы были бы сравнительно довольны и считали себя в безопасности, если бы Иеремия неистово пророчествовал, что придет Навуходоносор и разрушит это место. Это, согласно Иосифу Флавию, он и сделал — “Он напал на Египет ... и взял тех иудеев, которые были там в

плен, и увел их в Вавилон; и таков был конец еврейского народа” (Ант. ix. 7). Иосифу Флавию не всегда верят, а в последние годы даже отрицалось, что Навуходоносор вообще когда-либо был в Египте. Но недавно обнаруженная надпись сообщает нам, что он был в стране и проник так далеко на юг, что достиг Ассуана;^[8] и теперь, наконец, мистер Петри обнаруживает, что дворец был разграблен, разобран и сожжен, очевидно, во исполнение предсказания Иеремии.

Существующие остатки Тахпанхеса обширны и показывают, что древний город был большим. Под углами главных зданий были найдены *таблички* из металла и камня с выгравированным картушем Псамметиха I.; а под юго-восточным углом - зубы и кости быка, принесенного в жертву на церемонии основания здания. Среди найденных древностей - прекрасные расписные греческие вазы, таблички и т. Д. Из золота, серебра, свинца и меди, изделия из сердолика, яшмы и лазурита.

Наиболее интересной вещью является находка кирпичной кладки или тротуара, о которых говорится в книге Пророка Иеремии xliii. 8. “И было слово Господне к Иеремии в Тахпанесе, говорящее: возьми большие камни в руку твою и спрячь их в известковом растворе в кирпичной кладке, которая у входа в дом Фараона в Тахпанесе, на глазах у мужей Иуды; и скажи им: так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот, я пошлю и возьму Навуходоносора, царя Вавилонского, слугу моего, и поставлю престол Его на этих камнях, которые я спрятал; и он раскинет свой царский шатер над всем этим. они и т.д.” Эта кирпичная кладка или мостовая у входа в дом фараона всегда понималась неправильно и служила загадкой для переводчиков. “Но, - говорит мистер Петри, - как только план дворца начали восстанавливать, точность описания стала очевидной. На северо-западе форта находилась большая открытая платформа из кирпичной кладки, подобная тем, которые сейчас можно увидеть перед всеми большими домами и большинством маленьких в Египте. За дверью, как правило, вдоль боковой стены дома, отводится место, покрытое сильно утрамбованной глиной, окаймленное кирпичной грядой, если она не сильно возвышается над землей, и содержавшееся в чистоте. На этой платформе сидят жители, когда хотят побеседовать со своими соседями или прохожими. Великий человек устраивается поудобнее, чтобы принять своих друзей и выпить кофе, и обычно там решаются общественные дела. Такова, по—видимому, была цель этой большой платформы - места для встречи людей, которых не пустили бы во дворец или форт, для сбора стражи, для проведения больших *приемов*, для получения дани и припасов, для разгрузки товаров и для ведения разнообразных дел, которые в таком климате лучше всего делать на открытом воздухе. В то же время фактический путь во дворец пролегал по приподнятой дамбе, которая поднималась в задней части этой платформы.

“Следовательно, эта платформа, - продолжает мистер Петри, - безошибочно является ‘кирпичной кладкой или тротуаром, который находится у входа в дом фараона в Тахпанхесе’. Здесь церемония, описанная Иеремией, происходила перед собравшимися на помосте вождями беглецов, и здесь Навуходоносор ‘раскинул свой царский шатер’. Сама природа сайта в точности применима ко всем событиям. К несчастью, продолжавшееся сильное обнажение смыло большую часть этой платформы, и мы не могли ожидать, что найдем камни, укрытие которых описано Иеремией”.

Еще одно открытие, сделанное несколько лет назад, похоже на доказательство того, что Навуходоносор действительно приходил в Тахпанхес. Местный житель продал музею Булак три терракотовых цилиндра, которые могли бы использоваться для создания мемориалов

основания, текст на которых является надписью Навуходоносора, относящейся к его постройкам в Вавилоне. Говорили, что эти цилиндры были доставлены с Суэцкого перешейка, но есть серьезные подозрения, что они были найдены в Дефенне после того, как платформа обнажилась.

Телль-эль-Яхудех, Еврейский курган. — Это место должно быть интересным для нас хотя бы из-за того факта, что здесь был построен храм, который, по мнению некоторых, является аналогом Иерусалимского храма. Если удастся найти какие-либо значительные остатки храма, они могут существенно помочь правильному пониманию дошедших до нас описаний более важного сооружения на горе Мориа.

Телль-эль-Яхудех находится примерно в двадцати милях от Каира, по дороге в Исмаилию, недалеко от мусульманской деревни Шибин-эль-Канатер и предположительно является городом Ониас. Иосиф Флавий сообщает нам, что во время завоевания Иудеи Антиохом Епифаном Ониа, сын первосвященника, бежал от преследований и нашел убежище в Египте (182 год до н.э.). Ониа, воодушевленный пророчеством Исайи о том, что придет время, когда “жертвенник Господень будет посреди земли Египетской” (Исайя хix. 19), умолял египетского царя Птолемея Филоматора разрешить ему построить храм на месте заброшенного святилища или крепости. Просьба была удовлетворена, и Ониа построил небольшой город по образцу Иерусалима и храм по образцу храма Соломона.

Существующий ныне курган имеет размеры около полумили с востока на запад и четверть мили с севера на юг и имеет вид крепости. В разное время он был более или менее разграблен, но, вероятно, все равно окупился бы тщательным исследованием. В отсутствие полного расследования остаются небольшие сомнения в подлинности этого места; но профессор Сэйс однажды нашел здесь фрагмент камня с двумя древнееврейскими буквами; и решающим доказательством того, что это было еврейское поселение, стало открытие еврейского кладбища примерно в миле дальше на восток в пустыне. Земля там, на протяжении более полумили, буквально испещрена могилами. То тут, то там находили тела *in situ*, и на них не было ни следов бальзамирования, ни каких-либо украшений, но неизменно лежал кирпич под головой, что было отличительной чертой еврейских захоронений. Несколько табличек избежали всеобщего уничтожения, и имена, которые они содержали, полностью подтверждали вывод, сделанный способом захоронения: “Елеазар” было одним именем, и оно чисто еврейское; некоторые другие были еврейскими с греческим окончанием, как Саламин, Нафаней, Бархиас; и другие все еще были греческими именами, часто используемыми среди евреев, как Аристокл, Онисим, Трифания.

Телль-эль-Масхута или Питом-Суккот.—Фараоном, поработившим израильтян, по-видимому, был Рамзес II., сын Сети I., из девятнадцатой династии. Эта династия началась только с Рамзеса I., деда Рамзеса II. Города-хранилища, построенные израильтянами, назывались Рамсес и Питом; и когда произошел Исход, отправной точкой был Рамсес и первое место упокоения Суккот (Исх. i. 11; xii. 37). Ни одно из этих мест не было известно, и вряд ли кто-то подозревал, что Пифом и Суккот были так тесно связаны, как это выясняется сейчас. Но недавно было обнаружено местонахождение Пифома. Мы все помним Кассассен, где сэр Гарнет Уолсли остановил британские войска в кампании 1882 года, как раз перед тем тихим полуночным маршем на штурм окопов элАраби. Это в двенадцати милях к западу от Исмаилии, на берегу Суэцкого канала. Недалеко от Кассассина находится невысокий курган под названием *Телль-*

эль-Масхута, Курган Статуи. Здесь в конце прошлого века был найден монолит из красного гранита, изображающий Рамсеса II, сидящего между двумя солнечными богами Ра и Тумом. В 1860 году люди месье Папонота наткнулись на другой монолит, и вполне вероятно, что пара стояла симметрично у входа в какое-то сооружение. Дальнейшие раскопки выявили двух сфинксов из черного гранита, также установленных по обе стороны проспекта; а затем, дальше, святилище или *наос* из красного песчаника и большую *стелу* из красного гранита, лежащую плашмя. Все эти памятники были посвящены богу Туму.

Раскопки, недавно проведенные месье Эдуардом Навиллем из Женевы, описаны в его мемуарах, написанных для Фонда изучения Египта, из которых мы почерпнули следующую интересную информацию. Город назывался Пи Тум, что означает дом или обитель Тума (бога заходящего солнца), а прилегающий район назывался Туку или Тукут, что эквивалентно Сукхоту. Это простая филологическая случайность, что в еврейском языке есть слово суккот, означающее *шатры*. Надписи, по-видимому, показывают, что именно Рамсес II. тот, по чьей инициативе был построен город; и в этом они лишь подтверждают точку зрения, которой ранее придерживались египтологи. Питом был одновременно городом-хранилищем и крепостью, поэтому был окружен очень толстыми стенами, часть которых до сих пор сохранилась. Гражданский город Туку простирался вокруг священных зданий Питома. Прежде всего, перед нами квадратная площадь, окруженная огромными кирпичными стенами, пространство внутри которой равно 55 000 квадратных ярдов. В юго-западном углу находится небольшой храм. Ограждающая стена состоит из прямоугольных ячеек, хорошо сложенных кирпичей из нильского ила, соединенных строительным раствором. Любопытно, что некоторые кирпичи содержат солому, в то время как другие без нее. Эти покои М. Навиль считает зернохранилищами, в которые фараон складывал провизию, необходимую для армий, собирающихся пересечь пустыню, и, возможно, для караванов и путешественников, направлявшихся в Сирию.

Питом, согласно коптской версии Священных Писаний, был местом, куда Иосиф поднялся, чтобы встретиться с Иаковом — “близ Питома, города в земле Рамсес” (Быт. xlv. 28). Это правда, что LXX., поддерживаемый Иосифом Флавием, делает местом встречи Херополис; но не исключено, что Херополис был более поздним названием самого Питома. На смену грекам пришли римляне, следы обитания которых видны со всех сторон.

Когда римляне разравнивали землю под свой лагерь, они безжалостно уничтожили огромное количество надписей, которые были бы для нас сейчас самыми ценными. Из сохранившихся, безусловно, наиболее важной является великая табличка из Филадельфа размером 4 фута 3 дюйма на 3 фута 2 дюйма, которая была найдена недалеко от *наоса*. В надписи говорится, что король приказал воздвигнуть его *перед своим отцом Тумом, великим богом Суккота*. В нем записано, что было сделано для Пифома царем, его царицей и сестрой Арсиной. Из него мы узнаем, что Пифом и соседний город Арсиноя, который царь основал в честь своей сестры, были отправными пунктами торговых экспедиций в Красное море; и что оттуда один из военачальников Птолемея отправился в страну троглодитов и основал город Птолемида ΘΗριῶΝ со специальной целью облегчить охоту на слонов. И именно в Герополис корабли доставляли животных (так что, если Герополис был Питомом, а Питом - Масхутой, судоходные воды должны были простираться дальше на север, чем сейчас). Мы узнаем также, что недалеко от Пифома был город под названием Пикерехат, или Пикехерет, по-видимому, Пи-ха-хирот, упомянутый в повествовании об Исходе.

Покойный доктор Берч предположил, что израильтяне, помимо строительства городов-складов, были вынуждены, подобно каторжникам или военнопленным, работать в фортах Таниса и на линии великой стены, которая защищала Египет с северо-востока. Эта длинная стена тянулась от Пелузия на юг и была построена для защиты от племен пустыни и других захватчиков с азиатской стороны. Судя по “Приключениям Синухита”, повествованию, датируемому двенадцатой династией, оно было построено очень рано; поскольку беглец там говорит: “Я достиг стен принца, которые он построил, чтобы отразить нападение Ситтиу и уничтожить Номииу-Шайу; я оставался в пригнувшейся позе среди кустов, опасаясь быть замеченным стражниками, сменяющимися каждый день, которые наблюдают с вершины крепости: я продолжил свой путь с наступлением темноты”.^[9] Стена, по-видимому, была отремонтирована Сети I и Рамзесом II и укреплена фортами, построенными по ханаанским образцам, которые фараоны видели в ходе своих кампаний. Египтяне, не удовлетворившись присвоением предмета, присвоили также и название и называли эти пограничные башни семитским названием *Магдилу* или Мигдолс. В более позднее царствование офицер, которого послали вернуть двух беглых рабов, сообщает, что он не догонял их, пока не вышел за пределы стены, к северу от Мигдола царя Сети Менефтах.^[10]

[*Авторитеты и источники:* — “Библейские места в Нижнем Египте”. Автор Гревилл Дж. Честер, Б.А., в Обзорных мемуарах Фонда Р. Е. “Тель-эль-Яхудех”. Автор: профессор Т. Хейтер Льюис, Ф.С.А., в переводе. Соч. Биб. Археол., том vii. “Город-хранилище Питом”. М. Навилл, Фонд изучения Египта. “Гошен”. М. Навилл, Фонд Е. Е. “Дафна”. Автор: У. М. Флиндерс Петри, Фонд Е. Е.. “Танис”. Автор: У. М. Флиндерс Петри, Фонд Е. Е. Справочник Мюррея, “Египет”.]

9. Маршрут исхода.

Поскольку Суккот был первой станцией израильтян, покинувших Египет, и теперь мы знаем эту местность, мы начинаем понимать их маршрут. Начиная с Рамсеса — города, который еще не идентифицирован, но, возможно, недалеко от нынешнего Загазига^[11] — для них были открыты два пути. Они могли бы направиться на север, мимо города Зоан, а затем обогнуть побережье Филистии — маршрут, по которому обычно ходили великие завоеватели, и гораздо более близкий. Но были возражения против его принятия, поскольку “в течение тех многих дней было так, что царь Египта умер” (Исход. ii. 23), и новый фараон, Менефтах, сын и преемник Рамсеса II., в это время держал свой двор в Зоане,^[12] и при нем были его колесницы и всадники. Мы также не должны забывать о великой стене и ее крепостях, которые в этом направлении преградили бы нам путь. “Это была стена,” говорит мистер Пул, “тщательно построенная, с уступом и контрподступом, рвом и гласисом, хорошо охраняемая лучшими войсками, с часовыми на валу днем и ночью”. Благоразумие, казалось бы, подсказывает, что не следует пробовать этот путь. Фактически выбранный курс, по-видимому, пролегал от Рамсеса на восток, вдоль долины Тумилат и линии канала, проложенного Сети I. Затем они разбили лагерь в Суккоте, вероятно, по той же причине, по которой британцы расположились там лагерем в 1882 году, а именно, что там было изобилие фуража и воды, а также удобная позиция. Следующей станцией был “Этам, на краю пустыни”, к северу от Питом-Суккота, как мы можем предположить, поскольку они, похоже, двигались (возможно, для обмана) так, как будто хотели выбрать короткий путь через

страну филистимлян. Но затем они получили приказ “вернуть назад и расположиться лагерем перед Пи-ха-хиротом, между Мигдолом и морем, перед Ваал-Цефоном, против него у моря”. Они подчинились, и чтобы понять, какого курса они на самом деле придерживались, мы должны принять во внимание некоторые недавние геологические открытия. Целью настоящего автора является не изложение его собственных оригинальных взглядов, а скорее объяснение выводов, к которым пришли наиболее способные исследователи. В соответствии с этим замыслом было бы желательно привести здесь отрывок из майора Генри Спенсера Палмера, который совместно с полковником сэром Чарльзом Уилсоном командовал исследовательской экспедицией на Синае.

“Характер и сцена перехода по Красному морю — величайшего события, о котором свидетельствует древняя история, — во все века были предметом споров, в соответствии с различными предлагаемыми системами топографии и степенью, в которой люди признавали или отрицали действие чудесных сил. Некоторые, придерживаясь строгого толкования таких отрывков, как ‘Воды были стеной для них по правую и по левую руку их’ (Исход. xiv. 20), ‘Потоки стояли вертикально, как нагромождение’ (Пс. xv. 8), ‘Он заставил воды стоять, как нагромождение’ (Пс. lxxvii. 15), сделали вывод, что глубокое море, должно быть, буквально раскололось на части, и что через образовавшуюся таким образом пропасть прошли израильтяне, с отвесной стеной воды по обе стороны от них. Таким образом, место переправы было определено в шести, десяти, пятидесяти и даже шестидесяти милях ниже Суэца, а положение города Рамсес изменялось в соответствии с несколькими теориями относительно места переправы. Объявление *evocates* этих взглядов, видимо желая *aggrandise* чудо до предела, и отбрасывая от справедливого рассмотрения физической агентство, которое Писание ясно упоминает в качестве прямого средства, с помощью которых проход был сделан сроки, имеют, однако, упускается из виду или уклонился трудно объяснить, каким образом беглецы, со своими стадами и табунами, могли приплыть на острые коралловые скалы, и большого количества водорослей, которые покрывают морское дно в этих точках. Очевидная трудность также, заключающаяся в том, что недалеко от Суэца ширина моря становится слишком большой, чтобы переход мог быть осуществлен в указанные в повествовании сроки без некоторого сверхъестественного ускорения скорости, о котором Писание не дает ни намека, ни упоминания, никогда не была удовлетворительно преодолена. Существует еще большая трудность, заключающаяся в том, что ветер, достаточно сильный, чтобы произвести на глубоководье предполагаемый экстраординарный эффект, был бы слишком сильным, чтобы какой-либо человек или группа людей могли противостоять ему. Наконец, существует невероятное предположение, что фараон и его войско были достаточно безумны, чтобы броситься навстречу своей гибели в этой страшной пропасти ”.

Однако в последние годы от теории глубоководного прохода практически отказались. Современные критики предпочитают разумную интерпретацию, в соответствии с известными законами природы, слов книги Исход xiv. 21, 22, в которых подчеркивается, что *восточный ветер* является непосредственным природным фактором, благодаря которому морское дно на время превратилось в сушу.

Майор Палмер упоминает наличие морских раковин в Горьком озере как свидетельство того, что раньше оно было заполнено соленой водой из Суэцкого залива. Далее он говорит: “Впоследствии это сообщение было прервано постепенным возвышением перешейка длиной в одиннадцать миль, который сейчас отделяет озера от устья залива — интересное исполнение

пророчества в Исаии xi. 15 — "и Господь совершенно истребит устье Египетского моря". Дарий, около 500 года до н.э., восстановил связь, прорубив канал через перешеек, который после периода неиспользования был вновь открыт Птолемеем Филадельфом около 250 года до н.э. Следы канала Дариуса все еще видны в очень идеальном состоянии, хотя с тех пор его русло поднялось выше уровня высокой воды в заливе. Если, в чем едва ли можно сомневаться, во времена Исхода между озерами и заливом существовала связь, по крайней мере приливная, то единственный путь из Египта на восток, который был бы обычно применим для похода воинств, должен был проходить к северу от Великого Горького озера, пересекая полосу сухой земли, которая, прерываемая только озерами Тимса и Баллах, простирается между ним и озером Мензале, и дети Израиля, должно быть, следовали одним из таких маршрутов, когда в Этаме им было приказано повернуть и разбить лагерь перед Великим Горьким озером. Пи-ха-хорот".

Эти взгляды майора Палмера разделяют М. Навилл, сэр У. М. Доусон и другие, и они были решительно подтверждены геологической службой региона. В 1883 году Комитет Фонда исследования Палестины направил профессора Халла, выдающегося геолога, в сопровождении майора Китченера, Р.Э., и других компетентных людей, и эта группа исследовала геологию Нижнего Египта, Синайской пустыни, долины Арабах и южной части Палестины. Результаты были очень замечательными. Оказывается, например, что в далекий период прошлого воды морей, озер и заливов всего этого региона были примерно на двести футов выше, чем сейчас, — доказательством служит тот факт, что на высоте двухсот футов известняковые скалы были пробурены хорошо известными "моллюсками", *pholas*, в то время как пески и галька на этой высоте содержат раковины, кораллы и криноидеи того же вида, что и те, которые все еще населяют воды Суэцкого залива. При такой высоте воды весь Нижний Египет был бы затоплен, вместе с обширными участками по обе стороны Суэцкого залива. Но это произошло в далеком прошлом, вероятно, за много веков до того, как человечество вообще заселило эти регионы. Однако был и более поздний период, когда суша медленно поднималась из воды — и профессор Халл считает, что это могло совпасть со временем Исхода, — когда уровень воды был всего на 26 футов выше, чем сейчас, и тогда, хотя Нижний Египет не был бы затоплен, Суэцкий залив, должно быть, простирался на север до Горьких озер, образуя морской рукав шириной около мили и глубиной 20 или 30 футов.

М. Навиль предполагает, что израильтяне, повернув назад из Этама, спустились с западной стороны этого морского рукава и попали в ущелье, так что казалось, что они попали в ловушку. Фараон подумал так и сказал: "Они запутались в этой земле, пустыня заперла их"; и поэтому он погнался за ними, надеясь одержать легкую победу. Но Моисей имел четкое представление о том, что он должен был делать. Хотя воды залива были по большей части глубиной 20 или 30 футов и совершенно непроходимы, было одно место (недалеко от нынешнего Шалуфа), где они были довольно мелкими, где суша сейчас на 26 футов выше уровня воды и где в то время рос тростник. Эта часть залива представляла собой мелководное море из тростника: и что на самом деле говорит еврейская Библия, так это то, что израильтяне пересекли море из тростника — *ям Суф*^[13] — которое раньше было продолжением Красного моря на север. Это место было таким мелководным, что, когда дул северо-восточный ветер, сопровождаемый отступающим приливом, оно могло пересохнуть; и поскольку племена Пустыни обычно врывались в него через эти временные ворота, уводили скот и разграбляли плодородную местность вокруг Питома, фараоны установили здесь сторожевую башню — один из своих Мигдолов. Израильтяне "расположились лагерем между Мигдолом и морем": затем поднялся северо-восточный ветер и сделал проход сухим, так что они смогли перейти. Их Бог проложил для них

путь. Если это объяснение, которое в настоящее время получило широкое распространение, будет окончательно установлено, оно должно навсегда заглушить все возражения относительно достоверности этой части повествования Священного Писания.

[*Авторитетные источники:* “Город-хранилище Питом” М. Навилла, Фонд изучения Египта. “Синай”. Майор Х. Спенсер Палмер, р.Э. “Пустыня исхода”. Профессор Э. Х. Палмер. “Синай и Палестина”. Дин Стэнли. “Египет и Синай” сэра Дж. У. М. Доусона.]

10. Странствия по дикой природе.

Все вопросы, касающиеся фактического маршрута израильтян и истинной горы Синай, были тщательно изучены во время Артиллерийской разведки Синайской пустыни в 1868-9 годах. Экспедицией руководили майор Генри Спенсер Палмер, р.Э., и полковник сэр Чарльз Уилсон, Р.Э., а результаты были опубликованы в 1872 году Министерством финансов в пяти массивных томах. Можно справедливо сказать, что эта экспедиция подтвердила точность библейского повествования; ибо покойный профессор Э. Х. Палмер, который был одним из участников экспедиции и вел свой собственный ежедневный журнал во время путешествия, уверяет нас, что библейское повествование читается точно так же, как ежедневный журнал, который ведет член путешествующей группы. Путешественник начинает с изложения своих первых впечатлений, которые часто корректируются в его более поздних заметках в результате дальнейшего опыта; и Палмер указал на такие свидетельства подлинности библейской истории.

Результаты обследования Синай интересуют нас здесь только в той мере, в какой они связаны с находками руин и реликвий прошлого.

Шахтерский район Синайского полуострова попал под власть Египта очень рано — вероятно, примерно за 3200 лет до христианской эры, — и скульптурные записи об их занятии распространялись в течение примерно 2000 лет. На табличках у входа в одну из пещер в Магаре изображены царь Сенефру и его преемник Хеопс (построивший Великую пирамиду): один побеждает пастуха Востока, другой повергает на землю азиатского врага. “На противоположных скалах, - говорит майор Палмер, - находятся остатки древнего поселения, состоящего из жилищ шахтеров, которые, вероятно, были военнопленными, и казарм их военной охраны. Среди этих руин найдены кремневые и каменные орудия труда, такие как наконечники стрел и копий, кремневые долота и ножи, а также грубые наконечники молотков из зеленого камня”.

В Сарабит-эль-Хадиме, в десяти или двенадцати милях дальше вглубь материка, где было открыто новое месторождение полезных ископаемых примерно в то время, когда Магараха начала проявлять признаки истощения, есть руины двух храмов, построенных из хорошо обработанного камня без раствора, стены и вестибюль покрыты египетскими сценами.

Но нас в первую очередь интересует, сохранились ли какие-либо следы пребывания израильтян, и особенно какие-либо характерные черты, которые могли бы пролить дополнительный свет на Священное Писание. Конечно, кочующий народ, живущий в палатках, не оставил бы свидетельств своего пребывания в погребенных городах; и то, что нам скорее всего следует искать, - это покинутые лагеря. По крайней мере, один из таких лагерей сейчас обоснованно идентифицируется как Киброт Хаттаава, где людей кормили перепелами (Числ. xi. 33). В повествовании Священного Писания говорится, что оттуда они отправились в Хазерот и

остановились там. Примерно в тридцати милях к северо-востоку от Джебель-Мусы, в месте под названием *Эрвейс эль-Эбейриг*, находятся несколько старых каменных развалин, с которыми связана легенда, которая очень поразительно напоминает утверждение Священного Писания и, вполне возможно, содержит некоторое зерно истины. “Эти руины, - говорят арабы, - являются остатками большого паломнического каравана, совершавшего хадж, который в незапамятные времена останавливался здесь по пути в Хазерот, а затем был потерян в Тихе, и о нем больше никогда не слышали”. Хазерот, название которого до сих пор сохранилось в Айн-Худхерах, находится в пятнадцати милях дальше по направлению к Акабе. Бадиет и Тих в переводе означает “дикая местность странствий” и представляет собой своего рода полуостров на возвышенности, который вдается в Синайскую пустыню с севера. Майор Палмер говорит нам, что руины в Эрвейс-эль-Эбейриге сами по себе образуют особый класс, отличающийся от всех других древних останков, найденных до сих пор на полуострове. Хотя здесь есть несколько каменных домов, остатки состоят в основном из большого количества небольших каменных оград, в основном круглой формы, простирающихся на несколько квадратных миль территории. Камни не поставлены торчком; их расположение мало чем отличается от того, что можно увидеть на местах, где раньше располагался арабский лагерь, хотя их, конечно, нельзя принять за арабские останки. Большие ограждения, предназначенные для важных персон, и очаги, все еще можно отчетливо проследить, убедительно показывая, что это большой заброшенный лагерь. По соседству, но за территорией лагеря, находится несколько каменных куч, которые, судя по их форме и расположению, вероятно, являются местами захоронений за пределами лагеря, хотя ни одна из них еще не исследована.

Между пустыней Тих и Иудеей находится Неgeb, или “Южная страна” Священного Писания, ныне пустынная и бесплодная пустыня, но, как показал профессор Э. Х. Палмер, она полна интереснейших следов прежних жителей и возделывания. В повествовании Священного Писания о странствиях мы читаем о Кадес-Барни, где умерла Мириам и откуда согладатаи отправились в Эшкол и добыли виноград. Идентификация Кадеша Барни долгое время была сложной и оспаривалась, пока в 1840 году доктором Роулендсом не было обнаружено, что это *Айн Гадис* (или *Кадес*) в Джебель-Маграхе, на юго-западной границе Негеба. Название *Гадис* идентично по значению и этимологии библейскому Кадешу, в то время как слово *’Айн* означает источник; так что вряд ли можно сказать, что Кадеш Барни изменил свое название. Это место представляет собой живописный оазис, и из-под неровного отрога твердой скалы, который Роулендз считает “утесом”, пораженным Моисеем, бьет обильный ручей. Профессору Палмеру, посетившему округ примерно тридцать лет спустя, не удалось найти этот великий источник, но он был снова открыт преподобным Ф. В. Холландом в 1878 году и доктором Клеем Трамбаллом из Америки в 1881 году; и книга доктора Трамбалла о Кадеше Барни в настоящее время является самым полным источником информации.

Отчет мистера Холланда об исследовательской экспедиции на Синай напечатан в конце тома “Восстановление Иерусалима”, изданного Фондом исследования Палестины. Мистер Холланд пытается проследить маршрут израильтян, установить станции, определить место, где произошла битва при Рефидиме, и сделать более понятной всю историю. Он говорит, что традиции прохождения детей Израиля через страну достаточно распространены. Физические условия страны таковы, что вполне возможно, что события, описанные в Книге Исход, произошли именно там. Маршрут израильтян на самом деле не был установлен с абсолютной уверенностью, но проведенные исследования, несомненно, пролили на него много света. В заключение г-н Холланд заявляет, что “ни один участник экспедиции не возвращался домой, не

почувствовав себя более твердо, чем когда-либо, убежденным в истинности той священной истории, которую он нашел проиллюстрированной и подтвержденной природными особенностями пустыни. Горы и долины, сами скалы, бесплодные и выжженные солнцем, какими они являются сейчас, кажется, дают свидетельства, которые никто из видящих их не может опровергнуть, что это была та самая "великая и ужасная пустыня", через которую Моисей под Божьим руководством вел Свой народ".

[*Авторитеты и источники:* — "Исследования на Синайском полуострове" преподобного Ф. В. Холланда (в томе "Восстановление Иерусалима"). "Синай". Майор Х. С. Палмер. "Пустыня исхода". Профессор Э. Х. Палмер. "Пустыня Тихого океана" профессора Э. Х. Палмера (в сборнике специальных статей Фонда Р. Е.)]

[В этом разделе ничего не говорится о синайских надписях, потому что ученые давно установили, что это тексты набатейских паломников третьего и четвертого веков нашей эры, написанные путешественниками, которые тогда посещали Синайский монастырь и отшельничество Вади Фейрана, и торговцами, которые проезжали из Петры по пути в Египет. Впервые они были прочитаны Беером в 1840 году, а авторитетной работой над ними является работа Леви в 1860 году. В 1868-9 годах профессор Э. Х. Палмер подтвердил их результаты. Дополнительные ссылки см. у Майора Кондера в *Ежеквартальном отчете*, январь 1892 г.]

ГЛАВА II. ПАЛЕСТИНА.

1. Палестина в целом.

Полезным предварением к нашему изучению Палестины будет, если мы приведем здесь краткий список экспедиций, разосланных Комитетом Фонда исследования Палестины.

Мы уже были в большом долгу перед многими исследователями — докторами Робинсоном, Буркхардтом, Ван де Вельде и др. за географию и М. Лартетом за геологию, но в Палестине никогда не было ни одной организованной группы, должным образом оснащенной для научного исследования. В 1864 году Иерусалим был должным образом обследован капитаном Уилсоном на средства леди Бердетт Куттс, и была опубликована превосходная карта города. Затем мистеру Джорджу Гроуву, в то время секретарю компании "Кристал Пэлас", но также известному своими топографическими статьями в "Библейском словаре" доктора Смита, пришла в голову счастливая мысль, что настало время для систематического обследования всей страны. Его энергия собрала влиятельную компанию на публичном собрании в Доме Уиллиса 22 июня 1865 года, на котором председательствовал архиепископ Йоркский, и сразу же было сформировано Общество. Президентом был избран архиепископ Йоркский мистер Джордж Гроув, почетный. Секретарь и первый комитет включали имена герцога Аргайлла, графа Шафтсбери, А. Х. Лейарда, члена парламента, Уолтера Моррисона, члена парламента, декана Стэнли, сэра Генри Роулинсона, преподобного Х. Б. Тристрама, члена

Королевской семьи и других не менее выдающихся людей. Архиепископ в своем вступительном слове изложил принципы, на которых должна основываться работа Общества, а именно, что это должно быть научное общество, выполняющее свою работу научным способом и воздерживающееся от споров. Общество неуклонно придерживалось этих принципов и было (как оно само себя называло) “Обществом точного и систематического исследования археологии, топографии, геологии и физической географии, естественной истории, нравов и обычаев Святой Земли для библейской иллюстрации”.

Первая экспедиция была отправлена в 1866 году под командованием капитана Уилсона, Р.Э., и лейтенанта Андерсона, Р.Э., и высадилась в Бейруте. В течение шести месяцев эта группа тщательно исследовала территорию от Дамаска до Хеврона и, наконец, высказалась в пользу начала раскопок в Иерусалиме.

В 1867 году лейтенант Уоррен, Р.Э., был направлен в Иерусалим с группой унтер-офицеров для начала раскопок. Эта работа продолжалась до 1870 года. В 1868 году преподобный Ф. Кляйн обнаружил Моавитский камень, а в 1870 году М. Клермон Ганно, археолог, нанятый Обществом, нашел камень с надписью, принадлежащий храму Ирода.

К тому же 1870 году относится исследование Синая, проведенное майором Х. С. Палмером и капитаном Уилсоном, а к 1871 году - путешествие профессора Э. Х. Палмера по пустыне Тих (или Дикой местности странствий).

Исследование Западной Палестины было начато в 1872 году; и когда через короткое время капитан Стюарт вернулся домой инвалидом, его место занял лейтенант Кондер, который продолжал работу в течение ряда лет. Тем временем, в 1874 году месье Клермон Ганно отправился с другой археологической миссией.

В 1877 году Разведка, прерванная нападением на отряд в Цфате, была возобновлена лейтенантом Китченером, который был главным помощником Кондера, и завершена удовлетворительно.

В 1880 году была опубликована большая карта Западной Палестины, а в 1881 году Кондер приступил к обследованию Восточной Палестины, которое, однако, турки не позволили завершить.

Геологическая экспедиция покинула Англию в октябре 1883 года под руководством профессора Эдварда Халла, директора Геологической службы Ирландии. Сопровождавший его подполковник Китченер осмотрел Вади-Арабах.

В 1885 году и в последующие годы герром Шумахером были обследованы обширные участки страны, особенно в Яулане.

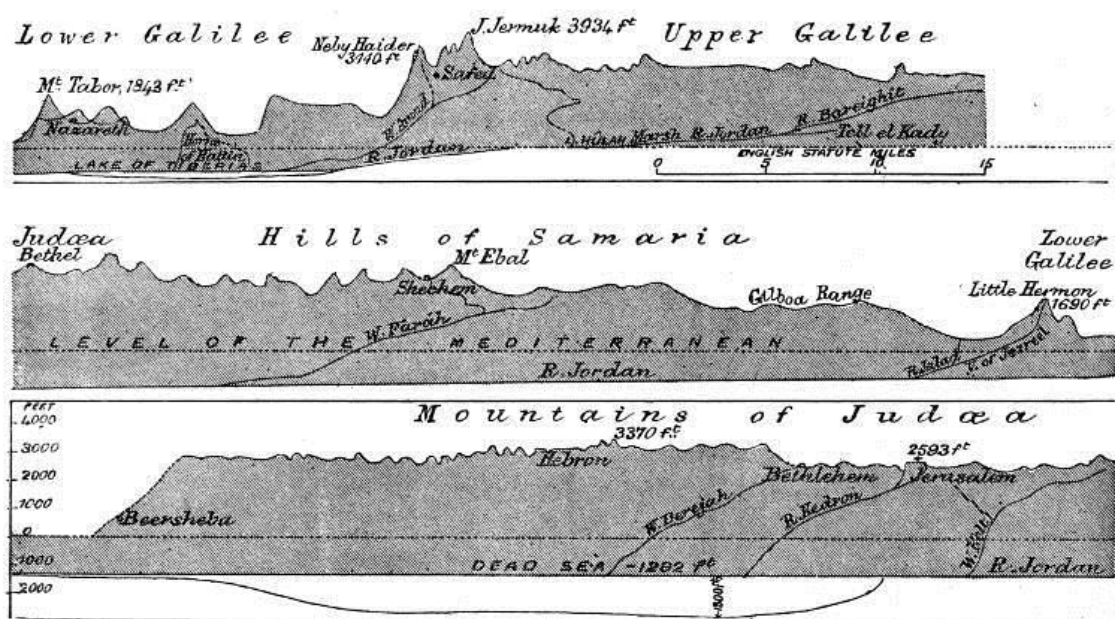
После этих различных исследований Общество выпустило непрерывный поток публикаций, карт и фотографий, а его сотрудники опубликовали важные книги за свой счет.

2. Физические особенности Палестины.

“Можно сказать, что главной целью Исследования Палестины был сбор материалов для иллюстрации Библии. Можно представить себе несколько более убедительных подтверждений исторического и аутентичного характера священного тома, чем сравнение "Земли и книги",

которое ясно показывает, что они совпадают во всех отношениях. Ошибочные идеи и предвзятые представления могут быть исправлены; но истинность Библии, безусловно, установлена на прочной основе критикой тех, кто, знакомый с людьми и страной, способен читать ее не как мертвую летопись прежнего мира или вымершей расы, а как живую картину нравов и страны, которую все еще может изучать любой, кто посвятит себя этой задаче”. — *Майор Кондер*.

Давайте начнем наше нынешнее изучение Святой Земли с того, что закрепим в наших умах четкое представление о ее общей физиографии. Две гряды холмов, тянущиеся с севера на юг, по одному по обе стороны реки Иордан, являются главной достопримечательностью страны. Западный хребет находится на высоте от 2000 до 3000 футов, а восточный - примерно на 1000 футов выше. Иордан, собирающий свои воды из трех источников, но главным образом из источника, вытекающего из пещеры в Баниасе, у подножия Антиливана, примерно на высоте 1000 футов над уровнем океана, быстро спускается и на расстоянии 12 миль протекает через заболоченное болото, называемое озером Хуле, которое обычно отождествляется с библейскими водами Мерома. “Озеро Хуле” имеет длину 4 мили и находится почти на одном уровне со Средиземным морем. Не было известно, что Иордан протекает через это болото как настоящий ручей, пока мистер Дж. Макгрегор на своем каноэ “Роб Рой” не проложил себе путь через камыши. Спускаясь по течению (“Иордан” означает *Спускающийся*), мы еще на 10 с половиной миль приближаемся к Галилейскому озеру, и вот мы уже на глубине 682 фута под уровнем Средиземного моря. Озеро имеет 12 с половиной миль в длину и почти 8 миль в ширину в самой широкой части. Расстояние между Галилейским озером и Мертвым морем, по прямой, составляет 65 миль; но течение настолько извилистое, что лейтенант Линч определил по навигации, что оно составляет 200 миль. На протяжении этой дистанции Линч преодолел двадцать семь порогов, которые он счел “угрожающими”, не считая еще множества порогов меньшей величины. Само Мертвое море находится на 1292 фута ниже уровня Средиземного моря, хотя уровень меняется на несколько футов в зависимости от того, выходит ли Иордан из берегов или иссякает. Его длина составляет 47 миль, а ширина около 10 миль. Он не имеет выхода на юг, но избавляется за счет испарения с поверхности от всей налитой в него воды. Таким образом, Иордан занимает ущелье, столь же глубокое, сколь и широкое, и является, вместе с его озерными котловинами, самой замечательной впадиной подобного рода на лице земли. Как заметил мистер Ффулкс, это река, которая никогда не была судоходной, впадающая в море, которое никогда не знало порта, никогда не было шоссе к более гостеприимным берегам, никогда не имело рыбных промыслов, река, которая никогда не могла похвастаться ни одним выдающимся городом на своих берегах.

МЕРИДИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ, ЗАПАДНАЯ ПАЛЕСТИНА.

(Сокращено из раздела мистера Трелони Сондерса У. Х. Хадлстоном.)

Нижняя Галилея Верхняя Галилея

Холмы Самарии

Горы Иудеи

К северу от Мертвого моря долина Иордана расширяется, переходя в обширную равнину, называемую Киккар, или Круглая, Иорданская равнина. К северу от этого места низменность долины Иордана простирается на несколько миль по обе стороны ручья, холмы то приближаются, то открываются шире. Следуя по низменности на север, мы постепенно находим проход слева: западная гряда холмов разделяется надвое долиной Изреель и Великой равниной Ездраэлон. Мы можем продолжить наше путешествие на запад и обогнуть мыс горы Кармил, где дорога подходит близко к морю, а затем направиться на юг через равнину Шарон в равнину Филистию и далее в пустыню Синай. Таким образом, можно объехать весь город, ни разу не взобравшись на холмы: так что этот центральный регион подобен острову, а вокруг него равнины, а не океан. Фактически, он был еще более изолирован, поскольку имел второе разделяющее кольцо вокруг первого; ибо на западе было Средиземное море, по которому плавали финикийцы, настроенные миролюбиво; на юге и востоке были обширные пустыни, а на севере были горы Ливана, спускающиеся своими корнями к морскому побережью. Однако существовал путь через Ханаан, из Египта в Месопотамию, по побережью и через перевалы Ливана.

Холмы Западной Палестины не представляют собой большого количества ровных плоскогорий, поскольку потоки, сбегаящие с обеих сторон в море на западе и в реку на востоке, прорезают землю глубокими ущельями; они, перехлестывая через свои истоки, оставляют центральный волнистый гребень, и если мы двинемся с севера на юг куда угодно, кроме как вдоль этого гребня, нам, возможно, придется пересекать русла рек глубиной 1000 футов. Восточный хребет

прорезан еще более грозными ущельями, главными из которых являются Арнон, Джаббок и Иеромакс.

Холмы Западной Палестины состояли из серых скал и были сравнительно голыми и бесплодными; равнины были великолепны цветами и богаты кукурузными полями. За равниной Езраэлон простирался дикий пейзаж из гор и лесов. Восточные холмы были покрыты лесами и пастбищами; в центральном регионе были леса Галаада; к северу от Галаада были богатые пастбища для диких стад крупного рогатого скота — “быков Башана”; на юге тоже были богатые пастбища, и царь Моава одно время был овцеводом, платя в качестве дани шерсть со 100 000 ягнят и 100 000 баранов (2 Царств iii. 4).

От Дана на севере до Вирсавии на юге страна простиралась всего на 140 миль, а от Иордана до моря - всего на сорок или пятьдесят: небольшая страна, даже если учесть восточные холмы, но достаточная для колен Израиля в то время; и местами чрезвычайно плодородная, земля молока и меда.

Дан был естественной точкой для северного предела, поскольку там начинается восхождение на гору Хермон, и там у нас находится один из истоков Иордана. Город был расположен на изолированном конусе, и его современное название - Баниас. С северной стороны от него возвышается утес высотой 100 футов, а у подножия его находится пещера, которая была святилищем бога Пана. Две ниши в скале содержат надписи в честь Пана. Из-за поклонения этому божеству город получил название Паниас или Паниум. Его библейское название, вероятно, было Баал Гад. Во времена Иосифа Флавия воды Иордана вырывались из самой пещеры, но теперь они вытекают у подножия кучи мусора перед пещерой многочисленными крошечными ручейками, которые вскоре соединяются и образуют реку. Замок Баниас - один из самых великолепных руин в Сирии. Он был обследован и спланирован полковником Китченером в 1877 году. Остатки колонн находятся в деревне Баниас, и майор Кондер подозревает, что крестоносцы, укреплявшие это место, с большой вероятностью разрушили языческий храм и использовали колонны в своей кладке.

Примерно в часе езды к югу от Баниаса находится курган под названием *Телль-эль-Кад* (гора Дан), и здесь у нас есть еще один исток Иордана. Телль-эль-Кад - одно из самых романтических и живописных мест в стране, обильно орошаемое водой, с видом на широкую долину Верхнего Иордана, с горными вершинами и хребтами на севере, востоке и западе. Можно предположить, что группа дольменов, недавно обнаруженных на этом месте, имеет какое-то отношение к древнему богослужению.

Вирсавия (*колодец клятвопреступления, или колодец семи*) была одним из старейших мест в Палестине и находится примерно так далеко на юг, как только может быть место, фактически не находящееся в пустыне. В настоящее время на этом месте находятся два основных колодца и пять меньших, и они являются одними из первых объектов, встреченных при въезде в Палестину с юга. Кондер обнаружил, что основной колодец имеет диаметр 12 футов 3 дюйма и глубину более 45 футов, облицованный кольцом каменной кладки на глубину 28 футов. Стенки всех колодцев испещрены канатами от водяных ящиков; но было сделано одно открытие, которое вызвало некоторое разочарование, а именно, что каменная кладка не очень древняя.

Пятнадцатью курсами ниже, с южной стороны большого колодца, находится камень с надписью на арабском языке на табличке, датированной, насколько можно разобрать, 505 годом нашей эры, то есть 1117 годом н.э. У колодцев нет ограждений, и путешественник может легко войти в

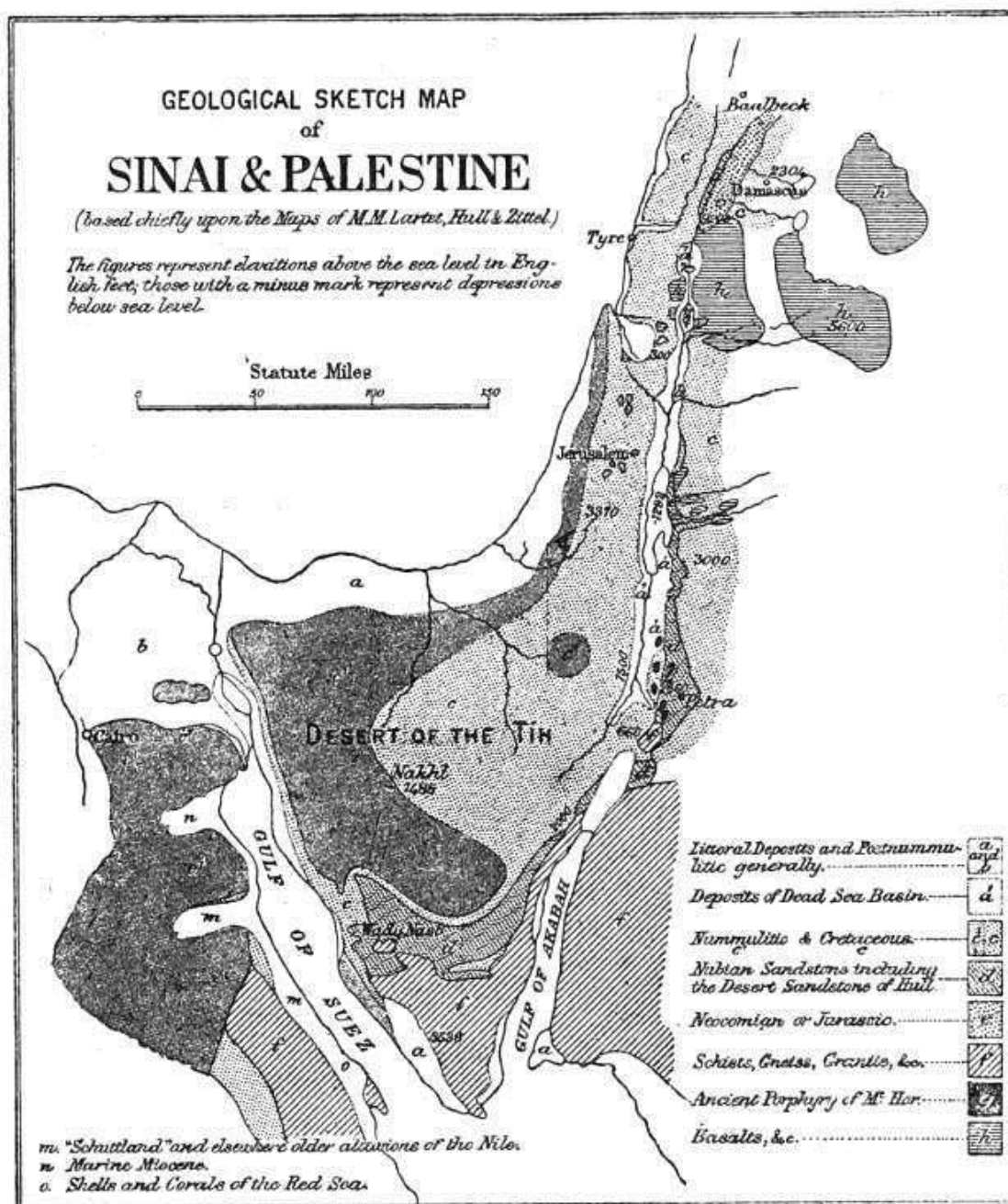
них, ничего не подозревая. Вокруг двух из них, содержащих воду, есть несколько грубых каменных желобов для воды, которые могут быть любого возраста.

Поскольку это границы страны, давайте снова вернемся к рассмотрению ее физических аспектов.

Физические особенности страны, естественно, зависят от ее геологического образования. Гряды холмов к востоку и западу от Иордании почти полностью образованы пластами известняка мелового периода, которые когда-то были сплошными. Долина реки Иордан совпадает с линией разлома; иными словами, скалистые пласты растрескались неправильной линией с севера на юг, и местность к западу от этого разлома полностью опустилась, так что более высокие слои скал на той стороне теперь примыкают к более низким слоям на восточной стороне. Начавшись с этой впадины, дожди и ливневые потоки постепенно придали долине ее нынешний вид.

Приморский район Палестины, простирающийся от подножия Кармила на юг через Иоппию и Газу до пустыни Вирсавия, состоит из ряда невысоких холмов высотой от 300 до 400 футов, разделенных долинами и аллювиальными равнинами, простирающимися вглубь страны на различное расстояние. Береговая линия ограничена линией песчаных холмов, которые, будучи не сдерживаемыми каким-либо физическим барьером, постоянно продвигаются вглубь страны с катастрофическими последствиями. Район в основном состоит из слоев песка и гравия, которые когда-то были дном внешнего моря; в то время как вдоль многих рек и ручьев залежи богатого суглинка темно-коричневого цвета занимают значительные площади и дают земледельцам обильные урожаи пшеницы и кукурузы.

Профессор Эдвард Халл, выдающийся геолог, которому Общество исследования Палестины поручило изучить геологию пустыни и Святой Земли, сообщил Комитету о результатах в подробных мемуарах, в которых он рассказывает о приморском районе, плоскогорье Западной Палестины и пустыне Тих, впадине долины Иордана и ее продолжении на юг до залива Акаба, возвышенном плато к востоку от Иордании и горном массиве Синайского полуострова. Используя труды своих предшественников, Руссегера, Фрааса, Лартета, Виньеса и других, он иногда подтверждает их результаты, а иногда дополняет наши знания.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА of СИНАЙ И ПАЛЕСТИНЫ

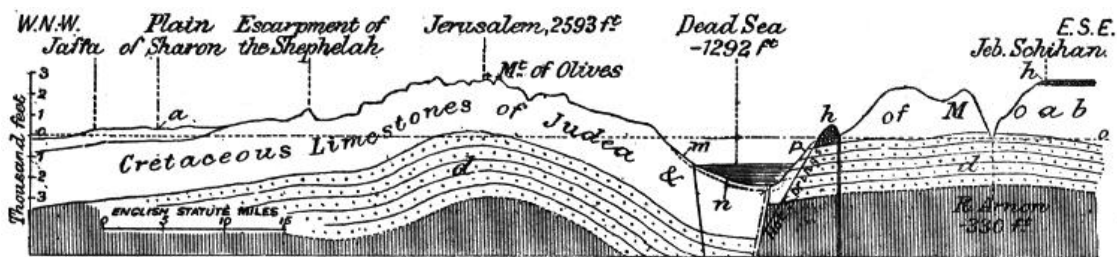
(основано главным образом на Картах М.М. Лартета, Халла и Циттеля.)

Цифры обозначают отклонения над уровнем моря в английских футах; цифры со знаком минус обозначают впадины ниже уровня моря.

Благодаря любезности мистера У. Х. Хадлстона, члена Королевского совета и секретаря Геологического общества, я могу проиллюстрировать эту главу геологической картой, основанной главным образом на картах Лартета, Халла и Циттеля. В значительной степени он рассказывает свою собственную историю об особенностях страны, а также о скалах и образованиях, из которых построен регион. Древнейшие скалы занимают большую часть Синайского полуострова, а также горы, окаймляющие залив Акаба и простирающиеся на север вдоль восточной стороны Вад-эль-Араба. Они состоят из гранитных, гнейсовидных и сланцевых пород, среди которых вкраплены огромные массы красного порфира, темно-зеленого камня и других магматических пород в виде даек, жил и выступов. Эти породы, вероятно, одни из древнейших в мире. После того, как эти древние породы укрепились, они подверглись обширной эрозии и превратились в очень неровные поверхности, по которым распространились более поздние образования; сначала они заполнили впадины нижними слоями и, в конечном счете, покрыли даже более высокие возвышенности по мере продолжения процесса отложения слоев. Старейшим из этих образований является красный песчаник и конгломерат, который профессор Эдвард Халл называет “Пустынным песчаником”. Он образует узкую полосу вдоль границы старых кристаллических пород. Он покрыт ископаемым известняком Вад-Нэш, что указывает на его принадлежность к каменноугольному периоду — фактически это представитель каменноугольного известняка Европы и Британских островов. Он также встречается к востоку от долины Араба и среди гор Моава к востоку от Гор. За ним следует другое образование из песчаника, более широко распространенное, чем первое. Он относится к гораздо более позднему геологическому периоду, а именно к меловому периоду; и является представителем “нубийских песчаников” Розьера, столь широко распространенных в Африке, особенно в Нубии и Верхнем Египте. За ними следуют известняковые образования мелового и нуммулитового периодов, которые занимают большую часть карты, образуя великое плоскогорье Тиха от его западного склона до границ долины Араба и простираясь на север через холмистую местность Иудеи и Самарии в Сирию и Ливан.

На востоке долины реки Иордан известняк мелового периода образует плоскогорья Эдома и Моава: далеко на север до Хаурана и Джаулана, где известняк проходит под огромными пластами базальтовой лавы. Известняк мелового периода представляет собой меловую формацию Европы и Британских островов.

Хотя известняк мелового периода относится ко вторичному периоду, а нуммулитовый известняк - к третичному, в Палестине они очень тесно связаны в том, что касается их минеральных характеристик; и оба они содержат слои или полосы кремня и сланца.

ОБОБЩЕННЫЙ ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ ПО ВСЕЙ ПАЛЕСТИНЕ.

о, уровень Средиземного моря; *a*, дно приморских равнин; *m*, старые озерные отложения бассейна Мертвого моря; *n*, отложения, формирующиеся в настоящее время под Мертвым морем; *p*, туфовые отложения горячих источников; *h*, базальт.

Известняк мелового периода лежит в основе почти всей долины Иордан и Араба, хотя и скрыт более поздними отложениями, и откололся вдоль линии большого разлома долины Иордан от более старых образований. Другими словами, на западе мы имеем пласты эпохи английского мела, которые очень резко спускаются к центру долины. На востоке у нас есть нубийский песчаник, а над ним твердый известняк, геологически ровесник наших зеленых песков. Эта огромная долина существует исключительно благодаря наличию этой ведущей линии разлома и смещения и последующему обнажению пластов, а восточная сторона настолько гориста и характеризуется такими величественными очертаниями холмов и долин.

Эти известняки проходят под более новой формацией известкового песчаника в направлении Средиземноморья, формацией, вероятно, верхнеэоценового возраста, которую Халл назвал “Известковый песчаник Филистии”.

Следующие по порядку образования состоят из возвышенных пляжей и морского дна вдоль побережья, а также из озер в долине Гор и реки Иордан; и они геологически намного приближают нас к нашему времени.

Не только физические особенности страны зависят от ее геологического образования, но и нельзя подвергать сомнению тот факт, что характер и образ жизни жителей формируются или модифицируются физическими особенностями. Профессор Эдвард Халл заметил, что мягкий, терпеливый характер египетского земледельца соответствует природе этого широкого аллювиального участка плодородной земли, орошаемого Нилом. Горные массивы Синайского полуострова, образованные древнейшими кристаллическими породами этой части света, стали обителью араба-бедуина, выносливого дитя природы, приспособившегося к жизни в соответствии со своим диким окружением. Обширное плоскогорье Тиха, менее суровое и негостеприимное, чем горные районы Синая и Сербала, дает жизнь кочующим племенам, частично занимающимся скотоводством и постепенно ассимилирующим свои привычки с феллахами Филистии и Палестины, которые обрабатывают землю и разводят большие отары крупного рогатого скота.

[*Авторитетные источники:* —“Библейский словарь” Смита. Обзор Западной Палестины, Мемуары по геологии. Доктор Эдвард Халл. “Геология Палестины”. Уилфред Х. Хадлстон, Ф.Р.С. “Роб-Рой на Иордане”. Джон Макгрегор.]

3. Мертвое море, Соленое море или Море Лота.

Сэр Джордж Гроув указывает, что название “Мертвое море” никогда не встречается в Библии и, по-видимому, существовало только во втором веке после Рождества Христова. Оно возникло в результате ошибочного мнения, и не может быть никаких сомнений в том, что это название в значительной степени связано с ошибками и искажениями, которые так долго были распространены в отношении этого озера и которые на самом деле еще не полностью прекратили свое существование. В Ветхом Завете оно называется Соленым морем и Морем Равнины (Арабах). Арабы называют его Эль-Бар-Лут (Море Лота).

Соленое море лежит в самой глубокой части великой Иордано-Аравийской впадины, и к югу от него, как и во всех других направлениях, поверхность поднимается. Фактически, обследование Араба, проведенное полковником Китченером, показало, что дно долины по большей части приподнято над уровнем залива Акаба. От границы Мертвого моря в южном направлении земля лишь незначительно поднимается на протяжении 10 миль, но затем начинает быстро подниматься, так что на расстоянии около 40 миль она достигает уровня моря в Акабе; а в 29 милях южнее она на 660 футов выше этого уровня.

Долина реки Иордан, как уже говорилось, совпадает с большим разломом в пластах. Это было признано Лартетом, Тристрамом, Уилсоном и другими; и профессор Халл проследил продолжение этого разлома у основания Эдомитских гор вдоль долины Арабах. Он согласен с Лартетом в том, что воды долины Иордана не стекали в залив Акаба с тех пор, как суша вышла из океана. Отсоединение внутренних вод от внешних - очень древнее событие, восходящее ко временам миоцена.

Река Иордан на всем своем протяжении от Тивериадского моря до Соленого моря прорезает свое русло через аллювиальные террасы, состоящие из песка, гравия и известкового мергеля, которые иногда содержат полукаменелые раковины, но виды, все еще обитающие в озерах Тивериада и Хуле. Эти террасы тянутся вдоль берегов Соленого моря, и между подножием утесов Джебель-Карантул, недалеко от Иерихона, и бродами Иордана можно наблюдать три из них,

первый находится на уровне от 650 до 600 футов,
второй - на уровне от 520 до 250 футов,
третий - на уровне от 200 до 130 футов

а ниже последнего названного находится аллювиальная равнина, которая может быть затоплена при подъеме уровня воды. Верхние поверхности и внешние края этих террас указывают на последовательные стадии, на которых воды останавливались, опускаясь до своего нынешнего уровня. Первоначально уровень воды в них достигал уровня, несколько превышающего уровень Средиземного моря, и в то время большое внутреннее озеро простиралось от озера Хуле на юг до долины Арабах, его длина составляла около 200 миль.

В долине реки Иордан верхняя терраса у подножия холмов называется Гор, и ее следует отличать от Зора, или дна долины, в которой извивается еще более глубокое русло реки.

Само Соленое море со всех сторон окружено террасами холмов, за исключением северной части, где в него впадают воды Иордана. Постепенно поднимаясь из океана, регион, по-видимому, несколько раз останавливался на сменяющих друг друга уровнях, и море оставило свой след в виде отложений мергеля, гравия и ила. За южной оконечностью Соленого моря берега Гхора поднимаются в виде большой белой наклонной стены на высоту около 600 футов над равниной и образованы горизонтальными полосами песка и гравия, опирающимися на белый мергель и суглинок. Эта настенная роспись имеет полукруглую форму из стороны в сторону от Гхора. Верхняя поверхность почти ровная (за исключением тех мест, где ее пересекают русла рек), и от ее основания простирается равнина, частично покрытая с западной стороны лесом из небольших деревьев и кустарников, а частично растительностью, служащей пастбищем для многочисленных стад арабов, которые селятся здесь в прохладные месяцы года. Невозможно сомневаться, что в незапамятные времена воды Соленого моря, хотя сейчас они

находятся на расстоянии около 10 миль, омывали подножие этих утесов, и подъем на несколько футов затопил бы эту зеленую равнину и вернул бы морю его прежние, более обширные пределы.

С этой позиции также видна белая терраса Джебель—Усдума — “соляная гора”, на которую крестonosцы ошибочно поместили Содом, - выступающая со сторон более высоких известняковых террас Иудейских холмов. К востоку видны похожие террасы беловатых аллювиальных отложений, цепляющиеся за склоны Моавитских холмов или уходящие далеко вверх по глубоким долинам, которые пронизывают склоны великого плоскогорья. На этих террасах, верхние поверхности которых достигают уровня около 600 футов над водами Соленого моря, мы видим лишь остатки древнего морского дна, которое, должно быть, первоначально простиралось из стороны в сторону.

На восемьсот футов выше этих террас есть другие, состоящие из мергеля, гравия и ила, через которые прорезаны русла существующих ручьев; и это указывает на то, что уровень Соленого моря когда-то был на 100 футов выше, чем воды Средиземного моря сейчас.

Происхождение солёности Мертвого моря.— Было общепризнано, что воды озер, не имеющих выхода, в конечном итоге становятся более или менее солеными. Из них наиболее важными в старом свете являются Каспий, Аральское море, озера Балкаш, Ван, Урумия и, наконец, Мертвое море, или, как его первоначально называли, “Соленое море”. “Каспий, - говорит профессор Халл, “ из-за своей огромной протяженности и других причин лишь слегка соленое; но то, с чем мы здесь имеем дело, является самым соленым из всех. Вполне вероятно, что вода самого океана стала соленой по той же причине, которая привела к засолению внутренних озер, поскольку ее можно рассматривать как массу воды без выхода. Теперь я приступаю к объяснению причины солёности в таких озерах.

“Было обнаружено, что воды рек содержат, помимо вещества, находящегося в состоянии механической взвеси, карбонаты извести и магнeзии, а также солевые компоненты в состоянии раствора; и поскольку те озера, которые имеют выход, такие как Галилейское море, расстаются со своими водами и соевыми ингредиентами так же быстро, как они их получают, воды таких озер остаются пресными. Однако в отношении озер, которые не имеют выхода, дело обстоит иначе. В таких случаях вода выпаривается так же быстро, как и поступает; и поскольку пар находится в состоянии чистоты, соевые ингредиенты остаются. Таким образом, вода такого озера имеет тенденцию к постоянному увеличению солёности, пока не будет достигнуто состояние насыщения, когда избыток соли выпадает в осадок и образует слои на дне озера. Контраст, создаваемый водами Галилейского моря, с одной стороны, и Мертвого моря - с другой, хотя оба они питаются одной и той же рекой, является яркой иллюстрацией эффектов, возникающих в результате противоположных физических условий. В первом случае воды пресные и изобилуют рыбой и моллюсками; во втором они настолько сильно соевые, что вся животная жизнь отсутствует.

“Увеличение солёности в водах Мертвого моря, вероятно, происходило очень медленно и восходит к его самому раннему состоянию, когда его воды простирались примерно на 200 миль с севера на юг

“Чрезмерная солёность вод Мертвого моря будет очевидна при сравнении с водами Атлантического океана. Таким образом, в то время как воды океана содержат шесть фунтов

соли и т. Д. В ста фунтах воды, воды Мертвого моря дают 24 · 57 фунтов в том же количестве; но в обоих случаях степень солености меняется в зависимости от глубины, воды на поверхности менее соленые, чем воды у дна

“Что касается глубины вод: Дно Мертвого моря исследовалось дважды: во-первых, экспедицией под командованием лейтенанта Линча в 1848 году и, во-вторых, экспедицией под командованием герцога де Люина. В первом случае максимальная глубина составила 1278 футов; во последнем 1217 футов, что является близким приближением друг к другу. Таким образом, мы можем утверждать, что дно озера опускается почти на такую же глубину ниже его поверхности, как и сама поверхность ниже уровня Средиземного моря.

“Фрагмент, приведенный Линчем, указывает на то, что место наибольшей глубины находится гораздо ближе к Моавитскому берегу, чем к иудейскому, и спуск от основания Моавитского откоса ниже Джебель-Аттаруса и между выходами из Вади-Моджеб и Зерка-Майн действительно очень крутой. Самая глубокая часть впадины, по-видимому, находится в направлении, идущем с севера на юг, на расстоянии около 2 миль от восточного берега; и хотя подъем к этому берегу быстрый, подъем к иудейскому берегу на западе сравнительно пологий. Линия этого глубокого желоба, по-видимому, в точности совпадает с линией великого разлома долины реки Иордан. Со дна более глубокой части линия зондирования подняла образцы кристаллов соли (хлорида натрия), и едва ли можно сомневаться в том, что слой этого минерала вместе с гипсом находится в процессе формирования в центральных частях Мертвого моря”.

[*Авторитеты и источники:* — “Воспоминания об исследовании: геология”, доктор Э. Халл. “Библейские изречения” Смита. “Работа в палатках в Палестине”. Майор Кондер, Р.Э.]

4. Города равнины.

В настоящее время существует общее мнение, что Содом и Гоморра, Адма и Зебоим были расположены к северу от Мертвого моря, в Киккаре, или равнине Иордана. Есть старые карты, на которых эти города изображены расположенными на дне Мертвого моря и все же объатыми пламенем! Народное невежество воображает, что битум, поднимающийся на поверхность вод, является пережитком того, что произвело разрушение. И до недавнего времени даже лучшие ученые предполагали, что города находятся под мелководной частью моря, к югу от полуострова Лисан. Все подобные теории опровергаются геологическими исследованиями, которые показывают, что Мертвое море намного старше любой даты, которую можно отнести к разрушению городов, и что поверхность воды постоянно уменьшалась в площади и опускалась до более низких уровней.

В Библии нет ничего, что могло бы побудить нас искать города к югу от Мертвого моря, где их разместили крестоносцы, или к востоку от него, или где-либо еще, кроме севера и Киккара. Когда Авраам и Лот поговорили о спорах между своими пастухами и решили пойти разными путями со своими стадами, “Лот поднял глаза свои и увидел всю равнину Иордана, что она хорошо орошена ... пока ты не придешь в Сигор”. Сэр Джордж Гроув в “Библейском словаре” Смита ясно показал, что равнина Иордана, о которой здесь говорится, - это не Араба, в которой находится Мертвое море, а Киккар, или “Круглая” местность к северу от него. Положение Авраама и Лота в то время находилось на горе к востоку от Вефиля; а поскольку местоположение Вефиля известно, найти гору к востоку от него было нетрудно. Это было обоснованно

идентифицировано преподобным каноником Уильямсом, и его выводы были подтверждены в 1865 году полковником сэром К. Уилсоном. Было показано, что если бы города располагались к югу от Мертвого моря, человеческое зрение, возможно, не простиралось бы так далеко, чтобы что-либо различить. Но к северу от моря, на Круглой или Равнинной местности, Лот смог бы их разглядеть. Соответственно, когда дружеская встреча закончилась, он отправился на восток от горы близ Вефиля, чтобы добраться до своего нового дома в Содоме.

Видение Лота простиралось через равнину до Сигора и не дальше, потому что равнина была ограничена высокими горами Моава. Доктор Тристрам считает, что он идентифицировал Сигор, пятый город Равнины, “маленький город”, в который Лот бежал после землетрясения. Стоя на горе Нево, он заметил руины немного впереди себя, почти на одной линии с Иерихоном. Руины находились на невысоком выступе земли и, таким образом, соответствуют описанию того, что Лот отдыхал в этом городе по пути в горы, а затем поднялся в гору и поселился в пещере. Руины до сих пор называются Зиара, что не сильно отличается от греческого написания ΖΩαρα и не очень сильно от ивритского.

Возможно ли обнаружить какие-либо реликвии четырех больших городов? Хотя они и были уничтожены пожаром, возможно, они были уничтожены не полностью, как и Помпеи; но если их останки скрываются под слоем пыли, то пыль хорошо хранит свою тайну. Майор Кондер день за днем объезжал почти каждый акр земли между Иерихоном и Мертвым морем и не смог обнаружить ни одного кургана или признака погребенного города. Вся местность представляла собой белую пустыню, за исключением холмов, где после дождей вырастает богатая трава. Время года было наиболее благоприятным для таких исследований, потому что не было высокой травы, которая скрывала бы какие-либо руины. Но на всей этой равнине он не нашел никаких развалин, кроме старого монастыря Святого Иоанна и маленькой пещеры отшельника.

Это описание не учитывает замечательную группу *теллей*, или курганов земли и мусора, усеянных руинами, существующих по соседству с Иерихоном. Их семь, и один из них находится недалеко от фонтана Элиши, который теперь называется *Айн-эс-Султан*. Можно было бы предположить, что исследование этих курганов могло бы дать ценные результаты, но никто не берется за эту работу. Это правда, что некоторые раскопки, проведенные сэром Чарльзом Уорреном, доказали только существование высушенных на солнце кирпичей; и поскольку курганы обычно встречаются там, где почва аллювиальная, Кондер рассматривает их как груды отбросов кирпича, и ничего более; но сэр Дж. У. Доусон, посетив это место, заметил в насыпи множество кремневых осколков, а сэр К. Уоррен, председательствуя на моей лекции в Гилдфорде, публично выразил мнение, что, вероятно, было бы найдено много мелких предметов, представляющих большой интерес, если бы материал был просеян.

Но если руины городов на Равнине обнаружить невозможно, то их названия, по-видимому, сохранились в округе, слегка замаскированные под арабские слова и относящиеся к отдельным участкам земли.

Кондер справедливо замечает, что города, вероятно, располагались вблизи источников пресной воды, и великий источник Айн-Фешха, расположенный на северо-западе Мертвого моря, является вероятным местом для одного из них. Большой утес недалеко к югу от источника бедавины называют Тубк-Амрия, а соседнюю долину Вади -Амрия. Это слово радикально идентично еврейскому “Гоморра”, или “Аморах”, как оно пишется в одном отрывке (Быт. х. 19), означая, по мнению одних авторитетов, “депрессию”, по мнению других, “культивацию”.

Адма означает “красная земля” - описание, которое вряд ли применимо к земле близ Мертвого моря. Но нет никаких причин, по которым все четыре города должны находиться близко к Мертвому морю. Сотрясение, разрушающее города у моря, вероятно, ощущалось бы далеко в долине реки Иордан из-за линии разлома. Кондер также указал, что термин “Киккар” применяется в Библии к долине Иордана на севере до Суккота. В Книге Иисуса Навина упоминается “город Адам”, расположенный рядом с Заретаном; название Эд-Дамия применимо к окрестностям Иорданского брода к востоку от Курн-Суртабех, примерно в 23 милях вверх по долине; и всегда казалось возможным предположить, что Адам и Адма - это одно и то же лицо. Я бы добавил свое собственное предположение в поддержку точки зрения, что Адма находилась на некотором расстоянии вверх по долине реки Иордан. Отрывок из Бытия. х. 19 описывает границу Ханаана, начинающуюся в Сидоне, идущую вдоль береговой линии до Газы, оттуда идущую на восток к равнине Иордана, а затем поднимающуюся вверх по долине Иордана до Дана или Лаши — и этот отрывок можно свободно перевести так: “Граница Хананеев проходила от Сидона; оттуда вы идете в сторону Герара до Газы; оттуда вы идете в Содом; затем через Гоморру, Адму и Зевоим до Дана”.^[14] Поскольку Герар находился за Газой на юге, граница шла только к нему; а поскольку Содом находился за Иорданом на востоке, граница шла только к Содому; не было необходимости говорить, что она заканчивалась у реки, ибо это было очевидно. Затем он следует по течению реки от Мертвого моря до истока ручья. И тогда северная граница известна без описания. Если этот перевод верен, то Гоморра находилась к северо-западу от Мертвого моря, на линии, соединяющей Газу с Содомом; и граница хананеев, достигнув Гоморры, касалась Адмы и Зебоима и продолжалась на север до грота в Баниасе.

Зебоим означает “гиены” и идентично арабскому Dub'a. По этой причине Кондер спрашивает, не могло ли оно быть расположено на утесе прямо над равниной, недалеко от римского Иерихона, поскольку сейчас оно называется Шах эд Дуб'а, “логово гиены”. Если я прав в своем прочтении Быт. х. 19, Зебоим должна находиться к северу от Адмы - если только два названия, так часто сочетающиеся вместе, не меняют свой порядок. Гроув напоминает нам, что Долина Зебоим (название пишется немного по-другому) была оврагом или ущельем, по-видимому, к востоку от Михмаса, описанным в 1 Цар. xiii. 18. В ходе обсуждения, по-видимому, упускается из виду, что Зебоим упоминается в книге Неемии xi. 34 в одной группе с Хадидом, Лодом и Оно среди мест, занимаемых детьми Вениамина, в то время как в книге Неем. vii. 37 эти три места названы между Иерихоном и Сеной. Но если Лод в этом отрывке следует рассматривать как Лидду на равнине Шарон, то группировка мест не дает нам никаких указаний.

Один только Содом, как продолжает Кондер, остается без предположений, и он не находит никаких следов этого к западу от Иордана. Он отмечает, однако, что слово Сиддим, по-видимому, совпадает с арабским *Sidd*, которое используется в особом смысле арабами долины реки Иордан в значении “утесы” или мергелевые насыпи, подобные тем, что существуют вдоль южного края равнин Иерихона, при этом обычное значение - “плотина” или препятствие. Таким образом, Долина Сиддим вполне могла, судя по ее названию, располагаться в непосредственной близости от северных берегов Мертвого моря.

Доктор Села Меррилл в своей книге “К востоку от Иордана” также обсуждает расположение городов на Равнине. Он говорит: “Поскольку Сигор был одним из них, намек на их положение может быть получен из Быт. xiii. 10, где Лот и Авраам изображены стоящими на холме недалеко от Вефиля и смотрящими вниз по долине Иордана в сторону Мертвого моря. Как этот стих передан в нашей английской Библии, смысл неясен; но он станет ясен, когда вся средняя часть

стиха будет прочитана в скобках следующим образом: 'И поднял Лот глаза свои и увидел всю равнину Иорданскую (что она повсюду была хорошо орошена, прежде чем Господь разрушил Содом и Гоморру, как сад Господень, подобно земле Египетской), пока ты не придешь в Сигор'. Последнее предложение уточняет первое. Лот видел всю равнину Иордана до Сигора, или "пока не придешь в Сигор". Сигор был одновременно и границей равнины, и пределом видимости в этом направлении, насколько это касалось земли ".

Затем доктор Меррилл показывает, что на южной оконечности Мертвого моря ничего нельзя было различить; и цитирует ранних авторов, чтобы показать, что Зоар существовал недалеко от северной оконечности.

Что касается разрушения Содома и Гоморры, недостаточно кратко сказать, что это было чудо, и предположить, что никаких дальнейших объяснений дать нельзя. Говорится о дожде из серы и огня, и вполне законно искать его источник. На примере Помпей в наших умах естественно предположить вулканическую активность, тем более что регион к северо-востоку от Мертвого моря является свидетельством вулканической деятельности. Но сэр Дж. У. Доусон (хорошо известный американский геолог) в своей книге "Египет и Сирия" остроумно доказывает, что произошел нефтяной взрыв. "Илистые ямы", о которых говорится, что они изобилуют в Долине Сиддим (Быт. xiv. 10), он рассматривает как нефтяные скважины, а затем проводит следующую параллель: "Области битума, подобные области Мертвого моря, подвержены извержениям самого разрушительного характера. Примеры этого у нас были в нефтяных регионах Америки. В рассказе об одном из таких случаев, который сейчас находится передо мной и который произошел несколько лет назад, в нефтяном районе Петролия, в Канаде, я прочитал, что скважина пробилла резервуар с газом, который устремился вверх со взрывной силой, неся перед собой большое количество нефти. Газ почти сразу же загорелся и образовал высокий столб пламени, в то время как горящий бензин растекся по земле и воспламенил резервуары с веществом поблизости. Таким образом, пространство площадью около пятнадцати акров было охвачено огнем, была сожжена деревня, и несколько человек погибли. Поток воздуха, направленный к месту извержения, вызвал вихрь, который поднял густой дым высоко в воздух и разбросал вокруг горящий битум.

Теперь, если мы предположим, что в упомянутое время под равниной Сиддим существовали скопления горючего газа и нефти, то утечка их через отверстие трещины вдоль старой линии разлома могла привести к описанным эффектам, а именно, к столбу дыма, поднимающемуся к небесам, горящему битуму и сере, проливающимся дождем на обреченные города, и пожару, распространяющемуся по земле. Сопутствующий феномен выделения соленых вод, подразумеваемый при уничтожении жены Лота, был бы естественным сопровождением, поскольку вода всегда выбрасывается при таких извержениях; и в данном случае это был бы рассол, густо покрытый грязью, способный покрыть коркой любой объект, до которого он дотянулся".

Важное замечание относительно разрушения городов на Равнине содержится в утверждении в Быт. xiv, что в долине Сиддим были битумные ямы или колодцы, и что они были настолько многочисленны или важны, что служили местом отступления или препятствовали бегству побежденных царей Содома и Гоморры. Эти битумные ямы исчезли, если только их остатки не представлены единичными ямами, описанными доктором Мерриллом как встречающиеся близ Вади-Нимрима. Их существование во времена Авраама свидетельствовало бы о гораздо

большем изобилии битуминозного вещества, чем то, которое сохранилось сейчас; и вполне возможно, что извержение вулкана, уничтожившее города на Равнине, в значительной степени исчерпало запасы нефти.

“Нет оснований думать, - добавляет доктор Доусон, - что разрушение Содома и Гоморры было связано с каким-либо важным изменением границ Мертвого моря, хотя весьма вероятно, что имело место некоторое оседание долины и, возможно, незначительно повлияло на ее уровень относительно Иордана и моря; но из Втор. ххix. 23 следует, что за извержением последовало постоянное ухудшение состояния местности из-за соленого ила, которым она была покрыта”.

В *Богословском ежемесячнике* за май 1890 года преподобный Джеймс Нил заявляет, что нигде в окрестностях Иордана нет битумных карьеров. Ямы, о которых говорила доктор Села Меррилл, были соединены с акведуками и использовались для орошения. Но асфальт, выброшенный со дна Мертвого моря, возможно, использовался для того, чтобы сделать такие ямы водонепроницаемыми, и в этом смысле они были бы ямами для ила. Он показывает, что такие ямы действительно существуют в долине Иордана, протянувшись через нее длинными рядами к северу от предполагаемого места расположения некоторых городов на Равнине; и очень любопытно, что у бедавинов, которые не знакомы с их природой и назначением, есть легенда, связывающая их с великой битвой.

[*Авторитеты и источники:* — “Библейское изречение” Смита. “Работа в палатках в Палестине”. Майор Кондер, Р.Э. “Земля Моавы”. Преподобный каноник Тристрем, Ф.Р.С. “К востоку от Иордании”. Доктор Села Меррилл. “Египет и Сирия”. Сэр Дж. У. Доусон.]

5. “Жена Лота”.

В связи с разрушением Содома Библия упоминает судьбу, постигшую жену Лота, которая “превратилась в соляной столп”. В Книге Мудрости мы также читаем о пустыне, которая дымится, и растениях, приносящих плоды, которые никогда не созревают, и стоящем соляном столбе — памятнике неверующей душе (Мудрость. х. 7). Иосиф Флавий также говорит, что он видел это (Ант. i. 11, 4). У арабов есть легенды на эту тему; и путешественники время от времени описывают соляные столбы, на которые им указали и с которыми связаны легенды. Эти истории ни в коем случае не современны. Майор Кондер в своих “Знаниях о сирийском камне” вкратце излагает взгляды Отцов Церкви на этот предмет. С раннего периода “жена Лота” упоминается как стоящая у западных берегов Мертвого моря, и Антонин Мученик тщательно борется с идеей о том, что соляной столп был разрушен из-за того, что его постоянно вылизывали животные. Клеменс Романус видел это; Ириней также (IV. ххxi. 3) упоминает “жену Лота” как все еще стоящую колонну. (Цитируется Китто, Циклопед. “Лот”), как и Бенджамин из Туделы, чей рассказ более чем обычно обстоятелен; а в более поздние времена Мандрелл и другие. По-видимому, это, возможно, природная вершина, ныне называемая Карнет Сахсул Хамейд, о которой упоминают эти авторы. Предполагалось, что женская природа этой статуи все еще заметна, несмотря на окаменение.

Возможно, лучший рассказ о “жене Лота” можно найти в “Пустыне исхода” Э. Х. Палмера, где цветная табличка помогает осознанию.

“Находясь в Гаварине, - говорит Палмер, - до нас дошли странные слухи о том, что на восточном берегу Мертвого моря существует “статуя” под названием “жена Лота”, но никто из них никогда

ее не видел и не мог дать нам удовлетворительного описания. Проведя осторожные расспросы среди бени Хамиде, мы выяснили, что утверждение было правильным, и после некоторых небольших проблем были наняты проводники, которые предложили проводить нас до места.... Наш путь привел нас к другому плато, примерно в 1000 футах над Мертвым морем, и на самом краю этого плато находился объект, который мы искали, — Бинт Шейх Лот, или ‘жена Лота’. Это высокая изолированная скальная игла, которая действительно имеет любопытное сходство с арабской женщиной с ребенком на плече. Арабская легенда о жене Лота отличается от библейского повествования лишь добавлением нескольких несерьезных деталей. Они говорят, что на Равнине было семь городов, и что все они были чудесным образом затоплены Мертвым морем в наказание за свои преступления. Пророк Лот и его семья единственные избежали всеобщего уничтожения; он был божественно предупрежден взять все, что у него было, и бежать на восток, при этом было дано строгое предписание, чтобы они не оглядывались назад. Жена Лота, которая в предыдущих случаях высмеивала пророчество своего мужа, ослушалась приказа и, повернувшись, чтобы посмотреть на место катастрофы, превратилась в этот каменный столп.

“Путешественники во все века обнаруживали “жену Лота” в столбах, которые атмосферное воздействие постоянно выделяет из огромных масс минеральной соли на южной оконечности Мертвого моря, но все это случайно и преходяще. Обнаруженный нами камень не соответствует требованиям библейского повествования, но не может быть никаких сомнений в том, что это предмет, который на протяжении столетий веков поддерживал местную традицию об этом событии.

Солнце как раз садилось, когда мы добрались до этого места; и краснеющий шар опустился за западные холмы, отбросив мостик сияющего света на спокойную поверхность таинственного озера. Когда мы смотрели на странные, похожие на статуи очертания скалы, которые сначала резко выделялись на фоне мягких, но светящихся оттенков окружающего пейзажа, а затем смешались с сгущающимися тенями и затерялись среди общего мрака по мере того, как быстро наступала ночь, мы незаметно поддались влиянию дикой арабской сказки и почти поверили, что видели фигуру жены пророка, печально смотрящей вслед своему погибшему дому в неведомых глубинах этого проклятого моря”.

6. Естественная история Палестины в зависимости от ее физической географии.

Постепенное возвышение стран Египта и Палестины, выведенное профессором Халлом на основе геологических фактов, по-видимому, подтверждается сравнением рыб, обитающих соответственно в Галилейском озере и озерах юго-восточной Африки.

Иосиф Флавий, после яркого описания красоты и плодородия страны Геннисарет, говорит: “Ибо, помимо хорошей температуры воздуха, она также орошается из самого плодородного источника. Жители страны называют его Кафарнаум. Некоторые думали, что это русло Нила, потому что в нем водится рыба корацин, так же как и в том озере, которое находится недалеко от Александрии”.[15] Истина оказывается гораздо более странной, чем предполагал Иосиф Флавий, поскольку Галилейское море может претендовать на сходство по своим рыбам с Викторией Ньянца. Преподобный каноник Тристрам, который больше, чем кто-либо другой

путешественник, изучал естественную историю Святой Земли, провел сравнение в некоторых деталях и без сомнения установил родство рыб. Он заявляет, что из всех форм жизни в Палестине рыбы самые интересные. В Мертвом море нет рыб; но в небольших ручьях и речушках, прилегающих к Мертвому морю, водятся рыбы, главным образом карповые, или из племени окуневых. “Я видел финиковую пальму, полностью погружающую свои листья в Мертвое море, когда она нависала, потому что на восточной стороне финиковая пальма очень пышная. На восточных берегах такое же удивительное изобилие растительной жизни, какое можно найти где угодно на поверхности земли. Растения похожи на дикорастущие оранжерейные растения. В теплых водах, впадающих в море, водятся мелкие рыбы различных видов. В Иордане и его притоках мы обнаружили тринадцать новых видов рыб. Доктор Гюнтер из Британского музея любезно описал их в статье в "Трудах Лондонского зоологического общества", и, безусловно, такое открытие с лихвой окупало наши поиски.

“Теперь я хочу указать на выводы, к которым пришли эти рыбы, поскольку они действительно являются вершиной физической географии долины реки Иордан. Рыбы, обитающие в Галилейском море, не только принадлежат по большей части к видам, отличным от тех, что водятся в любом ручье, впадающем в Средиземное море, но и часто принадлежат к разным родам. Несколькими годами ранее я принес домой типовой экземпляр рыбы, единственного вида, который мне удалось найти в некоторых соленых озерах Сахары, и доктор Гюнтер объявил, что это не только новый вид, но и новый род. Я помню, как сэр Чарльз Лайелл заметил: ‘У вас здесь последний живой представитель Сахарского океана’. Мы обнаружили в Галилейском море еще три вида того же рода, но каждый отдельный. Спик привез два вида того же семейства из Ньянзы, а доктор Кирк описал несколько из Замбези и соседнего региона.

“Теперь мы можем увидеть, к чему это приводит. У нас есть один и тот же род рыб, представленный множеством специфических видов из Галилейского моря и Иордана, которые водятся в притоках Нила и в озерах Центральной Африки вплоть до Замбези. Напрашивается естественный вывод, что все эти рыбы имеют общее происхождение и что в третичный период существовала цепь пресноводных озер, простиравшаяся до озер в Африке, аналогичная цепи озер в Северной Америке.

“Мы находим в Палестине сорок три вида рыб, из которых только восемь принадлежат к обычной ихтиологической фауне средиземноморских рек. Но они принадлежат рекам побережья. В системе Иордании только один вид из тридцати шести принадлежит к обычной средиземноморской фауне, а именно, *Blennius lupulus*. Два других, *Chromis niloticus* и *Clarias macracanthus*, являются нилотскими. Семь других видов встречаются в других реках Юго-Западной Азии, Тигре, Евфрате и др. Еще десять встречаются в других частях Сирии, главным образом в озерах Дамаска, а остальные шестнадцать видов семейств *Chromidae*, *Cyprinodontidae* и *Cyprinidae* характерны для Иордана, его притоков и озер. Этот анализ сразу указывает на тесное родство Иордана с реками Тропической Африки. Сходство касается не только видов, но и родов, поскольку *хромис* и *гемихромис* являются специфически эфиопскими формами, в то время как другие виды идентичны рыбам из других пресноводных районов Сирии или очень тесно связаны с ними. Но африканские формы составляют очень большую долю от общего числа, и, учитывая сложность транспортировки пресноводных рыб, особенности этой части фауны имеют большое значение.

“Особого внимания требуют плавучие рыбы, датируемые, как они, вероятно, и делают, самым ранним временем после поднятия страны из эоценового океана. В *фораминиферах*, упомянутых выше как обнаруженные в песке Мертвого моря, таких как *Gr. capreolus*, мы находим останки обитателей этого раннего моря. Но из ныне живущих обитателей мы должны считать иорданских рыб самыми древними, а они, как мы видели, образуют группу, гораздо более отчетливую и расходящуюся с группой окружающих регионов, чем любой другой класс существующей жизни. В эпохи, следовавшие за эоценом, из-за непрерывной изоляции бассейна не было возможностей ни для интродукции новых форм, ни для дальнейшего распространения старых. Эти формы, как мы видели, имеют поразительное сходство с формами пресноводных озер и рек Восточной Африки, даже на юге, вплоть до Замбези. Но сходство заключается в идентичности родов, *хромис* и *гемихромис* являются исключительно африканскими, в то время как виды скорее репрезентативны, чем идентичны.

“Решение, по-видимому, заключается в том, что в периоды мейоцена и плейоцена бассейн реки Иордан образовывал самую северную часть большой системы пресноводных озер, простирающейся с севера на юг, членами которой в более раннюю часть эпохи, возможно, были Красное море и, безусловно, бассейн Нила, озера Ньянза, Ньясса и Танганьика, а также истоки Замбези. В течение этого теплого периода была развита речная ихтиологическая фауна, соответствующая тогдашним условиям, состоящая из репрезентативных и, возможно, часто идентичных видов на всей рассматриваемой территории.

“Наступление ледникового периода, как и его завершение, было постепенным. Многие виды, должно быть, погибли при изменении условий. Выжили самые выносливые, и некоторые, возможно, были постепенно модифицированы, чтобы соответствовать этим новым условиям. При такой строгой изоляции вряд ли могло быть иначе; и каким бы суровым ни был климат Ливана с его ледниками, вероятно, соответствующими нынешней температуре Альп на пропорциональной высоте (принимая во внимание разницу в широтах), разлом Иордана, как мы, конечно, знаем, был настолько же глубоко погружен ниже уровня океана, как и в настоящее время; в его водах должна была быть исключительно теплая температура, при которой могла выжить существующая ихтиологическая фауна”.

Подобные факты говорят нам о том, что Палестину следует рассматривать не как европейскую страну, а скорее как африканскую окраину, хотя она также имеет сильное сходство с Азией, что доказано другими видами этих рыб. Фактически, он находится посередине между тремя континентами и является, в очень важном смысле, центром мира. Доктор Тристрам, наш лучший авторитет в этом отделе, показывает нам, что Палестина является воплощением мировой жизни, и делает это только потому, что она включает в себя почти все разновидности климата.

Линней сказал, что мы знаем больше о ботанике и зоологии дальней Индии, чем о ботанике и зоологии Палестины. Приятно размышлять о том, что в какой-то степени этот упрек был снят. В планы Общества исследования Палестины всегда входило изучение естественной истории Святой Земли; и хотя они не были в состоянии снарядить и содержать группу натуралистов, которым было поручено заниматься только этим делом, некоторые из их офицеров случайно собрали интересные факты. Другие исследователи, такие как преподобный У. М. Хоутон и мистер Таддеус Мейсон, были с пользой привлечены к той же работе. Мистер Х. Чичестер Харт, сопровождавший профессора Э. Халла по Арабии и Южной Палестине, написал интересную книгу “Животные, упомянутые в Библии”. Но именно преподобному доктору Тристраму мы в

большом долгу. Воспоминания Исследователя включают великолепный том “Фауна и флора Западной Палестины”, в котором он излагает свою ценную серию исследований и, помимо приведения фактов и деталей, рассматривает предмет в широком философском ключе, как он это делает и в своих лекциях. “У вас в Ливане и Хермоне, - говорит он, - климат, подобный Альпийскому, или на двух третях высоты Монблана. На вершинах Ливана и Хермона царит почти арктический климат, и у вас есть фауна и флора (животные и растения), соответствующие этому климату. Вы знаете, что когда вы спускаетесь в угольную яму глубиной 1300 футов, вы попадаете в действительно очень теплую температуру. Сейчас Мертвое море находится на 1300 футов ниже уровня Средиземного моря, и, как следствие, вокруг Мертвого моря тропический или субтропический климат, и у вас есть субтропические продукты.

“На северной оконечности Святой Земли вы оказываетесь в начальной точке Иордана, который, находясь на высоте 1000 футов над уровнем Средиземного моря в гроте Баниас, спускается так быстро, что находится всего в нескольких футах над уровнем моря у озера Хуле. Гора Хермон круто поднимается от своего подножия недалеко от озера Хуле (древние Воды Мерома). Хотя высота Хермона составляет всего 10 000 футов, я не знаю ни одной горы, которая поднималась бы так внезапно или так прямо от своего основания. Возьмем, к примеру, Шамуни. Если вы хотите подняться на вершину Монблана, вы знаете, что Шамуни находится на высоте многих сотен футов над уровнем Средиземного моря. Это правда, что Монблан на много тысяч футов выше горы Хермон, но от своего непосредственного подножия он не так высок. Когда вы поднимаетесь на Гранд-Муле, вы оказываетесь не так далеко от вершины Монблан, как вы находитесь на озере Хуле от вершины Хермон. Следствием этого является то, что вы собрали в этом месте большой контраст продуктов животного и растительного происхождения, чем я находил где-либо еще. На вершинах гор у вас арктический климат севера, а в долине реки Иордан - тропический, где в январе месяце я был рад поспать под открытым небом, где в полночь столбик термометра никогда не опускался ниже 80 °. На востоке и юге у вас есть сухая песчаная пустыня, так что у вас есть четыре различных климатических зоны в пределах видимости друг друга. Я могу стоять на любом из холмов Иудеи и видеть заснеженные вершины Хермона и Ливана, и смотреть поверх этой бескрайней пустыни на восток, вниз, в бурлящую тропическую долину Мертвого моря.

“Так вот, несмотря на все это, в физическом характере этой страны нет ничего поразительного или феноменального, как назвали бы это люди. Речь идет о самой заурядной стране в мире, которую я когда-либо видел. В нем нет поразительных черт, но есть бесконечное разнообразие, и я не могу отделаться от мысли, что есть что-то очень провиденциальное в необычайном разнообразии, которое собрано воедино в районе Святой Земли, который не так велик, как шесть северных графств Англии; потому что я помню, что именно он был выбран в качестве страны, в которой была написана Книга, которая должна была служить для обучения и руководства всего человечества в каждой стране и в каждую эпоху; и я не знаю ни одного места в мире, в котором можно было бы найти столько явлений Природы, морских и пустынных, горных и равнины, холмы и долины, тропические, умеренные и арктические, все они собраны здесь вместе на протяжении нескольких миль. И когда я вспоминаю, что эта Книга должна была стать учением для всех людей на все времена, я чувствую, что есть что-то провиденциальное в том стечении обстоятельств, которое привело к выбору единственного, насколько нам известно, места во всем мире, где есть такое великое разнообразие объектов для иллюстрации, сравнения и разъяснения Священного Писания, как в этой стране Святой Земли. Часто, когда я бывал в этой стране, на одном из ее холмов, и замечал разнообразие пейзажей, открывшихся

моему взору одновременно, я думал про себя: ‘Какой была бы Библия, если бы ее страницы были написаны людьми, жившими только в однообразной долине Нила? Что бы они смогли написать в качестве иллюстрации, которая пришлась бы по сердцу английскому крестьянину?’ Опять же, если бы эта Книга была написана людьми, знакомыми только с явлениями аравийских пустынь, как она могла бы дойти до тех, кто живет на море? Если бы это было написано жителями тропической Индии, как бы оно дошло до тех, кто знаком со ‘снегом, морозом и испарениями, исполняющими Его волю’? На самом деле, есть иллюстрации, взятые из всех видов природных явлений, и все же ни одно из них не является особо заметным или поразительным”.

[*Авторитеты и источники:* — “Палестина в ее физических аспектах”. Преподобный каноник Тристрам, Мемуары Ф. Р. С. Обзор: “Фауна и флора”. Преподобный каноник Тристрам. “Животные, упомянутые в Библии”. Генри Чичестер Харт, Б.А., Ф.Л.С.]

7. Топографическая съемка Западной Палестины.

Прежде чем мы сможем должным образом понять историю любой страны, мы должны иметь перед собой точную карту, показывающую ее физические особенности - горы, равнины и реки, а также относительное расположение ее городов и важных мест. Это в необычной степени верно в случае Палестины, страны, своеобразной по своим физическим контрастам, и вот уже более тысячи лет являющейся родиной своеобразного народа. Священные книги других религий— состоящие в основном из рапсодий, молитв и богослужений, могли быть написаны как в одной стране, так и в другой; но Библия содержит историю определенного народа, населяющего определенный район страны, сражающегося в своих битвах, совершающего свои путешествия и поющего псалмы, часто подсказываемые их окружением. Изучающему историю иврита абсолютно необходимо познакомиться с географией и топографией Палестины.

“История повсюду предполагает знание страны, и писатель никогда не останавливается, чтобы объяснить, где происходит действие каждого эпизода, за исключением того, что называет это место уже известным”. Однако до недавнего времени не удавалось получить точную карту страны, поскольку не проводилось никаких научных исследований. Библейские города и деревни исчезли, а их местонахождение неизвестно. Посетитель Палестины, обратившийся к “Справочнику” Мюррея как к своему лучшему путеводителю, обнаружил длинные столбцы “мест, упомянутых в Священных Писаниях, но еще не идентифицированных” — Адма, Адулун, Дебир, Эдрей, Галлим и т.д. и т.п. По пути из Яффы в Иерусалим ему показали ручей и сказали, что Давид выбрал там пять гладких камней перед своей битвой с Голиафом; но ручей был не в том месте. Ниже по течению Иордана он нашел могилу Моисея на другом берегу реки. В Галилее он был озадачен, как выбрать между двумя соперничающими местами для строительства Каны, тем более что кувшины с водой, связанные с брачным пиршеством, можно было увидеть в обоих местах. Общая неуверенность сопровождала его шаги повсюду.

Людьми, которые больше всего способствовали возникновению этой путаницы в отношении священных мест, были крестоносцы. Рыцари и священники двенадцатого века, прибывшие в Палестину, были чужаками в этой стране, и, несмотря на энтузиазм, они были невежественны и неграмотны. Обычно они высаживались в Атлите и оттуда направлялись в Назарет или Иерусалим, *останавливаясь по пути в как можно большем количестве мест, сколько могли.* Сам Атлит они считали древним Тиром! Меон, родину Навала, они поселили неподалеку, потому

что гора Кармил была недалеко, а Абигаиль была родом с Кармила. Они не знали, что Кармил Авигеи и Навала был городом на юге Иудеи. Зная, что Капернаум был рыбацким городком, они разместили его на побережье Средиземного моря и отождествили с крепостью своего времени, ныне деревней под названием Кефр-Лам. Эти три места, которые были показаны верующему, как только он приземлился, на самом деле находятся на расстоянии многих дней пути друг от друга. Каифа (Хайфа) была показана как место, где Симон Петр обычно ловил рыбу. Силом находился к югу от Вефиля и фактически представлял собой гору, которая сейчас называется Неби Самвил. Сихар и Сихем были одним и тем же местом. "Карантания, или гора Курунтул, - говорит Кондер, - начиная с двенадцатого века, была показана как место, где наш Господь уединялся в пустыне на сорок дней поста. Рядом с ним крестоносцы также искали 'чрезвычайно высокую гору', откуда Искушитель показал нашему Господу 'все царства мира и славу их' (Мф. iv. 8). Савульф говорит нам, что эта гора находилась в 3 милях от Иерихона. Фетелл помещает ее к северу от этого города и в 2 милях от Карантании. Измерения подводят нас к замечательному конусу, называемому Вороньим гнездом. Эта история замечательно описывает простоту человеческих умов в двенадцатом веке, поскольку вершина "чрезвычайно высокой горы", откуда должны были открываться все царства мира, на самом деле ниже поверхности Средиземного моря, и со всех сторон ее окружают горы, более чем вдвое превышающие ее высоту".

Поскольку было показано, что традиция ненадежна, когда она не подкреплена другими свидетельствами, в отношении мест из Священных Писаний царилла общая неопределенность. Ни один путешественник не мог поверить тому, что говорил ему его гид или путеводитель, и ни один студент не мог доверять своей карте. Работа по расследованию была не по силам частным лицам; и ни одно правительство и ни одно общество никогда не отправляли организованную экспедицию. Но теперь, к счастью, этот упрек снят. Комитет Фонда исследования Палестины смог направить туда майора Кондера, Р.Э., и полковника Китченера, Р.Э., и эти офицеры со своим небольшим отрядом потратили семь лет на проведение триангуляционной съемки всей страны к западу от реки Иордан. В результате их трудов, за которыми последовала большая терпеливая работа дома, нам теперь представлена великолепная карта Западной Палестины в масштабе от одного дюйма до мили, выполненная так же красиво и точно, как артиллерийская карта Англии, с отмеченными каждой дорогой и руинами и заполненным каждым приметным объектом; с холмами и горами, правильно очерченными и заштрихованными, с реками и ручьями, текущими в нужных направлениях; с каждым виноградником, каждым источником воды и почти каждой группой деревьев, высаженных на своем месте, и с тысячами названий, которые никогда не появлялись в Палестине. карта перед этим. Более того, хотя в Священных Писаниях насчитывается шестьсот двадцать два названия мест к западу от Иордана, и из этих трехсот шестидесяти были пропущены, геодезистам удалось найти сто семьдесят два из них. Была подготовлена уменьшенная карта в масштабе три восьмых дюйма на милю, на которой отчетливо отмечены имена из Ветхого и Нового Заветов, в то время как другие формы карты показывают водораздел и физические особенности страны или дают деление земли и арабские названия мест, используемые сегодня.

Не может быть лучшего подспорья в изучении Священных Писаний, чем иметь под рукой такие карты; ибо читаем ли мы о марше и контрмарше армий; о позициях, занятых перед битвой; о направлении, выбранном отступающим врагом; о местах, выбранных для богослужений; о путешествиях пророков Ветхого Завета или Иисуса и его учеников в Новом, так много зависит от

взаимного расположения мест и их удаленности друг от друга, что мы неизбежно теряем часть смысла и упускаем часть удовольствия, если у нас под рукой нет правильной карты. сторона.

Лучшая современная карта Святой Земли, ранее подготовленная Фондом исследования Палестины, была работой Ван де Вельде, внимательного путешественника и ученого. Ван де Вельде не только сам проводил наблюдения, но и нанес на свою карту все наблюдения, сделанные предыдущими путешественниками. Тем не менее, когда на ежегодном собрании Фонда исследования Палестины в 1886 году часть карты Ван де Вельде была показана в увеличенном масштабе рядом с такой же частью карты Общества, также увеличенной, контраст был разительным. Первый, с его грубо очерченными холмами, грубо проложенными долинами и населенными пунктами, деревнями или руинами, дал все, что было известно об этой части страны до проведения Исследования. Именно с такой картой, как эта, лучшей в то время, потому что самой точной, приходилось работать студенту-географу. С географической точки зрения было мало смысла обращаться к предыдущим книгам о путешествиях, потому что Ван де Вельде почерпнул из них все географические факты. И все же вряд ли какое-то одно место было нанесено правильно; ни одна из линий затенения холмов не была точной; от течения рек и долин нельзя было зависеть; впадина Галилейского озера указывалась по-разному; расстояния оценивались по грубому исчислению времени, проводимому от места к месту; и количество названий составляло всего около полутора тысяч, тогда как на большой карте Общества исследования Палестины их десять тысяч.[\[16\]](#)

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА ПАЛЕСТИНЫ

[Авторитетные источники: “Работа в палатках в Палестине”. Майор Кондер, Р.Э.
“Двадцать один год работы на Святой Земле”. Фонд физической культуры.
“Ежеквартальные отчеты Фонда физической культуры”.]

8. Войны и богослужения Израиля, рассматриваемые в связи с физическими особенностями страны.

Войны.

Теперь, когда у нас есть подробная и точная карта Святой Земли, мы можем с пользой изучить завоевание страны Иисусом Навином и оценить стратегические мотивы, проявлявшиеся на последовательных этапах войн и богослужений Израиля.

Двенадцать колен, выйдя из пустыни, расположились станом на равнине Иордана, напротив Иерихона. Пока они отдыхали там, Валак, царь Моавитский, встревоженный их численностью и неуверенный в их намерениях, послал в Месопотамию за Валаамом, чтобы тот пришел и проклял их. Валаам взошел на гору Пеор (посвященную Баал Пеору, *то есть* Баалу Открывающему) и был вынужден благословить их и говорить о них как о “народе, живущем отдельно, не причисленном к народам” (Числ. xxiii. 9).

При Моисее израильтяне завоевали страну к востоку от Иордании. Ущелье Арнон глубиной 2000 футов с почти отвесными склонами было естественной границей для моавитян. Иногда, действительно, они владели территорией к северу от него; но поскольку путешественнику требовалось несколько часов, чтобы пересечь самые легкие участки, это была естественная граница. Область между Арноном и Иаввоком Моисей отвоевал у Сигона, царя Есевона. А затем, с помощью аммонитян, он отвоевал страну к северу от Иаввока у Ога, царя Васана. Эти земли не были разделены между всеми коленами Израиля, но были отданы Рувиму, Гаду и половине колена Манассии в качестве их удела, поскольку планировалось, что страна к западу от Иордана должна быть завоевана и передана остальным.

Страна к западу от Иордана была заселена амореями и хананеями, то есть, как некоторые предполагают, горцами центральных холмов и жителями низменностей окружающих равнин. Но эти народы, по-видимому, были разделены, так что вместе с племенами Ливана мы читаем об иевусеях и гиргашитах, евитах, аркитах и синитах, арвадитах, земаритах и хаматитах, а также о сидонах и Хетах (Быт. х. 15); и, в другом месте, о кенитах, кенизитах и кадмонитах, хеттах, ферезитах и рефаимах (Быт. xv. 19). Святой Павел сообщает нам, что из всех этих “народов” семь в конце концов были уничтожены, и Израиль получил их землю в наследие (Деяния xiii. 19).

В первую очередь целью Иисуса Навина было не завоевание “народов” на равнинах, а скорее тех, кто жил на холмах. Это правда, что холмы были сравнительно бесплодными, в то время как равнины были чрезвычайно плодородными; но холмистая местность давала уравновешивающие преимущества. По сравнению с египтянами, которые иногда вторгались в Сирию, израильтяне были маленькими и слабыми, и их наибольшая безопасность была бы в горных крепостях. Более того, они должны учитывать, что они всего лишь нация пеших воинов, в то время как хананеи с равнин владеют колесницами и лошадьми. В любом случае, если они смогут однажды овладеть холмами, им, возможно, будет легче оттуда на досуге завоевывать равнины, чем со временем им придется завоевывать холмы, используя равнины в качестве своей базы операций.

Они приближаются к реке напротив Иерихона и готовятся к переправе. Место очень хорошо известно, и именно сюда паломники теперь ходят купаться. В этой части Иордан обычно представляет собой коричневый, быстрый, бурлящий поток около 20 ярдов в поперечнике, окаймленный джунглями из тамариска, тростника и ивы, в которых леопард и волк находят свое убежище. Ручей часто разряжается, и в двух или трех местах поблизости его легко перейти вброд. Когда мы вспоминаем, что шпионы, посланные Иисусом Навином, без труда переправились через реку несколько дней назад, мы могли бы предположить, что Иисус Навин намеревался переправить всю армию в местах перехода вброд, при низкой воде, если бы нам не сказали, что в это время года Иордан выходит из берегов, поскольку это время сбора урожая ячменя. Иордан, как записано, разделился — “Воды, нисходившие сверху, остановились и поднялись одним скоплением на большом расстоянии от Адама, города, который близ Заретана; и те, которые нисходили к морю Аравийскому, Соленому морю, были совершенно истреблены; и народ перешел прямо к Иерихону” (Иоан. 16). Майор Кондер обнаружил все еще используемое название Заретан, применяемое к району в 3 милях к западу от Вифшана; и, исследовав ущелье Иордана в этой части, на значительном расстоянии к северу от “Адмы” или *Дамии*, он обнаружил, что нижние скалы подступают местами так близко друг к другу, что очень небольшая преграда могла бы преградить реку. В этом случае на месте неглубокого ручья около 20 ярдов в поперечнике образовалось бы озеро шириной почти в милю, и воды должны были бы подняться на высоту 50 футов, прежде чем они преодолели барьер и снова спустились бы на юг. Но высохло ли таким образом русло Иордана во время перехода израильтян - это вопрос, по которому, конечно, мнения будут расходиться.

Когда племена благополучно переправляются, они становятся лагерем в месте под названием Гилгал.

Важным успехом на пути идентификации мест Священных Писаний стало восстановление Галгала. Робинсон слышал название *JiljēLīeh*, но не смог исправить это место. В 1865 году немецкому путешественнику (герру Шокке), которому повезло больше, показали это место у кургана примерно в миле к востоку от современного Иерихона; и майору Кондеру удалось установить это место. К западу от руин растет великолепный старый тамариск, заметный издали. К юго-востоку от тамариска находится продолговатый резервуар размером примерно 100 на 80 футов, а рядом с ним около дюжины небольших холмиков. Курганы называются Теллейлат Джилджулиех (маленькие холмики Гилгала), а резервуар называется Биркет Джилджулиех (Бассейн Гилгала). “У бедавинов этого района, - говорит Кондер, - есть хорошо известная традиция, касающаяся места Джилджулиех. Вечером, за чашкой кофе и трубками, после окончания дневной работы, они рассказали нам об этом. У старого тамариска когда-то стоял Город Брасс, населенный язычниками. Когда вера Мухаммеда начала распространяться, Али, его зять, ‘лев Божий’, прибыл в город и семь раз объехал его вокруг на своем коне Маймуне. Бронзовые стены рухнули, разрушенные его дыханием, и язычники бежали, преследуемые Правоверными, в направлении Крунтула; но день подходил к концу, и темнота угрожала укрыть неверных. Тогда Али, стоя на холме, который лежит к востоку от скалы Крунтуль, воззвала к солнцу: ‘Вернись, о благословенный!’ И солнце вернулось на небеса, так что холм с тех пор называют ‘Хребтом возвращения’. Здесь стоит Мукам, или священная станция Али, и здесь же находится место, где Белал ибн Рубах, муджен Пророка, призвал правоверных к молитве после победы”.

Такова легенда, в которой мы видим, как падение Иерихона смешивается с битвой при Айалоне и приписывается мусульманским героям, а не Иисусу Навину.

Помимо удобства перехода вброд, была веская причина, по которой израильтянам следовало перейти Иордан именно там, где они это сделали. Холмистая местность Западной Палестины во многом изрезана ущельями, которые служат не только руслом для потоков после дождей, но и перевалами к центральному плато. Главный перевал проходит через это большое ущелье, продолжение Вади Кельт, которое тянется к северу от Иерихона до Гая и Вефиля. Иисус Навин намеревается подняться по этому перевалу. Но на пути есть препятствие. Прямо у подножия холмов, где берут начало источники, образующие прекрасный оазис, находится город Иерихон, “обнесенный стеной до небес”. Это ключ к перевалу, и было бы плохим полководческим поступком промчаться мимо этого места и оставить его в тылу. Итак, Иерихон, “город пальм”, был осажден и взят.

Современный Иерихон - это не город пальм, а очень бедная деревня с глинобитными хижинами и черными палатками, стоящая среди невысоких виноградников. Действительно, для удобства путешественников недавно открылся превосходный отель “Джордан Отель”, но владелец разочаровался в своих соседях; крестьяне не будут хорошо работать за хорошую плату, он не может даже купить у них фрукты и садовый материал, а все необходимое приходится привозить из Иерусалима.

Местоположение Иерихона значительно изменилось со времен Священных Писаний, поскольку библейский город находился недалеко от источника султана — Источника Елисея - у подножия перевала, единственного естественного места, тогда как нынешняя деревня находится на некотором расстоянии от источника. При раскопках, проведенных русскими по соседству, были обнаружены шахты, колонны и перемычки, лампы, кувшины, кольца и оружие - некоторые свидетельства былого великолепия.

Следующим городом на пути захватчиков был Ай. Из повествования мы узнаем, что к западу от Гая находился Вефиль, а спереди или на востоке - равнина, в то время как с северной стороны была долина, а с западной - низменность между Гаем и Вефилем. По этим данным должно быть возможно идентифицировать это место. Сэр Чарльз Уилсон обследовал округ в 1865 году и подтвердил мнение преподобного каноника Уильямса о том, что есть только одно место, соответствующее описанию. “Это описание очень полно применимо, - говорит Кондер, - к окрестностям современной деревни Дейр-Диван, и здесь находятся остатки большого древнего города, носящего название Хайян, которое близко к Айне, форме, под которой Ай фигурирует в трудах Иосифа Флавия. Высеченных в скале гробниц и древних цистерн с тремя большими резервуарами, вырубленными в твердом известняке, достаточно, чтобы показать, что это было важное место. К западу находится открытая долина, называемая “Долиной города”, которая, постепенно изгибаясь на восток, проходит рядом со старой дорогой из Иерихона, по которой, вероятно, должна была наступать армия Иисуса Навина. К северу от этого места также есть большая долина, а равнина или плато, на котором стоит современная деревня, недалеко от старого места, расширяется от узкого и труднопроходимого перевала, ведущего к Вефилю, который находится на расстоянии 2 миль на водоразделе”.

Поднимаясь из Иерихона, тропа в одном месте выходит на равнину перед Гаем, так что ни одна армия на пути в Вефиль не могла позволить себе оставить Ги позади. Иисус Навин взял город с помощью военной хитрости, и мы можем видеть каждый шаг этого действия. Направив войска

маршем вверх по северной долине, он устроил засаду в низине к западу от города. Основная часть его войск атаковала спереди и вскоре сделала вид, что отступает, увлекая за собой людей Ая, пока город не опустел. Затем, по сигналу Иисуса Навина, который расположился на холмах к северу и был виден обеим частям своей армии, засада поднялась и обстреляла город, отступавшие люди вернулись к бою, а жители Гая, оказавшиеся “между двух огней”, были совершенно деморализованы.

Сам Вефиль теперь называется Бейтин. Это место известно, но, за исключением церкви времен крестовых походов и башни, здесь нет сколь-либо значимых руин. На холме к востоку находится каменный круг, состоящий из больших и маленьких валунов.

После победы при Гае был совершен быстрый марш в Сихем, где на горах Гевал и Гаризим собрались племена, чтобы послушать чтение Закона и произнести свое “аминь” после благословений и проклятий. Был задан вопрос, могли ли они слышать друг друга на расстоянии, разделяющем эти две горные вершины; но они вряд ли были бы на горных вершинах, поскольку в холмах есть естественное углубление с естественными уступами в известняковой скале, амфитеатр, который, по-видимому, был создан специально для этой цели. Современные путешественники стояли посреди этой долины и слышали, как их товарищи по обе стороны читали Закон, и они уверяют нас, что те, кто читал, могли слышать голоса друг друга с достаточной отчетливостью, чтобы продолжить стих каждый с того места, где другой остановился.

Сихем теперь называется Наблус — искаженное название римского Неаполя, под этим именем он был переименован, - и является значительным городом. Самаритяне, численность которых сейчас сократилась примерно до ста шестидесяти человек, живут в этом городе, и больше никого из них нет. В своей синагоге они хранят несколько старых экземпляров Пятикнижия, и они заявляют, что один из них, который хранится в серебряном футляре и ревностно охраняется, был написан Авишуа, правнуком Аарона. На камне, встроенном в башню рядом с синагогой, есть надпись — старейшая из известных самаритянских надписей, — которую раньше невозможно было прочитать, потому что надпись на своем месте перевернута, и исследователю приходилось болтаться на веревке и держать голову опущенной вниз. Но здесь мы видим преимущество фотографии: снимок был сделан в фотоаппарате, и надпись, повернутая вправо вверх, оказалась самаритянской версией Десяти заповедей.

После торжественной церемонии чтения Закона в Сихеме израильтяне под предводительством Иисуса Навина вернулись в лагерь в Галгале. Но к этому времени весть об их победах распространилась, соседние города встревожились, и все короли со всей обширной территории собрались вместе, чтобы сразиться с ними. Тем временем коварные гаваонитяне, одетые в “старые башмаки и башмачки” и выдававшие себя за послов из далекой страны, пришли к Иисусу Навину и преуспели в заключении союзнического договора, наступательного и оборонительного. Через три дня обман был раскрыт; но было решено, что завет должен быть соблюден, и когда цари Иерусалима, Хеврона, Иармута, Лахиша и Эглона — “пять царей Аморрейских” — пошли и расположились лагерем против Гаваона, Иисус Навин всю ночь шел из Галгала, чтобы снять осаду. Он обрушился на них внезапно, и произошла ужасная битва, которая заслуживает того, чтобы быть причисленной к решающим битвам мира. Конфликт бушевал перед Гаваоном, и побежденных царей преследовали с продолжающейся резней до возвышенности (восхождение на Вефорон), а затем до низины (спуск с Вефорона), поскольку

они тщетно пытались спастись бегством по долине Айалон на равнину Филистия. Согласно поэтической книге Джашера,[17], цитируемый историком, “солнце остановилось над Гаваоном, а луна - в долине Айалон”, и день удлинялся, пока Иисус Навин полностью не разгромил своих врагов. Пять царей были найдены спрятанными в пещере в Македе, и их держали там в заточении до тех пор, пока погоня не закончилась и у Иисуса Навина не появилось свободного времени, чтобы решить их судьбу.

Полковник сэр К. Уоррен идентифицировал Маккеду как *Эль-Мугар* - “пещеру” - немного к юго-западу от Экрона. Кондер говорит нам, что это замечательное место и одно из самых заметных мест на равнине. Мыс из коричневых песчаных скал выступает на юг, и в конце его находится деревня, карабкающаяся вверх по склону холма. Хижины сделаны из глины и во многих случаях стоят перед пещерами; от этих пещер и произошло современное название. Следует отметить, говорит он, что это единственная деревня на филистимской равнине, в которой он нашел такие пещеры.

Иисус Навин довел свою победу до конца, последовательно разрушив Ливну, Лахис, Эглон, Хеврон и другие города, “полностью истребляя все, что дышало”, пока центр и юг горной страны не оказались полностью в его власти.

Весной 1890 года, когда был получен *фирман*, мистер Флиндерс Петри отправился на раскопки в *Умм-Лакисе* и *Аджлане*, предполагаемых местах Лахиша и Эглона, двух из пяти цитаделей амореев (Джош. х. 5). Как только он прибыл и смог осмотреть местность, он увидел, исходя из своего египетского опыта, что два названных места были только римского возраста и неважны; в то время как *Телль-Хеси* и *Неджиле* в том же районе обещали лучшие результаты. *Телль-Хеси* представляет собой насыпь из руин высотой 60 футов и площадью около 200 квадратных футов, одна сторона которой была смыта потоком, так что от вершины до основания остается чистый участок. В целом ранний возраст этого сооружения был очевиден из того факта, что на его вершине не было найдено ничего более позднего, чем хорошая греческая керамика, в то время как ближе к середине, и от нее до трех четвертей высоты, была найдена финикийская посуда, которая известна в Египте с 1100 года до н.э. Основание, по-видимому, датируется примерно 1500 годом до н.э., что почти совпадает с началом египетских набегов при Тутмосе I.

Настоящие остатки *Телль-Хеси* состоят из кургана, образованного из последовательных городов, один на руинах другого, и ограждения, охватывающего территорию к югу и западу от него. Это ограждение имеет почти четверть мили в поперечнике в каждом направлении и ограничено глиняным валом, местами все еще высотой 7 футов, а в одном месте кирпичной стеной. Этого участка площадью около 30 акров было бы достаточно, чтобы вместить большое количество скота в случае внезапного вторжения; вероятно, такова была его цель, поскольку на нем нет построек, а глубина почвы невелика. Городская насыпь имеет площадь около 200 квадратных футов и покоится на естественном грунте на высоте 45-58 футов над ручьем в *вади* внизу. Самый ранний город здесь был очень прочным и важным, самая низкая стена из всех имела толщину 28 футов 8 дюймов, сложена из необожженных глиняных кирпичей; и поверх нее расположены две последовательные заплаты более поздней перестройки, всего осталось 21 фут высоты. “Такая масштабная работа, - говорит мистер Петри, - определенно не была работой угнетенных израильтян во времена Судей; она не может быть такой поздней, как при царях, поскольку керамика примерно 1100 года до нашей эры найдена выше ее уровня. Следовательно, это должен быть город Амори, и это согласуется с сообщением о том, что

"города были обнесены стенами и очень велики" (Числ. xiii. 28), "великий и обнесенный стенами до небес" (Втор. i. 28), а также скульптурами, изображающими завоевания Рамсеса II в Карнаке, где все аморейские города сильно укреплены".

Мистер Петри почти не сомневается, что *Телль-Хеси* - это Лахиш, а *Телль-Неджиле* в 6 милях к югу от него, Эглон. В округе нет мест, настолько соответствующих важности Лачиша и Эглона, о чем *говорят* эти двое; они контролируют единственные источники и водотоки, которые существуют во всей округе, и несомненно, что эти позиции должны были иметь первостепенное значение со времен самых ранних поселений.

Над аморейской стеной в *Телль-Хеси* мистер Петри находит 5 футов пыли и обкатанных камней, соответствующих варварскому периоду Судей; затем стена толщиной 13 футов, вероятно, принадлежащая укреплениям Ровоама в Лакисе (2 Паралипоменон xi. 9), а над ней последовательные перестройки, пока город окончательно не будет разрушен около 500 г. до н. э. Курган полон черепков, и удачное расположение такого грандиозного участка, как восточный фасад сверху донизу, позволяет одним махом увидеть все разновидности каменной кладки. керамика просуществовала тысячу лет. "Теперь мы точно знаем," говорит мистер Петри, "характеристики аморейской керамики, более ранней еврейской, а позже еврейской, на которую повлияла греческая торговля, и мы можем проследить импорт финикийской керамики и ее влияние. В будущем все *руины* страны сразу выдадут свой возраст по покрывающим их черепкам".

Лакис, со стеной толщиной 28 футов, является образцом аморейских городов, которые Иисус Навин разрушил на юге.

Но теперь цари севера встревожены, и Иавин, царь Асора, собирает вместе племена Ливана. Он призывает к себе на помощь царей долины Иордана, царей равнины Шарон, иевусеев и всех, кто желает прийти. Битва происходит у вод Мерома. Хананеи снабжены колесницами и лошадьми, а израильтяне, не имея такой помощи, предусмотрительно разместились на холмах. Мы читаем, что Иисус Навин "обрушился" на врага, спустился со склонов и гнал их перед собой на западе до Сидона, а на востоке до долины Массифы: он сжег их колесницы, подрезал сухожилия их лошадям и снова "не оставил никого в живых". Итак, теперь север и юг холмистой местности покорены; Иисус Навин поселяет четыре колена в этих северных районах, и Галилейское море становится еврейским озером.

Больше нет необходимости возвращаться в Галгал, потому что нигде не осталось врагов, которые могли бы оспорить их оккупацию, и армии возвращаются только до Силома, в центре холмов, и там устанавливают "Шатер Собраний". Также нет необходимости больше задерживать два с половиной племени с востока Иордании, которые пришли, чтобы помочь в завоевании. Итак, воины Рувима, Гада и Манассии были отправлены обратно по домам. "И когда они пришли в область около Иордана, которая находится в земле Ханаанской", они построили там жертвенник — "большой жертвенник для присмотра", который впоследствии был назван "Эд", или Свидетель. Их братья были так возмущены этим поступком, расценив его как языческое богослужение и восстание против Бога Израиля, что подумывали о том, чтобы начать против них войну. Однако они благоразумно послали послов потребовать объяснений, и объяснение было вполне удовлетворительным.

Где находился этот алтарь Эда, столь заметный издали? Если мы остановимся в долине реки Иордан недалеко от Иерихона и посмотрим на север, мы не можем не заметить на расстоянии 20 миль коническую вершину под названием *Курн Суртабех*, возвышающуюся подобно бастиону на восточном конце цепи голубых холмов. Этот пик находится на высоте 1500 футов над уровнем Средиземного моря и на высоте 2500 футов над Иорданом, недалеко от него. С его вершины можно увидеть Мертвое море на юге, Галилейское море на севере, горы Эбал и Гаризим в центре. Согласно еврейскому Талмуду, эта гора была маяком, где зажигались костры в связи с пожарами на Елеонской горе, чтобы обозначить наступление новолуния. Кондер несколько лет назад указал, что эта гора будет находиться на пути, по которому, естественно, должны были пройти два с половиной колена, направляясь из Силома в свой дом в Галааде, поскольку броды Иордана находятся немного севернее от нее. На вершине этого почти неприступного пика он обнаружил какое-то огромное каменное сооружение древнего характера, которое в то время он был склонен рассматривать как остатки алтаря. И когда идентификация, казалось, была таким образом почти завершена, она, казалось, была подтверждена открытием, что северная сторона горы, единственная доступная сторона, называется “Восхождение на Эд”. Но идентификация была оспорена.

Было указано, что Иосиф Флавий говорит, что жертвенник находился на восточной стороне Иордана, и что повествование Священного Писания побуждает племена переходить реку в месте “перехода сынов Израилевых”, которое, как предполагается, описывает Иерихонский брод, а не брод у Дамии. По этим причинам Кондер теперь рассматривает свою идею как “всего лишь предположение”.

Однако может возникнуть обоснованный вопрос о том, следует ли отказываться от идентификации. В книге Иисуса Навина ххii. 10 нам сказано, что жертвенник, такой высокий, что на него приятно смотреть, находился в “области около Иордана, что в земле Ханаанской” — “на переднем крае земли Ханаанской, в области около Иордана, на стороне, которая принадлежит Детям Израиля”. Историк старается провести различие между двумя берегами реки, и если один берег имел большее отношение к Сынам Израиля, чем другой, то это, конечно, был не восточный берег. Более того, жертвенник находился в земле Ханаанской, а восточной границей Ханаана был сам Иордан (см. Быт. х. 19 и стр. 107 этого тома). Жертвенник находился “на переднем крае земли Ханаанской”, на самом краю ее восточной стороны, и, следовательно, недалеко от Иордана. Еврей смотрел лицом к восходящему солнцу и говорил о юге как о правой руке, о севере как о левой, так что его лоб, или передняя часть лица, была обращена на восток. Очевидно, эти племена чувствовали себя такими оскорбленными из-за того, что предполагаемый идолопоклоннический алтарь был установлен на территории, принадлежащей западным племенам. Восток от Иордана был нечист, но западная страна была “владением Господа”. “Переходите, ” сказали они, “ в землю Господню, если хотите; но если вы придете, не стройте жертвенников мятежникам” (ст. 19). Далее, целью двух с половиной колен, согласно их извинениям и объяснениям, было установить памятник в той западной земле, от которой Иордан, казалось, отрезал их.

Два с половиной колена расселены к востоку от Иордана, три колена к северу от равнины Езраэлон и одно на самой равнине, остальная часть страны разделена между оставшимися пятью с половиной племенами.

В Книге Иисуса Навина границы колен даны с величайшей точностью, но мы не могли проследить их с какой-либо точностью до проведения топографической съемки. Многие деревни, мимо которых проходили линии границы, были утрачены, в некоторых случаях участки были перемещены; но как только эти вещи были исправлены, границы снова можно было провести.

Благословение, которое Иаков произнес над своими сыновьями, согласно Быт. xlix., соответствовало положению племен в их нескольких округах; и их положение в некоторой степени определяло их поведение и судьбу. Когда Иисус Навин отпустил два с половиной колена, они разошлись по своим шатрам: живя на этих зеленых холмах к востоку от Иордана, они долгое время оставались скотоводческим народом. Рувим, граничивший с Аравией и “непостоянный, как вода”, стал едва ли отличим от арабского племени. Гад, о котором Иаков сказал: “войско нападет на него”, подвергался нападениям отрядов бедуинских грабителей. Отделенные от своих братьев великим ущельем Иордана, восточные племена были разделены и в своей судьбе. Три северных племени Ашера, Завулону и Неффалима также были частично отрезаны великой равниной Ездраэлон. Они вступили в сношения с северными народами, от которых были менее отделены географически, и вступили в союз с Финикией. Соломон отдал двадцать их городов Хираму, царю Тира, очевидно, думая, что с верностью, которой было так мало, можно было бы и вовсе расстаться. Эти северные племена, как и племена к востоку от Иордании, редко приходили на помощь своим братьям в каких-либо серьезных кризисных ситуациях. Когда Деборе потребовалась помощь со всех сторон, ей пришлось пожаловаться, что Ашер “неподвижно сидел в морской гавани”, а Рувим “сидел в овчарнях, слушая пение воынки для стад”. На юге, в стране, наполовину покрытой пустыней, логове диких зверей, Иуда “лежал как лев”, и будить его было опасно. Эфраим, самое могущественное из племен, закрепил за собой самую отборную часть холмистой местности. Манассия, владевший территорией по обе стороны Иордана, был “плодоносящей ветвью у источника, ветви которой простирались по стене”. Маленький Вениамин, расположенный между двумя могущественными племенами Ефрема и Иуды, не знал, которым руководствоваться, и в конце концов был разорван на части в попытке следовать за обоими. И все же Бенджамин, на восточной границе которого мы до сих пор находим долину, называемую Волчьим логовом, был “волком, который разоряет” и часто “пожирал добычу”. Иссахар “увидел землю, которая была приятна”, а именно плодородную равнину Ездраэлон, и “склонил плечо свое, чтобы нести бремя, и стал слугой, выполняющим тяжелую работу”, возделывая землю.

У колена Левиина не было закрепленного за ним округа страны, но вместо него было сорок восемь городов, разбросанных по всем коленам. Агенты Фонда исследования Палестины выявили два из этих городов.

Восстановлением местонахождения *Гезера* мы обязаны М. Clermont Ganneau. Он находится в низменном районе, в стороне от дороги направо, когда едешь из Яффы в Иерусалим, примерно в 8 милях за Рамлехом. Современное название, *Телль Джезер*, в точности соответствует древнееврейскому. Газер был царским городом ханаанеев; и он находился на позиции, господствующей над одним из важных перевалов. Левитские города имели вокруг себя расстояние в 1000 локтей. В 1874 году крестьяне показали Ганно грубую надпись, глубоко вырезанную на плоской поверхности естественной скалы. Судя по всему, оно написано еврейскими буквами и гласит: “Граница Гезера”. Впоследствии он нашел второй, похожий на него; и по их положению он заключает, что город располагался в виде четырехугольника и имел

углы, направленные по сторонам света. Именно этот город Газер был отвоеван фараоном у филистимлян и передан Соломону в качестве приданого вместе с его дочерью.

Майору Кондеру мы обязаны открытием другого из этих левитских городов, а именно царского города Дебир, к юго-западу от Хеврона, вместе с “верхними и нижними источниками воды” (на расстоянии), которые Халев подарил своей дочери по случаю ее замужества (Судьи, i. 15). Современное название - Дахерия, и это место, очевидно, является важным древним объектом, к которому со всех сторон ведут несколько старых дорог. Другим названием этого места было Кириат-Сефер, что означает "Книжный город"; так что, должно быть, оно было отмечено какими-то книгами или сочинениями.

Прослеживая границы колен, топографы нашли основания рассматривать Книгу Иисуса Навина как “Книгу Страшного суда в Палестине”. Все города в округе упоминаются вместе и в таком последовательном топографическом порядке, что многие места из Священных Писаний могут быть идентифицированы именно по этому обстоятельству. Показано, что границы племен почти полностью естественны, а именно реки, овраги, горные хребты и линии водораздела страны. Примечательным фактом, однако, является то, что, хотя описания границ племен и городов на территории Иудеи полны и подробны, и едва ли меньше в Галилее, в пределах Самарии они фрагментарны и скудны. Нет никаких сведений о завоевании Самарии, и в список царских городов не входят знаменитые самаритянские города Сихем, Фивез, Акрабби и другие. В топографических главах Книги Иисуса Навина нет ни списка городов Ефрема и Манассии, ни какого-либо описания северных пределов Манассии, и лишь очень небольшое описание южной границы, по которой это племя шло вместе с Ефремом.

До сих пор в нашем описании завоеваний Иисуса Навина мы видели, как его умелое командование обеспечило владение холмами — только центральными холмами, а не равнинами. Хананеи все еще жили на равнинах вокруг. Филистимляне удерживали юго-запад. Финикийцы были в безопасности на севере. Отдаленные народы Эдома и Моава были нетронуты. В таком состоянии все оставалось долгое время; и израильтяне, занимавшие только холмы, вряд ли могли стать расой моряков. Да и они не желали этого, если мы можем судить по тем упоминаниям о море, которые встречаются в Библии, поскольку они, по-видимому, показывают благоговейный трепет, с которым писатели относились к его набегающим волнам. И, кроме того, побережье для этого не подходило. Главной гаванью был Тир; но это было в Финикии, которая вряд ли входила в состав Палестины. К югу от Тира у нас есть Акчо, Каифа и Иоппия; но они ни в коем случае не хороши и не удобны как порты. Акчо - лучший, но использовался реже всего, хотя Наполеон считал его “ключом Палестины”. Именно в Иоппию финикийцы доставляли древесину на плотках для строительства Храма Соломона, а оттуда ее доставляли по дороге в Иерусалим. Именно в Иоппии Иона нашел корабль, идущий в Фарсис, и сел на него.

Если морское побережье было малодоступно для израильтян, то Иордан был еще хуже: узкий, мелкий, каменистый ручей, впадающий в Мертвое море, он никуда не вел и был бесполезен для торговых целей.

Естественно, столицы страны находились внутри страны — Иерусалим в центре холмов, а затем Сихем. Главная дорога страны проходила с юга на север, вдоль водораздела, хребта возвышенности. Но поскольку холмы были сравнительно бесплодны, их обитатели больше страдали во время голода, чем жители равнин. Во время войны у них было некоторое

преимущество, и они предпочитали сражаться со склонов холмов, поскольку у них не было колесниц и лошадей, и они не смогли бы найти им применения. Их враги говорили о них: “Их Бог — Бог холмов; Он не Бог равнин!”

Соответственно, враги Израиля стремились вынудить их сражаться на равнинах, и иногда им это частично удавалось. Равнина Ездразлон превратилась в огромное поле битвы. Великая равнина, в отличие от равнины Акко, долины Изреель и других, которые примыкают к ней, имеет размеры примерно 14 на 9 миль. Кондер описывает его как одно из богатейших природных полей для возделывания в Палестине, а возможно, и во всем мире. “Высота, - говорит он, - составляет примерно 200-250 футов над уровнем моря, и двойная гряда холмов в форме Уограничивает ее с востока и запада, со средней высотой 1500 футов над равниной на северо-востоке. На северо-востоке находятся два отдельных квартала Неби-Духи (Малый Хермон) и Табор, а на северо-западе узкое ущелье образовано рекой Кишон, которая берет начало из-под Табора и, собирая весь сток этого большого бассейна, переходит с Великой равнины в Акко. На востоке равнины широкая долина Изреель постепенно спускается к Иордану, а сам Изреель (современный Зерин) стоит на склоне Гильбоа над ним. На западе находятся едва ли не менее известные достопримечательности Легис, Таанах и Иокнеан, а на живописном коническом холме Духи, расположенном к северу от долины Изреель, на южном склоне находится Шунем, а на северном - Наин и Эндор. Таким образом, к востоку и западу от подножия холмов расположены семь достопримечательностей, но ни один важный город никогда не располагался на самой равнине”.

Первое крупное сражение на этой равнине было против Сисары, военачальника войска Иавина, царя Ханаана, который пришел с девятью сотнями колесниц и угрожал израильтянам у истоков Кишона. Топография библейского эпизода поражения и смерти Сисары до сих пор была очень мало изучена. Место сражения часто размещалось на юго-западе великой равнины Ездразлон, и предполагалось, что побежденный полководец бежал на расстояние 35 миль через высокие горы Верхней Галилеи. Но это противоречит тому, что мы знаем об общем характере библейских историй, действия которых всегда разворачиваются в очень ограниченном пространстве. Цари Ханаана собрались в Таанахе и у вод Мегиддо, но битва произошла не в одном из этих мест. Сисера был привлечен к реке Кишон (Судьи iv. 7), и конфликт произошел на равнине к юго-западу от горы Фавор.

Силы израильтян были размещены на склоне горы Фавор. По сигналу Деворы они бросились вниз по склону и атаковали врага. В этот момент страшная буря с востока обрушила мокрый снег и град прямо в лицо врагу. Они повернулись и побежали вдоль линии у подножия северных холмов, где цепь озер и родников, окаймленных тростником, отмечает, даже в сухой сезон, русло Кишона. Дождь превратил вулканическую пыль равнины в грязь и забил колеса колесниц. Вода, стекавшая с холмов, раздула ручей, и “река Кишон смыла их, эта древняя река Кишон”. Остальные бежали в Хорошет, ныне всего лишь жалкую деревушку (*Эль-Харатия*), названную так из-за прекрасного леса над Кишоном в том месте, где через узкое ущелье ручей, скрытый среди кустов олеандра, выходит на равнину Акко.

Сам Сисера бежал в противоположном направлении — на равнину Заанаим, или, скорее, Бицаанаим, “болота”, *то есть* болотистым источникам к востоку от Фавора — в окрестностях Бессума. Кедеш у прохода, вероятно, находится так называемом месте к югу от Тверии; и шатер

Хевера Кенита, таким образом, был разбит на открытом плато в пределах 10 миль от места битвы.

Следующим крупным сражением на этой равнине было сражение, на которое обзор Палестины пролил некоторый новый свет, позволив нам проследить за беглецами во время их отступления и зафиксировать некоторые места, названные в повествовании. Плодородие Великой равнины было в наше время и на протяжении веков непреодолимым притяжением для бедуинов с востока Иордании. Подгоняемые войной или голодом, они перешли Иордан у бродов близ Бейсана, заполнили долину Изреель и покрыли равнину своими шатрами и верблюдами. Мирные земледельцы трудились только для того, чтобы периодически подвергаться грабежам и угнетению. Таким образом, в 1870 году было распаханно только около шестой части прекрасных кукурузных угодий, и равнина почернела от арабских “волосяных домов”. Но турки произвели большую и внезапную перемену; они вооружили свою кавалерию винтовками “Ремингтон”, заряжающимися с казенной части, и бедуины исчезли как по волшебству. В 1872 году девять десятых равнины было возделано, почти половина - кукурузой, остальная часть - просом, кунжутом, хлопком, табаком и касторовым маслом. Конечно, следовало ожидать, что, когда внешние неурядицы ослабят правительство, незаконные кочевники снова вторгнутся и будут взимать пошлину, как и прежде. Соответственно, в 1877 году Фенди эль-Фаис и арабы-сукры вновь вторглись на равнину и начали шантажировать несчастных крестьян. Так было всегда, ибо история Палестины, по-видимому, постоянно повторяется с самого раннего зарегистрированного периода в повторяющейся борьбе между оседлым населением и кочевниками.

Спустя некоторое время после дней Варака и Деворы историк сообщает нам: “сыны Израилевы делали неугодное в очах Господа, и предал их Господь в руки Мадиянитян на семь лет”. Эти мародеры с востока переправились через Иордан, пригнав свой скот и верблюдов и разбив свои черные шатры. Они пришли во множестве, как саранча, пожирая плодородную землю и взимая дань с деревень, вплоть до Газы. Израильтяне в тревоге бежали, укрываясь в горах и живя в берлогах и пещерах. У них не осталось средств к существованию ни для овец, ни для волов, ни для ослов; и “Израиль был очень унижен из-за Мадиянитян”. Возможно, они могли бы терпеть угнетение дольше, но их жизни не были защищены от меча, и они страдали от потерь, нанесенных их семьям. Возможно, в какой-то мелкой стычке, в которой один брат пришел на помощь другому, семеро прекрасных юношей, сыновей Иоаса из Авиезера, были преданы смерти Зебой и Залмунной, вождями Мадиямскими. Но у него остался один сын, которого звали Гидеон, и он был доблестным человеком. Он чувствовал, что это угнетение невыносимо: дух Господень сошел на него, и после разрушения жертвенника Ваала в его родном месте он затрубил в трубу и поднял восстание. Его собственные соплеменники (мужья Менассии) собрались под его знамена, а также мужчины из северных племен, даже Ашер помогал в этом случае.

Гидеон “расположился станом у источника Харод, а Мадиямский стан был на северной стороне от них, в долине”. Библейское повествование, по-видимому, показывает, что источник находился по соседству с Гильбоем, к югу от долины Изреель. “Очень поразительно, - говорит Кондер, - обнаружить в этом месте большой источник с названием “Айн эль-Джемайн”, или “фонтан двух войск”, и, кажется, нет веских возражений против мнения, что это источник Харод”.

Гидеон обрушился на врага в полуночной темноте, ведя за собой триста человек, которые несли скрытые факелы и трубы. Внезапный звук труб и вспышка огней посеяли ужас среди мадианитян; они сражались самоубийственно, рука каждого была направлена против его брата, и они бежали вниз по долине Изреель. До бродов через Иордан было около 10 миль или больше. У бродов они разделились: Зеба и Залмунна, шейхи, перешли реку, в то время как Ореб и Зиб, младшие вожди, продолжили свой путь по западной стороне. Предположительно, они надеялись переправиться через большой брод напротив Иерихона; но Гедеон послал весточку жителям Ефрема, чтобы они перехватили их, и они это сделали. Сам Гедеон переправился через северные броды, преследуя Зебу и Залмунну до Каркора, и, захватив их в плен, привел обратно в Пенуэл. “Тогда сказал он им: ‘Что за люди были те, которых вы убили на Фаворе?’ И они ответили: ‘Каков ты, такими были и они; каждый походил на детей царя’. И он сказал: ”Они были моими братьями, сыновьями моей матери; жив Господь, если бы ты спас их живыми, я не убил бы тебя”.

Люди Ефрема “убили Орива у скалы Олив и Зиба у точила Зиба”. Эти два имени означают *Ворона* и *Волка*— вполне естественные имена вождей кочевых племен, и Кондер обнаружил эти названия в долине Иордана, немного к северу от Иерихона. Там есть любопытный меловой холм конической формы, называемый *Ош-эль-Гураб*, “Пик Ворона”, а рядом с ним холм поменьше с долиной, известный как *Тувейл эд-Дхиаб*, “Волчье логово”. Казни, если бы они происходили на этих возвышенностях, были бы на виду у всех людей на равнине; а затем головы носили Гидеону, который сейчас находился за Иорданом.

Но победа не всегда давалась израильтянам на равнине Ездраэлон. Во времена царя Саула филистимляне, дважды потерпев поражение на холмах, решили попытать счастья на равнинах. Под предводительством Ахиша, царя Гефа, они двинулись на север, обогнули мыс Кармил и заняли свою позицию в Шунеме, под “Малым Хермоном”.^[18] Саула отправили на гору Гильбоа, но он не был уверен в своих силах. В отчаянии он действительно нанес ночной визит эндорской ведьме, хотя Эндор находился к северу от “Малого Хермона”, и ему пришлось пройти мимо лагеря филистимлян, чтобы добраться до него. На следующее утро битва обернулась против него: израильтяне были решительно оттеснены вверх по склону Гильбоа и перебиты на высотах, которые должны были быть их естественным полем боя. Давид, когда он услышал об этом, почувствовал унижение или, по крайней мере, глубину несчастья, и его панихида по Саулу и его сыну начинается словами: “Слава твоя, о Израиль, погибла на высотах твоих! Как пали сильные мира сего! Не рассказывай об этом в Гефе” (2 Цар. i.).

Голова Саула была отправлена в Ашдод, в храм Дагона, филистимского бога-Рыбы. Доспехи Саула были посвящены богине Ашторет в городе Вифшан, недалеко от места битвы. Мы можем судить, что Вифшан все еще находился во владении хананеев. Тела Саула и его сыновей были прикреплены к стене Вифшана. Но жители Иависа Галаадского, к востоку от Иордании, города, с которым Саул когда-то подружился (1 Цар. xi.), пришли ночью и увели их. После сожжения их в Иависе они закопали кости под тамариском; и оттуда, при более поздней возможности, Давид забрал их и похоронил в семейной усыпальнице в Вениамине.

Мы читаем в Священном Писании о “городах Вифшан и ее дочери” как принадлежащих колену Манассии (1 Паралипоменон vii. 29). Черный курган в современном Бейсане представляет собой Вифшан или Вифшеан из текста. На этой естественной крепости стояла цитадель. Руины были спланированы Кондером; его рисунки можно найти в Воспоминаниях о съемках. Недалеко от

Бейсана находятся руины римского моста через Иордан — шоссе в Гадару. На равнине Бейсан, как мы узнали от мистера Трелони Сондерса, находятся двадцать четыре *телля*, разбросанных по всей верхней и нижней террасам. Они до сих пор носят характерные названия, и мистер Сондерс не сомневается, что это места прежних поселений, места семейного счастья и изобилия. Более того, он предполагает, что жизнь и счастье округа могут быть восстановлены почти так же быстро, как они были уничтожены, когда однажды цивилизация и могущество Запада осознают связь между процветанием Востока и его собственного промышленного населения. “Эти *надписи*, “ говорит он, - вероятно, обозначают солидные и знатные центры деревень, последние более или менее обширны и легко сровняются с землей. Они обозначают густонаселенный характер региона, когда сильное правительство сдерживало грабящих измаильтян и защищало вместо них ограбленных людей. *Рассказы* больше свидетельствуют о большом населении, чем остатки такого ‘великолепного’ и ‘благородного’ города, как Бейсан, когда он был либо еврейским Вифшаном, либо языческим Скифополем; с его доминирующей цитаделью, храмами, ипподромом, театром, банями, памятником и мостом”. Если в таком взгляде на вопрос есть хоть капля правды, мы можем ожидать интересных результатов от изучения этих *рассказов*. Кондер описывает местность как одну из самых хорошо орошаемых в Палестине, где (в апреле) из примерно пятидесяти источников буквально текут ручьи.

Смерть Саула привела Давида на трон. Но Дэвид ранее пережил авантюрный опыт, история которого тесно связана с упомянутыми населенными пунктами и требует полного знания топографии, чтобы оценить его по достоинству. “Пустыня Иудея, - говорит Кондер, - без сомнения, была такой же пустыней во времена Давида, как и сейчас. Здесь он бродил со своими товарищами-разбойниками как ‘горная куропатка’. Возможно, здесь он узнал, что кролик обитает в твердых скалах. Здесь, в прежние времена, он пас овец, спустившись из Вифлеема, как до сих пор спускаются деревенские пастухи в наши дни, в силу договора с незаконными кочевниками, и точно так же, как овцы Навала спустились с высокогорья по соглашению с дикими последователями преступника, рожденного быть царем. Я не знаю ни одной части Ветхого Завета, более проникнутой жизнью, чем ранние главы Книги Самуила, в которых рассказывается о странствиях Давида. Его жизнь может быть написана только тем, кто непосредственно следил за этими странствиями; и критик, который хотел бы проникнуться правильным пониманием этой древней хроники, должен сначала собственными глазами взглянуть на “скалы диких коз” и “можжевельники” пустыни”.

Кондер заявляет, что теперь мы настолько восстановили топографию скитаний Дэвида, что различные сцены кажутся такими живыми, как будто они произошли только вчера. Во-первых, у нас есть крепость Адуллам, охраняющая богатую кукурузой долину Эла; затем Кейла, расположенная в нескольких милях к югу, на крутом холме над той же долиной. Лес Харет лежал неподалеку, на краю горной цепи, где сейчас стоит Харас, окруженный “зарослями”, которые правильно обозначают еврейское “Яр” — слово, ошибочно принимаемое за лес, состоящий из древесных пород.

Изгнанный из всех этих логовищ, Давид отправился еще дальше на юг, в окрестности Зифа.... Вероломство жителей Зифа, как и жителей Кейлы, по-видимому, привело Давида в еще более пустынный район, в Иешимон, или “Уединение”, под которым, по-видимому, подразумевается великая пустыня над западными берегами Мертвого моря, на которую смотрит плато Зиф. Будучи мальчиком-пастухом в Вифлееме, Давид, вероятно, уже был знаком с этой частью

страны, и пещеры, которые до сих пор используются пастухами-крестьянами как овчарни, простираются по всем склонам на краю пустыни.

К востоку от Зифа находится выдающийся холм, на котором находится разрушенный город, называемый в Библии Каином. Отсюда взгляд устремляется на театр странствий Давида: с этого холма можно увидеть всю декорацию бегства Давида и преследования Саула.

Убежищем, выбранным беглецом, был холм Хачила в пустыне Зиф, к югу от Иешимона. “Я бы предложил, - говорит Кондер, - распознать это в длинном хребте под названием Эль-Кола.... На северной стороне холма находятся ”Пещеры сновидцев”, возможно, настоящая сцена нисхождения Давида на спящих стражей Саула”.

Преследуемый даже до Хачилы, Давид спустился дальше на юг, к скале в пустыне Маон, которая была названа “Утес разделения” (1 Цар. xxiii. 2–8). Здесь он представлен находящимся по одну сторону горы, в то время как Саул находился по другую. Так вот, между хребтом Эль-Кола и окрестностями Маона есть большое ущелье, называемое “Долиной скал”, узкая, но глубокая пропасть, непроходимая, если не делать крюк в много миль, так что Саул мог находиться в пределах видимости Давида, но совершенно неспособный настичь своего врага; и к этому “Разделяющему утесу” теперь применимо название *Малаки*, слово, очень близкое к еврейскому *Mahlekoth*. Окрестности изрезаны множеством русел ручьев, но вблизи Маона нет другого места, где можно было бы найти утесы, подобные тем, которые происходят от слова Села. “Поэтому мне кажется довольно безопасным, - говорит Кондер, - рассматривать это ущелье как место чудесного побега Давида из-за внезапного вторжения филистимлян, положившего конец истории его стремительных побегов на Юге Страны”.

Вернемся к Взрослой жизни. Знаменитое убежище, куда Давид собрал “всех, кто был в беде, и всех, кто был в долгах, и всех, кто был недоволен”, находилось, согласно Иосифу Флавию, в городе под названием Адуллам (Ант. vi. 12, 3). Этот город был одним из группы из пятнадцати, расположенных в Шефеле, или Низменности (Джош. xv. 35). Термин Шефела применяется к невысоким холмам из мягкого известняка, которые образуют особый район между приморской равниной и центральной линией гор. М. Клермон Ганно был первым исследователем, обнаружившим, что название Адуллам все еще используется; но майор Кондер также, обнаружив его среди названий, собранных капралом Брофи, отправился исследовать это место.

Великая долина Элах (Вади-эс-Сант) - это шоссе из Филистии в Хеврон; она отделяет низкие холмы Шефела от скалистых гор Иудеи. В восьми милях от начала долины стоит Шочох, и Вади-эс-Сант здесь имеет четверть мили в поперечнике: сразу к северу от этих руин она поворачивает на запад и так течет, становясь все глубже и глубже, между скалистыми холмами, покрытыми кустарником, превращаясь в открытую долину с богатыми кукурузными угодьями, по бокам которой возвышаются древние крепости, и, наконец, выходит на утес *Телль-эс-Сафи*. Примерно в 2 с половиной милях к югу от большого угла, недалеко от Шохо, находится очень большой и древний терebinф — именно от *элаха*, дерева “терebinф”, долина получила свое название, — а рядом с ним находятся два древних колодца с каменными желобами для воды вокруг них. К югу от ущелья находится высокий округлый холм, почти изолированный долинами и покрытый руинами, природная крепость, мало чем отличающаяся от хорошо известных *теллей*, которые встречаются ниже по долине Эла. “Это место кажется древним, - говорит

Кондер, - не только из-за колодцев, но и судя по пещерам, гробницам и каменоломням, которые находятся рядом с ним”.

Под холмом и рядом с колодцем есть руины, которые называются *"Аид эль Ма"*, и это радикально совпадает с еврейским Адуллам. “Но если эта разрушенная крепость, в чем, кажется, нет веских причин сомневаться, королевский город Адуллам, то где, естественно, мы должны спросить, находится знаменитая пещера? Ответ прост, потому что пещера находится на холме. Мы не должны искать одну из больших пещер, подобных тем, что видели крестоносцы в романтическом ущелье к востоку от Вифлеема, поскольку такие пещеры никогда не были заселены в Палестине; мы должны ожидать, скорее, пещеру средних размеров или (учитывая силу отряда) череду "полостей". Территория Адуллама разрушена, но не заброшена. По бокам долины притока расположены ряды пещер, и мы обнаружили, что они обитаемы и полны отар. Но еще более интересным было открытие отдельной пещеры на самом холме, низкой, почерневшей от дыма норы, которая была домом одной семьи. Войдя в это мрачное жилище, мы не могли не предположить, что наши ноги стоят на тех самых отпечатках ног Царя-пастуха, который здесь, расположившись лагерем между филистимлянами и евреями, прикрывал линию наступления на кукурузных полях Кейлы и находился всего в трех милях от зарослей Харета.

“Высота холма около 500 футов.... В пещерах достаточно места, чтобы разместить четыреста человек Давида, и они, как мы видели, все еще обитаемы.

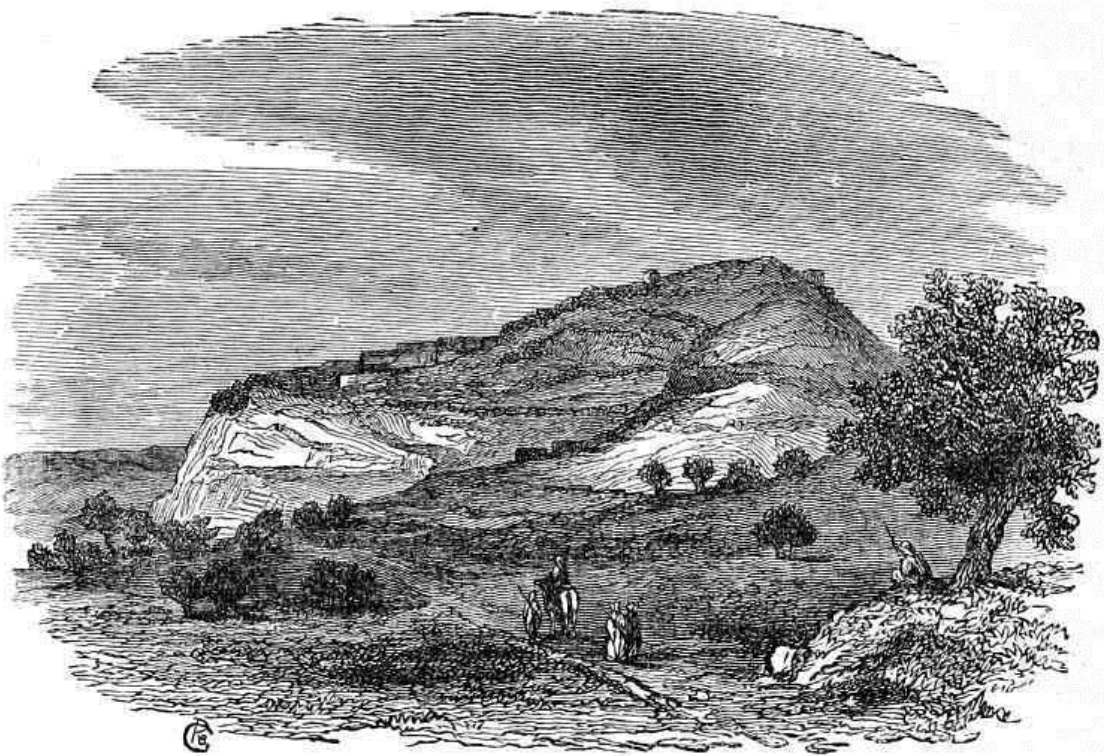
“Интересно отметить, что сцена победы Давида над Голиафом находится всего в 8 милях от пещеры в *Аид-эль-Ма*.”

Когда Давид стал царем всего Израиля, он поставил своей первой великой целью захват Иерусалима. Для этого может быть несколько причин. Во-первых, его столицей до сих пор был Хеврон, город, который не был достаточно центральным. Во-вторых, граница между Иудой и Вениамином проходила прямо через Иерусалим; город частично находился на территории одного колена, частично - другого; Саул был человеком Вениамина, в то время как Давид принадлежал Иуде; так что между этими двумя племенами существовала зависть, которая могла бы разрешиться, если бы Давид смог сделать город своей столицей. В-третьих, Иерусалим показал себя сильным городом, почти неприступным. Иисус Навин не брал его, как он брал другие города Гаваонитского союза — он бросал вызов оружию Израиля в течение четырех или пяти столетий, — и поэтому, если Давиду удастся захватить его, он будет обладать грозной твердыней. Таким образом, Иерусалим был осажден и взят. Оказавшись в безопасности в Иерусалиме, Давид расширил свои завоевания со всех сторон, подчинив филистимлян, моавитян, эдомитян, аммонитян и мадианитян, разместив гарнизоны в городах Сирии и даже распространив свое правление до реки Евфрат. Из всех этих стран только Филистия входит в обзор Западной Палестины.

Газа, столица Филистии, все еще существует как населенный город и расположена очень живописно, к ней легко подъехать по широкому проспекту с севера. Он возвышается на изолированном холме, примерно в 100 футах над равниной, и ощетинивается минаретами. Кондер оценивает население в восемнадцать тысяч человек, включая шестьдесят или семьдесят домов греческих христиан. Город не обнесен стеной, но зеленые насыпи, виднеющиеся вокруг холма, вероятно, являются остатками древней огады. Новая мечеть, построенная около сорока или пятидесяти лет назад, полна фрагментов мрамора из древних зданий, которые в основном были найдены недалеко от морского берега. К востоку от Сераля

находится известная гробница Самсона, а к юго-востоку от города находится холм, называемый Сторожевой башней, на который, согласно преданию, Самсон перенес ворота Газы. Здесь ежегодно проводится мусульманский фестиваль.

К северо-востоку от Македы на невысокой возвышенности до сих пор стоит Экрон - глинобитная деревушка с садами, огороженными колючими грушами. Кондер говорит, что здесь нет ничего древнего.

Скажи Эс-Сафи. (Городище Гат?)

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

В Азоте, или Ашдоде, одном из филистимских городов, есть большой курган, на окраине которого из земли торчат колонны. Мистер Трелони Сондерс, географ, описал это место в своем "Введении к исследованию Западной Палестины". Ашдод, расположенный на холме (около 140 футов) на западной оконечности равнины Зейта, теперь отделен от всего, что осталось от его порта, песчаными насыпями шириной 3 мили. На этом месте находится нынешняя деревня Эсдуд с восемнадцатью сотнями жителей, но останков этого первобытного города, когда-то такого сильного и могущественного, так мало и незначительно, что возникает соблазн предположить, что большая часть города может быть погребена под песками. Если это так, то они могут находиться в превосходной сохранности и, возможно, отплатят за то, что их выкопали.

Гат, место рождения Голиафа, долгое время был затерянным городом, но теперь обоснованно отождествляется с *Телль-эс-Суфи* в устье *Вади*, или водного русла, которое протекает недалеко от Хеврона, мимо Адуллама и Шохоха и на запад, к Ашдоду. Это место расположения крепости крестоносцев Бланш-Гард, которая была построена в 1144 году нашей эры как форпост для

защиты от жителей Аскалона. Сейчас это глинобитная деревушка с оливковыми деревьями под ней, стоящая на утесе высотой 300 футов, изрытом пещерами. Преподобный Генри Джордж Томкинс принимает *Телль эс Суфи* за "курган Сафи" и рассматривает Сафи как личное имя. В научной статье в "*Ежеквартальном отчете*" за октябрь 1886 года он утверждает, что Сафи был братом Голиафа, и если это так, то это дополнительная причина считать *Телль эс Суфи* Гатом.

Аскалон, "невеста Сирии", до сих пор называется Аскалоном. Укрепления и стены находятся в руинах, а на месте города разбит сад, засаженный фруктовыми деревьями и овощами. Стены представляют собой руины зубчатых стен, возведенных Ричардом Львиное Сердце в 1191 году нашей эры на месте разрушенных Саладином и, несомненно, из тех же материалов. Они наполовину погребены под огромными песчаными дюнами, которые постоянно поднимаются морским бризом с юга. Вся внутренняя часть этого места покрыта богатой почвой на глубину около 10 футов, и местные жители находят фрагменты тонкой каменной кладки, валы, капители и другие остатки старого города, копаясь в нем. От прекрасных колоннад Ирода теперь ничего не осталось. Крестоносцы не питали особого уважения к древностям, и бесчисленные гранитные колонны, горизонтально вмонтированные в стены, без сомнения, первоначально были привезены в город Иродом.

Кондер говорит: "Мы слышали любопытную традицию в Аскалоне. Крестьяне вскрыли гробницу недалеко от руин около тридцати лет назад. Под большой плитой на восточном кладбище они нашли прекрасно сохранившееся тело с мечом на боку и кольцом на пальце. Мертвые глаза так яростно смотрели на незваных гостей, что те уронили плиту; и поскольку один из участников группы вскоре после этого умер, они пришли к выводу, что это был *Неби* или Пророк, которого они потревожили, и таким образом это место стало окружено таинственной святостью".

Во времена внука Давида Израильское царство разделилось надвое и начало новую фазу своего существования как параллельные монархии Израиля и Иудеи. Можно сказать, что разрыв произошел из-за того, что Ефрем завидовал Иуде, а Иуда досаждал Ефраиму. Естественно, раскол, когда он произошел, произошел по линии между этими двумя могущественными племенами и прямо поперек колена Вениамина. Вениамин был разорван на части — Иерихон и Вефиль отошли к северному царству, в то время как другие города отошли к южному. Иерусалим продолжал оставаться столицей, но теперь это была столица только Иудейского царства; и Сихем был выбран столицей северного царства, которое называлось Израилем.

Но у этих северных монархов были и свои приятные летние резиденции, соответствующие Виндзору или Версалью. Одним из них была Самария, другим - Фирца, третьим - Изреель.

Современная Самария - это большая и цветущая деревня с каменными и глинобитными домами, стоящая на холме древней Самарии. Самые интересные руины, которые сейчас можно увидеть там, - это руины колоннады Ирода к западу от современной деревни. Колоннада, по-видимому, окружала весь город своего рода монастырем шириной 60 футов и высотой колонн 16 футов. Ветхозаветный город Самария исчез. Но здесь были похоронены цари Израиля, и, возможно, древние гробницы еще обнаружатся.

Фирца, известная своей красотой, является единственным самаритянским городом, упомянутым среди царских городов, взятых Иисусом Навином. Кондер находит его в нынешней

грязевой деревушке Тейасир. Он был восхитительно расположен на плато, где долины внезапно начинают спускаться к Иордану.

Кондер обнаружил множество вырубленных в скале гробниц, вырытых под домами; и он думает, что некоторые из них, вероятно, принадлежат ранним царям Израиля, до того, как царскую семью начали хоронить в Самарии.

Изреель теперь называется Зерин, а на месте дворца Ахава сейчас находится деревня, окруженная кучами мусора. Положение Зерина примечательно. На юге земля плавно поднимается к участку, а на западе место также доступно. Но на севере местность чрезвычайно пересеченная и быстро понижается, а на востоке находится седловина, отделяющая высокую точку, на которой стоит город, от цепи Гильбоа, дороги, поднимающейся из долины и окрестностей Айн-Джалуда. Вершина холма находится на 284 фута выше этого источника, который виден внизу. Таким образом, участок естественно укреплен, за исключением юго-запада. Он заметен с равнины, и с него открывается вид на долину Бейсан и трансиорданские хребты. Майор Кондер, поднявшись к деревне, был поражен отсутствием каких-либо следов древности. Но дома стоят на куче мусора, и среди них есть огромное количество разрушенных цистерн.

Ахав из своего дворца в Изрееле смотрел вниз на виноградник Навуфея. Кажется, что сейчас в окрестностях нет виноградников; но на востоке и юго-востоке на скалистых холмах есть вырубленные в скале винные прессы, где, без сомнения, должна быть размещена “часть поля Навуфея” и его виноградник. Господствующее положение этого места также позволило бы стражам Иорама, глядя вниз на долину Изреель, заметить двух всадников, посланных Ииуем вперед, приближающихся из Вифшана — поднятая пыль, блеск их доспехов — и самого Ииуа, следовавшего за ними и “яростно гнавшего”. Именно у “источника, который в Изрееле” Саул разбил лагерь перед роковой битвой при Гелвуе.

Здесь, в Изрееле, когда вдаль виднеется гора Кармил, нам напоминают, что жертвоприношение, принесенное Илией, произошло не на ближайшей к морю точке горы Кармил, как принято считать, а гораздо ближе к Изреелю, на той части хребта, где наши исследователи обнаружили постоянный источник, который снабжал пророка водой, когда остальная часть страны была засушливой. Находясь в этом месте, он мог бы увидеть дворец Иезавели в городе Изреель. С этого места он послал своего слугу на расстояние нескольких минут, на самую высокую точку хребта, откуда тот мог любоваться морем и видеть поднимающееся маленькое облачко. Тогда Илия сказал: “Слезай, Ахав, слышен шум обильного дождя” — слезай, Ахав, или река Кишон сметет тебя! Сам Илия, среди бушующей бури, бежал впереди колесницы монарха, вниз по склону и до самого входа в Изреель. И вскоре после этого, опасаясь угроз Иезавели, он быстро двинулся по дороге на север и юг и не останавливался, пока не добрался до Вирсавии. Это крайность Иуды, и здесь он оставляет своего слугу позади себя и углубляется в пустыню, ибо направляется к “Хориву, горе Божьей”, в поисках откровения.

Илии было поручено призвать Елисея в качестве своего преемника; а Елисей, в свою очередь, часто прибегал к горе Кармил. Когда Сунамитянка пришла к нему туда, ее путь лежал через равнину, и он мог видеть, как она приближается (2 Царств iv. 24). Шунем, ныне называемый Сулемом, стоит на южном склоне *Неби Духи* (Маленький Хермон) и представляет собой всего

лишь глинобитную деревушку с живой изгородью из кактусов и родником. К западу от домов есть прекрасный сад, прохладный и тенистый, с лимонными деревьями, орошаемый небольшой речушкой, а в деревне есть фонтан и корыто. На запад вид простирается до Кармила, расположенного в 15 милях. Таким образом, виден весь путь женщины-сунамитянки под палящим полуденным солнцем времени сбора урожая. Кондер замечает, что если дома того времени были не больше глинобитных хижин современной деревни, то построить маленькую комнату для пророка не было большим архитектурным предприятием; и перечисление простой мебели в этой комнате — кровати (возможно, всего лишь соломенной циновки), стола, табурета и лампы — кажется, указывает на то, что предполагалась всего лишь маленькая хижина. Можно отметить еще один момент: как получилось, что Елисей так постоянно проходил мимо Шунема? Ответ кажется простым; обычно он жил на Кармеле, но он был уроженцем Абель Мехолы, “Луга Кругов”, места, которое сейчас называется *Айн Хелве*, в долине Иордана, к которой прямая дорога вела мимо Шунема вниз по долине Изреель.

Прежде чем мы покинем равнину Ездразлон, которая также называется равниной Мегиддо — и из-за своего типичного характера поля великих битв используется в Апокалипсисе как сцена великой последней битвы, *Ар-Магеддона* - давайте взглянем на бесплодные усилия Иосии, царя Иудеи, остановить поход фараона Нехо. Именно в последние дни еврейской монархии, когда северное царство было уже разрушено, Палестина впервые подверглась пагубной участи, которая с тех пор вовлекла ее в столь длительную череду неприятностей — стать спорной территорией между Египтом и дальним Востоком; сначала при фараонах и правителях Вавилона; затем при Птолемах и Селевкидах. “Во дни Иосии фараон Нехо, царь Египетский, пошел против царя Ассирийского к реке Евфрат” (2 Царств xxiii. 29), возможно, высадил свою армию в Акчо (говорит дин Стэнли), более вероятно, как, по-видимому, указывает это выражение, следуя по следу своего предшественника Псамметиха, и продвигался вверх по приморской равнине, пока не свернул на равнину Ездразлон, чтобы оттуда проникнуть в перевалы Ливана. Царь Иосия в целях самообороны и, возможно, как союзник ассирийского царя, выступил против него. Иосия должен был пройти по дороге водораздела на север от Иерусалима и спуститься на равнину, возможно, через Дофан. Сражение состоялось в “Долине Мегиддо” (2 Паралипоменон. xxxv. 22). Египетские лучники в своем длинном строю, так хорошо известном по их скульптурным памятникам, стреляли в царя Иосию, когда он торжественно ехал в своей царской колеснице, и он был тяжело ранен, и его поместили в его запасную колесницу, и отвезли в Иерусалим умирать. Декан Стэнли отмечает, что все остальные сообщения о битве поглощены этим единственным трагическим событием, и точная сцена столкновения неизвестна.

Положение Мегиддо не очень определенно зафиксировано в библейском повествовании. Но широкая долина (как мы видим выше) была названа по имени города, и также говорится о “водах Мегиддо”. Майор Кондер считает, что нашел это место и название на большом разрушенном участке Муджедда, у подножия Гильбоа — холма, из которого бьют прекрасные источники, а к северу простирается широкая долина реки Джалуд. В остальном Мегиддо был расположен на *реке Мукутта*, недалеко от *Леджуна*. Мистер Трелони Сондерс считает возражением против участка Кондера то, что он отделен от реки Кишон и города Таанах и не может быть приведен в соответствие с рассказом о бегстве Охозии из Изрееля (2 Царств ix. 27). Царь, будучи сражен при “восхождении в Гур” близ Иблеама, бежал в Мегиддо, где и умер. Но если бы Мегиддо находился на равнине Вифсаон, он вряд ли сделал бы это, видя, что его враг Ииуй яростно наступал на Изреель через эту равнину. Кроме того, он бежал через “садовый

домик” Эн-ганним (современный *Дженин*); садоподобный характер этого места сохранился до сих пор - и *Дженин* не должен был находиться на пути между *Зерином* и *Муджеддой*.

[*Авторитетные источники*:— “Работа в палатках в Палестине”. Майор Кондер. “Введение в обзор Западной Палестины”. Автор Трелони Сондерс. “Обзор Западной Палестины”. Фонд Р. Е. “Двадцать один год работы на Святой Земле”. Фонд Р. Е.]

9. Священные места евреев.

Чтобы перейти к обзору мест, выбранных израильянами для мест поклонения, будет удобно вернуться к тому времени, когда мы обнаружим племена, расположившиеся лагерем в Галгале, при их первом входе в страну.

Следовало ожидать, что гора Синай останется священной после дарования Закона; и мы только сейчас увидели, что ее святость могла привлечь Илию спустя много веков. Израильян, когда они покинули пустыню и поселились на окраине Моава, привлекло святилище Ваал-Фегор; но им внушили, что это неправильно, и послы западных племен ссылаются на это как на предупреждение, когда они упрекают своих братьев по поводу жертвенника под названием Эд (Иисус Навин ххii. 17). Переходя в Ханаан, они несли с собой скинию Господа; место, где она покоилась, было святой землей, и не предполагалось, что следует терпеть какое-либо соперничающее место.

Ковчег завета — сундук, в котором хранилось соглашение между Иеговой и его народом, — был установлен в Галгале, над ним была воздвигнута скиния, или священный шатер, и Галгал стал священным местом. Впоследствии, когда холмистая местность была завоевана, ковчег и скиния были доставлены в Силом, и тогда Силом стал священным местом. Шило теперь называется *Сейлун*, и здесь руины современной деревни занимают что-то вроде *телля* или кургана. Место расположено на удивление уединенно, между высокими голыми горами. С севера за городом тянется глубокая долина, по бокам которой расположено множество вырубленных в скалах гробниц. “Поскольку это место столь определенно известно, - говорит Кондер, “ становится интересным порассуждать о точном местоположении скинии. Под вершиной холма, к северу от руин, находится что-то вроде неправильного четырехугольника, несколько наклоненного к западу и возвышающегося над террасами, сделанными для сельскохозяйственных целей. Скала здесь была грубо обтесана двумя параллельными уступами на протяжении более 400 футов, с площадкой между ними шириной 77 футов и заглубленной на 5 футов ниже внешней поверхности. Таким образом, в этом районе было бы достаточно места для двора скинии. Из Мишны мы узнаем, что нижняя часть скинии, возведенной в Силоме, была каменной, а наверху был навес. Есть, однако, два других места, которые требуют внимания как возможные объекты: одно из них, возможно, синагога, другое - небольшое здание, называемое ‘Мечетью слуг Божьих’”.

Согласно иудеям, ковчег и скиния оставались в Силоме триста шестьдесят девять лет — так долго, что Силом считался вторым по святости после Иерусалима. В катастрофические дни Илия ковчег был отправлен на поле боя и захвачен филистимлянами, которые отнесли его в Ашдод, в храм Дагона. Когда ДAGON упал перед ним, они снова отослали его, и после некоторых приключений он был возвращен людьми Кириджат-Джарима. В конце концов Давид перенес его на гору Сион, и тогда Сион стал священным местом. Соломон сказал: “Святы места, куда пришел ковчег Господень” (2 Пар. viii. 11), и по этой причине он вывел дочь фараона из города

Давида (который есть Сион, 1 Царств viii. 1) в дом, который он построил для нее. Ковчег так и не вернулся в Силом после того, как Илий отослал его. Однако скиния, по-видимому, оставалась там в течение некоторого времени, и поэтому Силом в какой-то степени оставался священным.

Вскоре, однако, даже скиния, по-видимому, была вывезена из Силома, поскольку, хотя у нас нет прямого упоминания о ее вывозе, мы, кажется, находим ее в других местах. Самуил, преемник Илия, судил народ, а по важным поводам созывал торжественное собрание и приносил жертвы. Он привык делать это в трех разных местах, которые в его время почитались священными. Одним из них был Галгал, ставший священным благодаря первому размещению ковчега: и хотя ковчег и скиния были убраны, а вместе с ними должна была быть перенесена святость, все же нелегко вычеркнуть святость места из традиций и обычаев народа. Другим из этих трех мест был Вефиль, где Иаков увидел лестницу с восходящими и нисходящими ангелами и был вынужден сказать: “Это дом Божий и врата Небесные”. Третьим местом, где Самуил созывал собрания и приносил жертвы, был не Силом, как мы могли бы предположить, а одно из многих мест под названием Массифа. Мы не знаем, где находилась эта Мицпа. Кондер склонен отождествлять его с *Неби Самвилем*- горой пророка Самуила, приметным коническим холмом в 4-5 милях к северу от Иерусалима; и поскольку Массифа означает сторожевую башню, в этом предположении есть доля правды. Мы не знаем, была ли скиния установлена в любом из этих трех мест во времена Самуила; мы не знаем, почему Самуил должен был довольствоваться тем, что считал святыми три разных места; но не совсем исключено, что скинию переносили из одного места собраний в другое и освящали каждое по очереди.

Немного позже мы, кажется, находим скинию ближе к Иерусалиму. Когда Давид бежит от царя Саула и идет по дороге из Рамы в Вениамине в Геф в земле Филистимской, он приходит в Номв, к священнику Ахимелеху, и ему разрешается съесть хлебы предложения (священный хлеб, выставленный перед Господом в святилище) и унести меч Голиафа, который был оставлен в качестве трофея. Итак, здесь у нас есть священники, хлеб предложения и скиния в Нобе. Что касается местности Ноб, дин Стэнли следует примеру мистера Траппа, указывая ее на северной вершине Елеонской горы, и мистер Трапп напоминает нам, что Давид принес голову Голиафа в Иерусалим до того, как был захвачен сам город (1 Цар. xvii. 54). Давид, убегая из Рамы в Геф, едва ли мог найти более короткий или удобный путь, чем тот, который вел его мимо Иерусалима.

Эта позиция Ноба подтверждается наглядным и подробным описанием Исайей продвижения ассирийских захватчиков (Исайя x. 28):—

Он приезжает в Ии, проходит через Мигрон,

На Мичмаше сдает багаж;

Они пересекают перевал, Геба - наша ночная станция:

В ужасе Рама, Гива Саулова бежит.

Кричи своим голосом, дочь Галлима;

Послушай, о Лаиш! Ах, бедный Анатоф!

Мадменех сбегает, жители Гебима обращаются в бегство.

И все же в этот день он останавливается в Нобе:

Он пожимает руку горе, дочери Сиона,
Иерусалимский холм.

“В этом отрывке” (говорит сэр Чарльз Уилсон), “если в нем есть смысл — а я не могу предположить, что его нет, — пророк описывает настолько подробно, что трудно поверить, что он не описывает реальное событие, поход ассирийской армии на Иерусалим; и мы можем быть совершенно уверены, что с его знанием страны и написанием, которое он делал для тех, кто был столь же хорошо знаком с ней, он описал бы линию марша, которой при определенных условиях естественно следовала бы армия, если бы ее особой целью было взятие Иерусалима. Условия, на которые я ссылаюсь, — это переход большого ущелья у Мичмаша и ночевка в Гебе; почему этот маршрут был выбран вместо более легкой дороги вдоль линии водораздела, у нас нет возможности выяснить, и это не влияет на вопрос”.

“Из мест, упомянутых Исайей, мы знаем, со значительной степенью уверенности, положения Михмаша, Гевы, Рамы, Гивы и Анафофа; о других ничего не известно. Путь армии от Гевы до Ноба, очевидно, занимал дневной переход; и порядок, в котором упомянуты деревни, ведет нас в направлении Иерусалима. Если, как я полагаю, этот отрывок означает, что ассирийский воин вел армию из Гевы на Иерусалим и что его продвижение было внезапно остановлено в Нобе, мы должны искать место для Ноба на дороге между этими двумя местами, и я не могу представить себе более естественного места, чем какое-нибудь поблизости от того Скопуса, откуда в последующие годы Тит и его легионы смотрели сверху вниз на Святой город”.

Эдомитянин Доиг, случайно присутствовавший при том, как Ахимелех вручал Давиду меч, сообщил об этом Саулу, и Саул, обезумевший от подозрительности, убил всех священников и полностью истребил всех жителей Ноба. Но даже после разрушения святилища его насилием святость Елеонской вершины все еще соблюдалась. Однако было необходимо убрать скинию с места столь сильного кровопролития, и, возможно, ее немедленно перенесли на Гаваонское возвышение, где мы находим ее в начале правления Соломона.

Положение вещей в начале царствования Соломона описано в 1 Царств iii. — “Народ приносил жертвы на высотах, потому что до тех дней не было построено дома имени Господня. И пошел царь в Гаваон, чтобы принести там жертву, ибо это было великое возвышенное место”. Из 2-й Паралипоменон мы узнаем, что в Гаваоне находился Шатер Собраний (скиния), который Моисей построил в пустыне. Более того, медный жертвенник, сделанный вдохновенным художником в пустыне, был там, перед скинией, и Соломон с собранием устремились к нему и принесли на нем тысячу всесожжений.

Таким образом, на данный момент у нас есть по меньшей мере полдюжины священных мест, почитаемых по очереди и более или менее признаваемых одновременно, а именно: Галгал, Вефиль, Силом, Массифа, Ном и Гаваон. К ним мы должны добавить Сион, в который Давид перенес ковчег, установив ее в палатку, которую он для него приготовил, хоть в палатке, освященные временем и святое, был у Гаваона (2 Цар. ви. 17; 1 Пар. я. 4-6).

Ковчег, однако, не остался в “городе Давида, который есть Сион”; ибо, когда храм был построен на горе Мориа, ковчег был перенесен в оракул дома с большим приношением в жертву овец и волов, а вместе с ним был перенесен и Шатер Собраний (1 Царств viii.). Гора Мориа теперь была святой горой Бога, и предполагалось, что все общественные богослужения будут сосредоточены в Храме. Еще раньше существовал закон, согласно которому высоты язычников

должны быть отброшены, а безответственные жертвоприношения в открытом поле не должны приниматься во внимание, и что каждый человек, у которого были жертвы для принесения, должен приносить их в скинию, где бы скиния ни находилась в то время (Левит. xvii. 1–6; Deut. xii. 1–6). Итак, теперь, когда постоянный храм заменил кочующий шатер, было, конечно, приказано, чтобы все жертвоприношения и публичные богослужения совершались на горе Мориа. “Ибо на святой горе Моей, на горе высоты Израилевой, говорит Господь Бог, там будет служить Мне весь дом Израилев, все они на земле; там Я приму их и там потребую приношений твоих и первых плодов твоих приношений со всеми твоими святынями” (Иезек. xx. 40).

Тем не менее, в годы правления Давида и до тех пор, пока не был построен храм, ковчег, покоящийся на Сионе, придавал святость этой горе. Псалмы Давида и другие, написанные в то время, конечно, упоминали бы Сион, но еще не Мориа.

“В Салиме также находится его скиния,

И место его обитания в Сионе”.

Псалом lxxvi. 2.

И даже после того, как ковчег был перенесен в Храм, гора Сион сохраняла свою святость по традиции; или, возможно, название Сион было расширено, чтобы включить Мориа, поскольку на самом деле они могут быть связаны как склон и вершина одного и того же холма.^[19]

Его основание находится в святых горах,

“Господь любит врата Сиона

Больше, чем все жилища Иакова”.

Псалом lxxxvii. 1.

Так узнаете вы, что Я Господь, Бог ваш, обитающий на Сионе, святой горе Моей. (Иоиль iii. 17 и Зах. viii. 3).

Природа человека не была бы такой, какая она есть, если бы теория и практика всегда шли рука об руку. Законы могут быть хорошими, но всеобщее подчинение им не всегда может быть обеспечено. Сам Соломон, который построил храм и, установив в нем Шатер Собрания, разрушил Гаваон, в последние годы своей жизни подал пример нового признания других возвышенностей и языческих богов. Женившись на “женщинах моавитян, аммонитянок, эдомитянок, сидонийцев и хеттеянок”, помимо дочери фараона, он, несомненно, считал лишь просвещенной терпимостью позволять им поклоняться по-своему, и, как логическое следствие, он снабжал их средствами и, возможно, иногда сопровождал их в соответствующие места поклонения. “Ибо Соломон пошел за Ашторет, богиней сидонян” и “построил высокое место для Хамоша, мерзости Моавитской, на горе, которая перед Иерусалимом, и для Молоха, мерзости Аммонитской. Так поступал он со всеми своими чужеземными женами, которые кадили и приносили жертвы своим богам” (1 Царств xi.).

Мы видим в этом отрывке, что место, выбранное в качестве возвышенности для Чемоша, находилось на Елеонской горе — возможно, на том месте, где стоял Ноб, на месте, которое уже имело традицию святости.

Многие более поздние цари подражали Соломону и отказывались считать Иегову единственным Богом или святую гору в Иерусалиме единственным возвышенным местом, обладающим святостью. Вряд ли можно было ожидать, что народ будет более верующим, чем его короли; и последующая история дает много примеров отхода от языческого богослужения и периодических реформ, предпринятых такими царями, как Иосия и Езекия. Более отдаленным племенам к северу от Ездраэлона или к востоку от Иордании было неудобно приезжать в Иерусалим для поклонения. К этому соображению добавились местная святыня и освященная временем традиция в ее пользу. Точно так же, как в нашей стране Рипонский собор построен над саксонской церковью Святого Уилфрида, а собор Святого Павла - на месте языческого храма, так и со стороны израильтян было стремление придерживаться старых мест. Что удивительного, если, кроме того, существовала частая приверженность старым формам богослужения?

Племена к востоку от Иордании поклонялись восточным богам — Пеору, Чемошу, Милкому. Гад поклонялся богу Удачи (Исаия lхv. 11) и был назван в честь этого божества. Иосиф Флавий произносит имя Рувима как *Рувим* (ρουβελος), а Бел был одним из восточных богов. У Манассии было святилище в городе Голаны. С востока от Иордана пришел Иеффай, который дал опрометчивый обет, как язычник, и сдержал его, хотя это требовало человеческих жертвоприношений.

За Ездраэлоном у нас есть Кадеш Неффалим, языческое святилище, принятое израильтянами как город-убежище, но, по-видимому, без какого-либо полного подавления первоначального богослужения. Это место теперь называется *Кедес*, и среди руин, найденных исследователями, есть руины храма с фигурой орла на перемычке, а также богато выполненные завитки из виноградных листьев, гроздей винограда, оленя и бюста (возможно, Ваала). Были также места, называемые Бет-шемеш (Дом Солнца), разбросанные по всей стране.

После распада царства Иеровоам, опасаясь, что его подданные будут привлечены к религиозным праздникам в Иерусалиме, основал два других центра. Одним из таких был Вефиль, удобный для южной части его царства и уже священный, потому что там Аврам построил жертвенник, и Иаков видел свое видение, и Самуил созывал торжественные собрания. Другим был Дан, удобный для северной части его царства и уже снова священный, ибо здесь во времена Судей некоторые колонисты из колена Дана установили истукан и учредили жречество. Кроме того, это, вероятно, было святилище финикийских жителей, которых вытеснили даниты; и, как мы видели в предыдущей главе, здесь стали поклоняться языческому богу Пану. Таким образом, мы видим, что Иеровоам выбирал религиозные центры, которые сочетали традиционную святость с географическим удобством.

Когда племена северного царства были уведены в плен, и ассирийские завоеватели привели людей из Вавилона, Куты, Аввы, Емафа и Сефарваима и поселили их в городах Самарии (2 Царств xvii. 24), пришельцы или возникшее смешанное население остановились на горе Гаризим как на своем священном возвышении. Но гора Гаризим уже обладала традиционной святостью, поскольку ковчег и скиния сопровождали Иисуса Навина в Сихем; племена собрались на горах-близнецах, чтобы послушать чтение Закона; и в более ранние времена Аврам построил здесь жертвенник, первый жертвенник Иегове во всей Святой Земле.

Таким образом, в Палестине было много возвышенных мест, и было много споров о том, кому из них принадлежало первенство, причем зависть достигла своего апогея в последующие

столетия из-за соперничающих притязаний Гаризима и Иерусалима. Никакое окончательное решение было невозможно, кроме того, которое Иисус Христос дал женщине из Самарии. “Наступает час, и уже наступил, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких Отец стремится видеть своими поклонниками. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине”. (Иоанна iv. 23). Местные центры теряют свою особую святость, потому что “всякое место есть земля святая”. Иерусалимский храм может быть разрушен — вероятно, вскоре это произойдет, — но в течение удивительно короткого периода времени духовный храм обретет форму. За такое истинное учение Иисус Христос был распят, а Стефан побит камнями.

Майору Кондеру было очень интересно выяснить, если возможно, где находится гора козла отпущения. Согласно Закону Моисея, козла отпущения уводили в пустыню и там отпускали на свободу. “Однако это не было практикой более поздних евреев. Однажды козел отпущения вернулся в Иерусалим, и это предзнаменование было сочтено настолько дурным, что обычный обычай был изменен, чтобы предотвратить повторение подобного бедствия. Человек, который вел козу, добрался до высокой горы под названием Сук, и в этом месте был пологий склон, с которого он столкнул несчастное животное, которое при падении разлетелось на атомы”. Район, где это было сделано, назывался Хидудим, а высокая гора Сук. Сук находился в 6½ английских милях от Иерусалима, если судить по десяти кушам, которые разделяли путь посланника на этапы по 2000 локтей. Кондер указывает на место по соседству с монастырем Святой Сабы. На необходимом расстоянии от Иерусалима находится большой холм *Эль-Мунтар*, самая высокая точка горной гряды, протянувшейся с севера на юг. Остальная часть хребта называется *Эль-Хадейдун*; а рядом с древней дорогой из Иерусалима находится колодец под названием Сук. С этого высокого хребта жертву ежегодно скатывали в узкую долину вниз, у входа в великую пустыню, которая впервые открылась перед глазами посланника, когда он достиг вершины в полумиле от источника Сук.

[*Власти и источники*: —Полковник Уоррен, полковник Уилсон и др., в ежеквартальных отчетах Фонда Р. Е. “Работа в палатках в Палестине”. Майор Кондер. “Синай и Палестина”. Декан Стэнли.]

10. Метод обследования и инциденты, связанные с Работой.

В начале триангуляционной съемки была измерена базовая линия недалеко от Рамлеха на Яффской равнине, и впоследствии это было проверено с помощью второй линии, измеренной на равнине Ездразлон. Применяемый метод работы описан майором Кондером как в его “Работе в палатке”, так и в его книге под названием “Палестина”. Лагерь, состоящий из трех или четырех палаток, был разбит в каком-нибудь удобном центральном месте, рядом с городом или деревней. Оттуда геодезисты смогли проехать 8 или 10 миль по кругу и сначала посетили несколько самых высоких вершин холмов. Поскольку каждый из них был признан удовлетворительным или предпочтительным тот, что рядом с ним, они построили большие пирамиды из камней высотой 8 или 10 футов и побелили их, чтобы сделать более заметными. Эта работа заняла около пяти дней. Когда точки были выбраны, еще пять дней ушло на повторное обследование их с помощью теодолита, который путешествовал в ящике, привязанном к спине мула, погонщик мулов сидел позади него; а вместе с ним отправились седельные сумки с обедом, зубило и молоток для вырезания широкой стрелы на вершинах

холмов, топорик для рубки деревьев и перелесков. В каждой точке было потрачено от двух до четырех часов, чтобы зафиксировать положение каждого заметного объекта, дерева, деревни, белого купола или минарета, видимых в радиусе 10 миль. “Имена были собраны, - говорит Кондер, - у крестьянина, сопровождавшего группу, и, когда послеполуденные тени начали удлиняться, мы медленно спустились по склону холма - грубоватого вида кавалькада, впереди которой шел наш башибузук в красных сапогах, вооруженный до зубов, а за ними следовали унтер-офицеры, которые хорошо привыкли к своим крепким маленьким сирийским пони, в то время как вьючный мул и проводник шли последними. Все мы носили револьверы и местные головные уборы, бедавинские *куфейе*, или шали, которые надежно защищали от солнечных ударов и заменяли зонт. Таким образом, наш внешний вид представлял собой необычную смесь европейского и бедавинского, которую, однако, часто принимают турецкие официальные лица во время путешествий, и, таким образом, привлекал меньше внимания”.

Работа с теодолитом закончилась, фиксированные точки были установлены, затем последовала заливка детали. Два унтер-офицера разделили работу между собой, и майор Кондер поочередно проводил дни с каждым, чтобы иметь возможность сделать набросок холма и изучить геологию. По открытой местности они находили ежедневную езду приятной, но когда холмы были крутыми, а долины глубокими и каменистыми, работа становилась очень тяжелой. Начинаясь в восемь, отдыхая в полдень, возвращаясь на закате и ложась спать сразу после обеда, дни пролетали с поразительной быстротой, и Исследование постепенно распространилось по всей стране.

Древние культуры были обнаружены по винным и оливковым прессам, разрушенным террасам и грубым садовым сторожевым башням. Древние места узнавались по гробницам, цистернам и скалистым уступам. При определении мест раскопок была проявлена величайшая осторожность: было установлено, что на этом месте должны быть следы древности; оно должно быть известно местным жителям под своим первоначальным названием или модификацией этого названия; его положение должно соответствовать известным описаниям этого места; и измеренные расстояния должны подтверждать это.

Новая карта должна была включать каждый объект, у которого есть название, и само название должно было быть дано правильно. Но здесь возникла трудность. Как точно установить названия в Палестине? Местные жители порочны, или они подозревают вас в замыслах против их страны, и они намеренно вводят вас в заблуждение. С другой стороны, они любезны, и если вы выразите надежду, что нашли сайт Священных Писаний, который вы назвали, они подтвердят ваше впечатление, что это так. Или, может быть, вы сами плохо владеете арабским языком и после того, как приложили величайшие усилия, чтобы узнать название места, обнаружите, что название, которое вы записали, означает “груда камней”. Рассказывается история о европейском путешественнике, который спросил своего гида, как называется место, и получил ответ —*Мабарафш*. Тщательно отметив это место на схеме своего маршрута, он между делом поинтересовался относительно второго места, которое он не узнал, и получил тот же ответ -*Мабарафш*! Конечно, возможно, что названия следует повторять, поскольку в Англии у нас есть несколько Ньюпортов, Нортон и Хэмптонов; но *Mabarafsh* на самом деле означает “Я не знаю”! Было высказано мудрое предположение, что путешественникам и геодезистам всегда следует просить шейха деревни правильно записать название по-арабски; но, к сожалению, только один шейх из десяти вообще умеет писать, и он не может правильно написать по буквам.

План, принятый Исследовательской группой, был таким, который, насколько это возможно, исключал все ошибки. Это описано майором Кондером в книге “Работа в палатке”, где он следующим образом рассказывает о своих расследованиях в окрестностях Хеврона. “Теперь мой отряд состоял из трех унтер-офицеров, и предполагалось, что лейтенант Китченер присоединится ко мне примерно через месяц. С нами было одиннадцать туземцев, включая главного Хабиба, писца, второго камердинера, двух конюхов, повара (негодяя, который только сидел и смотрел, как его мальчик готовит), двух погонщиков мулов и двух башибузуков; таким образом, отряд в полном составе состоял всего из шестнадцати человек, с девятью лошадьми и семью мулами.... Ночью деревенский шейх обеспечивал охрану. Были наняты четыре проводника, которые получали шиллинг в день, мула для верховой езды и завтрак. Информация, которую они передали геодезистам, была записана с их слов писцом, умным молодым дамаскинцем, рекомендованным мистером Райтом. Таким образом, была обеспечена правильность как произношения, так и местности, и имена были проверены всеми доступными нам способами. Помимо получения имен от местных гидов, были опрошены крестьяне, и, как правило, несколько крестьян по отдельности. Не задавалось никаких наводящих вопросов, и ни гидам, ни крестьянам не разрешалось предполагать, что одно название будет более приемлемым, чем другое. Таков был распорядок дня. Гости уходили в восемь утра и возвращались к пяти вечера; обедали на закате, и примерно с восьми до одиннадцати, или даже до полуночи, я изучал после дневной работы топографию местности. Этот труд не остался незамеченным, поскольку можно было бы легко пройти мимо многих интересных мест, если бы не знать, на какие моменты мистеру Гроуву и другим ученым требовалось обратить особое внимание”.

К счастью, в Палестине древние названия очень прочно удерживаются и вновь заявляют о себе после всех попыток завоевателей вытеснить их. Таким образом, город Вифшан (или Вифсеан), который во времена греции и Рима стал Скифополем, сегодня снова известен местным жителям как *Бейсан*. *Телль-эль-Кади*, расположенный у подножия горы Хермон, по-арабски означает “курган Судьи”, но на иврите слово, обозначающее судью, - *Дан*, и это курган Дан, северная оконечность земли, длина которой измерялась “от Дана до Вирсавии”. Шило теперь называется *Сейлун*, и нет более определенного места. Почти каждое важное место сохранило свое библейское название. Претенциозные названия - Элеутерополис, Никополь и т. Д. - Совершенно исчезли, и старые местные названия этих городов - *Бет Губрин*, *Эммаус* и т. Д. - Это те, под которыми они теперь снова известны. Важным исключением, однако, является *Nablous* (искаженное от *Neapolis*) для обозначения древнего Сихема — изменение, которое, возможно, можно объяснить ненавистью евреев к названию Сихем.

Традиция также ценна как подтверждение идентификации памятников, хотя ее могло бы быть недостаточно, если бы она стояла отдельно. В случае с Колодцем Иакова, недалеко от Наблуса (Сихем), все еврейские и самаритянские традиции, мусульманские и христианские традиции совпадают. Существует согласие также относительно грота в Вифлееме, под церковью Рождества Христова, как места рождения Христа. Не может быть никаких сомнений в том, что пещера на поле Махпела, которую Авраам купил для захоронения, - это та самая пещера, которая сейчас покрыта большой мечетью в Хевроне. И здесь мы снова сталкиваемся с тем ценным согласием традиций — еврейской, христианской и мусульманской, — которое, по-видимому, отличает настоящие места от тех менее подлинных, относительно которых возникли две или более противоречивых традиции. Принц Уэльский, декан Стэнли и несколько других европейцев были допущены в мечеть; но представляется весьма сомнительным, чтобы какое-

либо живое существо когда-либо спускалось в таинственную пещеру под полом со времен мусульманского завоевания Палестины. Окружающая мечеть стена также является одной из загадок Палестины и памятником, уступающим только ограде Иерусалимского храма, на который она похожа по стилю.

Территория храма в Иерусалиме по-прежнему является святилищем, а Башня Антония сохраняет свой военный характер на месте нынешних турецких казарм. В Палестине мы находим мусульманскую мечеть там, где раньше была христианская церковь— и построенную из тех же материалов. Церковь в свое время была построена после еврейской синагоги. По всей стране на протяжении тысячелетий люди продолжали жить одним и тем же образом и в одном и том же месте, и называли эти места одними и теми же именами. Название почти каждой деревни - ивритское, и каждая стоит на огромной куче мусора, в которую превратились древние здания. Еврейские имена сохранены и почти не изменились со времен Авраама, потому что крестьяне действительно семитского происхождения.

В тех частях страны, которые редко посещают европейцы, местные жители были очень удивлены, увидев Исследовательскую партию за работой. В одном месте под названием *Бака* (в районе Шарон) большой гигантский зонт над теодолитом привлекал большое внимание, и главным удовольствием для пожилых мужчин было смотреть в теодолитную подзорную трубу. “Что ты видишь, о отец?” - воскликнули менее удачливые, столпившиеся вокруг наблюдателя. “Я вижу Хаммада и его коров в двух часах езды отсюда, как будто он совсем рядом!” - ответил восхищенный старейшина.

Было распространено мнение, что англичане намеревались захватить страну, но Обследование было лишь подготовкой к этому шагу. Земля была разделена, и на высоких горах воздвигались пирамиды из камней, где вожди строили свои дома. Геодезисты искали кресты, вырезанные на руинах, и намеревались заявить права собственности на все подобные места. Большая часть крестьян верила, что они ищут спрятанные сокровища, которые с помощью заклинания будут доставлены в Англию. Иногда они искали золото под пирамидами из камней; часто они разрушали их и в результате были заключены в тюрьму. Пастух увидел, как отряд выравнивается, и смутно догадался, что они строят железную дорогу: “Вы впустите море в Иорданию?” он спросил: “Или пароходы будут ходить на колесах?” “Лучшая идея, - говорит Кондер, - заключалась в том, что мы были посланы султаном посмотреть, какие деревни пришли в упадок, и вернуть им налоги. Тогда мы были фаворитами!”

Работа по Обследованию проводилась не без частых неудобств. Например, равнина Букейа - хорошие кукурузные угодья, “но, похоже, здесь плохой естественный дренаж, и наши мулы увязали в глубоких болотах, иногда по пояс в обхвате. Дальше на север мы начали спускаться в длинную долину и оказались в местности иного типа, появились базальтовые выступы, и скалы наклонялись во всех направлениях; дно долины было усеяно обломками твердого базальта. Перевалив через голый горный хребет, мы спустились в самую безлюдную долину, где протекал мутный ручей. Мы проехали 15 миль, и тут снова пошел дождь. К нашему ужасу, мы обнаружили, что именно здесь нам пришлось разбить лагерь, поскольку в центральной точке новой работы не было других запасов воды. Вскоре мы сделали еще более неприятное открытие. В долине было много чистых источников, но все они были тепловатыми и солеными. Если бы Исследование вообще проводилось, оказалось, что нам пришлось бы пить солоноватую воду в течение десяти или более дней. Здесь мы сели на мокрую траву под пронизывающим

моросящим дождем у солоноватого ручья: не было видно ни души, ни бедави, ни крестьян, и было очевидно, что еду придется приносить издалека. Вскоре прибыли мулы с нашими палатками и кроватями, которые, хотя и промокли от дождя, мы установили на голой земле. Конечно, все участники отряда были сердиты и считали себя ранеными. У меня была очень сильная простуда и ревматизм, а у Хабиба был нервный тик. Арабы выглядели жалкими, но я был рад, что им выпала доля трудностей, потому что, в отличие от наших друзей Абу Нусейра в Иерихоне, они были самым ленивым и ни на что не годным племенем, которое мы встречали”.

Опять же, в жалкой маленькой деревушке *Эль—Байне*, расположенной между Тивериадским озером и Средиземным морем, они обнаружили, что все жители были поражены лихорадкой из-за зловонных испарений великого болота, которое даже в конце июля занимало половину равнины. Место было явно нездоровым, и их мучили полчища огромных комаров, из-за чего они не могли спать по ночам. Частыми были приступы лихорадки. “Один или два раза, - говорит Кондер, - приступ случился, когда я ехал верхом, и я не могу представить себе ничего более неприятного, чем находиться в 10 милях от дома по неровной дороге с лихорадочной головной болью”.

Однажды ночью арабы-сукры попытались украсть лошадей, но большая собака резко залаяла, и воры были замечены и обстреляны как раз в тот момент, когда они добрались до привязной веревки. В другом месте, когда собака осталась позади, в палатки проник вор, разорвал седельную сумку с провизией и унес все это с собой, кроме жестяного таза для мытья посуды, тарелок, хлеба, цыплят и ячменя из палаток для слуг — все это было бесшумно и аккуратно сделано примерно за десять минут. На следующее утро группа осталась без еды.

Но приходилось терпеть и вещи похуже этого. В районе скитаний Дэвида на капрала Брофи напали четверо пастухов, которые обозвали его “свиньей” и пригрозили побить камнями. Ему действительно было нелегко сбежать. “Первое по-настоящему серьезное нападение на партию, - говорит Кондер, - хотя и не последнее и не самое худшее, было совершено близ горы Кармель. Сержант Блэк спокойно осматривал окрестности деревни *Эль-Харития*, где, как впоследствии выяснилось, проводился праздник или ‘фантазия’. Молодые люди стреляли в цель, и один или несколько человек, повернувшись под прямым углом, намеренно выстрелили в сержанта на соседнем холме. Должно быть, он подвергался немалой опасности, поскольку принес домой две пули, упавшие рядом с ним”.

10 июля 1875 года на всю группу было совершено очень серьезное нападение, и просто чудо, что кто-то из них остался жив. Утомленные долгим и трудным маршем и последним подъемом на 2000 футов, они выбрали место для лагеря к северу от *Цфата*, города, который расположен в седловине высоких гор Верхней Галилеи и смотрит вниз на озеро. Палатки были установлены примерно наполовину, когда майор Кондер, отдыхавший на своей кровати в рубашке с короткими рукавами и тапочках, услышал сердитые голоса спорящих. Выглянув наружу, он, к своему удивлению, увидел шейха, очевидно, человека с хорошим положением, который бросал камни в Хабиба, который, раскинув руки, призывал прохожих стать свидетелями обращения, которому он подвергся. Кондер подошел, чтобы потребовать объяснений, но шейх, обезумевший от страсти, подошел к нему, схватил за горло и встряхнул, тем временем изливая непонятные слова. Майор Кондер привык, что к нему относятся с уважением даже высшие должностные лица страны; и он чувствовал, что если он смирится с этим оскорблением, то навсегда потеряет свое влияние на местных жителей, поэтому он сбил этого человека с ног. Он

встал и вернулся к атаке, заложив одну руку за спину. Кондер сбил его с ног во второй раз и, когда он падал, заметил в его руке нож с лезвием длиной в фут. Группа Кондера состояла из пяти европейцев и десяти маронитов, и когда последние услышали весть об оскорблении, нанесенном их “кабтану”, они подбежали, совершенно вне себя, и вскоре схватили шейха, отобрали у него нож и связали ему руки за спиной. Шейх закричал: “Где мой народ?” - и стоявшие поблизости мусульмане начали бросать камни. Слуги Кондера побежали к палаткам за оружием, так как у них было восемь готовых к использованию револьверов, не считая трех дробовиков и винтовки. Однако их “капитан” оказался мудрее; он приказал немедленно освободить шейха и сразу же отправил Хабиба к губернатору города. Но вскоре толпа насчитывала около трехсот человек, и все более буйные принялись швырять камни. Лейтенанта Китченера несколько раз ударили, а погонщик мулов был сбит с ног. Крики, которых христиане в Палестине имеют все основания бояться, поскольку они связаны с воспоминаниями о кровопролитии, теперь были подняты толпой— “Аллах! Аллах!” и “Гам! Din! Мухаммед!” - вопль о резне в Дамаске. Вскоре со склона холма сбегало несколько полностью вооруженных людей, все родственники и слуги шейха, который, как впоследствии выяснилось, действительно был не кем иным, как ’Али Ага’Алланом, близким родственником самого ’Абд эль Кадера. “Я сразу же двинулся навстречу нападавшим, - рассказывает Кондер, - и выделил двух мужчин: одного - белобородого старейшину с боевым топором, другого - высокого мужчину с дубинкой. Они осыпали меня множеством проклятий, и старик ткнул меня боевым топором в ребра; но это был замечательный пример влияния, которым европеец всегда может обладать на арабов, то, что они позволили мне взять их за руки и развернуть, и что, когда я сказал им идти домой, слегка подтолкнув в этом направлении, они действительно немного отступили. Тем временем появилась самая необычная фигура — чернокожий мужчина с пистолетами за поясом, размахивающий ятаганом над головой и ревуший, как бык. Он был рабом Аги и жаждал мести; увидев его так близко, а также пистолет, приставленный к моей голове, я отступил к палаткам. Я не мог удержаться от смеха, даже в такой серьезный момент, когда обнаружил, что меня поддерживает сержант Армстронг, который стоял в "атаке", вооруженный ножками камеры-обскуры! Теперь я увидел, что лейтенант Китченер противостоит другой группе справа от меня, и направился к нему, когда меня встретили ударом по лбу дубинкой с гвоздями, от которого по моему лицу ручьем потекла кровь. Человек, державший его в руках, занес его еще раз, чтобы обрушить на мою макушку, но, к счастью, я был слишком быстр для него и пригнул голову к его груди. Удар пришелся не по шее, но даже тогда он на мгновение оглушил меня, и я пошатнулся.

Весь отряд был ранен, и, поскольку они не любили пользоваться огнестрельным оружием, они, наконец, “перебрались через чертополох и каменные стены на склон холма в нескольких сотнях ярдов от них и стояли там в напряжении и тревоге”. Они были очень удивлены, когда больше не слышали криков толпы, но вскоре узнали, что губернатор прислал отряд солдат, и они были в безопасности, по крайней мере, на данный момент. Они вернулись в лагерь и удерживали свои позиции всю ночь, несмотря на угрозу Али-аги, что он вернется и перережет им глотки. На следующее утро они выступили в полном порядке, с четырьмя конными стражниками, и направились к побережью. Прибыв в Акко, они изложили дело паше и телеграфировали в Константинополь, поскольку было бы небезопасно пытаться продолжать свою работу до тех пор, пока нападавшие не будут наказаны. Таким было нападение в Цфате. Это произошло из-за наглости одного человека, привыкшего подавлять немногих христиан, проходящих через город, и из-за фанатизма мусульманского населения.

Нагрузка, выпавшая на долю европейцев, была слишком велика для здоровья. Возбуждение, усталость, боль и беспокойство, добавленные к малярийному яду, впитанному в болотах, вызвали сильный приступ лихорадки. Ожидалось, что майор Кондер не поправится в течение двадцати четырех часов. Лейтенант Китченер также вскоре скончался, за ним последовали остальные. Они лежали в своих постелях в монастыре Кармел, и сержант Армстронг ухаживал за ними. Действительно, как замечает Кондер, Исследование Палестины не было праздничной работой.

Комитет, организовавший Исследование, и сотрудники, проводившие его, заслуживают нашей благодарности, поскольку они оказали неизгладимую помощь путешествующим по Палестине и всем изучающим Библию. Теперь у нас есть карта, по которой путешественник может найти свой путь. Доктор Робинсон и другие исследователи того времени обычно определяли местоположение места, говоря, что оно находилось в двух часах езды к востоку от предыдущего, а затем в одном с четвертью часах к северо-западу; но теперь у нас есть точные расстояния. У нас есть карта, которая помогает нам понять библейские повествования о личных путешествиях или марше армий. Теперь мы можем видеть, каким путем *следовало* следовать; мы можем шаг за шагом проследить события из Священных Писаний. Теперь мы уверены, что Библия не могла быть написана ни в какой другой стране под небесами.

До проведения исследования Галилейское море, по разным оценкам, находилось на глубине от 300 до 600 футов ниже уровня Средиземного моря: сейчас оно зафиксировано на отметке 682. Оказалось, что русла притоков Иордана полностью отличаются от показанных ранее. Были известны и отмечены на картах только четыре брода Иордана, тогда как сейчас у нас их более сорока. Деревни приходилось переносить с одной стороны великих пограничных долин на другую. Были найдены и исправлены десятки мест Священных Писаний, размещенных неправильно или вовсе утерянных. А обнаружение этих участков позволило геодезистам точно проследить границы племен и провинций. Как было возможно понять библейскую историю, если мы не знали положения городов, границ племен, бродов, перевалов и долин, которые были открыты для иноземных захватчиков? Как мы могли бы понять это, если бы не знали маршрутов странников и путей торговли? Теперь эти вещи, наконец, установлены, и с точностью. Когда базовую линию, измеренную на Яффской равнине, сверили с линией, измеренной на равнине Эсдрелон, она оказалась совершенно удовлетворительной; а завершающая линия, рассчитанная в 1876 году в Саутгемптоне, имела погрешность всего в 20 футов, что является невидимым расстоянием на однодюймовой шкале. Для Обзора можно утверждать, что новых открытий почти столько же, сколько открытий прежних путешественников, вместе взятых; и ничего столь значительного не было сделано для правильного понимания Ветхого и Нового Заветов со времен перевода Священных Писаний на вульгарный язык.

[*Власти и источники (Западная Палестина)*: “Обзорные мемуары Фонда исследования Палестины”. “Работа в палатках в Палестине”. Майор Кондер. “Палестина в ее физических аспектах”. Преподобный каноник Тристрам. “Синай и Палестина”. Дин Стэнли. “Двадцать один год работы на Святой Земле”. Опубликовано Фондом Р. Е.. “Мемуары по геологии”. Доктор Эд. Халл. “Гора Сейр”. Доктор Эд. Халл. “Введение в исследование”. Трелони Сондерс. “Квартальные отчеты Фонда Р. Е..”. “Библейский словарь” Смита. “Роб Рой на Иордане”. Джон Макгрегор.]

11. Восток Иордании.

Было бы хорошо, если бы топографическая съемка была расширена таким образом, чтобы охватить всю территорию, занятую коленами Рувима и Гада, а также половиной колена Манассии. Действительно, Восток Иордании менее тесно связан с повествованием Священного Писания, чем Запад, и все же в Библии упоминается девяносто шесть мест к востоку от Иордании — по оценкам доктора Села Меррилла, их двести сорок, — и было бы неплохо идентифицировать их все. На восточной стороне страна также гораздо более густо усеяна руинами, чем на западной; и хотя так называемые “города-гиганты” Башана, возможно, и не заслуживают этого названия, все же в регионе полно римских городов, набатейских и арабских текстов, нацарапанных на скалах, греческих храмов и греческих надписей, а также групп дольменов еще более древних.

В отсутствие подробной тригонометрической съемки всего региона карта, опубликованная Палестинским исследовательским обществом в 1890 году, является лучшей, которую можно было составить из всех источников. Доступными источниками были — карта Ван де Вельде в качестве общей основы; маршрутные карты более поздних путешественников; работа Американского общества исследования Палестины, о чем сообщается в их “Заявлениях”; обследование майором Кондером 500 квадратных миль земли Моав в 1881 и 1882 годах; и, наконец, исследования, проведенные герром Шумахером в Хауране и Янлане.

Башан: территория половины колена Манассии. В качестве иллюстрации обилия древних останков к востоку от Иордании доктор Села Меррилл, археолог Американской исследовательской экспедиции, говорит, что каждый, кто посетил *Канават*, поражен количеством и разнообразием разрушенных зданий, замков, храмовых построек, костелов, обителей, театров, бань, дворцов, водохранилищ, подземных помещений или склепов, дорогих гробниц и других, которые никогда не были полностью исследованы. Доктор Дж. Л. Портер нашел здесь то, что он называет колоссальной головой Астарты, к сожалению, разбитой ... с полумесяцем (который дал этой богине имя *Карнаим*, или двурога) на лбу. Мистер Тирвитт Дрейк установил в этом месте камень, который, как считалось, был частью алтаря, на двух противоположных сторонах которого были изображения Ваала и Астарты, смело вырезанные горельефом на ближайшем базальте, с листвой, свидетельствующей о художественной руке.

Первое впечатление таково, что все древности относятся к римским временам и датируются только первыми веками христианской эры. На это указывает не только стиль архитектуры, но и значительное количество надписей, которые образуют почти непрерывную цепочку с первого по четвертый век. Они принадлежат императорам Марку Аврелию, Луцию Аврелию Веру, Коммоду, Септимию Северу, Александру Северу и проч.

Эти римские города были обращены в религию Христа, и тогда не только святилища язычества были преобразованы в христианские святилища, но и были возведены новые церкви, приспособленные к новому богослужению; были построены дома, дворцы и гробницы; даже были основаны целые города. В конце концов все эти христианские города были покинуты одновременно — вероятно, в эпоху мусульманского нашествия, — и с тех пор к ним никто не прикасался. За исключением того, что землетрясения разрушили многие стены и колонны, им не хватает только балок и досок, иначе они были бы совершенными зданиями, которые вскоре можно было бы снова сделать пригодными для жилья.

Но насколько интересным становится изучение этого района, когда мы узнаем, что под этими городами римского времени находятся жилища более ранних жителей! Например, *Бурак* - это город Хаурана, который отождествляется с епископальным городом Констанция, основанным, как предполагается, или, по крайней мере, приукрашенным Константином. Но преподобный У. Райт говорит нам, что, хотя кажется, что дома стоят на насыпи черной земли, на самом деле они построены на фундаментах домов более отдаленной древности. В одном месте он спустился на глубину 16 или 18 футов, чтобы увидеть недавно обнаруженную керамику, и обнаружил, что стены на этой глубине сложены из огромных необработанных камней, в отличие от камней надстройки, которые невелики по размеру и были лучше подготовлены для стен. "Также не подлежит сомнению, - говорит он, - что под этим насыпным холмом погребены остатки одного из "трех десятков городов", которые когда-то существовали в Башане и которые все еще существуют при изменившихся обстоятельствах, иногда под другими названиями".

В другом месте, называемом *Дра'а*, доктор С. Меррилл пожелал исследовать подземные пещеры или камеры, о существовании которых было известно, и шейх отправил своего сына в качестве проводника. Они прошли через несколько комнат, галерей и проходов, а затем вошли в небольшую комнату и пошли по ведущему из нее проходу, вырубленному в цельной скале. Вскоре им пришлось идти на четвереньках, и, пройдя около тридцати ярдов, проводник наткнулся на человеческий скелет, который так потряс его, что он отказался идти дальше, и группе пришлось вернуться. Как туда попал скелет, оставалось загадкой: возможно, какой-то дикий зверь притащил тело на это место, или могло быть совершено убийство, или какой-то человек пытался исследовать пещеры и не смог найти выход. *Драа* должна быть богатым полем для раскопок, потому что там существуют по крайней мере три города, один под другим. Нынешние арабские здания и кучи грязи находятся, по большей части, на вершине греческого или римского города, как это видно по стенам, которые обнажены во множестве мест, и отметинам каменщиков, которые видны на них. А римский город, по-видимому, покоится на еще более древнем, в котором использовались скошенные камни. Но независимо от того, есть ли два или три города над землей, под ними наверняка есть большой, полностью вырытый в скале, на которой стоят верхние города.

Подземные жилища в этом месте несколько лет назад посетил доктор Дж. Г. Ветцштейн, и ему также помешали провести тщательное исследование; поскольку, когда у его сопровождающего погас свет, он был настолько поражен ощущением опасности, в которой они окажутся, если оба света погаснут одновременно, что счел благоразумным ретироваться. Но он многое повидал. Миновав трудный переход, он очутился на широкой улице, по обеим сторонам которой стояли жилые дома, высота и ширина которых не оставляли желать ничего лучшего. Дальше было несколько поперечных улиц, и вскоре после этого они вышли на рыночную площадь с многочисленными лавками в стенах, точь-в-точь такими, какие можно увидеть в сирийских городах. Через некоторое время они свернули в боковую улочку, где его внимание привлек большой зал, крыша которого была сделана из цельной плиты яшмы и поддерживалась четырьмя колоннами. Доктор Ветцштейн говорит об этом замечательном месте как о "старом Эдрее, подземной лабиринтной резиденции короля Ога".

Герр Шумахер также посетил этот подземный город *Драа* или *Эд Дер'аах*, и описывает его, давая планы, в своей работе "По ту сторону Иордана". Он рассматривает такие города как творение первых обитателей Хаурана, так называемых гигантов из Священного Писания. Шейх Наиф и многие другие заверили его, что этот подземный город простирается ниже всего *Эд-Дер'аа*.

Хотя камеры и переходы проветривались, возникает вопрос, почему какие-то люди предпочли жить в таком мрачном уединении, а не при свете дня? Предположение мистера Шумахера состоит в том, что обычно они жили при дневном свете и что эти подземные помещения были выдолблены для того, чтобы принимать население в случае опасности. Таким образом, они были готовы выдержать осаду до тех пор, пока их склады были наполнены продовольствием, конюшни - скотом, а цистерны - водой. Однако, если бы враг узнал, как перекрыть им доступ воздуха, закрыв вентиляционные отверстия, осажденные были бы вынуждены сдаться или погибнуть. Другое обстоятельство также могло оказаться катастрофическим — если бы армии ос проникли в подземный город, жители были бы изгнаны. Некоторые авторы полагают, что об этом событии на самом деле говорится в Исходе ххiii. 28 — “И я пошлю пред тобою шершня, который прогонит еевей, хананей и хеттеев от лица твоего”; и Втор. vii. 20— “И Господь, Бог твой, пошлет на них шершня, доколе те, которые останутся и скроются, не погибнут от лица твоего” — *те, которые остались и скроются!*

Герр Шумахер и мистер Лоуренс Олифант находят много имен и традиций, которые заставляют их рассматривать страну Западный Хауран, вероятно, как страну Уз. “В земле Уз жил человек, которого звали Иов” (Иов i). Старая деревня *Шейх Саад* - это место, которое с древнейших времен считалось священным для памяти Иова (*Неби Айюб*). Мы находим там руины монастыря Иова (*Дейр-Айюб*), очень почитаемого древними жителями Хаурана. На юго-восточной оконечности длинного невысокого холма, на котором построена деревня, возвышающегося примерно на 40 футов над окружающей равниной, находится “Скала Иова”, которая сейчас находится в мечети. Здесь, как гласит легенда, сидел Иов, когда был прокажен, и принимал своих друзей. Скала представляет собой базальтовый монолит высотой 7 футов и шириной около 4 футов, и на ее поверхности нанесены какие-то неразборчивые буквы. Возможно, в этой легенде нет правды, но она показывает, насколько тесно имя Иова связано с этим регионом.

Примерно в половине дня пути к востоку от Вифшана находится место под названием *Махне*, которое некоторые авторы из-за сходства названий были склонны отождествлять с Маханаимом, где Иаков встретил две группы ангелов и где Давид пребывал во время восстания Авессалома. Здесь есть курган, и доктор Тристрам подобрал несколько разбросанных повсюду осколков старой керамики, так что, возможно, стоит провести раскопки, но Маханаим мы должны искать в другом месте.

Маханаим, должно быть, находился на некотором расстоянии к северу от Джаббока, потому что Джейкоб пришел к нему до того, как пересек этот ручей. Должно быть, это было в долине Иордана или недалеко от нее, потому что Иаков в своей молитве в том месте говорит: “С моим посохом я перешел этот Иордан”, - языком, который не был бы использован, если бы Иордана не было в пределах видимости. Город был приписан к одному из офицеров комиссариата Соломона (1 Царств iv. 14), из чего мы можем сделать вывод, что он представлял собой район. Эти условия, по-видимому, указывают на *Хурбет Сулейхат*, большой разрушенный город в устье *Вади Сулейхат*, в 9 милях к северу от Джаббока. Если мы остановимся здесь на Маханаиме, то сможем понять, почему это название имеет двойственную форму — два Махана или лагеря, — поскольку руины находятся по обе стороны ручья, который здесь впадает в *Вади Сулейхат* в Иордан. *Хурбет Сулейхат* находится примерно в 300 футах над равниной, среди предгорий, таким образом, что из него открывается вид на долину, в то время как дорога, идущая на север и юг вдоль долины, проходит почти в миле к западу от нее. Часовой с вышки мог видеть на значительное расстояние к северу, также ясно просматривалась долина на

западе и длинный участок вниз по долине на юг, почти до того места, где соединяются Джаббок и Иордан, у подножия *Курн Суртабех*.

Теперь мы можем понять рассказ посланников, которые принесли Давиду весть о смерти Авессалома. Битва между Иоавом и Авессаломом произошла немного юго-восточнее Маханаима. Иосиф Флавий говорит, что Иоав “выстроил свое войско в боевом порядке против врага на большой равнине, где у него за спиной был лес” (Антик. vii. 9, 8 и 10, 1-5). Люди Авессалома были разбиты и бежали по лесам и долинам, преследуемые людьми Давида. Битва разгорелась по всей стране (2 Цар. xviii. 8) и, вероятно, простирался до подножия холмов. Два посланника, по-видимому, начинают с какой-то точки на холмах, где Иоав стоял на выгодной позиции. “Кушит”, эфиопский раб Иоава, попытался перейти реку по глубоким болотам и пересеченной местности; но Ахимааз, который лучше знал местность, спустился в долину Иордана и бежал по Равнине (*Киккар*), где у него была ровная и гладкая дорога на протяжении всего остального пути. Следовательно, хотя он стартовал вторым, он прибыл первым. Давид сидел между двумя воротами в Маханаиме, а страж поднялся на крышу ворот, ведущую к стене, откуда он увидел приближающихся посланцев.

Суккот также был городом к востоку от Иордана, ибо Иаков пришел в него до того, как перешел Иордан с востока, а Гедеон перешел его после того, как перешел Иордан с запада (Судьи vii. 4). Судя по рассказу о возвращении Иакова, это место находилось недалеко от Маханаима. Но, несмотря на то, что Иаков пересек реку Иавбок в южном направлении до того, как встретил Исава, и отправился в Сокхоф после расставания с Исавом, есть причина для размещения Сукхофа к северу от Иавбока. Джейкоб снова перешел ручей. Иерусалимский талмуд сообщает нам, что Суккот, один из городов “в долине”, стал называться Дарала; а к северу от Джаббока мы находим *Дейр-Алла*, один из самых заметных курганов или *теллов* на равнине, высотой 60 футов, покрытый битой керамикой самых разных цветов и качеств. Это место было нанесено на карту Уорреном в 1868 году.

Слово Суккот означает “палатки”, и, возможно, это место получило название из-за постоянно видимых там шатров арабов. Местность около устья Джаббока плодородна, с изобилием травы и воды, и в настоящее время очень часто посещается могущественными племенами пустыни для выпаса своих стад. Когда Гедеон, переправившийся через Иордан близ *Бейсана*, последовал за мадианитянами вниз по долине до Сокхофа, говорится, что “он пошел путем живущих в шатрах”, по-видимому, каким-то хорошо известным маршрутом, ведущим из долины Джаббок в восточные пустыни.

Справедливое толкование обстоятельств приводит к выводу, что Пенуэл находился недалеко к востоку от Суккота. Это был укрепленный город, поскольку у него была башня, которую Гедеон угрожал разрушить; Иеровоам рассматривал ее как форпост, полезный при обороне Сихема (1 Царств xii. 25). Доктор Меррилл считает, что для этого есть только одно подходящее место - курганы, называемые “Золотыми холмами”, примерно в 4 милях к востоку от Иордании, в долине Джаббок. Курганы представляют собой очень поразительные объекты; они покрыты руинами, а на восточной стороне находятся остатки древнего замка. Работа выполнена не в мусульманском, христианском или римском стиле; камни представляют собой необработанные блоки и, по-видимому, относятся к отдаленному периоду.

Большой район к востоку и юго-востоку от Галилейского моря назывался Декаполис, или область Десяти городов. Это имя часто встречается у Иосифа Флавия и других авторов и трижды в Евангелиях. Сразу после завоевания Сирии римлянами (65 г. до н.э.) десять городов, по-видимому, были отстроены заново, частично колонизированы и наделены особыми привилегиями. Одним из городов был Скифополь, расположенный к западу от Иордана; остальные включали Гадару, Геразу, Филадельфию, Пеллу и др., все на востоке. Регион, когда-то такой густонаселенный и процветающий, теперь почти без жителей; и те немногие семьи, которые все же остались — в Скифополе, Гадаре и Канате - живут среди разрушающихся руин дворцов и в похожих на пещеры нишах старых гробниц.

Герр Шумахер исследовал Абилу в Декаполисе (ныне *Телль-Абиль*), Гадару (в *Умм-Кейсе*) и Пеллу (*Фахиль*).

Пелла, расположенная прямо напротив *Бейсана*, на другой стороне горы Гор, — это город, в который бежали верующие христиане, когда Тит двинулся на осаду Иерусалима. Епифаний говорит, что “они отступили, потому что были предупреждены самим Христом о приближающейся осаде”. Семьдесят лет спустя (135 год н.э.), когда Адриан перестроил Иерусалим как римский город и изменил его название на Элию, христиане снова покинули его и искали убежища в элегантном городе Пелла в долине реки Иордан. Доктор Меррилл склонен думать, что сам Христос был в Пелле (поскольку мы знаем, что он посетил Перею) и встретил такую благосклонность и успех, что сделал город подходящим убежищем для своих последователей. Герр Шумахер, описав вырубленную в скале камеру прямоугольной формы с потолком, вырезанным в виде крестообразного свода, с двумя колоннами на южной и северной стенах, говорит: “Можно считать несомненным, что перед нами пещера, в которой когда-то жили те христианские отшельники, которые в начале христианской эры и во время иудейских войн нашли убежище в Пелле. Пол, состоящий из земли и остатков древесного угля, так же как и план всего сооружения в целом, носит не погребальный характер, а скорее характер жилища; проходы использовались для обеспечения притока воздуха и обеспечения пути бегства в случае преследования, поскольку эти маленькие пещеры, если вход в них был тщательно закрыт, были едва видны снизу, а проход - еще меньше. Весь северный склон испещрен такими пещерами”.

Удивительно, что Пелла вообще была оставлена, настолько удачно она расположена. Даже после продолжительной летней засухи источников, бьющих среди разрушенных колонн и руин былого великолепия, достаточно, чтобы сделать плодородными все соседние земли, которые, расположенные на верхнем уровне горы Гор и на глубине 250 футов под уровнем моря, обладают, пожалуй, самым прекрасным климатом с сельскохозяйственной точки зрения, какой только можно найти в Сирии.

Столицей Переи была Гадара, город, упомянутый в евангельском повествовании о бесноватом, который обитал среди гробниц. Население *Умм-Кейса* может составлять около двухсот душ, и люди выращивают табак, овощи и зерно. Под землей, занятой нынешней деревней, было обнаружено множество пещер и древних захоронений. Руины включают римский театр и то, что может быть остатками замка.

Галаад. Граница племени Гада проходила в нескольких милях к северу от Джаббока, поскольку территория включала Маханаим; в то время как на юге она простиралась до Арнона. Этот регион

принадлежал аммонитянам; и это было задолго до того, как они были изгнаны, ибо даже после того, как Саул был помазан на царство Израиля, аммонитянин Нахаш осадил Иавис Галаадский и пытался выдвинуть тамошним израильтянам жесткие условия капитуляции (1 Цар. xi.). Этот район - земля Галаад или "Гора Галаад" из Библии. Это хорошая земля для разведения крупного рогатого скота, и ее ценили бы земледельцы в любой части мира. "Неудивительно," говорит доктор Меррилл, "что два с половиной племени были совершенно не прочь остаться на востоке Иордании. В Иудее нет земли, с которой можно было бы сравниться; как и в Самарии, за исключением очень ограниченных участков. Местность слегка холмистая, но поля широкие и сравнительно без камней. Здесь обычные арабские тропы превращаются в прекрасные дороги. Здесь богатые пастбища и роскошные поля пшеницы и ячменя, и невежественные бедуины, которым принадлежит эта земля, с гордостью указывают на зеленые акры, раскинувшиеся под солнцем".

Амман, называемый в Библии Раббат Аммон (Втор. 11; 2 Цар. xi. 1 и др.), был главным городом Аммонитян за полторы тысячи лет до Рождества Христова. Здесь постель Ога, царя Васанского, была захвачена Иоавом, военачальником Давида (2 Цар. xi. xii.), а Урия хеттеянин был убит в одной из вылазок. Раббат-Аммон был восстановлен Птолемеем Филадельфом, царем Египта, и его название было изменено на Филадельфию. Снова он был разрушен сарацинами, когда они завоевали Сирию. Ручей Джаббок протекал прямо через Раббат-Аммон, и его называли "Городом вод". Именно после того, как Иоав взял Город Вод, он послал к Давиду с предложением самому прийти и захватить цитадель, чтобы вся слава не досталась его слуге.

Майор Кондер считает *Амман* самыми важными руинами, осмотренными в Палестине, с точки зрения их антикварного интереса, и лучшим образцом римского города, который он посетил, за исключением еще более замечательных руин Герасы, которые уступают только Баальбеку и Пальмире среди сирийских столиц второго века нашей эры. Римские руины включают в себя два театра, бани, улицу колонн и остатки того, что когда-то было очень большим храмом на самой высокой части городского акрополя. В городе, должно быть, проживало несколько знатных семей, о чем свидетельствуют великолепные частные гробницы, окружающие город.

Но самые старые останки, видимые в *Аммане*, - это дольмены, которых вместе с другими грубыми каменными памятниками насчитывается около двадцати. Рядом с ними находятся старые вырубленные в скале гробницы, которые, по предположению Кондера, относятся к раннееврейскому периоду. Но кто знает, не находится ли под *Амманом* погребенный город? Весь регион к югу от *Аммана*, а также к северу и западу от него, изобилует руинами.

Моав.—Страна к югу от Галаада была отдана колену Рувима. Это была земля моавитян, и земля, где продолжали править моавитские цари, несмотря на права Рувима. Из этой земли пришла Руфь, чтобы поселиться в Вифлееме с Ноеминой, выйти замуж за Вооза и навсегда остаться в памяти как прародительница Давида. Возможно, именно из-за Руфи Давид убедился, что царь Моава готов предоставить безопасное убежище его престарелым родителям, в то время как сам он не боялся опасностей, угрожавших жизни преступника (1 Цар. xxii. 3). Однако пришло время, когда Давид сразился с моавитянами и победил их, обойдясь с пленниками с такой суровостью, которая заставляет нас подозревать, что имел место какой-то акт вероломства или оскорбления. Высказывалось предположение, что царь Моава предал доверие, оказанное ему Давидом, и либо убил Иессея и его жену, либо выдал их Саулу. Мы не знаем.

Сильной крепостью Моава был Кир-Харасет, или Кир-Харесет, или Кир-Херес (2 Царств iii. 25; Исаия xvi. 7, 11); и именно на стенах этого города царь Меша принес своего сына во всесожжение и благодаря произведенному таким образом моральному эффекту переломил ход битвы. У нас есть веские основания отождествлять Кирхерес с современным *Кераком*, расположенным недалеко от юго-восточной части Мертвого моря. Армии союзников прошли маршем вокруг южной оконечности Мертвого моря, чтобы достичь его, вместо того чтобы пересекать Иордан. “Ни одно доказательство, - говорит доктор Тристрам, - не может быть менее открытым для придирок, чем то, которое отождествляет Керак с Кир-Моавом (Исаия xv. 1) или Кир-Харесетом. Это был замок “Кир”, в отличие от столицы страны “Ар”, *то есть* Раббат Моав, современной *Раббы*.” Таргум переводит это название как “Керака”. Крестоносцы приняли его за Петру и дали его епископу этот титул, который греческая церковь сохранила до сих пор, но название в просторечии осталось неизменным. Неудивительно, что, когда мы смотрим на него с соседних высот, объединенные армии Израиля, Иудеи и Эдома не смогли взять его, и что “в Кирхарасете оставили они камни его; однако лучники обошли его и поразили”, но безрезультатно.

Эта позиция настолько сильна по своей природе, что за нее можно было бы зацепиться как за крепость с самых ранних времен. Платформа, на которой построен город, находится на высоком выступе, который выступает наподобие полуострова и соединен с остальной землей только узкой горловиной. Два глубоких *вада* обрамляют его с севера и юга с крутыми уступами или другими неровными склонами. Первоначально в Керак было только два входа, и оба они проходили через туннели в склоне утеса, выходящие на платформу города.

Другим городом, приписываемым Рувиму в древнем фрагменте поэзии, но восстановленным Гадом (Числ. xxi. 30, xxxii. 34), был Дибон. Сейчас он отождествляется с *Дхибаном*, расположенным на римской дороге, примерно в 3 милях к северу от Арнона, места, где сохранились обширные руины. Доктор Тристрам описывает его как такие же унылые и безликие руины, как и любые другие заброшенные кучи в Моавитии. “С этой безводной равниной, ” говорит он, “ пророчество исполнилось—‘Ты, дочь, живущая в Дивоне, сойди со славы твоей и сиди в жажде; ибо придет на тебя разоритель Моава и разрушит твердыни твои’ (Иер. xlviii. 18). Это место полно цистерн, пещер, расположенных под сводчатыми складами и грубыми полукруглыми арками. Все холмы вокруг сложены известняком, и нет никаких следов какого-либо базальта, кроме того, что был принесен сюда человеком. Среди руин до сих пор сохранилось много базальтовых блоков, обработанных для использования в каменной кладке”.

Именно среди этих руин в 1868 году был найден знаменитый Моавитский камень. Это базальтовая глыба размером примерно 3½ на 2 фута, на поверхности которой написано тридцать четыре строки иероглифами, известными как финикийские. Поскольку язык также финикийский - или, вероятно, моавитский, хотя и тесно связанный с финикийским и, безусловно, близкий к ивриту, — прочесть надпись было бы нетрудно; но, к сожалению, когда арабы обнаружили, что камень ценится европейцами, они поссорились из—за обладания им и разбили его. Однако около двух третей фрагментов были извлечены и собраны воедино; кроме того, “выжимка” целого была сделана в спешке, прежде чем оно было сломано, и из этого удалось заполнить некоторые пробелы. Отреставрированный памятник сейчас хранится в парижском Лувре, а гипсовый слепок можно увидеть в Британском музее. Надпись показывает, что памятник был установлен Мешей, царем Моава (почти за девятьсот лет до Рождества Христова), чтобы запечатлеть одержанные им победы и общественные работы, которые он

совершил. Похоже, что после того, как союзные армии сняли осаду Кир-Харасета, ход войны изменился и повернулся в пользу Меши. Перевод надписи выглядит следующим образом:—

“Я, Меша, сын Хамош-Гада, царя Моава, Дибонита. Мой отец царствовал над Моавом тридцать лет, и я царствовал после моего отца. И я воздвиг этот камень Чемошу в Корче, (камень) спасения, ибо он спас меня от всех грабителей и заставил меня увидеть мое желание на всех моих врагах, даже на Омрии, царе Израиля. И теперь они поражали Моав много дней, ибо Хамош был разгневан на свою землю. Его сын наследовал ему, и он также сказал: я поражу Моав. В мои дни (Чемош) сказал, (Пойдем) и я увижу свое желание на нем и его доме, и я уничтожу Израиль вечным разрушением. И вот, Омри захватил землю Медебу, и (враг) оккупировал ее в (его дни и в) дни его сына, сорок лет. И Чемош (смиловался) над ним в мои дни; и я укрепил Баал-Меон, и сделал там резервуар, и я укрепил Кириафаим. Ибо жители Гада издревле жили в земле (Атар) от, и царь (Израиля) укрепил для себя Атароф, и я напал на стену и захватил ее, и перебил всех воинов стены на благо Хамоша и Моава; и я снял с нее всю добычу и (предложил) ее Чемошу в Кириафе; и я разместил там жителей Сирана и жителей Мохрата. И сказал мне Чемош: пойдя, сразись с Нево против Израиля. (И я) пошел ночью, и я сражался с ним от рассвета до полудня, и я взял его, и убил всего семь тысяч (мужчин, но я не убивал) женщин (и) дев, ибо (я) посвятил их Аштар-Чемошу, и я взял оттуда сосуды Яхве, и принес их в жертву Чемошу. И царь Израиля укрепил Яхаз и занял его, когда он воевал против меня; и Хамош изгнал его передо мной, и я взял у Моава двести человек, всех его бедняков, и поселил их в Яхазе, и взял его, чтобы присоединить к Дибону. Я построил Корчу, стену леса, и стену города, и я построил ее ворота, и я построил ее башни, и я построил дворец, и я построил тюрьмы для преступников внутри стен. И не было водоема в стене в Корче, и я сказал всему народу: сделайте себе, каждый человек, водоем в своем доме. И я вырыл ров для Корчи с помощью (пленных) мужей Израиля. Я построил Ароер и проложил дорогу через Арнон. Я построил Бет-Бамоф, ибо он был разрушен; я построил Безер, ибо он был срублен вооруженными людьми Дибона, ибо весь Дибон теперь был лоялен; и я правил из Бикрана, который я присоединил к своей земле, и я построил (Бет-Гамул), и Бет-Диблатаим, и Бет-Баал-Меон, и я поселил там бедных (людей) той земли. А что касается Хоронаима, (жители Эдома) жили в нем (издревле). И сказал мне Чемош: пойдя, сразись с Хоронаимом и возьми (его). И я напал на него, и я взял его, и) Чемош (восстановил его) в мои дни. Для чего я создал... год... и я...”

В 1881 году майор Кондер при содействии лейтенанта Мантелла был отправлен начать систематическое обследование Восточной Палестины. Страна в то время была очень неспокойна; но отряд переправился через Иордан в Моав и в течение двух тревожных месяцев трудился в условиях очень высокого напряжения. Измерив базовую линию и соединив свою триангуляцию с линией к западу от реки, они детально проработали более 500 квадратных миль. И даже после того, как к их присутствию было привлечено внимание, они смогли распространить свою работу на значительную территорию и вернулись из пустыни с полными руками ценных результатов.

Одним из самых замечательных открытий стало обилие менгиров, дольменов и каменных кругов. Их насчитываются сотни, тогда как в Иудее и Самарии их нет ни одного, а в Галилее всего полдюжины. Доктор Меррилл и герр Шумахер обнаружили, что они в изобилии встречаются также в Яулани и на остальной территории Хаурана. По словам герра Шумахера, изучение многих образцов в Восточном Яулани делает очевидным (1), что дольмены всегда

построены на круглых террасах, которые возвышают их примерно на 3 фута над землей; (2) что в большинстве случаев они образованы шестью вертикальными и двумя покрывающими плитами; (3) что все главные оси дольменов проходят на восток и запад; (4) что западный конец дольменов шире восточного; (5) что западный конец часто отличается выступами, по одному на каждом углу верхней плиты; и (6) что они различаются по размеру от 7 до 13 футов в длину. Ему трудно избежать вывода о том, что эти дольмены изначально были построены как места захоронений. Крытая камера, приподнятая над землей и закрытая плитами, была первым началом саркофага; и тело было положено лицом к восходящему солнцу, головой на запад. С другой стороны, майор Кондер, который находит в Моаве множество грубых каменных памятников другого типа, призывает нас помнить, что камни могут располагаться торцом более чем для одной цели. Изучив семьсот примеров из Моава и Галаада, он пришел к выводу, что теория захоронения часто совершенно несостоятельна, хотя мы не можем отрицать, что иногда тела хоронили в таких каменных камерах. Во многих случаях в Моаве было ясно, что никакая насыпь земли никогда не покрывала камни; не было найдено ничего, кроме твердого камня, и иногда сооружение было недостаточно большим, чтобы покрыть даже тело ребенка. Мы должны обратиться к местным суевериям, чтобы полностью понять назначение трилитов и дольменов. Какими бы дикими ни были легенды, они, по мнению Кондера, сохраняют то, что когда-то было религией племен, строивших дольмены. После того как он сделал размерные зарисовки примерно ста пятидесяти дольменов в Моаве, ему показалось, что целью строителей было создать плоскую поверхность, похожую на стол, которую они, возможно, использовали в качестве алтаря. Верно, что дольменов часто бывает больше на ограниченной территории, чем мы могли бы ожидать от алтарей, но мы не должны забывать историю Валаама и Балака, в которой семь алтарей построены на одной вершине горы, и еще семь - на вершине соседней горы. Затем, что касается отсутствия таких памятников в Иудее и Самарии, Кондер предполагает, что они, весьма вероятно, когда-то существовали и, возможно, были намеренно уничтожены. Израилю было приказано “разбить” *менгиры* of the хананеев, “опрокинуть” их алтари и уничтожить их изображения. Записано, что Иосия, ревностный царь Иудеи, исполнил эти повеления на практике.

Кто построил эти сооружения? Весьма вероятно, что они являются сохранившимися произведениями ханаанских племен. Герр Шумахер относит Хауран к тому же периоду, что и подземные города.

Во Второзаконии есть любопытное археологическое примечание, в котором говорится о кровати Ога, царя Васанского, - кровати длиной 9 локтей и шириной 4 локтя. Этот отрывок в значительной степени проявил изобретательность комментаторов, и некоторые из них предположили, что он относится к базальтовому саркофагу. Библия действительно говорит о ложе из железа; но базальт - это материал, который по внешнему виду напоминает железо и который на самом деле известен у арабов под названием железа, в то время как о каменном гробе вполне можно говорить как о кровати. Но Кондер говорит, что в Раббате нет базальта, и считает сомнительным, что Ог вообще мог быть похоронен в саркофаге. Он склонен переводить эти слова как “прочный трон Ога”, а не “железная кровать”. Воспоминание об ирландских дольменах подсказало ему возможную связь между троном Ога и каким-то грубым каменным памятником, который по преданию мог быть седалищем великана, точно так же, как в Ирландии дольмены - это “грядки с зерном и оружием” и связаны с легендами о великанах. Поэтому было очень поразительно обнаружить единственный огромный дольмен, одиноко стоящий на видном

месте недалеко от Раббат-Аммона, и еще более поразительно, что верхний камень имел размеры 13 футов (или почти 9 локтей 16 дюймов) на 11 футов в ширину.

Если мы будем искать гроб или подставку для кровати, а не дольмен, то очень поразительно обнаружим, что параллели существуют как для кроватей, так и для гробов одних и тех же гигантских размеров. Доктор Эразмус Уилсон, описывая гробы и мумии, найденные в *Дейр-эль-Бахари*, говорит, что “гроб царицы Нефертари гигантского роста, с украшенным перьями гребнем длиной 13 футов. Он сделан из картона и имеет форму статуи, напоминающей со скрещенными на груди руками одну из тех архитектурных колонн, которые называются Кариатидами”. Еще более примечательным является ложе вавилонского бога Бела, описанное мистером Джорджем Смитом в его рассказе о “Храме Бела”. После некоторого описания основных построек он говорит: “В этих западных покоях стояли ложе бога и золотой трон, упомянутые Геродотом, помимо другой мебели огромной ценности. Утверждается, что кушетка была 9 локтей в длину и 4 локтя в ширину (15 футов на 6 футов 8 дюймов)”. Это именно те размеры, которые присвоены изголовью кровати О.Г..

Перед отъездом из Моава майору Кондеру выпала честь постоять там, где стоял Моисей, и осмотреть пейзаж со всех сторон. Не может быть никаких сомнений в том, что это гора Нево. Это было установлено каноником Тристрамом; это было подтверждено Кондером, который обнаружил поле Зофима неподалеку; а сэр Чарльз Уоррен обнаружил руины древнего города Нево у его подножия. Более того, он сохранил название *Небо*, а с вершины открывается знаменитый “вид на Фасгу” (Втор. xxxiv. 1-3). Неффалим, Галаад, Ефрем и Манассия, Иуда и Негеб, или “сухая земля” к югу от Хеврона, - все в поле зрения, а равнины Иерихона простираются “до Сигора”. Но, по словам Кондера, Средиземное море не видно с Нево, поскольку оно полностью скрыто западным водоразделом Иудеи и Самарии. Доктор Тристрам говорит в своей книге “Земля Моава”: “Кармель можно было узнать, но мы так и не смогли разглядеть море к северу от него; и хотя, конечно, возможно, что его можно было увидеть с этой высоты, я не мог быть уверен, что видел что-то большее, чем дымку над равниной Ездраэлон”. Но даже если бы воды “великого моря” в Хайфском заливе можно было отчетливо разглядеть с горы Нево, этот факт вряд ли имел бы значение, поскольку Втор. xxxiv. указывает скорее на море к югу от Иоппии. Однако достаточно того, что ни с какой другой вершины вам не откроется столь обширная перспектива, как с горы Небо.

Работа Кондера была внезапно прекращена. Даже когда партия выступила в 1881 году, на Востоке царил большое волнение. Ожидалось, что мусульманский мессия явится в 1300 году Хиджры, и в Египте назревала война. Британское правительство уведомило Кондера, что любая экспедиция, которую он может предпринять, будет осуществляться на его собственный страх и риск, и они не могут нести ответственности за последствия. Через пятнадцать месяцев, в течение которых работы велись с большим риском, султан услышал, что английские капитаны осматривают землю, и отдал приказ прекратить их. В том же году исследования мистера Рассама в Месопотамии были прекращены. Наконец, Кондер и его группа покинули Сирию на пароходе, переполненном беженцами после александрийской резни.

[Авторитетные источники: — “К востоку от Иордана”. Села Меррилл. Лондон: “Бентли и сын”, 1881. “Через Иордан”. Готлиб Шумахер. “Бентли и сын”, 1886. “Джолан” Г. Шумахера, Бентли, 1888. “Абила”, “Пелла” и “Северный Аджлун”. Г. Шумахера. Лондон: Общество исследования Палестины, 1888, 1889. “Палестина”. Майор Кондер. Лондон: Джордж Филип

и сын, 1889. “Хет и Моав”. Майор Кондер. Бентли и сын, 1883. “Земля Моав” преподобного каноника Тристрама. Лондон: Джон Мюррей, 1873. “Неизведанная Сирия”. Бертон и Дрейка. Лондон: Братья Тинсли, 1872.]

ГЛАВА III. ИЕРУСАЛИМ.

Со времен Давида Иерусалим был главным городом Палестины, и хотя сейчас он настолько мал, что его удобно было бы разместить в Гайд-парке, — и, возможно, никогда не был намного больше, чем сейчас, — он был театром великих событий и требует внимательного изучения. Каким бы небольшим он ни был, он стоял на нескольких холмах, которые было более или менее легко оборонять с помощью укреплений, и предлагал монарху некоторый выбор, желающему построить дворец, башню или храм. Разнообразие местных особенностей, таких как холмы, овраги и русла рек, часто упоминается в истории и иногда настолько тесно переплетается с описываемыми событиями, что становится необходимым взглянуть на топографию, прежде чем мы сможем надеяться понять повествование. Например, когда Давид отвоевал город у иевусеев:

“Давид захватил крепость Сион.... И поселился Давид в крепости и назвал ее Городом Давида. И построил Давид кругом от Милло внутрь” (2 Цар. Ст. 7-9).

Итак, он взял Нижний город силой, но Цитадель^[20] все еще держалась.... Когда Давид изгнал иевусеев из Цитадели, он также восстановил Иерусалим и назвал его Городом Давида” — Иосиф Флавий, “Древности”, vii. 3, 1-2 (Перевод Уистона).

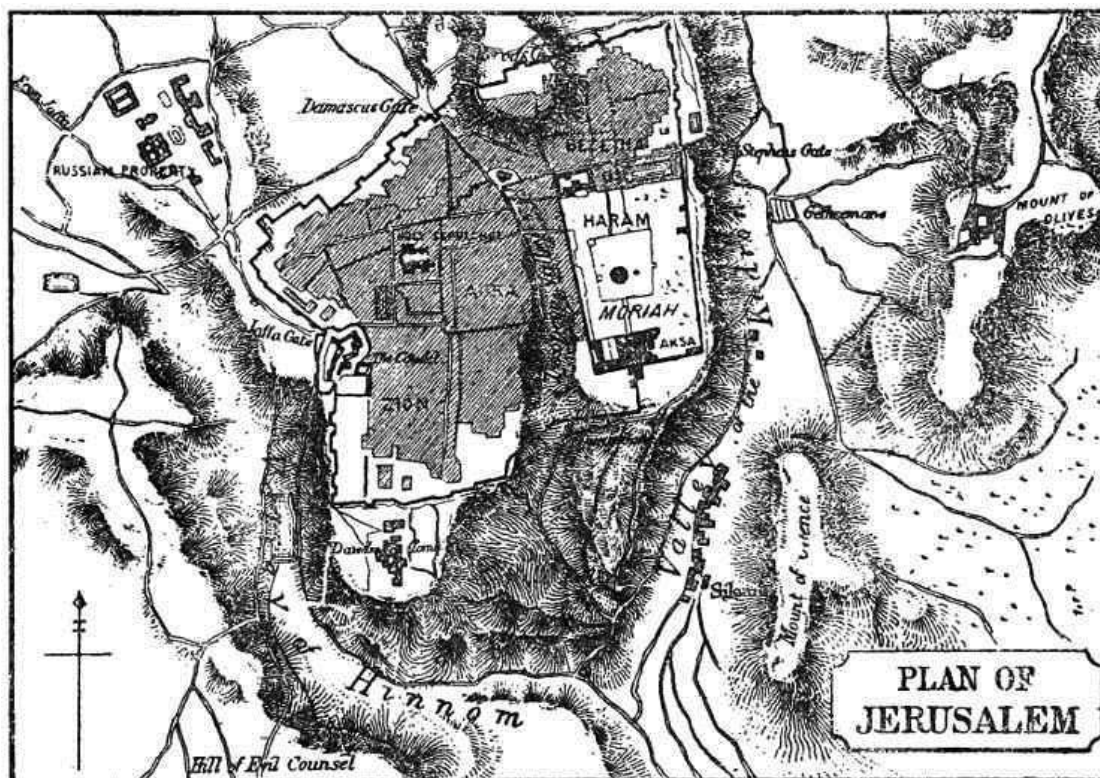
Здесь мы хотели бы знать, по крайней мере, какая часть Иерусалима называлась Городом Давида; потому что Давид построил там дом, и там были похоронены большинство царей Иудеи.

Опять же, в 1 Царств i: “Адония заколол овец, волов и откормленных телят у Камня Зохелет, который рядом с Эн-Рогелем”, и стремился добиться провозглашения себя царем. Но когда пророк Нафан и Вирсавия, мать Соломона, познакомили Давида с ходом событий, Давид приказал посадить Соломона на царского мула, “отвезти его в Гихон” и провозгласить его царем. Там затрубили в трубу, люди затрубили в свирели, и Адония и его гости слышали шум. Прежде чем мы сможем полностью осознать эти сцены, мы должны знать все местности и то, как они были связаны друг с другом и с положением дома Давида.

История Ветхого Завета полна таких местных упоминаний, как и Книги Маккавеев; и, возможно, больше всего глав из Книги Иосифа Флавия, в которых описывается осада Иерусалима Титом. Давайте тогда попробуем познакомиться с особенностями местности и научимся применять названия к соответствующим населенным пунктам.

1. Город как он есть.

Его положение.—Иерусалим хорошо описан в библейских изречениях Смита. Он расположен недалеко от вершины широкого горного хребта, или высокого неровного плоскогорья, которое простирается от равнины Ездраэлон до пустыни на юге. Это урочище повсюду имеет ширину не менее 20-25 миль и поверхность его каменистая и неровная. Его высота в Иерусалиме составляет 2500 футов над уровнем Средиземного моря; но он продолжает подниматься к югу, пока в окрестностях Хеврона высота не достигнет почти 3000 футов. Город занимает южную оконечность плоскогорья, которое отрезано от окружающей его местности с западной, южной и восточной сторон оврагами, более глубокими, чем обычно, и обрывистыми. Эти овраги уходят от плоскогорья, один на западе, а другой на северо-востоке города, и быстро понижаются, пока не образуют соединение ниже его юго-восточного угла. Восточная — долина Кедрон, обычно называемая Долиной Иосафата, — тянется почти прямо с севера на юг. Но западная — Долина Хинном — некоторое время тянется на юг, а затем резко поворачивает на восток, пока не упирается в Долину Иосафата, после чего они оба как один устремляются к Мертвому морю. Насколько внезапен их спуск, можно понять из того факта, что уровень в точке соединения — примерно в миле с четвертью от начальной точки каждого из них - более чем на 600 футов ниже уровня верхнего плато, с которого они начали свой спуск. Таким образом, в то время как на севере нет существенной разницы между общим уровнем местности за стенами и уровнем самых высоких частей города, с трех других сторон овраги спускаются так круто, их характер напоминает траншею, и они находятся так близко к мысу, у подножия которого они проходят, что у смотрящего создается впечатление рва у подножия крепости, а не долины, образованной природой.

ПЛАН ИЕРУСАЛИМА

В пользу Фонда исследования Палестины.

Окруженный таким образом мыс сам разделен продольным ущельем, называемым долиной Тиропон, которое тянется вверх по нему с юга на север, постепенно повышаясь с юга, как и внешние, пока, наконец, не достигнет уровня верхнего плато, разделяя центральную часть массива на две неравные части. Из этих двух тот, что на западе — Верхний город Евреев, гора Сион в современной традиции, — выше и массивнее; тот, что на востоке — гора Мориа — одновременно значительно ниже и меньше, так что наблюдателю с юга кажется, что город резко наклоняется к востоку. Центральная долина, примерно на половине своей длины, образовывала сопутствующую долину с левой или западной стороны, которая поднималась до общего уровня земли у нынешних Яффских ворот.

Следует отметить еще одну долину. Он находился на севере Мории и отделял ее от холма, на котором во времена Иосифа Флавия стоял пригород или часть города, называвшаяся Безета, или Новый город. Часть этой впадины до сих пор сохранилась в большом резервуаре с двумя арками, обычно называемом бассейном Бетесды, недалеко от ворот Святого Стефана.

Со всех сторон город окружают более высокие холмы: на востоке - Елеонская гора; на юге - Холм Злого Совета, поднимающийся прямо из долины Хинном; на западе местность плавно поднимается до границ большого вад; в то время как на севере изгиб хребта, соединяющийся с Елеонской горой, ограничивает перспективу на расстоянии более мили. К юго-западу вид несколько более открыт; ибо здесь лежит равнина Рефаим, начинающаяся сразу у южного края долины Хинном и простирающаяся на юго-запад, где она впадает в западное море.

Этот грубый набросок *местности* Иерусалима, который я заимствую главным образом у сэра Джорджа Гроува, позволит читателю оценить два больших преимущества его расположения. С одной стороны, овраги, окружающие его с запада, юга и востока, из которых скалистые склоны города поднимались почти как стены крепости из своих рвов, должно быть, делали его неприступным в этих кварталах для войн старого света. С другой стороны, его соединение с более ровной местностью на северной и северо-восточной сторонах давало возможность расширения, которой, как мы знаем, воспользовались, и это дало ему заметное превосходство над другими городами Палестины, и особенно Иудеи, которые, хотя и были в безопасности на своих вершинах холмов, не могли расшириться за их пределы.

Западная сторона города более чем на 100 футов выше восточной; но Елеонская гора возвышается даже над самой высокой частью города более чем на 150 футов.

Стены и улицы города.—Иерусалим окружен стенами высотой от 40 до 50 футов, внушительными на вид, но далеко не прочными. По большей части они были возведены в том виде, в каком стоят сейчас, султаном Сулейманом в 1542 году, и, по-видимому, занимают место средневековых стен, из руин которых они в основном и построены. На восточной стороне, вдоль края долины Иосафат, участок стены к югу от ворот Святого Стефана датируется гораздо более ранним периодом и частично сложен из массивных скошенных камней. Большой камень в юго-восточном углу, по оценкам, весит более ста тонн; и этот блок является одним из ряда камней толщиной 6 футов, который тянется вдоль южной стены на 600 футов, хотя и не без промежутков. Стены почти напоминают Йорк и другие древние города Англии, с расположенными через равные промежутки ступенями, ведущими к зубчатому брустверу; и их протяженность, по словам Робинсона и других, составляет менее 2½ английских миль. Форма города

неправильная, стены имеют множество выступов и углублений; но легко различить четыре стороны; и они почти обращены по сторонам света.

В настоящее время в стенах Иерусалима пять открытых ворот — два на юге и по одному в центре каждой из других сторон. Все они, по-видимому, занимают древние места и носят название (1) Яффские ворота, или ворота Хеврона, на западе, к которым сходятся все дороги с юга и запада. (2) Дамасские ворота, или Ворота Колонны, на севере, от которых проходит великая северная дорога, мимо Гробниц Царей и через хребет Скопус, в Самарию и Дамаск. (3) Ворота Святого Стефана, или Ворота Миледи Марии, или Ворота Племен, на востоке, откуда дорога ведет вниз к подножию Кедрона, а оттуда через Елеонскую гору к Вифании и Иерихону. (4) Навозные ворота, или Ворота жителей Западной Африки, на юге и недалеко от центра Тиропийской долины. Тропинка от него ведет вниз, к деревне Силоам. (5) Сионские ворота, или Ворота пророка Давида, на вершине гребня холма, который сейчас называется Сион. Кроме них, в настоящее время замурованы еще двое ворот: одни - Ворота Ирода на северной стороне, примерно на полпути между Дамасскими воротами и северо-восточным углом города; другие - Золотые ворота в восточной стене Харам. Арабы называют это Вечными Вратами, а иногда их называют Вратами Покаяния.

Примерно шестую часть площади города занимает Харам, или Святилище, на горе Мориа, внутри которого находится великая мечеть, называемая Куполом Скалы, и где также достаточно места для дыхания.

Согласно западным представлениям, Иерусалим - не самый красивый город. Он плохо построен, из убогих каменных домов, а его улицы и переулки узкие, грязные и плохо вымощенные. Однако здесь есть несколько красивых архитектурных памятников; есть величественные стены храмовой зоны; и, прежде всего, большой интерес вызывают ассоциации с библейскими текстами.

Въезжая в город через Яффские ворота, мы находим справа от себя цитадель с так называемой Башней Давида. Улица прямо перед нами теперь называется улицей Давида и спускается на восток к главному входу в Харам. Другая главная улица начинается у Дамасских ворот и пересекает город с севера на юг, проходя у восточного конца церкви Гроба Господня, через главный базар и заканчиваясь немного восточнее Сионских ворот. Эти две улицы делят город на четыре квартала. На северо-востоке находится мусульманский квартал, на северо-западе - христианский квартал, на юго-западе - армянский, а на юго-востоке - еврейский. Церковь Гроба Господня находится, конечно же, в христианском квартале, где также находится Латинский женский монастырь, очень заметный из-за своего высокого положения недалеко от северо-западной части города. В мусульманском квартале находится Сераль, или дворец, большинство консульств и красивая маленькая церковь Святой Анны. Армянский монастырь, самое большое здание в городе, занимает величественное место на юго-западном холме. Рядом с ним, на севере, находится английская церковь. Но, безусловно, самым замечательным зданием в этом квартале города является Цитадель, массивные башни которой тяжело возвышаются над всем окружающим. В еврейском квартале нет примечательной структуры, за исключением новых синагог.

Иерусалим не похож на Дамаск, где мусульманская религия и восточные обычаи почти не смешаны с каким-либо иностранным элементом, но это город, в котором одновременно представлены все формы религии и все национальности востока и запада. “Такой

разношерстной толпы, - говорит майор Кондер, - как та, что ежедневно представлена на Дэвид-стрит и на рыночной площади под Башней Давида, пожалуй, больше нигде не встретишь. Болтовня рыночного люда, крики погонщиков верблюдов, звон колокольчиков смешиваются с протяжным плачем обнаженного Сантона, когда он бредет, держа свою жестяную миску для подаяния и непрестанно восхваляя “Вечного Бога”. Эта сцена наиболее примечательна утром, до того, как солнечные лучи, обрушивающиеся на каменный город, загнали его жителей в тень. На переднем плане изображена группа лежащих верблюдов, ослов, приносящих овощи или выносящих мусор, и женщин в синих и красных платьях с желтыми полосами, их темные лица и удлинённые глаза (с голубым оттенком) окутаны белыми вуалями, возможно, с черной или красной бахромой. Солдаты в черном и софты в безупречно чистых одеждах торгуются о сдаче или молятся публично, не нарушаемые шумом. Мимо проезжают всадники в красных сапогах, с красными седлами и копьями длиной 15 футов. Греческий патриарх проходит мимо с визитом в сопровождении своих людей с булавами и в сопровождении своего секретаря. Вверх по узкой улочке движется катафалк известного мусульманина, за ним следует длинная процессия женщин в белых “изарах”, которые окутывают всю фигуру, раздуваясь, как воздушные шары, и оставляя видимой только черную маску-вуаль; их голоса переходят в высокий дрожащий вой, который является как их плачем по умершим, так и нотой радости за живых. Далее, возможно, следует полк крепкой пехоты, марширующий обратно к Замку, с полковником на гарцующем сером коне — люди, которые с тех пор показали свою храбрость, и толстые, неповоротливые офицеры, которые, возможно, сломались под напряжением военной кампании. Их горны выдувают монотонную мелодию, в такт которой бьют барабаны, и мужчины шагают не в ногу, а в хорошем такте с музыкой. Если это Пасха, толпа туземцев смешивается с толпами армянских и русских паломников, первые румяные и крепкие, их женщины красивые и темноглазые, мужчины свирепые и смуглые; русские, еще более крепкого телосложения и более варварского вида, отличаются от всех других национальностей своими неопрятными бородами, длинными локонами, огромными меховыми шапками и сапогами. Не менее самобытны испанские, муграбийские, русские и немецкие евреи, каждый из которых отмечен своеобразной и характерной физиономией”.

В Иерусалиме действуют десять сект или религий, и если посчитать их различные подразделения, то их в общей сложности двадцать четыре, более половины из которых - христианские. Покойный мистер К. Т. Тирвитт Дрейк следующим образом описывает различные расы и вероисповедания: —

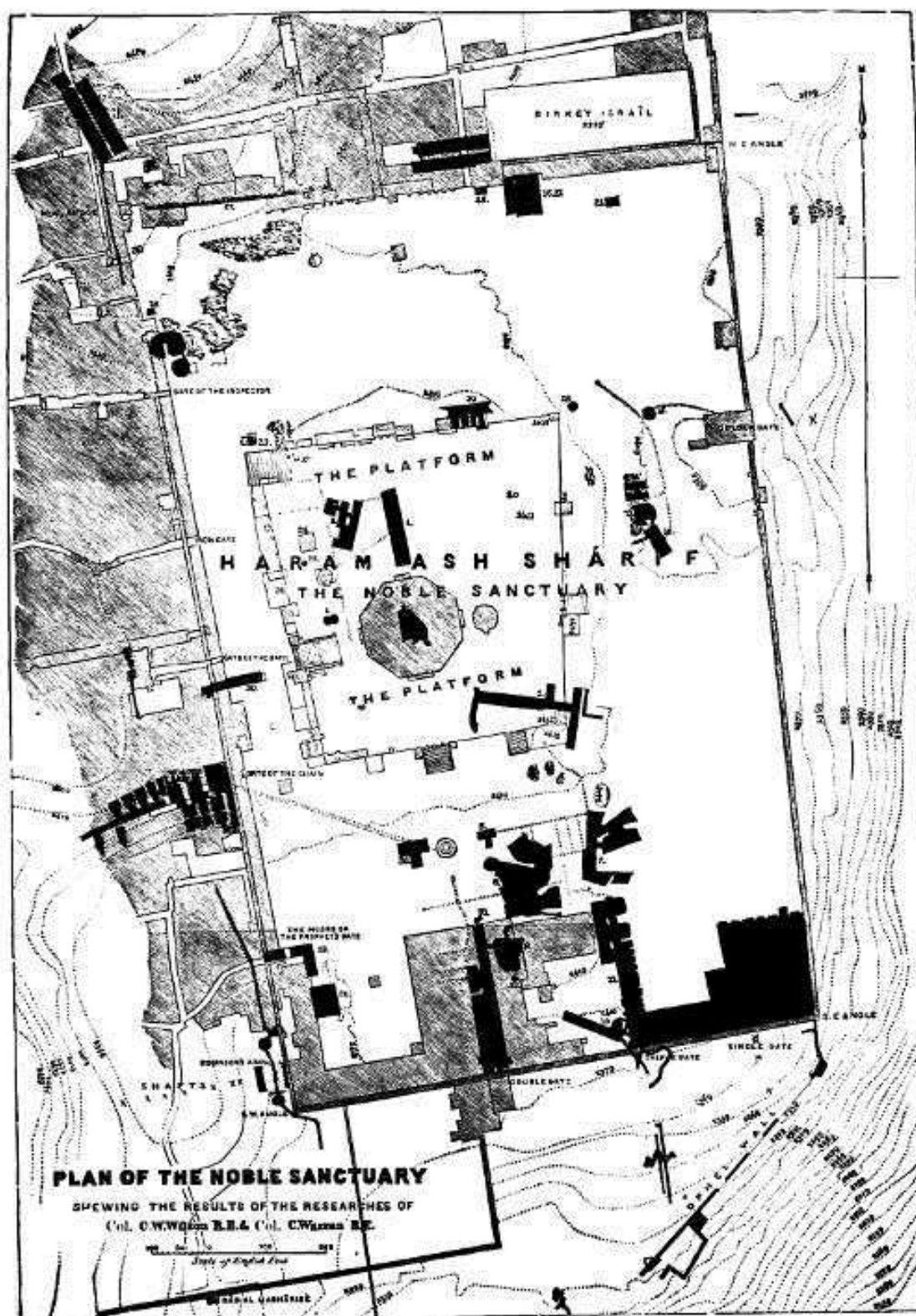
- 1. Абиссинцы.
- 2. Армяне: (a) православные, (b) католики.
- 3. Копты.
- 4. Греки: (a) православные, (b) католики.
- 5. Евреи: (a) ашкенази, (b) сефарды, (c) караимы.
- 6. Латиноамериканцы или римско-католики.
- 7. Марониты.
- 8. Мусульмане: сунниты, —(a) Шафии, (b) Ханефи, (c) Хамбели, (d) Малеки. *Шииты*, —Метавили и др.
- 9. Протестанты: (a) Англиканская церковь, (b) лютеране.
- 10. Сирийцы: (a) якобиты, (b) католики.

У всех этих сект есть свои церкви, синагоги, монастыри, странноприимные дома, которые занимают немалую часть квадратной мили пространства внутри городских стен. Тем не менее, в 1878 году население Иерусалима оценивалось в 20 000 человек, и с тех пор наблюдается дальнейший приток населения. Но многие новоприбывшие строят жилища за пределами городских стен, и сейчас на северо-западе есть довольно большой пригород.

Харам эш Шериф, или Благородное святилище, на горе Мориа, представляет собой большое открытое пространство, обладающее особой святостью в глазах всех истинных мусульман. Его поверхность усыпана кипарисом и оливой, а его бока частично окружены самой прекрасной каменной кладкой в мире. В южной части находится мечеть Эль-Акса и ряд зданий, которые ранее использовались рыцарями-тамплиерами; почти в центре находится возвышенная платформа, вымощенная мрамором, на которой возвышается хорошо известная мечеть Куббет эс-Сахра с ее куполом прекрасных пропорций. Внутри этой священной ограды стоял иудейский храм; но все его следы давным-давно исчезли, и до недавних исследований вопрос о его точном местоположении был предметом ожесточенных споров.

Харам представляет собой четырехугольник площадью около 35 акров. Углы в юго-западном и северо-восточном углах являются прямыми, а юго-восточный угол равен $92^{\circ} 30'$. Истинный угол наклона восточной стены равен $352^{\circ} 30'$ (общее направление). Длина южной стены составляет 922 фута на уровне внутренних помещений. Западная стена имеет длину 1601 фут; восточная стена - 1530 футов. Северная граница на протяжении 350 футов образована скальным выступом высотой 30 футов, выступающим на северо-запад от Харама.

Современных ворот, ведущих внутрь, всего одиннадцать: три с северной стороны и восемь с западной. Из древних ворот на юге было два, которые теперь называются Двойными и Тройными Воротами; в то время как к востоку от последних находится средневековый вход, известный как Одиночные ворота, под которыми полковник Уоррен обнаружил проход. На восточной стене находятся Золотые ворота, ныне закрытые; а к югу от этого портала находятся два небольших боковых проема современной каменной кладки. Ворота Пророка на западной стене (иногда называемые Воротами Барклая) признаны южными из двух ворот Парбара (или Пригорода), упомянутых в Талмуде; в то время как Северные Пригородные ворота, по-видимому, были преобразованы в резервуар и находятся непосредственно к западу от Купола Скалы. (Это танк № 30, Артиллерийская разведка.)

ПЛАН БЛАГОРОДНОГО СВАТИЛИЩА

ДЕМОНСТРИРУЯ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Полковник К. У. Уилсон Р.Э. и к. полковник К. Уоррен Р.Э.

В пользу Фонда исследования Палестины.

Приподнятая платформа в середине ограды Харам имеет площадь около 5 акров и представляет собой неправильный четырехугольник. Куббет эс-Сахра, или Купол Скалы, на этой платформе покрывает священную скалу, которая возвышается на 5 футов над полом здания, а гребень находится на высоте 2440 футов над уровнем Средиземного моря. Купол Цепи находится непосредственно к востоку от Куббет-эс-Сахра.

Джамаа эль-Акса, или “дальняя мечеть” (то есть удаленная от Мекки), находится на юге и доходит до внешней стены. Мусульманские писатели называют всю территорию Харам Масджид эль-Акса, “местом молитвы Акса”.

Войдя в ворота Хлопкового базара, мы оказываемся во дворе храма. Перед нами ступени, ведущие к помосту, где необходимо снять обувь; ибо в то время как внешний двор, подобно древнему двору язычников, представляет собой прогулочный променад, мощеная мраморная платформа является священной оградой, по которой можно ходить только босиком.

Над внешней аркадой Купола Скалы проходит большая куфическая надпись, указывающая дату возведения здания в 688 году н.э. “Купол Скалы” (говорит Кондер) “относится к тому неясному периоду сарацинского искусства, когда арабы еще не создали собственного архитектурного стиля и когда они имели привычку нанимать византийских архитекторов для строительства своих мечетей”.

Из яркого солнечного света мы внезапно попадаем в глубокий мрак интерьера, освещенного “тусклым религиозным светом” великолепных фиолетовых окон. Великолепная расцветка, расписное дерево, прекрасный мрамор, дорогая мозаика, огромный купол, сплошь покрытый арабесками и надписями и позолоченный до самого верха — все это великолепие поблескивает тут и там в темноте.

И в честь чего построена эта прекрасная часовня? Низкий балдахин из дорогого шелка покрывает пыльный известняковый выступ, вокруг которого возвышается “Купол Скалы”. Согласно арабской традиции, эта Райская скала является источником райских рек и краеугольным камнем мира. С этой скалы Мухаммед вознесся на небеса (вот отпечаток руки ангела Гавриила, который удерживал скалу, чтобы она не последовала за пророком), и эта Скала является Местом молитвы всех Пророков.

Еще более таинственным, чем Священная Скала, является Священный Колодец под ней. Спускаясь по ступенькам в юго-восточном углу скалы, мы входим в пещеру, в скальном полу которой находится круглая мраморная плита, которая издает глухой звук при ударе, но которую никогда не поднимают. Арабы, по-видимому, считают его Адской пастью, поскольку называют Колодцем Душ, и опасаются последствий, если какой-нибудь злой дух вырвется наружу. Существует предание, что в Храме ковчег завета раньше стоял над этой пещерой, и что впоследствии он был спрятан в пещере или под ней Иеремией и до сих пор находится под священной скалой.

Земля вокруг ограды Харам усеяна резервуарами, в некоторые из которых вода попадает по неизвестным каналам. Один из резервуаров называется Великим морем и вмещает 2 000 000 галлонов воды; другой вмещает 1 400 000, а все резервуары вместе содержат по меньшей мере

10 000 000 галлонов. Этого хватило бы городу более чем на год в его лучшие дни, ценный ресурс во время осады.

Конюшни Соломона.—Под районом Харам, в юго-восточной части, находятся хранилища, известные как Конюшни Соломона, — тринадцать рядов сводов с различными пролетами. Крестonosцы использовали их как конюшни, и до сих пор можно увидеть отверстия в стойлах, к которым были привязаны лошади. Предполагается, что название Конюшням Соломона дали крестonosцы, которые, однако, возможно, руководствовались какой-то более ранней традицией. Своды частично древние, а частично являются реконструкцией, вероятно, примерно времен Юстиниана (шестой век нашей эры).

Место плача евреев.—За пределами Харама, на западе и не очень далеко от юго-западного угла, находится Место Плача евреев. От Яффских ворот мы можем добраться до него, спустившись по Дэвид-стрит и пройдя через фруктовый базар, а затем свернув в боковой переулок. Место Плача - это узкий двор, в котором храмовый вал оказывается свободным и выставленным напоказ в еврейском квартале. Каждую пятницу двор переполнен евреями, которые приходят почитать и помолиться, а также посетовать на состояние своего храма, своего святого города и своего рассеянного народа. Сцена поражает огромными размерами и прочностью могучих камней, которые возвышаются без дверей или окон до самых куполов и кипарисов наверху, показывая, насколько сильно первоначальные верующие были изгнаны людьми чужой расы и веры. Здесь мы можем увидеть почтенных мужчин, читающих Книгу Закона, женщин в длинных белых одеждах, целующих древнюю каменную кладку и молящихся сквозь щели в камнях, русских евреев, испанских евреев, немецких евреев, мужчин, женщин и детей с седыми прядями, иссиня-черными волосами или рыжевато-рыжей бородой, одетых по-разному, в зависимости от их страны — странное и уникальное зрелище! “Это убедительно напоминает, - говорит Кондер, “ о неизменном характере евреев. После девятнадцати веков скитаний и изгнания они все такие же, как всегда, все еще скованные железной цепью талмудического закона, народ, чье рабство обычаем превосходит даже рабство китайцев этикету, и чье почитание прошлого, по-видимому, исключает возможность прогресса или улучшения в настоящем ”.

Бассейны и фонтаны Иерусалима.—В настоящее время Иерусалим в основном снабжается водой из своих цистерн. В каждом доме любого размера есть один или несколько из них, в которые зимние дожди попадают по маленьким трубам и воздуховодам с крыш и внутренних дворов. Эти частные цистерны, как правило, представляют собой сводчатые помещения с небольшим отверстием наверху, окруженные каменной кладкой и снабженные бордюром и колесом. Многие из них древние.

Но помимо этих крытых резервуаров в домах и дворах, в городе и его окрестностях есть множество больших открытых водоемов. В верхней части долины Хинном, к западу от города, находится *Биркет-эль-Мамилла*, часто называемый Верхним бассейном Гихона. Ниже, в той же долине, недалеко от юго-западного угла городской стены, находится *Биркет-эс-Султан*, часто называемый Нижним бассейном. Поскольку эти бассейны явно связаны друг с другом как верхний и нижний, обычно предполагалось, что это верхний и нижний бассейны Гихона, которые, по-видимому, упоминаются во 2 Паралипоменон. xxxii. 30 и в других местах. Но хотя Бассейн Султана назывался Гихон с четырнадцатого века и далее, известно, что он был

построен немцами всего два столетия назад, а слово "Гихон" означает исток источника. От Султанского пруда мы можем спуститься в глубокую долину, на южном берегу которой находятся традиционная Акельдама и могилы многих христианских паломников, пока не доберемся до *Бир Эюб* (Колодец Иоава), где долина Хинном соединяется с долиной Кедрон. Крестоносцы, которые никогда не были слишком хорошо информированы, отождествили колодец Иоава с библейским Эн-Рогелем. Отсюда мы едем на север, к слиянию Кедрона с Тиропоном, и там, в зеленом месте, находим Силоамский пруд с сухими каменными стенами и небольшим количеством мутной воды. Миновав деревню Силоам справа от нас, мы поднимаемся по долине Кедрон примерно на 300 ярдов и подъезжаем к Фонтану Матери Лестниц, также называемому Фонтаном Богородицы. Спустившись по пролету из шестнадцати ступеней, мы попадаем в помещение, стены которого сложены из старых камней, а крыша образована стрельчатой аркой. Затем, спустившись еще на четырнадцать ступеней в грубо высеченный грот, мы достигаем воды. *Меджр эд Дейр* утверждает, что вода этого источника была большим испытанием для женщин, обвиняемых в супружеской неверности; невинные пили, не причиняя вреда, но виновные, едва попробовав, умирали! Когда Деву Марию обвинили, она подверглась испытанию и таким образом доказала свою невиновность. Поэтому источник долгое время был известен как Источник обвиняемых женщин. Доктор Робинсон предположил, что это и есть настоящая Бетesda, потому что считается, что вода обладает целебными свойствами, и каждый день толпы мужчин и женщин, страдающих ревматизмом и другими недугами, спускаются по ступеням и ждут движения вод. Течение прерывистое — предположительно, из-за естественного сифона — и вода поднимается внезапно, погружая людей, полностью одетых, почти по шею.

Вода поднимается в пещеру и, достигнув высоты 4 футов 7 дюймов, убегает через проход в задней части в небольшой туннель и поступает в Силоамский бассейн.

Примерно в 100 ярдах к северо-востоку от ворот Святого Стефана находится Бассейн Миледи Мэри, за пределами городских стен.

В пределах города, слева от вас, когда вы входите через ворота Святого Стефана, находится *Биркет Израил*, Бассейн Израиля, традиционный бассейн Вифезды (но только с двенадцатого века). Сейчас это вместилище для золы и всякого мусора, но когда-то его использовали для воды, поскольку Уоррен обнаружил, что дно выложено бетоном толщиной 16 дюймов.

Иногда о Фонтане Богородицы говорят как о единственном источнике живой воды в Иерусалиме, но возможно, как предполагает Уоррен, что другой источник существовал в *Хаммаме эш-Шефа*, или Бане Исцеления, в Тиропоне. Вход в фонтан находится через узкое отверстие в крыше дома за баней.

Далее нам остается только упомянуть бассейн Езекии, большой резервуар, расположенный в центре группы зданий, под углом, образованным северной стороной Дэвид-стрит и западной стороной Кристиан-стрит. Утверждается, что подземный трубопровод из *Биркет-эль-Мамиллы* проходит под городской стеной возле Яффских ворот и снабжает как бассейн Езекии, так и цистерны цитадели.

В древние времена вода подавалась в город по двум акведукам, "низкому уровню" и "высокому уровню", но ход первого можно проследить только в пределах городских стен. Она пересекает

долину Хинном немного выше *Биркет-эс-Султан* и, огибая южный склон современного Сиона, входит в город недалеко от еврейских богаделен; затем она проходит по восточной стороне того же холма и проходит через дамбу и Арку Уилсона к Святилищу. Многочисленные сарацинские фонтаны в нижней части города, по-видимому, питались по трубам, отходящим от главного, но сейчас трубы разрушены, а сами фонтаны используются как резервуары для городских отходов. Этот акведук питался из бассейнов Соломона (недалеко от Вифлеема), из *Айн-Этана* и водохранилища в *Вади-Аруб*, и до сих пор доставляет воду до Вифлеема; его общая протяженность составляет более 14 миль, что, по словам Иосифа Флавия, недалеко от длины акведука, который, по словам Флавия, был проложен Понтием Пилатом.

Бассейнов Соломона у подножия *Вади Уртас* всего три; они получают поверхностный дренаж из земли над ними и воду из прекрасного источника, известного как Запечатанный фонтан. Бассейны были созданы путем возведения прочных каменных дамб поперек долины и расположены таким образом, что вода из каждого верхнего может стекать в тот, что непосредственно под ним. Нижний бассейн построен своеобразным образом, что, по-видимому, указывает на то, что его иногда использовали как амфитеатр для военно-морских выставок; здесь есть несколько ярусов сидений со ступенями, ведущими к ним вниз, а нижняя часть бассейна, которая намного глубже верхней, могла заполняться водой по трубопроводу из одного из других резервуаров.

“Акведук высокого уровня”, называемый арабами акведуком неверующих, является одним из самых замечательных сооружений в Палестине. Вода собиралась в вырубленном в скале туннеле длиной 4 мили под руслом *Вади Бьяр*, долины по дороге в Хеврон, и оттуда по акведуку направлялась над верхним бассейном Соломона, откуда поступала в Запечатанный источник. Отсюда она петляла по холмам над долиной Уртас до окрестностей Вифлеема, где пересекала водораздел, а затем проходила над долиной у Могилы Рахили по перевернутому каменному сифону, на который впервые обратил внимание мистер Макнил, проводивший проверку системы водоснабжения для Комитета по благоустройству Сирии. Трубчатая часть образована большими перфорированными каменными блоками, вставленными в массу бутовой кладки; труба имеет диаметр 15 дюймов, а стыки, которые, по-видимому, были отшлифованы, скреплены чрезвычайно твердым цементом. Последний след этого акведука виден на равнине Рефаим, где его высота достаточна для подачи воды к Яффским воротам и, таким образом, снабжения верхней части города; но место, в котором он проходил, так и не было обнаружено, если только оно каким-то образом не связано с акведуком, который был найден между Русским монастырем и северо-западным углом городской стены.

Нынешний запас воды почти полностью зависит от сбора зимних осадков, которых намного меньше, чем обычно предполагалось, поскольку по странной ошибке показания датчика дождя ранее были в четыре раза выше, чем должны были быть. Согласно наблюдениям доктора Чаплина, среднее количество осадков за 1860-64 годы составляло 19·86 дюймов, максимальное - 22·975 дюймов, минимальное - 15·0 дюймов.

Помимо Бир-Эйюба, который был описан выше, жители берут воду из Источника Пресвятой Богородицы и хаммама эш-Шефа.

[Авторитеты и источники: “библейский словарь” Смита. “Обзорные мемуары”, Иерусалимский том. “Восстановление Иерусалима”. Сэр Чарльз Уоррен. “Палестина”.

Майор Кондер. “Современный Иерусалим”. К. Ф. Тирвитт Дрейк. “Прогулки по Иерусалиму”. У. Х. Бартлетт. “Квартальные отчеты Фонда Р. Е.”.]

2. Осады Иерусалима и судьба его стен.

“Рассматривая летописи города Иерусалима, - говорит мистер У. Олдис Райт, - ничто не поражает так сильно, как количество и жестокость осад, которым он подвергся. Самое раннее упоминание об этом мы находим в кратком примечании к первой главе Книги Судей, в которой описывается, как “сыны Иудины поразили его острием меча и предали город огню”; и почти последнее упоминание об этом в Новом Завете содержится в торжественных предупреждениях, в которых Христос предсказал, что Иерусалим будет окружен армиями и мерзость запустения будет видна стоящей на Святом Месте. За пятнадцать столетий, прошедших между этими двумя пунктами, город подвергался осаде не менее семнадцати раз; дважды он был стерт с лица земли, а в двух других случаях его стены были сровнены с землей. В этом отношении ему нет аналогов ни в одном городе, древнем или современном”.

Первая осада, по-видимому, произошла вскоре после смерти Иисуса Навина. Мужа Иуды и Симеона “сражались против него, и взяли его, и поразили его острием меча, и подожгли город” (Судьи, i. 8). Иосиф Флавий добавляет, что осада длилась некоторое время и что захваченная в конце концов часть города была “нижней”, но что часть над ними^[21] было настолько трудно из-за его стен и природы места, что они отказались от своей попытки взять его. Пока самая сильная часть города оставалась в руках иевусеев, они практически владели им целиком. Вениамитяне последовали за иудеями в Иерусалим, но они не смогли изгнать иевусеев (Судьи i. 21). Городом Иевусеев он оставался до дней Давида.

Иерусалим был взят Давидом, около 1044 г. до н.э. Он взял замок Сион, который является Городом Давида, и поселился в замке (2 Цар. ст. 6; 1 Паралипоменон. xi. 4). Затем Давид построил вокруг, от Милло и внутрь, а Иоав отремонтировал остальную часть города.

Пока Соломон был жив, визиты иностранных держав в Иерусалим были визитами вежливости и дружелюбия; но с его смертью это изменилось. Ровоам пробыл на троне всего четыре года, когда Шишак, царь Египта, вторгся в Иудею и двинулся на столицу. Ровоам открыл ему ворота, и Шишак ушел, не разграбив храм и дворец. 886 год до н.э.

В царствование Иорама, сына Иосафата, филистимляне и арабы напали на Иерусалим, ворвались во дворец, разграбили все его сокровища, разграбили царский гарем и убили или увели жен царя и всех его сыновей, кроме одного. Это была четвертая осада в 881 году до н.э.

Амасия, царь Иудеи, одержавший победу над эдомитянами, был достаточно глуп, чтобы бросить вызов Иоасу, царю Израиля. Битва произошла в иудейском Вефсимаше, в 12 милях к западу от Иерусалима. Амасия был разбит, и победоносный Иоас, после того как перед ним распахнулись ворота Иерусалима, разрушил стену длиной в 400 локтей от Угловых ворот до ворот Ефрема. (Должно быть, это было в северо-западной части городских стен, излюбленном месте атаки в последующие времена.) 857 год до н.э.

Царь Озия после нескольких кампаний против иностранных князей посвятил себя заботам об Иерусалиме. Он восстановил стену, разрушенную Иоасом, и укрепил ее башнями. Во время правления Озии город пострадал от землетрясения; в Храме была проделана серьезная брешь,

а под городом от одного из холмов отделился большой фрагмент и покатился вниз по склону, завалив царский рай или парк.

Холм над Эн-Рогелем назывался Офель, и иначе его можно было бы описать как склон к югу от Храма. Там были королевские дворцы, и он был защищен крепкой стеной. У нас нет записей о первом возведении этой стены; но Иофам, сын Озии, много надстроил на ней, а также построил верхние ворота в Храм (2 Пар. ххvii. 3). Согласно Иосифу Флавию, он также отремонтировал городские стены везде, где они были полуразрушены, и укрепил их очень большими и прочными башнями. 740 год до н.э.

Перед смертью Иофама начали сгущаться тучи сирийского нашествия, и они обрушились на голову Ахаза, его преемника. Рецин, царь Сирии, и Факей, царь Израиля, объединили свои армии и захватили Иерусалим (2 Царств хvi. 5). В битве, которая произошла за городскими стенами, Ахаз потерпел поражение. Это побудило его отправиться в Ассирию и обратиться за помощью к Тиглат Пиласару, чьим вассалом он стал и чье солнцепоклонство перенял. 730 год до н.э.

И теперь наступил величайший кризис, который когда-либо случался в истории города. Езекия реформировал богослужение и отказался от зависимости от Ассирии. Сеннахериб сменил Тиглат Пиласара, и страшная ассирийская армия приблизилась. Езекия перекрыл источники вокруг Иерусалима, отремонтировал стены города, разрушая дома, чтобы добыть материал — даже поднял стену в некоторых местах до башен; и построил вторую стену в какой-то открытой части и укрепил Милло (2 Царств хх. 20; 2 Пар. ххii. 3-5, 30; Исаия ххii. 10). В данном случае может показаться, что город спасся, но ценой сокровищ дворца и храма. 700 год до н.э.

В середине долгого правления Манассии Иерусалим был взят Ассур-банпалом, внуком Сеннахериба, в 650 году до н.э.

Но Манассия в конце своего правления стремился восстановить и укрепить город. Он построил новую стену, протянувшуюся “от западной стороны Гихона-в-долине до Рыбных ворот”; и он также продолжил работы, начатые в Офеле, и поднял сооружение на очень большую высоту. 640 г. до н.э.

Во время правления Иоакима Иерусалим посетил Навуходоносор, а вавилонская армия недавно одержала победу над египтянами при Кархемише, и считается, что там, должно быть, была осада, но у нас нет сведений об этом. Иоакима сменил его сын Иоахим, и едва началось его короткое правление, как ужасная армия Вавилона вновь появилась перед городом, снова под командованием Навуходоносора (2 Царств ххiv). Иоахим сдался, и город был разграблен. Когда Иоахима увели в Вавилон, его дядя Седекия стал царем; но он был достаточно неосторожен, чтобы обратиться за помощью к египетскому фараону Хофре, и после этого Навуходоносор снова двинулся на Иерусалим и начал регулярную осаду. Стены и дома были разрушены таранами, и в город были выпущены снаряды. После некоторых задержек в северной стене была пробита брешь, и город пережил все ужасы штурма и разграбления. Седекия тайком выбрался из города с южной стороны, но был преследуем и настигнут. Вавилоняне сожгли Храм, дворец и другие общественные здания и разрушили городские стены. 577 год до н.э.

Когда Неемия получил разрешение вернуться и отстроить город своих отцов заново, он обнаружил повсюду на земле беспорядочные кучи мусора. Своим удивительным рвением и энергией он побудил людей к работе; и в свое время все ворота и стены были возведены на старом фундаменте. 457 год до н.э.

Нам нет необходимости вдаваться в подробности истории. Последующие бурные периоды сменяются другими.

	До н.э.
Птолемей, сын Лагуса, берет Иерусалим,	305.
Антиох Великий берет город,	219.
Антиох Епифан берет город без осады,	170.
Антиох Евпатор берет город,	163.
Ионафан строит новую стену,	143.
Симон берет цитадель Акра,	139.
Антиох Сайдет осаждает Иерусалим,	134.
Араб Арета осаждает город,	65.
Помпей берет город,	63.
Антипатр восстанавливает стены,	58.
Ирод и Сосий берут Иерусалим,	37.
	г.н.э.
Агриппа строит третью стену,	43.
Цестий Галл атакует Иерусалим,	66.
Тит берет Иерусалим (пятнадцатая осада) и полностью разрушает его,	70.
Бар Кохеба восстает,	132.
Бар Кохеба изгнан,	135.
Руф распахивает территорию храма,	135.
Адриан основывает Элию Капитолину,	136.
Евреи восстают и изгнаны из города,	339.
Евдокия восстанавливает стены,	450.
Хосров II. берет Иерусалим,	614.
Халиф Омар берет город,	637.
Халиф Моэз овладевает городом,	969.
Туркмены изгоняют египтян из города,	1094 год.
Египтяне отвоевывают Иерусалим,	1098 год.
Крестоносцы берут Иерусалим (девятнадцатая осада),	1099 год.
Стены Иерусалима отремонтированы,	1178.
Саладин берет Иерусалим (двадцатая осада),	1187.

Саладин ремонтирует стены города,	1192.
Мелек эль-Муаззам разбирает стены,	1192.
Фредерик II восстанавливает стены,	1229.
Дауд, эмир Керака, разрушает стены,	1239.
Христиане получают Иерусалим по договору,	1243.
Солиман Великолепный строит стены,	1542.
Мухаммед Али берет Иерусалим (без осады),	1832.
Феллахи захватывают Иерусалим,	1834.
Сирия и Иерусалим возвращены Турции,	1840.

Размышляя над такой историей, как эта, становятся совершенно ясными две вещи; первая заключается в том, что детали событий были бы гораздо лучше поняты, если бы перед нами была точная карта; вторая заключается в том, что сами события — последовательные разрушения и перестройки — должно быть, значительно изменили город по сравнению с тем, каким он был. Даже в лондонском сити полы римских жилищ находятся на 15 или 18 футов ниже нынешней поверхности улиц. Нам не нужно удивляться, узнав, что в Иерусалиме глубина залегания *обломков* намного больше, и поскольку они скопились в основном в долинах и почти полностью уничтожили некоторые из них, они, конечно же, затемнили топографию. У нас в руках точная карта современного Иерусалима, но она не показывает нам, каким был древний город. Поэтому, когда мы читаем древнюю историю, недостаточно иметь перед собой эту современную карту. Мы читаем в истории, что Седекия бежал (из своего дворца) через ворота между двумя стенами и через царские сады; но в современном Иерусалиме нет ни царского дворца, ни сада, ни ворот между двумя стенами. История описывает, как Неемия перестроил стену от Овечьих ворот до Башни Меа, а оттуда до Рыбных ворот, Старых ворот и т.д., Но в современном Иерусалиме мы не находим таких мест и названий. Мы находимся в еще худшем положении, когда читаем у Иосифа Флавия о Тите, расположившемся лагерем внутри третьей стены, а затем пробившем брешь в средней стене и расположившемся лагерем в среднем городе, и все еще имеющем стену между собой и евреями в Верхнем городе: ибо современный Иерусалим показывает только одну стену, кроме крепостного вала храма. Естественно, было много предположений относительно древнего города, и лучшие авторитетные источники расходились друг с другом в своих идеях. Именно в надежде разрешить спорные вопросы, а также с целью обнаружения древностей Общество исследования Палестины приступило к раскопкам.

Часто говорилось, что нет ни одного топографического вопроса, связанного с древним Иерусалимом, который не был бы предметом споров. Это, однако, несколько преувеличивает ситуацию, поскольку есть моменты, по которым все авторитетные источники сходятся во мнении. Во-первых, что касается природных особенностей этого места, то принято считать, что Елеонская гора представляет собой цепь холмов к востоку от Храмового холма, а долина под ней на западе - это ручей Кедрон. Общеизвестно, что Храм стоял на отроге непосредственно к западу от Кедрона и что южный выступ этого отрога назывался Офель. Также сходятся во мнении, что плоская долина к западу от этого отрога - это та, к которой Иосиф Флавий применяет название Тиропон, хотя были разные мнения относительно точного направления долины, которое теперь было прекращено из-за скопления скальных уровней в пределах

города. Все авторитетные источники также согласны с тем, что высокий юго-западный холм (к которому с четвертого века применяется название Сион) - это то, что Иосиф Флавий называет холмом Верхнего города, или Верхней рыночной площадью.

Местонахождение Силоамского бассейна также не подлежит сомнению, а скала Зохелет была обнаружена М. Клермоном Ганно на территории нынешней деревни *Сильван*. Что касается стен древнего города, все авторитетные источники, за исключением Фергюссона, согласны с размещением Царских башен (Ирода) поблизости от нынешней цитадели, и все предполагают, что уступ на протестантском кладбище является старым юго-западным углом города. Тиропонский мост — или лестница и арка — принимается всеми авторами, начиная с Робинсона, как ведущий к царским монастырям храма Ирода, и все планы храма Ирода начинаются с предположения, что юго-западный угол его дворов совпадал с нынешним юго-западным углом Харама. Все планы также сходятся в том, что восточная стена Харама считается древним крепостным валом города. Таким образом, для начала у нас есть различные данные, которые следует рассматривать как достоверные, поскольку авторы, расходящиеся во мнениях по всем остальным пунктам, соглашаются с ними.^[22]

“Другие моменты”, по которым авторы разошлись во мнениях, могут быть сформулированы следующим образом:—

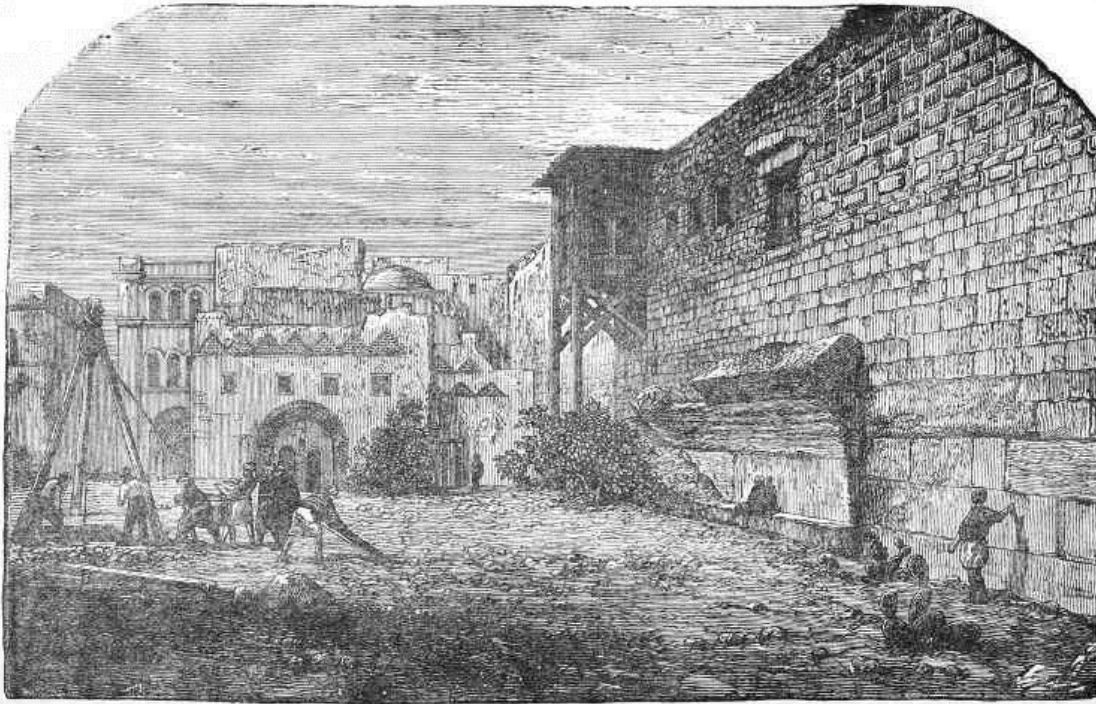
1. Какова была протяженность города на севере до разрушения в 70 году н.э.?
2. Какой была линия второй стены, окружавшей город с севера, в те далекие времена, когда еще не существовало третьей стены и в ней не было необходимости?
3. Какой была линия южной стены во времена Неемии и еще раз во время осады Титом?
4. Что является истинной горой Сион или Городом Давида?
5. На каком месте внутри ограды Харама стоял сам Храм; и каковы были границы его дворов, во-первых, во времена Соломона, а во-вторых, после того, как они были расширены Иродом?
6. Стоит ли Церковь Гроба Господня на истинном месте Голгофы?
7. Каково вероятное местонахождение царских гробниц, где похоронены Давид и многие другие цари?

[Авторитеты и источники: “библейский словарь” Смита. “Обзорные мемуары”, Иерусалимский том.]

3. Раскопки в Иерусалиме.

В начале 1867 года лейтенант Уоррен, старший лейтенант (ныне полковник сэр Чарльз Уоррен), начал свои раскопки в Иерусалиме с помощью нескольких саперных капралов и наняв местных арабов в качестве рабочих. Десятки шахт были пробиты сквозь скопившийся мусор и всегда спускались к естественной скале. В тех случаях, когда шахтеры натыкались на искусственные сооружения — арки, акведуки, цистерны или другие произведения рук человеческих, — они тщательно исследовались и измерялись, а затем составлялись их планы в масштабе. Считалось важным исследовать подземную кладку храмового вала; но поскольку стены считались священными и было желательно не оскорблять восприимчивость жителей, это было достигнуто

путем проходки шахт на некотором расстоянии от стены и устройства боковых галерей. Иногда, когда несимпатичный турецкий чиновник приходил осмотреть работы, веревка затягивалась, когда он спускался, и поэтому, потеряв ориентацию, он не мог быть уверен, что смотрел на фундаменты Храма, когда их действительно показывали ему. Работа продолжалась до 1870 года, и ее результаты зафиксированы в иерусалимском томе мемуаров. Давайте теперь взглянем на некоторые из наиболее поразительных открытий по всем четырем сторонам Храма.

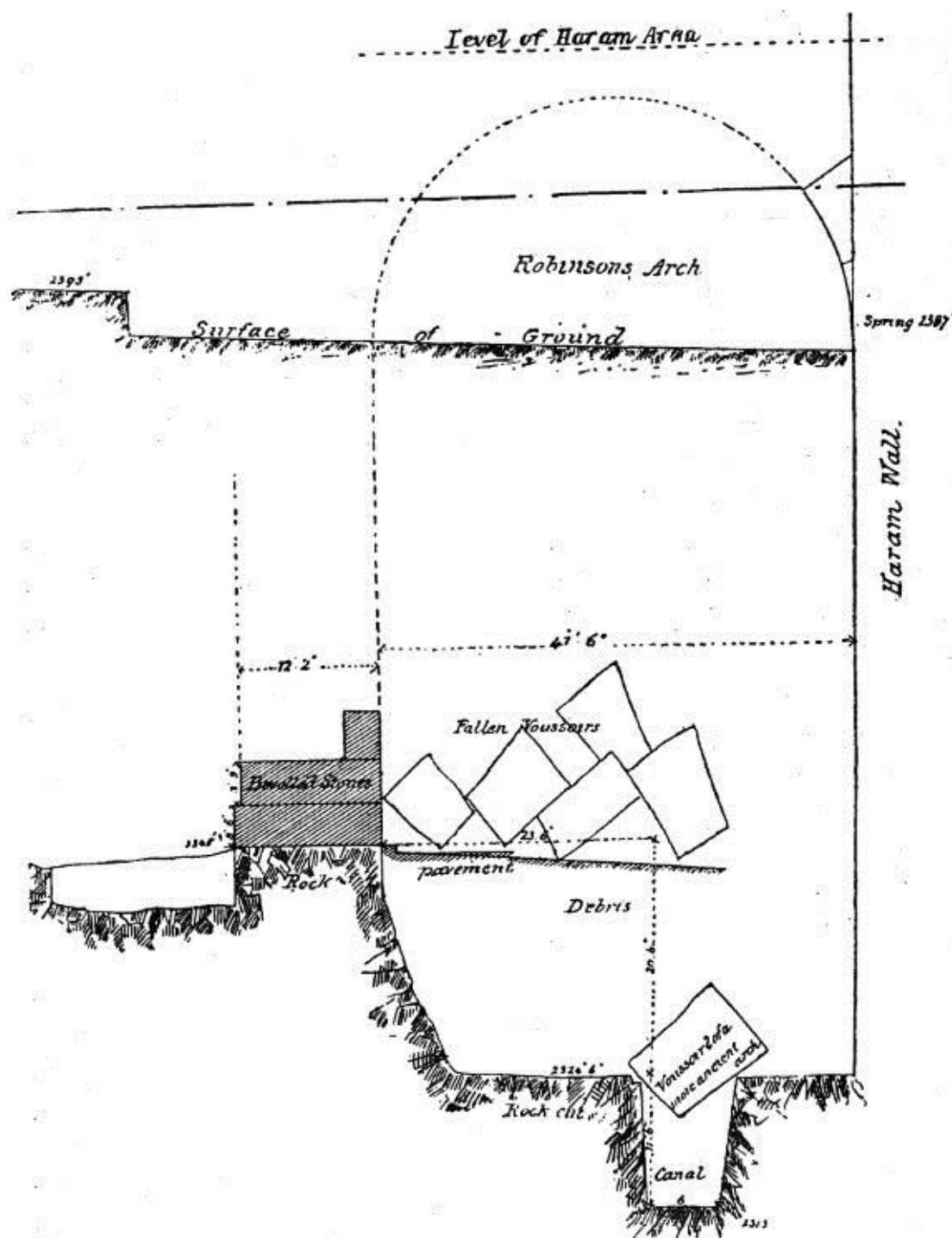

ВЕСЕННИЙ КАМЕНЬ АРКИ РОБИНСОНА.

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

В долине Тиропон.—На западной стороне Храма, примерно в 39 футах от юго-западного угла, виден большой камень, выступающий из стены. Доктор Робинсон, американский путешественник, полагал, что это закладной камень арки - возможно, первой арки моста, ведущего в Верхний город, — но другие придерживались другой точки зрения, и решить этот вопрос можно было только путем раскопок. Размах арки, как следует из изгиба пружинящего камня, должен составлять около 42 футов. На таком расстоянии от стены Уоррен обнаружил опору арки, упирающуюся в скалу на глубине 42 футов. Он имеет толщину 12 футов 2 дюйма, длину 52 фута 6 дюймов (высота пружинящего камня над землей составляет 50 футов) и построен из длинных камней, похожих на те, что были в стене, причем один из них более 13 футов в длину и весит десять тонн. На восточной стороне были выложены три ряда камней, а на западной - два.

К западу от пирса находится вырубленный в скале канал, недалеко от пирса, с перпендикулярным уступом ниже пирса в 4 фута; а с восточной стороны пирса скала обрывается почти перпендикулярно на глубину около 18 футов.

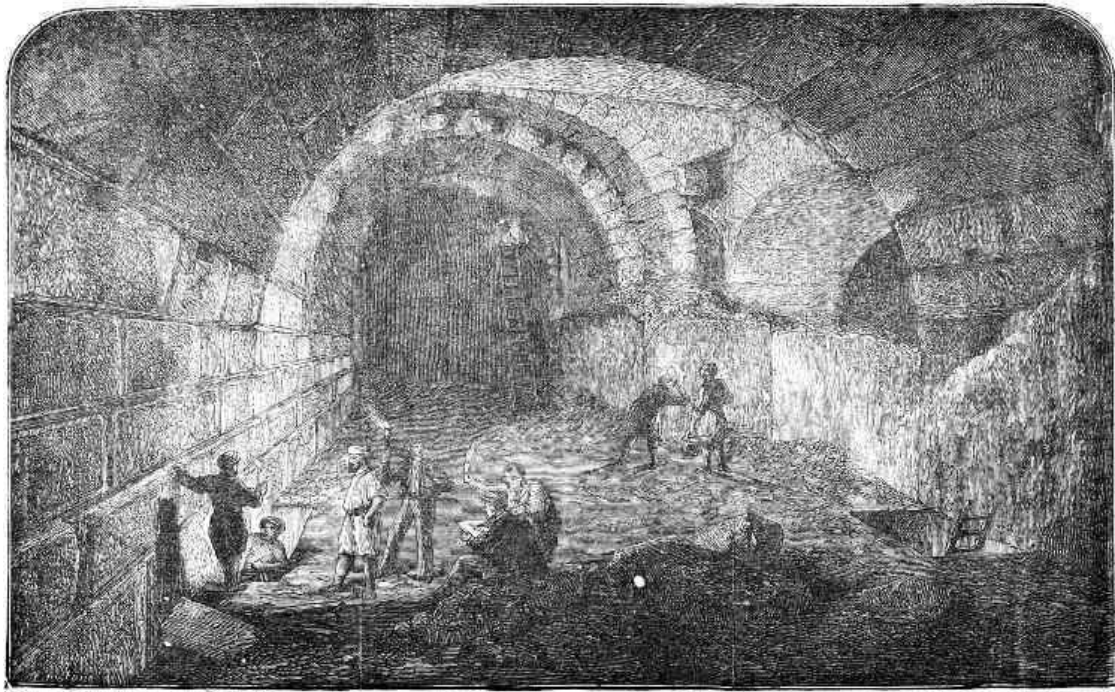
АРКА РОБИНСОНА (РАЗД.)

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

Но почти на уровне основания пирса, с восточной стороны, от пирса до стены Харам тянется мостовая; и на этой мостовой покоятся упавшие остатки арки. Под тротуаром находится масса мусора, а в нижней части помещения находится акведук, вырубленный в скале глубиной почти 12 футов, перекрытый, но с крышей, разрушенной в одном месте остатками более древней арки.

Следуя по акведуку на юг, мы вскоре подходим к бассейну или цистерне диаметром 16 футов; а за ним канал поворачивает за угол Харам и сегодня заканчивается стоком. Следуя по акведуку на север, мы попадаем в другой бассейн, а вскоре и в третий, который частично находится под стеной Харам. Канал, очевидно, предназначался для снабжения города чистой водой, поскольку после накопления мусора в тротуаре, о котором говорилось выше, были сделаны шахты, по которым можно было спускать ведра.

Главные исследователи, Уоррен и Кондер, чье зрелое мнение изложено в Иерусалимском томе Мемуаров, не находят “никаких оснований предполагать, что дорога через Арку Робинсона вела в Верхний город либо по ступенькам, либо по мосту; вероятно, это был один из пригородных въездов, о которых говорил Иосиф Флавий. Возможно, в продолжение Арки Робинсона были и другие арки, но на земле нет никаких указаний на то, что они существовали”.

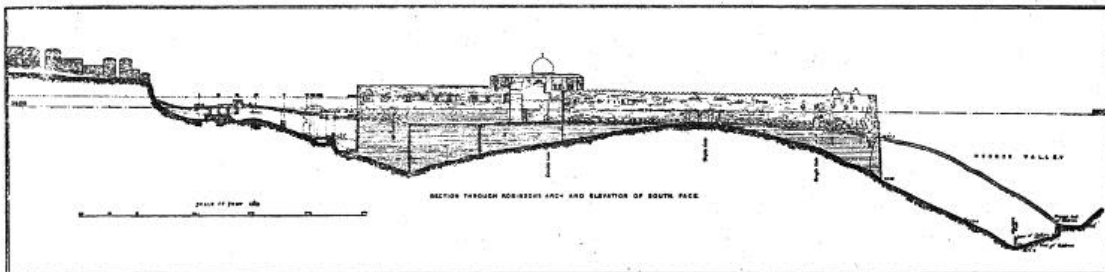
АРКА УИЛСОНА.

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

Двигаясь от Арки Робинсона вверх по долине, мы подходим к Воротам Цепи, главному входу в Харам. Улица, идущая от него на запад, называется Улицей Цепи, и одним небольшим движением она приведет нас на Дэвид-стрит, откуда мы направимся прямо к Яффским воротам. Но перед Воротами Цепи обнаруживается, что Улица Цепи проходит над прекрасной аркой (теперь называемой Аркой Уилсона) шириной 42 фута, похожей на арку Робинсона ниже. Из старой книги под названием “Город Иерусалима” мы узнаем, что улица, идущая на юг от Дамасских ворот к Навозным, в средние века проходила под этой аркой. Дорога, проходящая

над аркой, находится примерно в 80 футах над скалой. Но скала под западным пирсом на 10 футов выше, чем под Благородным Святилищем, а самая низкая точка в долине находится примерно в 16 футах к западу от стены Святилища. К западу от пирса Улица Цепи упирается в Дамбу, состоящую из сложного комплекса сооружений, которые трудно описать. Под улицей проходит длинный проход или туннель, который для удобства называется “Потайным ходом”. К северу от него проходят два параллельных ряда сводов, которые разбиты более поздними постройками, по-видимому сарацинскими. Но когда строились своды, они в одном месте пересекались с очень древней камерой из обработанных камней, “Древним залом”, который, судя по всему, является одним из старейших зданий Иерусалима. В полу камеры была пробита шахта на глубину 11 футов 6 дюймов, проходившая сквозь грубую каменную кладку, твердую, как стена, но не обнаружившая камня. Что касается Потайного хода, арабский писатель Меджр эд Дин говорит, что улица Давида “названа так из-за подземной галереи, которую Давид велел проложить от Ворот Цепи к Цитадели, называемой Михрабом Давида. Он все еще существует, и время от времени его части обнаруживают. Он имеет прочные своды.” Однако было бы небезопасно соглашаться с мнением арабского автора относительно даты и использования этого отрывка.

Что касается первоначальных контуров земли, то из раскопок в Тиропоне следует, что две долины спускаются, одна от Дамасских ворот, другая недалеко от Яффских ворот, и что первоначально они были очень глубокими, придавая нижней части северо-западного холма округлую и выпуклую форму. Скопление мусора у арки Уилсона составляет 80 футов, у Арки Робинсона - еще больше, а истинное ложе долины проходит под Харамом и выходит на южную сторону на расстоянии 90 футов от юго-западного угла. От Верхнего города к нынешнему Тиропону ведет крутой обрыв, а оттуда скальные уступы спускаются к древнему дну долины.

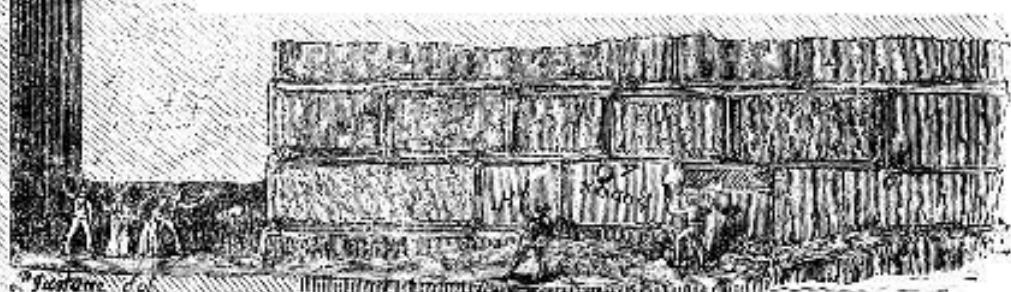
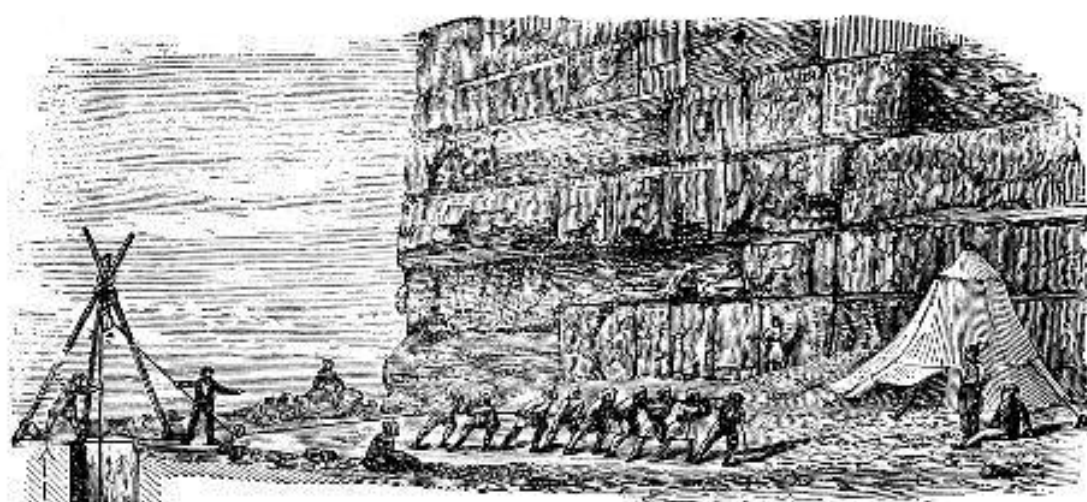

ЮЖНАЯ СТЕНА БЛАГОРОДНОГО СВЯТИЛИЩА.

(С разрешения Фонда исследования Палестины.)

На холме Офель.— Офель - это южный склон горы Мориа; и когда мы стоим на склоне, глядя на север, то оказываемся лицом к южной стене Благородного Святилища. Прямо в середине его находятся Тройные ворота, от которых поверхность земли опускается на 22 фута к юго-восточному углу, в то время как к западу она сохраняет свой уровень. Однако на самом деле в этой западной части (скрытой от нас сейчас городской стеной) истинное русло Тиропона заканчивается, а глубина залегания почвы или мусора составляет 85 футов. У самих Тройных Ворот камень находится примерно на 2 фута ниже подоконника; но под юго-восточным углом нам снова пришлось бы проделать шахту глубиной 80 футов, чтобы найти его. Таким образом, первоначальная поверхность Офеля полностью скрыта, а его истинный контур замаскирован. Погребенный в мусоре Уоррен нашел Стену Офель, примыкающую к стене Святилища под юго-

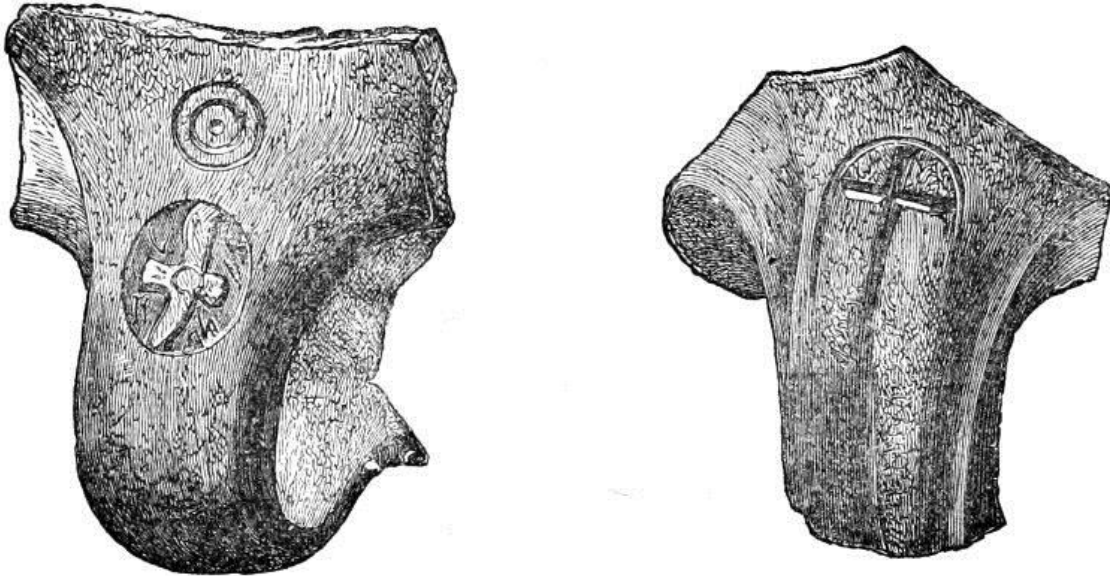
восточным углом. Она имеет около 12 футов в ширину вверху и 15 футов внизу; она тянется на юг на протяжении 76 футов, а затем делает изгиб к западу, в этом направлении простирается на 700 футов и там резко обрывается. На изгибе он укреплен выступающей башней, а ниже изгиба есть несколько башен, одна из которых выделяется очень заметно. (См. План района Харам, стр. 212.)

ГЛУБОКАЯ ШАХТА В ЮГО-ВОСТОЧНОМ УГЛУ ХАРАМА.

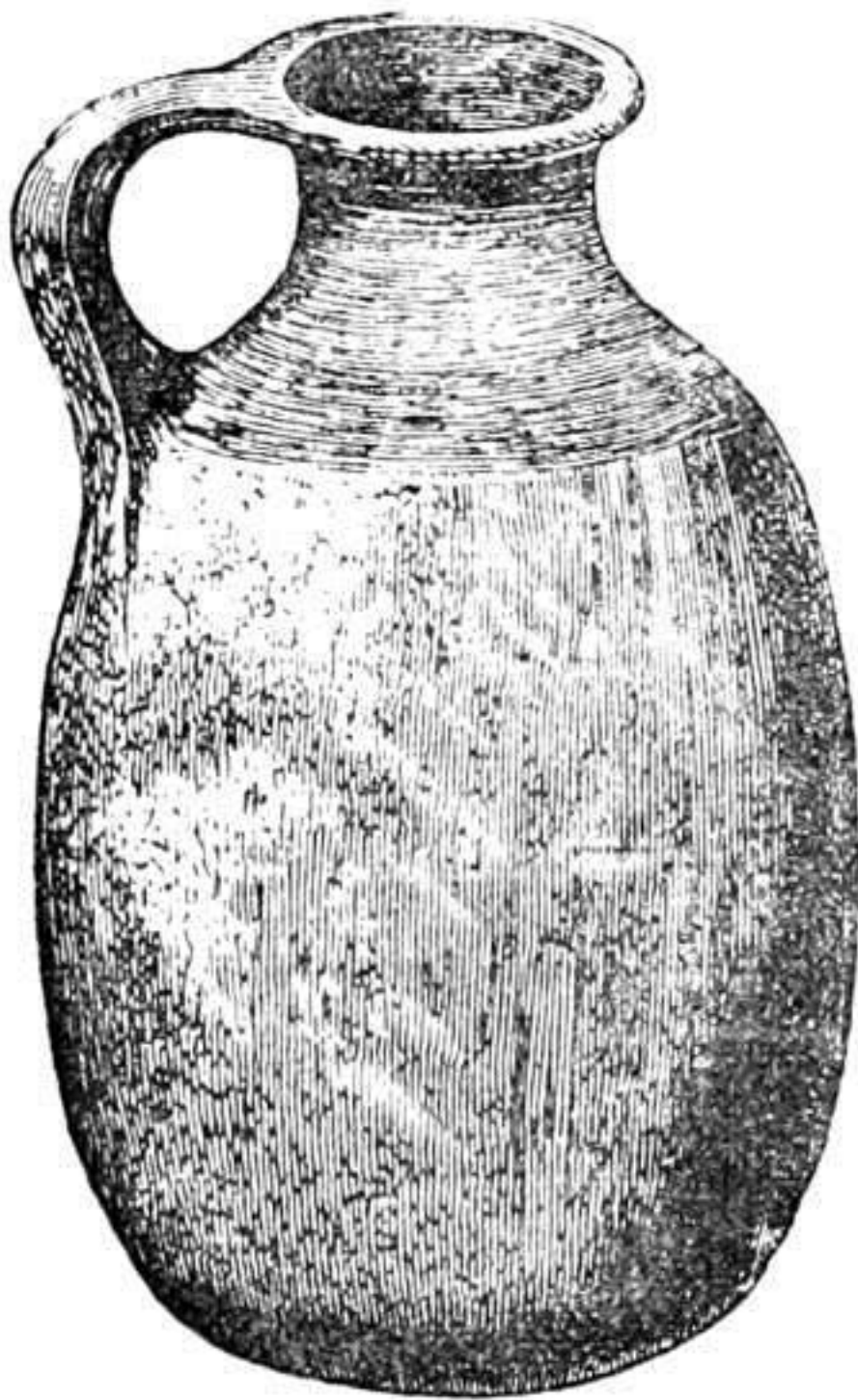
(В пользу Фонда исследования Палестины.)

Все пространство земли внутри этой стены, куда бы ни была воткнута лопата, оказалось богато древностями различных дат. Одним из самых интересных открытий была пещера с fullerскими чанами, недалеко от традиционного места, где святой Иаков был переброшен через стену Храма и убит дубинкой fullера.

РУЧКИ ДЛЯ БАНОК С ЮГО-ВОСТОЧНОГО УГЛА.

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

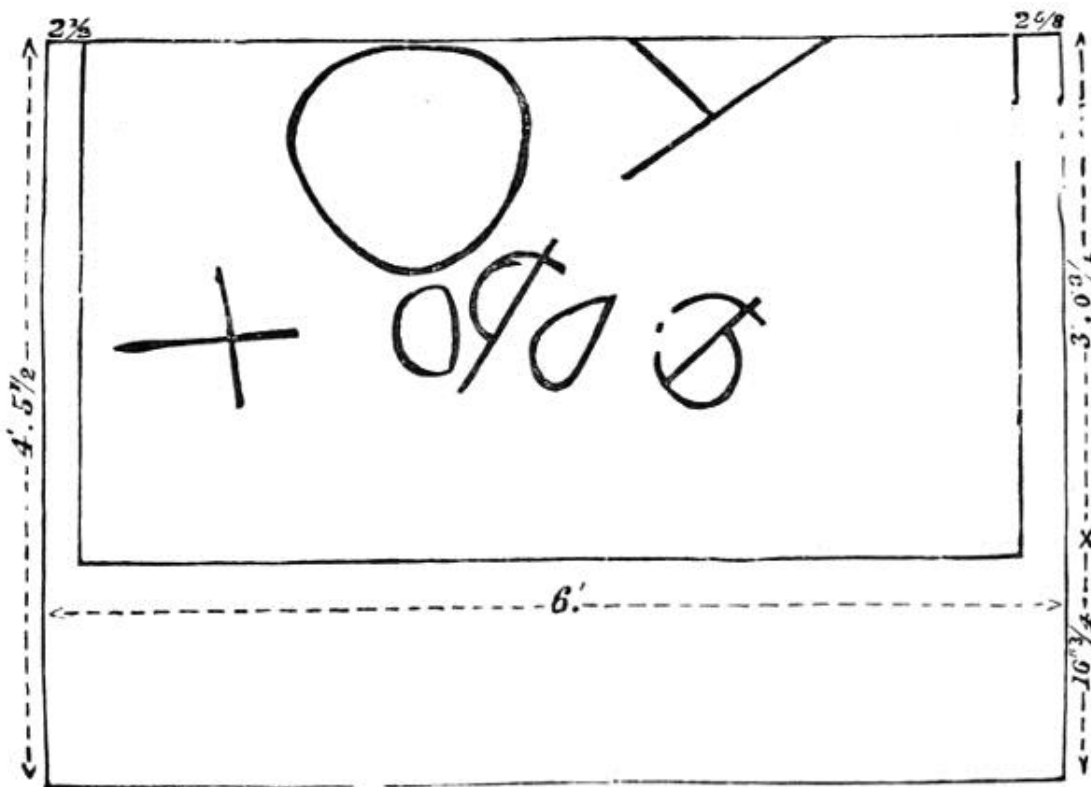

ВАЗА, НАЙДЕННАЯ ПОД УГЛОМ К ЮГО-ВОСТОКУ.

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

Под юго-восточным углом.—В этом углу стена возвышается над землей примерно на 70 футов. На высоте 22 футов мы видим большой камень, который, по оценкам, весит более ста тонн; и проходы под ним, которые выглядят как древняя работа. Но нам все равно придется спуститься на 78 или 80 футов под поверхность, чтобы найти фундамент стены. Похоже, что самый нижний,

или фундаментный, ход частично утоплен в скале под углом. Когда строители Храма пришли сюда работать, они обнаружили на скале скопление 8 или 10 футов жирной плесени, изобилующей черепками. Они прорубили его, чтобы заложить камни в фундамент на твердой скале. В красной земле были найдены фрагменты керамики и жировых ламп, которые, вероятно, относятся к самому раннему типу ламп, использовавшихся в Иерусалиме. На красной земле лежал слой битой керамики, и в нем был найден ржавый гвоздь, немного обуглившегося дерева и несколько ручек от кувшинов. На некоторых из этих последних были оттиснуты четко очерченные фигуры, напоминающие в какой-то степени птицу, но, как полагают, представляющие крылатое солнце или диск, возможно, эмблему бога Солнца. На каждой ручке, над и под крыльями, есть несколько финикийских букв, соответствующих в одном случае LMLK ZPH, а в другом - LK SHT. В 3 футах к востоку от угла было обнаружено отверстие, вырытое в скале, и в нем был найден небольшой глиняный кувшин, стоявший вертикально, как будто его специально поставили туда.

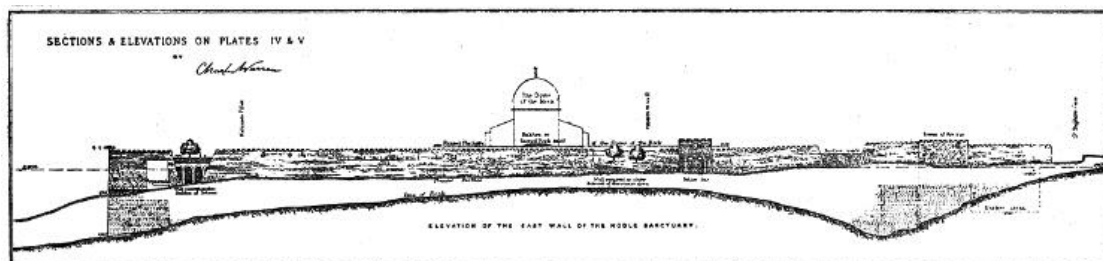
ОТМЕТКИ КАМЕНЩИКОВ, УГОЛ НАКЛОНА S.E..

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

Что еще интереснее, Уоррен обнаружил на некоторых нижних камнях возле юго-восточного угла несколько отметин красной краской с двумя или тремя иероглифами, также нанесенными резцом. Покойный Эммануэль Дойч объявил, что это частично буквы, частично цифры, а частично особые знаки каменщиков, точно соответствующие тем, которые он нашел на фундаментах гавани Сидона и самых древних руинах города Тир. Поскольку мы знаем из Библии, что Соломон нанял финикийских каменщиков для строительства Храма, сначала считалось, что это открытие доказывает соломонов возраст этой части стены. Но дальнейшее размышление предупреждает нас, что само по себе оно недостаточно; старый алфавит мог быть

лишь незначительно изменен в те дни, когда Ирод перестраивал Храм, и формы знаков каменщиков могли быть одинаковыми у финикийцев и римлян. Поскольку, однако, они кажутся знаками каменоломни, они, по-видимому, подразумевают, что камням придавали форму в каменоломне, а не на земле, и таким образом подтверждают утверждение Священного Писания о том, что Храм был возведен без звука топора или молотка. То же самое можно сказать и о краевых выступах или фасках, которые на некоторых камнях выполнены по всей окружности, у некоторых - с трех сторон или только с двух, и не проявляют никакого рисунка, когда мы смотрим на стену в целом. Карьер, откуда, по-видимому, доставляли камни, называется Хлопковой пещерой; вход в него находится за стенами, к востоку от Дамасских ворот, и он простирается под северо-восточной частью города более чем на четверть мили. Пещера не была неизвестна во времена султанов, но впоследствии ее потеряли из виду, пока в 1852 году собака, разгребая землю и камни, снова не открыла ее вход. В этом карьере мы идем по земле, покрытой щебнем, мы видим некоторые каменные блоки необработанными, другие обтесанными, а некоторые лишь частично оторваны от скалы. Мы видим также места, где стояли лампы, чтобы освещать рабочих. Но в жировой плесени под углом стены мы не находим никаких каменных обломков.

В долине Кедрон имеется скопление почти 100 футов каменных обломков и другого мусора, лежащих у стены Святылища, покрывающих всю западную сторону долины и опирающихся в ее восточной части на склон Елеонской горы. Истинное русло Кедрона находится в 40 футах к западу от его нынешнего поверхностного слоя. На западной стороне истинного русла была обнаружена каменная стена толщиной в 3 фута; и через определенные промежутки времени, по мере подъема скалы, встречаются другие стены, построенные, по-видимому, для поддержки террас.

ВОСТОЧНАЯ СТЕНА БЛАГОРОДНОГО СВЯТИЛИЩА.

(С разрешения Фонда исследования Палестины.)

С юго-восточного угла основание стены поднимается примерно до середины восточной стороны, а затем снова опускается, вплоть до Золотых ворот и дальше. Строительство Золотых ворот все еще остается спорным вопросом; возможно, это реконструкция сравнительно позднего времени, но они стоят на древнем фундаменте ворот, которые в какой-то мере соответствуют фундаментам Тройных ворот. К северу от Золотых ворот скала все еще падает, и глубина залегания мусора в впадине составляет в самой глубокой части 125 футов. Тем не менее, стена построена снизу и проходит через впадину к более высокой поверхности скалы к северу от нее. Он простирается за северо-восточный угол Харам, не показывая никакого разрыва в этом месте; и это, по-видимому, подтверждает идею о том, что разрыв может быть найден южнее, там, где Харам заканчивался до того, как Ирод расширил его территорию. На

самом деле каменная кладка к северу от Золотых ворот более грубая, чем к югу от них. Но невозможно осмотреть погребенную часть восточной стены со всех сторон, потому что землю покрывает мусульманское кладбище, и раскопки среди могил запрещены. Глубину фундамента можно было определить, только пробив шахты на некотором расстоянии от стены и применив метод кропотливой проходки туннелей. Сэр Чарльз Уилсон заявил, что работа Уоррена по этому поводу не имеет аналогов в истории раскопок. “Только в одной шахте было раскопано не менее 600 футов ствола и галереи”.

Если бы мы только могли свободно исследовать это кладбище, Уоррен уверен, что мы наткнулись бы на те огромные камни — 20 локтей в длину и 6 локтей в толщину, — которые Соломон заложил с этой стороны, когда строил храм (Иосиф Флавий, Ант. хх. 9,7). Можно было бы предположить, что нынешний северо-восточный угол, добавленный Иродом, был гораздо более поздним, чем юго-восточный; и все же здесь снова обнаружены следы “финикийских” каменщиков. Однако знаки масонов могут иметь тенденцию оставаться неизменными на протяжении многих веков. Любопытно, что красная краска, которой они были нанесены, в одном случае “потекла”, будучи еще влажной, и струйка *течет вверх* по мере того, как камень стоит в стене. Это показывает, что разметка была сделана до того, как камень был помещен, и, скорее всего, в карьере.

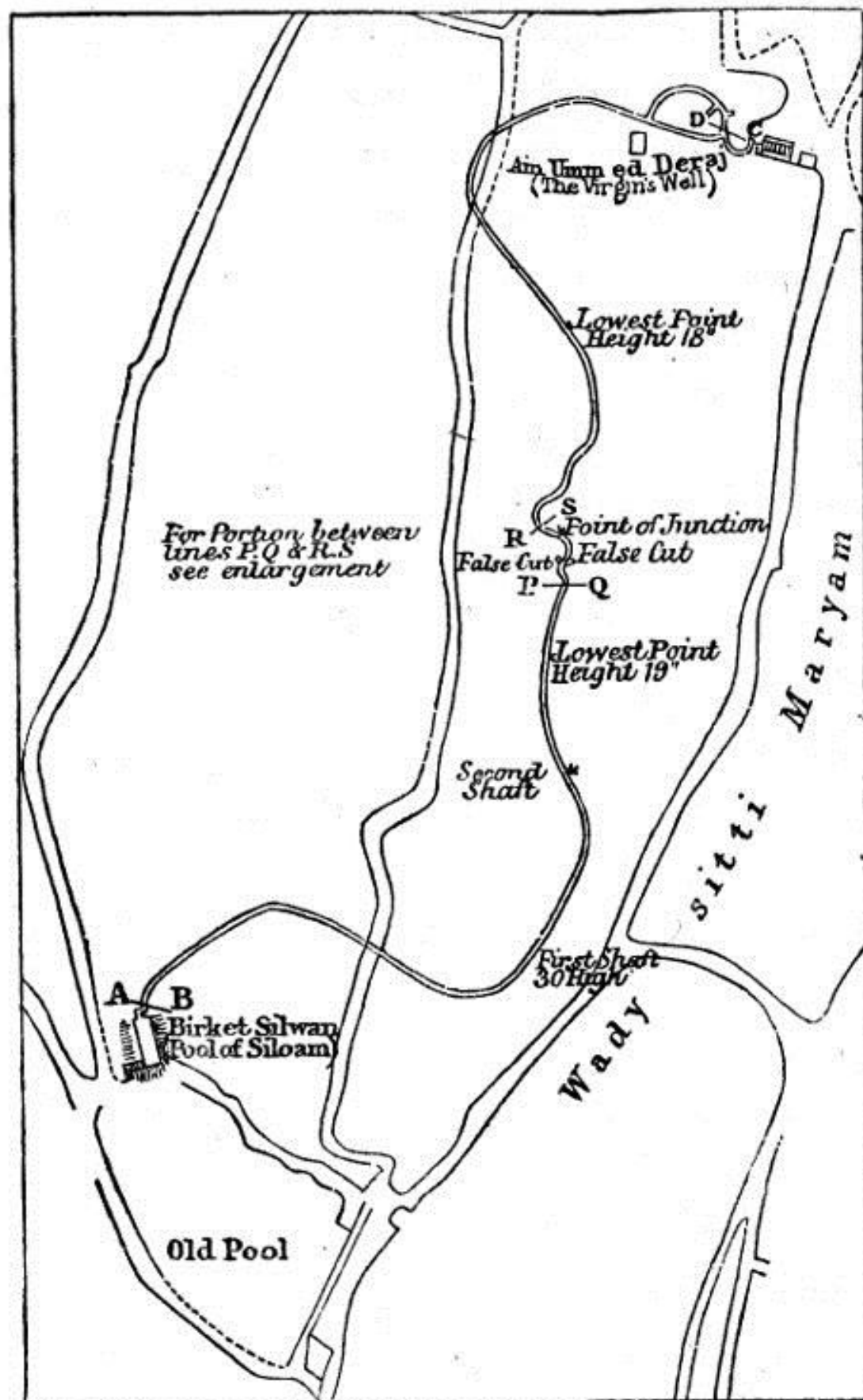
К северу от ограды Харам.— Только что упомянутых раскопок было достаточно, чтобы показать, что к северу от Храма когда-то существовала глубокая долина, описанная Иосифом Флавием в “Древностях” хiv. 4, 2 и “Войнах” i. 7, 3, где он утверждает, что Помпею было трудно засыпать ее. Эта долина начинается к северу от городской стены, проходит к западу от церкви Святой Анны и впадает в Кедрон, за стеной Святынища, на расстоянии 145 футов к югу от северо-восточного угла. Через эту долину проходит большое водохранилище, называемое *Биркет Исраил*, которое простирается вдоль северной стороны Святынища на 360 футов. Он имеет 126 футов в ширину и 80 футов в глубину. Западная стена резервуара - скальная, а восточная стена - частично скальная, частично каменная; в то время как южная стена бассейна одновременно является северной стеной Святынища.

Раскопки со всех сторон Святынища и изучение резервуаров внутри ограды показывают, что гора Мориа изначально имела несколько грушевидную форму по контуру, скала отходила со всех сторон от вершины, которая сейчас находится под Куполом Скалы. Однако в северо-западном углу скала была высокой, и там был узкий перешеек, который соединял этот холм с Безетой и придавал ему форму своего рода полуострова. Эта шея была искусственно перерезана.

Туннели от источника Богородицы.—От Источника Богородицы, примерно в 320 ярдах к югу от Тройных ворот и на восточной стороне Офеля, через холм был прорыт туннель к Силоамскому бассейну. Расстояние между этими двумя местами составляет не намного больше 300 ярдов, но туннель петляет, и его длина составляет 1708 футов (или 569 ярдов). Робинсон и другие прошли через это, и обнаружили, что пройти его трудно, так как часть пути приходится проделывать ползком на руках и ногах. Полковник Уоррен в сопровождении сержанта Биртлза и одного парня терпеливо исследовали его, ориентируясь по компасу на каждом шагу и, наконец, предоставив нам точный план местности. Это была нелегкая работа - ползать по толщине воды в три-четыре дюйма, записывать наблюдения карандашом и бумагой и одновременно носить свечи. Это предприятие также не оставалось без опасности, поскольку поток воды был

прерывистым, а когда они находились в туннеле, произошел неожиданный поток, и им оказалось очень трудно держать рот над водой.

Надпись в этом туннеле до недавнего времени ускользала от внимания всех исследователей и не была обнаружена даже Уорреном.

ПЛАН СИЛОАМСКОГО ТУННЕЛЯ.

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

Нынешний бассейн Силоама имеет размеры около 55 футов, с севера и юга на 18 футов с востока и запада, и глубину около 20 футов. В северном конце появляется арочный проход шириной 5 футов, ведущий к небольшому своду длиной 12 футов, в котором находится спуск от уровня верха бассейна до уровня канала, питающего его. В 1880 году один из учеников герра Конрада Шика, архитектора Церковного миссионерского общества, спускаясь вниз, упал в воду, а поднявшись на поверхность, заметил появление букв на стене скалы. Камень был сглажен таким образом, что получилась табличка площадью около 27 квадратных дюймов, в нижней части которой было написано шесть строк. Надпись находится примерно в 5 ярдах от устья канала и находится по правую руку исследователя, входящего со стороны Силоама. Сначала ее с трудом можно было прочесть, потому что на ней образовался известковый налет. Доктор Гут удалил его, промыв табличку слабым раствором соляной кислоты. Майор Кондер с помощью лейтенанта Мантелла потратили много труда и терпения, чтобы “выжать”, просидев три или четыре часа в воде, чтобы получить идеальную копию, и повторив опыт, чтобы проверить каждую букву. Выжимания Кондера легли в основу самого раннего правильного изображения, опубликованного в Европе. Профессор Сэйс, который уже посетил туннель и сделал предварительный перевод текста, теперь получил возможность улучшить его; и ниже приводится перевод:—

“1. (Смотрите) на раскопки! Теперь это история раскопок. Пока экскаваторы все еще поднимались

“2. Каждый повернул кирку к своему соседу, и когда до (раскопок оставалось еще три локтя, слышался) голос одного человека

“3. Взывал к своему соседу, потому что был *избыток* (?) в скале по правую руку (и по левую?). И после этого в тот же день

“4. При проведении земляных работ экскаваторы ударяли киркой о кирку, один о другой,

“5. Вода текла из источника в бассейн на расстояние 1200 локтей. И (часть)

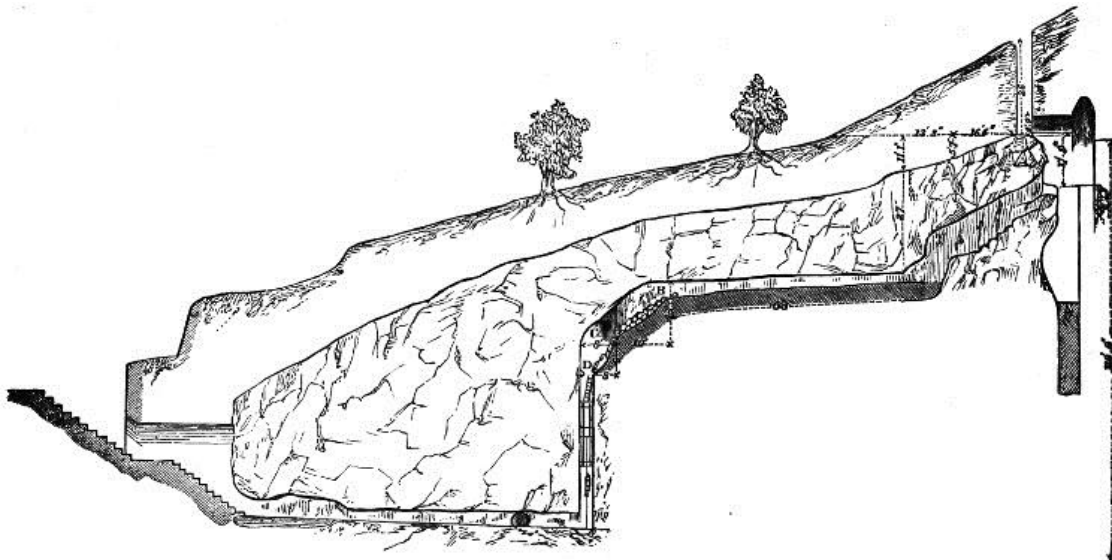
“6. Высота скалы над головами землекопов составляла локоть”.[\[23\]](#)

Встреча двух групп экскаваторов около середины туннеля согласуется с обнаружением Уорреном двух ложных вырубков, по одной с каждой стороны, на расстоянии 900 футов от конца Силоса.

Надпись сделана древними буквами, очень похожими на те, что на Моавитском камне, но обладающими определенными особенностями. Вероятно, это самый древний фрагмент древнееврейской письменности на камне, который у нас есть, и он открывает новую главу в истории алфавита. Это первое монументальное свидетельство состояния цивилизации евреев во времена их царей; и в целом это самое важное открытие подобного рода со времен находки Моавитского камня.

Майор Кондер говорит, что общее впечатление, возникшее в результате осмотра трубопровода, таково, что это была работа людей, чьи инженерные знания были рудиментарными. Хорошо

известно, что при добыче полезных ископаемых очень трудно заставить экскаватор двигаться по действительно прямой линии, поскольку он имеет тенденцию очень быстро отклоняться в одну сторону. Возможно, что это и есть настоящая причина искривления канала; но другой причиной, возможно, была сравнительная твердость пластов, встреченных при добыче полезных ископаемых на одинаковом уровне по всему холму, при этом пласты имели значительный уклон. Однако следует заметить, что после прохождения шахты направление туннеля меняется на линию, более точно направленную на Фонтан Пресвятой Богородицы. Экскаваторы с Силоамской оконечности осознали, вероятно, из-за невозможности увидеть свет в начале шахты, когда стояли у устья туннеля, что они движутся не прямо, и единственное средство, которое у них было для исправления ошибки, состояло в том, чтобы вырыть шахту на поверхность, чтобы увидеть, куда они попали. Убедившись в этом, они прошли прямо около 140 футов, а затем постепенно отклонились влево; но их общее направление, тем не менее, примерно совпадает с контуром скалы, что может быть связано с следованием по определенному пласту скалы.

СТРЕЛЫ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У ФОНТАНА ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ.

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

Полковник Уоррен признает, что туннель, ведущий на юг к Силоамскому бассейну, был не первым туннелем, раскопанным в связи с источником Богородицы. Ранее от Фонтана Пресвятой Девы был проложен канал на запад, на расстояние 67 футов, в сердце холма, и там он сообщался шахтой и коридорами с поверхностью. Когда пришло время строить более длинный туннель, инженеры благоразумно воспользовались уже существующим каналом и начали новые раскопки на расстоянии 50 футов от Источника Пресвятой Девы. Приоритет канала, идущего прямо на запад к шахте, кажется несомненным; и ясно, что какие бы ошибки в направлении ни были допущены ненаучными инженерами, когда они продвинулись на некоторое расстояние вглубь холма, они никогда бы не *начали* прокладывать канал строго на

запад от Источника Девы, когда их целью было проложить канал на юго-юго-запад к Силоамскому бассейну.

На дне шахты, которая находится на расстоянии 67 футов к западу, Уоррен обнаружил камень, вычерпанный в бассейн глубиной 3 фута, чтобы в нем оставалась вода, а на вершине шахты железное кольцо, к которому можно было привязать веревку от ведра. Шахта была 40 футов в высоту, а затем пространство начало открываться на запад в большую пещеру, представляющую собой пологий подъем под углом 45 °, покрытый рыхлыми камнями размером около кубического фута. Уоррен говорит, что это была щекотливая работа по подъему, потому что все камни, казалось, жаждали убраться, и если бы кто-то начал, масса покатила бы вместе с ним на сержанта, и все это образовало бы месиво на дне шахты. Поднявшись примерно на 30 футов, они вышли на площадку. Пещера теперь открывалась на юго-запад и северо-запад. Следуя по ней в последнем направлении, они подошли к проходу длиной 40 футов, в дальнем конце которого была грубая стена. Пролезя через дыру в нем, они поднялись по крутой лестнице на 50 футов, миновали другую стену и оказались в сводчатом помещении. Выход, наконец, был на холме Офель, в нескольких футах от гребня, и почти наверняка, как утверждают некоторые авторы, внутри древних стен. Целью вырубки было добыть запас воды изнутри; и, возможно, груды незакрепленных камней, которые были найдены в длинном проходе, предназначались для того, чтобы быть сброшенными в шахту, если враг попытается подняться по ней. В коридоре были найдены три стеклянные лампы причудливой конструкции, расставленные через равные промежутки времени, как бы для освещения пути; а в сводчатом помещении - небольшая кучка древесного угля, как будто для приготовления пищи, одна из этих ламп, блюдо для приготовления пищи, покрытое изнутри глазурью, для разогрева пищи, и кувшин для воды. Очевидно, это место использовалось как убежище.

Аналогичное устройство для закрытия входа в источник и использования потайного хода с холма выше было недавно обнаружено в *Эль-Джибе* (древний Гаваон),^[24] и всего несколько лет назад в *Аммане* (Раббат-Аммон). В связи с последним Кондер цитирует Полибия о том, что, когда Антиох Великий осадил войска Птолемея Филопатра в *Аммане* в 218 году до н.э., гарнизон держался до тех пор, пока пленник не раскрыл секретное сообщение с источником воды за стенами.

Трудности работы. — Невозможно читать подробные отчеты о работе Уоррена в Иерусалиме, не испытывая восхищения мужеством и терпением исследователей и не забавляясь иногда нелепым затруднениям, в которые они время от времени попадали. Они застряли в акведуках, застряли в пропастях и замурованы за падающими кучами обломков. Им приходилось спускаться по лестницам, слишком коротким для повторного подъема, протискиваться через отверстия, из-за которых с плеч содиралась кожа, и они были наполовину утоплены в цистернах на дне. В Тиропоне почва настолько пропитана нечистотами, что они отравляют плоть везде, где прикасаются к царапинам. В долине Кедрон почва настолько рыхлая, что она устремляется в галереи, почти текучая, как жидкость, и выгоняет людей оттуда. В Силоамском туннеле они не раз подвергались риску утонуть. В шахте Офель незакрепленный камень весом восемь килограммов угрожал на мгновение упасть им на головы. Однажды, когда арабские рабочие спускались в шахту, где заканчивается древнее русло Тиропона, в 90 футах от юго-западного угла, они спустились на 79 футов, когда наткнулись на каменную плиту. Они начали разбивать его молотком, когда вскоре куски посыпались внутрь, молоток исчез, и люди, в ужасе от того, что они могут провалиться в неизвестные глубины, бросились на поверхность, разыскали

сержанта и заверили его, что нашли бездонную яму! Ужасная глубина оказалась всего на 6 футов больше, чем у твердой скалы!

Уоррену часто приходилось копать в садах людей, или вести подкопы под их домами, или прокладывая шахты рядом с их священными местами, и требовалось много такта, чтобы разобраться с предрассудками мусульман и удовлетворить все требования о компенсации. В окрестностях Иерусалима участок садовой земли может принадлежать одному человеку, сдаваться в аренду другому, в то время как дюжина людей заявляют о своей заинтересованности в выращивании на нем урожая. Иногда рабочих Уоррена тащили к судьям и угрожали тюремным заключением или говорили, что их отправят на принудительные работы на Яффскую дорогу. Когда Уоррен работал у Источника Пресвятой Богородицы, среди жителей Силоама поднялось большое волнение. Утром работы должны были возобновиться, но один сварливый шейх, вбивший себе в голову, что англичанам нечего делать за пределами их собственной страны, успешно остановил процесс, отправив группу девушек к Источнику умыться. Однажды турецкий инженерный офицер, одетый в парадную форму, подошел отнюдь не в дружелюбном настроении, чтобы осмотреть одну из шахт. Если бы он решил дать неблагоприятный отчет, работы были бы остановлены. Он знал, что командует Уоррен, но величественно прошествовал мимо него, не удостоив его вниманием, и направился прямо к началу шахты. Но Уоррен быстро прошел мимо него, перекинул лестницу, которой пользовались несколько посетительниц, задул свет и спустился по веревке. Турок, услышав грохот и увидев, как Уоррен исчез в темноте, испугался, что произошло что-то ужасное, за что он не хотел нести ответственность, и, не теряя времени, повернул прочь. Но, в конце концов, если мы примем во внимание, что Святилище в Иерусалиме так же свято для мусульман, как для нас самих территория Вестминстерского аббатства, то поразительно, как много сэру Чарльзу Уоррену удалось добиться и с каким минимумом трений он это сделал.

[*Власти и источники:* — “Ежеквартальные отчеты Фонда Р. Е.”. “Восстановление Иерусалима”. Сэр К. Уоррен. “Работа в палатках в Палестине”. Майор Кондер.]

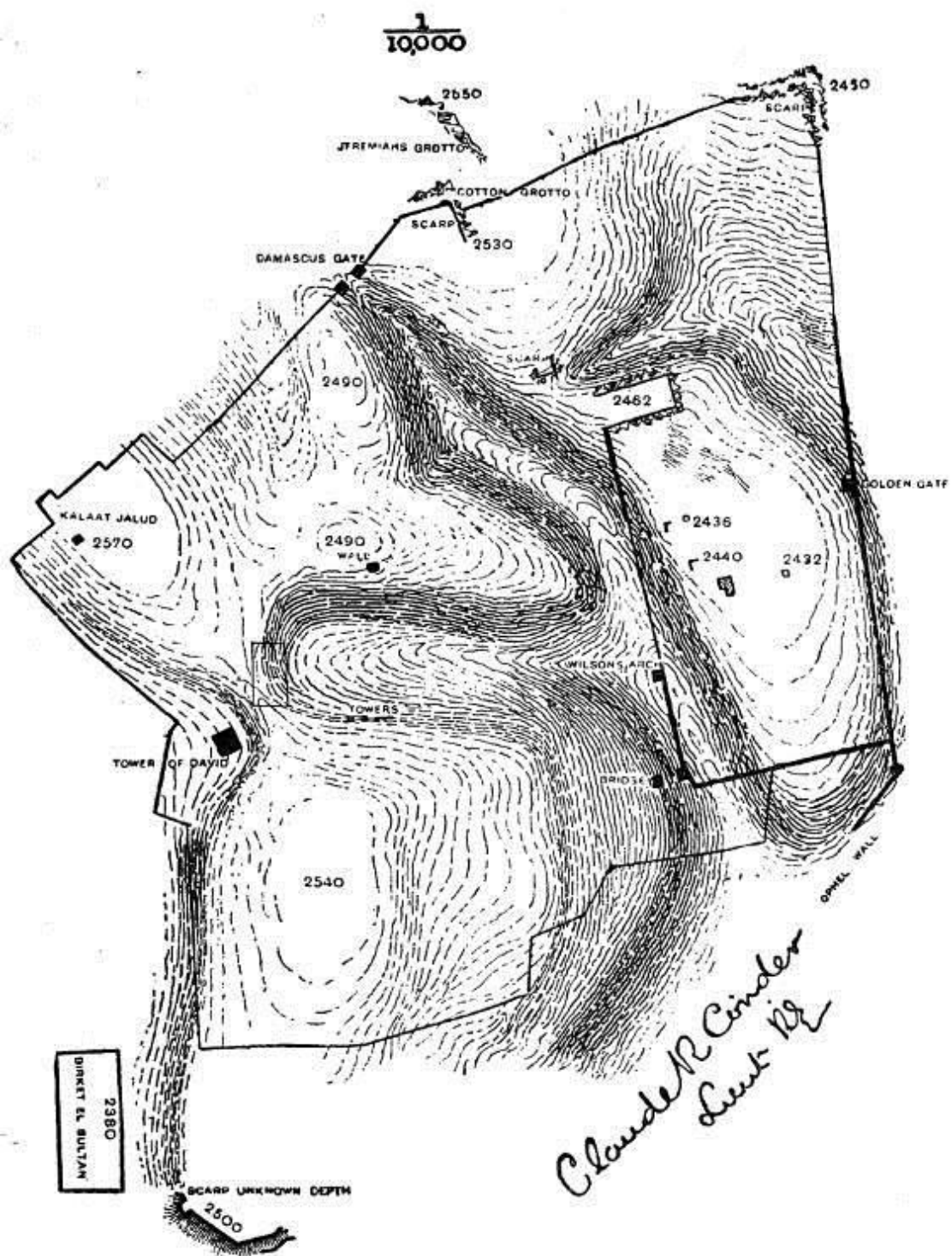
4. Иерусалим, каким он был.

Холмы и долины. Сэр Чарльз Уоррен был первым, кто указал на необходимость определения глубины залегания породы ниже нынешней поверхности в как можно большем количестве мест и привязки всех измерений к одной фиксированной исходной точке - уровню моря. При изучении древней топографии первейшим соображением является первоначальный вид почвы, поскольку, хотя определенное количество почвы, возможно, существовало всегда, все же древняя поверхность должна была гораздо больше соответствовать поверхности скалы, чем нынешняя.

Этой работе было уделено очень большое внимание, сначала самим Уорреном, исследовавшим многочисленные резервуары и проходившим десятки шахт; затем герром Шиком, который в качестве профессионального архитектора измерил положение при проходке фундаментов для домов в каждом квартале Иерусалима. Контурные также были даны в ходе артиллерийской съемки, проведенной сэром К. Уилсоном в 1864 году. Наконец Кондер смог собрать все данные и отправить домой план уровней горных пород для всего города. Исходя из этого, он также подготовил уменьшенный заштрихованный эскиз первоначального скального участка города. Этот набросок воспроизведен здесь, и с его помощью читателю будет сравнительно легко

понять описание Иосифа Флавия, а также реконструкцию древнего города, которая будет предпринята в этом разделе.

Иосиф Флавий говорит— “Город Иерусалим был укреплен тремя стенами в тех частях, которые не были окружены непроходимыми долинами, ибо в таких местах у него была только одна стена. Город был построен на двух холмах, которые находятся напротив друг друга и имеют разделяющую их долину, в которой заканчиваются соответствующие ряды домов на обоих холмах. Из этих холмов тот, на котором расположен Верхний Город, гораздо выше и в длину более прямой. Соответственно, царь Давид называл это место Цитаделью (φρούριον), но мы называем его Верхней Рыночной площадью. Но другой холм, который назывался Акра и поддерживал Нижний город, изогнут с обеих сторон (σφιγκυρτος).^[25] Напротив этого был третий холм, но, естественно, ниже, чем Акра, и ранее отделенный от другого широкой долиной. Однако в те времена, когда царствовали Маккавеи, они засыпали ту долину землей и задумали присоединить город к храму. Затем они убрали часть высоты Акры и уменьшили ее до меньшей, чем была раньше, чтобы храм мог превзойти ее. Долина Тиропона, как она называлась и была той, которая, как мы говорили вам ранее, отличала холм Верхнего города от холма Нижнего, простиралась до Силоама”. (Войны, ст. 4, 1.)

СКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ИЕРУСАЛИМА.

(В пользу Фонда исследования Палестины.)

В следующем разделе Иосиф Флавий сообщает нам, что по мере того, как город становился все более густонаселенным, он выползал за свои старые пределы, “и те его части, которые

находились к северу от храма и соединяли этот холм с городом, сделали его значительно больше, и этот холм, который по счету четвертый и называется *Безета* (или Новый город), также был заселен. Он расположен напротив башни Антонии, но отделен от нее глубокой долиной, которая была вырыта специально, чтобы помешать фундаменту башни Антонии соединиться с этим холмом”.

Когда мы читаем эти описания в свете нашего плана, все становится достаточно ясно. Юго-западный холм представлял собой Верхний город — большой холм с плоской вершиной, окруженный глубокими долинами и имеющий высоту от 2550 до 2500 футов над уровнем моря. Известно, что Восточный холм — это Храмовый холм, который в описании Иосифа Флавия занимает третье место. Безета (номер четыре) отчетливо описывается как холм к северу от Храмового холма, отделенный от него искусственной выемкой только в одном месте. Исследователи обнаружили эту вырубку, проведенную через узкую горловину возвышенности, в северо-западном углу Храма. Таким образом, нет места сомневаться в том, что “второй холм, который назывался Акра и поддерживал Нижний город”, — это холм, выступающий с северо-запада наподобие мыса, выпуклого по своей форме. Верхний город был отделен от Акры “широкой долиной”, ныне частично засыпанной, которая называлась Тиропонской долиной и, начинаясь у Яффских ворот, “простиралась до Силоамского источника”. Вершина Акры находится не более чем на 2480 футов над уровнем моря — значительно ниже, чем Верхний Город, — и выглядит ниже, чем она есть, потому что вся территория Иерусалима наклонена с запада наподобие наклонной плоскости, а также потому, что долины вокруг Верхнего города более глубокие. Иосиф Флавий говорит, что холм Акра раньше был выше и поддерживал македонскую крепость под названием Акра, которая возвышалась над Храмом. Находясь так близко и так высоко, он позволял гарнизону заглядывать вниз, во дворы Храма. Они также выбегали и приставали к евреям, которые проходили из Верхнего города в Храм через западные ворота (Иосиф. Ant. xii. 9, 3; 1 Макк. i. 36; и Уоррен в “Трудах Общества библейской археологии”, vii. 314).

Македонская крепость была занозой в сердце Иерусалима, пока Симон Маккавей не захватил ее и не разрушил. В то же время он срубил вершину самого холма; и, возможно, именно добытым таким образом материалом он засыпал долину между Акрой и Храмом. Засыпкой этой долины, которую удобно называть Асмонеевой долиной, два холма были соединены вместе; и было бы неудивительно, если бы термины “Акра” и “Нижний город” вскоре после этого стали иметь расширенное значение и охватывать все здания на обоих холмах, которые теперь были объединены в одно.

Имея теперь определенное представление о первоначальном положении земли и зная четыре холма Иерусалима по названию и местоположению, мы можем приступить к установке нескольких древних зданий на их соответствующих местах.

Храм Соломона.—Мы уже видели причины для размещения Храма на самой вершине Мориа; но теперь мы должны изложить наши доводы совершенно убедительно, а также показать границы дворов Храма.

Во-первых, естественным местом для Храма является вершина горы, а не какое-либо другое место на склоне. Скала, называемая Сахра и Краеугольный камень Мира, была священной с незапамятных времен. Кажется, она упоминается в Книге Пророка Исайи xlviii. 16— “Вот, я кладу в основание Сиона камень, испытанный камень, драгоценный краеугольный камень с

надежным основанием”. Иезекииль также, как и Иосиф Флавий и Талмуд, все согласны с размещением храма на вершине горы (Иез. xliii. 12).

Как отметил доктор Чаплин,[26] вопрос о том, был ли “камень основания” частью цельной скалы или подвижным камнем, представляет значительный интерес в связи с топографией Храма. В первом случае будет легко установить практически с абсолютной уверенностью его положение и, отталкиваясь от него в качестве отправной точки, определить места расположения храма, алтаря и дворов с не большей неопределенностью, чем неопределенная величина локтя делает неизбежным. Использование слова *Эбен* означало бы, что это был подвижный камень, но его (предполагаемая) история, изложенная раввинами, совершенно выводит его из категории обычных камней и представляет как центр или ядро, из которого был основан мир. *Толдот Йесу* представляет его как подвижный камень и утверждает, что царь Давид, копая фундамент храма, нашел его “над входом в бездну” с выгравированным на нем Именем, и что он поднял его и поместил в Святая Святых. “В целом, - говорит доктор Чаплин, - трудно прийти к какому-либо иному выводу, кроме того, что камень, о котором пишут раввины, был частью скалы, выступающей на ширину трех пальцев вверх от пола Святая Святых, закрывающей полость, которая считалась входом в бездну, почиталась как центр и основание мира и на которой было начертано невыразимое имя Бога”.

Утверждения, сделанные в Талмуде и с большой точностью повторяемые снова и снова авторами-раввинами, дают нам следующую точную информацию: (1) Камень основания (другими словами, твердая скала) был самой высокой точкой в Святая Святых, немного выступающей над полом, и от нее скала спускалась вниз со всех сторон. (2) “Прочный и замкнутый фундамент” высотой в 6 локтей был сделан по всему периметру дома, чтобы поднять пол до его вершины (на ширину трех пальцев). С восточной стороны этот прочный фундамент был перекрыт ступенями, ведущими вниз, во двор, на 22 локтя ниже вершины с этой стороны. Мы должны согласиться с доктором Чаплином в том, что вершина Сахры под огромным Куполом Скалы - единственное место во всем заповеднике, которое соответствует этим данным.

Святой дом с его дворами находился не в центре ограды, а к северо-западу от центра. Алтарный двор находился на более низком уровне, чем Святой Дом; и еще ниже, путем последовательного спуска, располагались двор Израиля, двор женщин и двор язычников. Благодаря расположенным террасами друг над другом дворами и Святому Дому на вершине храм представлял собой гораздо более заметный объект, чем Купол Скалы в наши дни.

Талмуд описывает площадь Храма как 500 квадратных локтей. Пророк Иезекииль говорит: “Вокруг него была стена длиной в пятьсот метров и шириной в пятьсот метров, чтобы отделять то, что было святым, от того, что было обычным” (xlii. 20). Затем Маймонид, ученый еврейский писатель, сообщает нам, что “люди, которые построили второй храм, когда они строили его во дни Ездры, они построили его как Соломонов храм, и в некоторых вещах в соответствии с объяснением в Книге Пророка Иезекииля”.

Принимая тогда центр Сахры за центр Святая Святых и позволяя себе руководствоваться измерениями Талмуда, которые даны с большой точностью, мы не сильно ошибемся, если проведем границы следующим образом: — На севере северная граница нынешней платформы, линия которой, если продолжить на восток, пересекла бы восточную стену Харама немного

севернее Золотых ворот. Платформа приподнята на 12 футов над нынешней общей поверхностью ограждения Харам. Однажды, когда дождь расшатал камень возле северо-восточного угла платформы и выявил наличие сводов, Уоррен спустился вниз и сделал замеры; и оказалось, что северный конец платформы состоит из скалы, которая была отесана перпендикулярно. На юге граница проходила бы в нескольких футах от входа в мечеть Эль-Акса и не доходила бы до южной стены Харама на 300 футов. На востоке и западе границы должны были проходить немного дальше нынешних стен Харама. Мы можем обоснованно заключить, что нынешние восточная и западная стены Харама либо представляют собой стены ограды Храма, либо были построены немного без них, как подпорные стенки для постепенного накопления мусора.

Когда Храм Соломона был разрушен вместе со всеми окружавшими его зданиями, *обломки* складировали во дворах. Вероятно, никогда не было бы сочтено целесообразным убрать все это с нижестоящих кортов, а скорее засыпать его и уложить на поверхность аккуратный тротуар. Пространства и углы, где мусора было меньше, засыпались или застраивались для завершения выравнивания; и по мере увеличения количества мусора, как внутри, так и снаружи стен, после последовательных осад, сами стены наращивались, чтобы поддерживать их достаточную высоту. Изначально никогда не предполагалось возводить стены из фундамента и делать их высотой 150 футов. В результате последовательных изменений, являющихся как результатом стихийных бедствий, так и плодом благоустройства, террасированная гора превратилась в возвышенное плато, каким сегодня является ограда Харам. Иосиф Флавий говорит, что когда Ирод перестраивал Храм, он расширил площадь дворов и сделал их вдвое больше, чем были раньше. Однако нам не нужно беспокоиться об этом, пока мы стремимся восстановить город ветхозаветных времен.

Дворец Соломона мы находим причины для размещения к югу от Храма Соломона, на склоне горы с террасами, так, чтобы его юго-восточный угол совпадал с нынешним юго-восточным углом Харама. Эти глубоко зарытые камни с отметинами финикийских каменщиков на них, возможно, и есть те самые камни фундамента дворца. Дворец был грандиозной работой, и на его строительство ушло тринадцать лет. Строительство было необходимо на этом углу, но как только был достигнут уровень, позволяющий вести работы с востока на запад, был проложен шестифутовый проход в качестве истинного основания для более великолепной надстройки. Этот шестифутовый ход простирается на 600 футов к западу от юго-восточного угла и дает нам предел в этом направлении. На севере мы ограничены дворами храма до 300 футов. Таким образом, именно здесь сэр Чарльз Уоррен размещает дворец Соломона, и именно такие размеры он ему присваивает. Мистер Джеймс Фергюссон уже был склонен, исходя из архитектурных соображений, считать его продолговатым размером 550 на 300 футов. Уровень шестифутовой трассы находится на 60 футов ниже вершины горы. Терпеливое изучение стены привело Уоррена к выводу, что все, что находится ниже этого большого хода, является старой работой и что стены Харама в целом соответствуют описанию Иосифа Флавия, во времена которого великая стена Соломона все еще существовала.

Поскольку Храм и дворец расположены таким образом, за западной оконечностью дворца остался участок земли площадью 300 квадратных футов, не огороженный в то время, о котором мы говорим, хотя в настоящее время он образует юго-западный угол Святилища и его прикрывает мечеть Эль-Акса. Но великая впадина Тиропонской долины проходит как раз там, и ее не поднимут и не огорожат до позднего вечера. Уоррен говорит в книге “Восстановление

Иерусалима”: “Наши исследования показывают, что участок стены к западу от Двойных ворот построен иначе и более недавно, чем участок стены к востоку. Это вопрос очень большой важности, и в сочетании с другими результатами, по-видимому, показывает невозможность существования Храма под юго-западным углом, восстановленного мистером Фергюссоном и другими. Единственное решение вопроса, которое я вижу, - это предположить, что часть к востоку от Двойных ворот образовывала южную стену дворца Соломона, а часть к западу была пристроена Иродом, когда он расширял дворы Храма”.

До того, как было сделано это дополнение, южная стена имела всего 600 футов в длину. Тройные ворота стояли в середине его, и, как мы уже видели, они находятся точно на гребне холма. Подоконник находится на 38 футов ниже нынешнего уровня Святыни, и от ворот три аллеи плавно поднимаются к полу Святыни. Разве они не символизируют “путь, которым Соломон вззошел в Дом Господень”?

Стена Офеля, как уже описывалось, была обнаружена Уорреном и примыкает к юго-восточному углу того, что мы теперь готовы рассматривать как дворец Соломона.

Башня Антонии.—Иосиф Флавий сообщает нам, что башня, которую построил Ирод и назвала в честь Антония, стояла на скале высотой 50 локтей в северо-западном углу Храма. Скала была отделена от Безеты специально сделанной выемкой, но башня находилась так близко к Безете, что примыкала к Новому Городу. В то же время это было так близко к Храму, что юго-восточная башенка выходила во двор Храма, в то время как проходы из башни вели в западный и северный монастыри. Это описание достаточно точное. Как говорит Кондер, именно такая скальная крепость есть в северо-западной части Храма. Это большой уступ с вертикальными гранями на юге и севере, возвышающийся на 40 футов над внутренним двором и отделенный от северо-восточного холма Иерусалима ровом шириной 50 ярдов, в котором сейчас находятся бассейны—близнецы - Вифезда Святого Иеронима. Эта каменная глыба является “вершиной холма”, о которой говорил Иосиф Флавий, и занимает в длину 100 ярдов вдоль северной стены Храма. Другого такого уступа нет ни в ограде Высокого Святыни, ни поблизости от нее. Можем ли мы после этого сомневаться в размещении Антонии здесь?

В конце концов, Ирод всего лишь отремонтировал и укрепил эту башню, поскольку она была построена Гирканом и носила имя Барис, прежде чем была переименована в Антонию, и даже Гиркан не был первым в этой работе (стр. 265).

[*Органы власти и источники*:—“ежеквартальные отчеты Р. Е. Fund”. “Восстановление Иерусалима”. Сэр К. Уоррен. “Труды Иосифа Флавия”.]

5. Стены и ворота города.

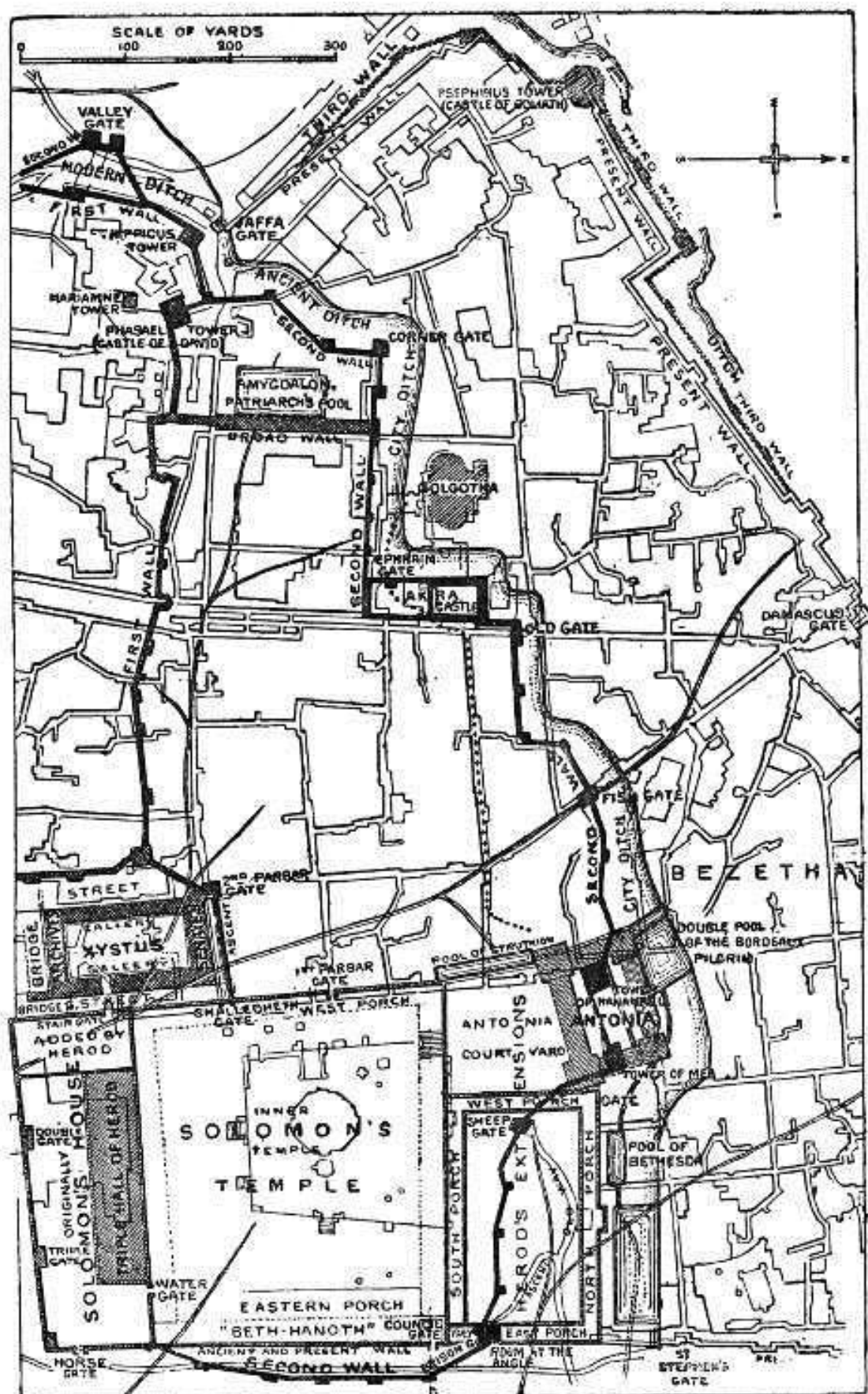
“Даже каменные стены, - говорит мистер Левин, - не могут не вызывать определенной степени интереса, если вспомнить, что от результата расследования зависит вопрос: где была Голгофа? и где Гроб Господень?” Если мы хотим понять события Ветхого Завета так же, как события Евангелий, мы должны проявить некоторый интерес к вопросу о правильной линии стен. В День Благодарения два отряда Неемии обошли стены; некоторые из ворот упоминаются поименно в связи с событиями истории; и наше чтение повествования станет более наглядным, если мы сможем следить за событиями, как те, кто знаком с землей.

Первая стена, или Стена Верхнего города. — Иосиф Флавий говорит, что стен было три; но поскольку третья, или самая северная, была построена только в 43 году н.э., мы пока не будем принимать ее во внимание. Мы постараемся восстановить линии стен и расположение ворот такими, какими они были во времена Неемии, и тогда у нас будут те, что датируются еще более ранними временами, поскольку Неемия только отремонтировал стены и ворота, которые были разрушены, и не строил заново.

Начинаясь на замечательном перешейке недалеко от нынешних Яффских ворот, стена тянулась на восток вдоль северного выступа холма и по линии Дамбы и заканчивалась у западного крыла Храма. Это была северная стена Верхнего города. Этот город был окружен стеной со всех сторон; а на западе, юге и востоке стена просто следовала за выступом холма. От Яффских ворот она шла на юг (обращенная на запад) вдоль края долины Хинном, мимо Вифсо (еврейский термин, обозначающий Навозное место) к Воротам Ессеев. На юго-западном углу холма Робинсон заметил откос скалы; далее его проследил мистер Модслей, который в 1872 году обнаружил там башню, к которой вели вырубленные в скале ступени; он четко обозначен на плане Кондера. От этого угла стена некоторое время была обращена на юг, а затем, согласно Иосифу Флавию, делала изгиб над Силоамом; и это, должно быть, как указывает м-р Левин, изгиб долины Тиропон, вдоль границы Верхнего города (до Дамбы), а затем обратно вдоль границы Нижнего города на Офеле (пока не соединилась со Стеной Офеля, обнаруженной Уорреном). Стена Силоама, как мы узнаем от Иосифа Флавия, изгибалась там, обращенная на восток, к Бассейну Соломона, и тянулась до места, называемого Офла, соединяясь с восточным крылом Храма.^[27] Восточный клуатр Храма — т.е. юго-восточный угол ограды — во времена Иосифа Флавия совпадал с юго-восточным углом дворца Соломона более раннего времени; и примыкающая к нему городская стена была стеной Офеля.

Согласно этому описанию, Купальня Соломона находилась в долине Тиропон, между двумя стенами Высокого и Нижнего города. Вероятно, в очень ранний период в этой долине было построено много домов, и она стала внутренним пригородом. Ввиду войны было бы сочтено необходимым защитить ее; и для ее защиты наиболее очевидным планом было бы построить плотину или стену поперек долины. Такая работа значительно укрепила бы сам город, предотвратив любой доступ вверх по долине, особенно если бы насыпи или стене помогал замок на дальнем конце ее. У нас будут основания полагать, что плотина и замок были построены и назывались Милло и Дом Милло. Таким образом, предместье оказалось замурованным в городе, но продолжало называться Предместьем; и мы читаем, что в западной стене ограды Храма было двое ворот, ведущих в Предместье (Иосиф Флавий, “Древности”, xv. 11, 5; 1 Пар. xxvi. 16, врата Шаллехета).

Ход строительства первой стены, описанный таким образом Иосифом Флавием, по-видимому, не сильно отличается от ее хода во времена Неемии; и по всем основным признакам это, по-видимому, стена времен Давида, сохранившаяся на старом фундаменте. Иосиф Флавий действительно утверждает это в следующем отрывке: “Итак, из этих трех стен старую было трудно взять, как из-за долин, так и из-за того холма, на котором она была построена и который находился над ними. Но помимо этого большого преимущества в отношении места, где они были расположены, он также был построен очень прочно, потому что Давид, Соломон и последующие цари очень ревностно относились к этой работе”.

ЛИНИЯ ВТОРОЙ СТЕНЫ ШИКА.

Вторая стена. Описание второй стены, данное Иосифом Флавием, краткое и может быть процитировано полностью: “Она начиналась от тех ворот, которые они называли Геннатскими, которые принадлежали к первой стене; они охватывали только северную четверть города и доходили до башни Антония”.

Необходимость в этой стене возникла следующим образом. Благодаря увеличению населения возник пригород не только в верховьях Тиропонской долины, но и на холме за ней. На отроге этого холма, который выступал в сторону Храма, стояла крепость Акра, но к северо-западу от крепости местность была высокой и открытой и не защищенной какой-либо глубокой долиной. Чтобы защитить этот пригород, необходимо было провести стену через седловину, протянувшись от угла Верхнего города до северо-западного угла восточного холма; и это, вероятно, было сделано еще во времена Давида.

Теперь нетрудно приблизительно определить положение ворот Геннат, отправной точки этой стены. На плане скалы Кондера мы видим, что узкий горный хребет тянется на север и юг, непосредственно к востоку от Башни Давида, и отделяет широкое устье Тирофона от западной долины. Тирофон углубляется очень внезапно, и любая стена, перекинутая через него, неизбежно опиралась бы на горный хребет к западу от него. Единственным разумным решением для строителей было провести стену по самому гребню, по земле, командуя всем, что находится без нее. Именно вдоль этого хребта, на его западной стороне, в 1885 году, во время перестройки Греческого базара, была обнаружена стена. На глубине 15 футов ниже нынешней улицы доктор Меррилл обнаружил два слоя камня, а в некоторых местах и три, все еще на своих местах; и камни были того же размера и характера, что и самый большой из камней в башне Давида напротив. В этих раскопках была найдена разбитая римская керамика и каменный шар, какие римляне использовали на войне. Обнаружение этих фундаментов позволяет нам с точностью возводить вторую стену на расстоянии 40 или 50 ярдов.^[28] Таким образом, мы знаем, где начиналась стена и где она заканчивалась. Его промежуточный ход может быть установлен только с помощью аргументов вероятности и путем составления карты каждого участка древней стены, обнаруженного в связи со строительными работами и прокладкой водосточков. От истинного расположения этой стены зависит ответ на вопрос, находилось ли место строительства храма Гроба Господня за пределами города или внутри него. Здесь мы с удовлетворением принимаем линию стены, предложенную герром Конрадом Шиком, который изучал вопрос на местах, который знаком с каждым обнаруженным фрагментом древней стены и имеет объяснение для каждого поворота, а также для каждых ворот и башни, представленных здесь. Из его плана будет видно, что он не останавливается у башни Антонии, а продолжает линию стен, чтобы защитить северную и восточную стороны Храма. Этого требуют описания Неемии. Но когда Ирод расширил внутренние дворы Храма, если не раньше, эти участки стены подверглись бы разрушению — северная часть была бы снесена, восточная часть, возможно, была бы засыпана — и поэтому Иосиф Флавий умалчивает о них.

Когда линия стен, таким образом, четко обозначена, становится возможным следовать описаниям в Книге Пророка Неемии и идентифицировать башни, ворота и упомянутые там места.

Ночная поездка Неемии осмотреть руины. Иерусалим был разрушен полководцем Навуходоносора, и хотя халдеи вошли через брешь с северной стороны, впоследствии они

сожгли дворец и все большие дома и разрушили стены Иерусалима вокруг (2 Царств ххv. 4). Неемия вернулся из плена, чтобы восстановить город своих отцов, и благоразумно решил сначала незаметно оценить масштабы разрушений.

В главе ii. 13 мы читаем: “Я вышел ночью через Ворота Долины, прямо к драконьему колодцу и к Навозным воротам”. Эти ворота долины находились в Геннатских воротах или рядом с ними, в начале Тиропонской долины, и в то же время недалеко от долины Хинном. Это могло быть недалеко от нынешних Яффских ворот. Навозные ворота — “Вифсо” Иосифа Флавия — находятся между Яффскими воротами и юго-западным углом города; это положение также требуется в главе iii. 13. “Затем я направился к Воротам Фонтана и Королевскому бассейну”. Ворота фонтана были бы удобным выходом из города на тропинку, ведущую вниз к Силоамскому бассейну; Царский бассейн (*эль-Берекат*), вероятно, был бассейном Соломона, упомянутым Иосифом Флавием как находящийся у восточной стороны старой стены. В последующие времена в Священном Писании это место будет называться Царским бассейном, потому что оно было присвоено и использовалось преемниками Соломона, точно так же, как Дворец Соломона называется царским домом в Неем. iii. 25. Этот пруд должен был находиться в пределах охраняемого пригорода. Неемия продолжает: “Но зверю, который был подо мной, некуда было пройти”. Почему? Потому что здесь у нас есть две стены в узком пространстве, и разрушение обеих из них наполнило долину *обломками*. “Затем я поднялся вверх по ручью (*начало*, Кедрон) и осмотрел стену; и я повернул назад и вошел через Ворота Долины, и так вернулся”.

Восстановление стен и ворот. Неемия решает, что стены можно и нужно восстановить; и он распределяет работу между сорока шестью главными людьми, у каждого из которых есть свои слуги. Эта работа священна, и ее надлежащим образом начинает первосвященник, который, естественно, выбирает место рядом с Храмом — Овечьи ворота в городской стене, которые, по-видимому, находились примерно на полпути между северо-восточным и северо-западным углами территории храма того времени. Описание ремонтных работ уводит нас на запад, или налево, и снова приводит нас по всему городу к той же точке. “Тогда восстал первосвященник Элиашив со своими братьями священниками, и они построили Овечьи ворота; они освятили их и поставили двери в них; вплоть до башни Хаммеа”^[29] они освятили ее до башни Хананеля”. Мы можем предположить, что эти две башни вместе с мистером Левином и герром Шиком уже занимали место будущей Антонии. Фактически, это были части Бариса, или Замка, где намеревался поселиться сам Неемия (Неемия. ii. 8, где на иврите это *Бира*).

После этих башен Бариса различные ворота и места предстают перед нами в следующем порядке:—

Рыбные ворота, расположенные на плане герра Шика там, где первая главная линия улицы выходила за город.

Старые ворота, где заканчивалась следующая основная линия улицы. Именно там, где эти две дороги пересекаются, в более поздний период мы получаем Дамасские ворота. Улицы, идущие прямо к городской стене, кажется, требуют наличия ворот в этой стене, чтобы завершить их использование.

Далее у нас есть Трон Правителя-за-рекой. Это, как и предыдущее, некое сооружение, возникающее по ходу стены. В главе ii. 7, 9 фраза “за рекой”, по-видимому, означает “к западу

от Иордана", где округом управлял наместник царя Ассирии. Вице-король жил или бывал в Иерусалиме,^[30] и его замок, похоже, входит в линию второй стены, в той части, которая находится к юго-востоку от храма Гроба Господня, и, возможно, точно под углом возврата.

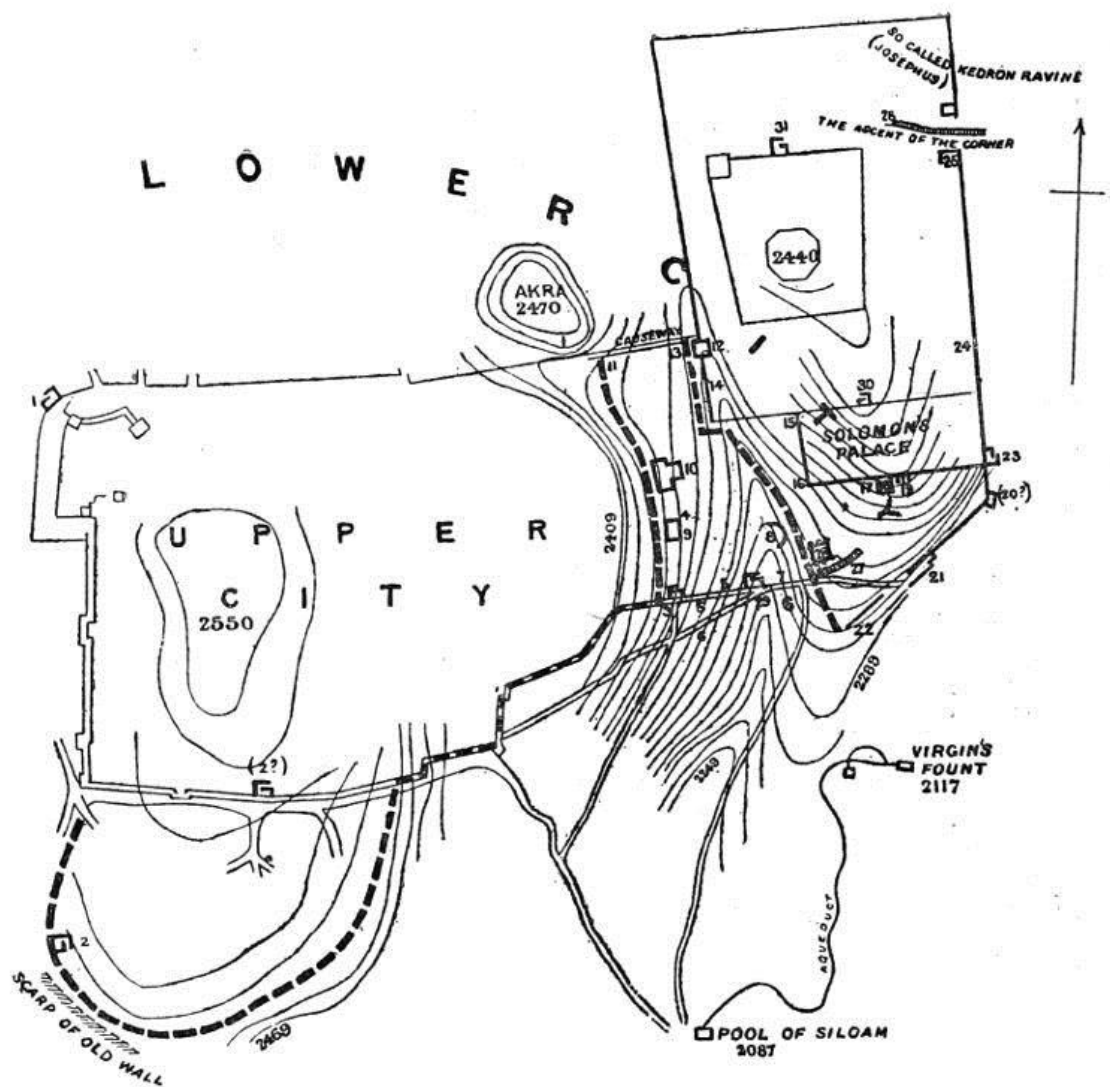
Широкая стена, которая названа следующей, не обязательно была широкой сама по себе. Открытые пространства, которые мы должны называть Площадями, в Иерусалиме назывались Бродами. Было одно такое широкое пространство к югу от водных ворот Храма, на Офеле, где иногда собирался народ (Неем. viii. 1; Ездра х. 9). Кажется, был еще один возле одних из городских ворот, где Езекия обратился к народу, встревоженному приближением Сеннахериба (2 Пар. xxxii. 6). Сеннахериб приближался к городу с северо-запада, и люди, скорее всего, собрались у Ворот Долины, обсуждая этот вопрос, на открытом пространстве, впоследствии использованном при строительстве "Бассейна Езекии". "Широкая" стена может быть названа так потому, что проходит вдоль одной стороны этого широкого пространства. Возможно, она начиналась от второй стены в том месте, до которого дошло описание Неемии, и простиралась на юг до стены верхнего города, образуя таким образом внутреннюю линию обороны. Ничего не говорится о ее ремонте: возможно, она не была разрушена; или же Неемия пока пренебрегает ею как внутренней стеной, как и северной стеной Верхнего города. Во всяком случае, описание уводит нас за его пределы. В северо-западном углу второй стены находились Угловые ворота (2 Царств xiv. 13; 2 Паралипоменон xxv. 23), которые также называются Смотрящими воротами. Из ворот здесь открывался бы вид на городские стены вплоть до Рыбных ворот с одной стороны и Ворот Долины с другой. Но эти врата также не упоминаются в настоящем описании.

Далее мы видим Башню Печей, вероятно, к западу от "Бассейна Езекии". Это слово может означать очаги, печи или алтари, но мы не можем сказать, к чему оно относится.

И затем мы подходим к Воротам Долины, которые, как мы уже видели, должны были находиться недалеко от нынешних Яффских ворот и, вероятно, именно там, где нынешняя улица Давида проходит в конце стены, обнаруженной Греческим базаром в 1885 году. Если бы там не было ворот, улица потеряла бы половину своего использования. Однако есть альтернатива герра Шика, согласно которой это название было дано воротам к юго-западу от Цитадели, выходящим в долину Хинном.

В стихе 13 от ворот долины "1000 локтей по стене до Навозных ворот". Это запрещает любое отождествление с нынешними навозными воротами в Тиропоне и немного фиксирует положение *Бетсо*.

В стихе 15 Шаллун, который ремонтирует Ворота Фонтана, ремонтирует также "стену бассейна Шела у царского сада". Допустим, что Шела — это Силоам, но это не обязательно должна быть стена, ведущая к Силоаму — если бы мы выбрали эту линию, мы бы ошиблись на всем остальном пути - это поперечная стена в той же долине выше. Через ворота в этой стене можно было бы удобно добраться из Пригорода к бассейну Силоам; и это были бы "Ворота между двумя стенами", через которые бежал Седекия (2 Царств, xxv. 4; Иер. xxxix. 4; глава 7). Стена находилась у королевского сада (*le* = рядом). Шаллун продолжает свою работу вдоль поперечной стены на восток "до (*н.э.*) Лестницы (*маалоф*), ведущей вниз из Города Давида". Итак, Город Давида включает Офель, и Лестница спускается по склону Офеля на запад, в русло Тиропона.

ЮЖНАЯ СТЕНА НЕЕМИИ, СОГЛАСНО ДЖОРДЖУ СЕНТ-КЛЕРУ.

* Контурные линии представляют собой последовательные ступени длиной в десять футов. Высота Тройных ворот составляет 2379 футов.

- ССЫЛКА.
- Предполагаемая линия стены — — —
- 1 Ворота долины.
- 2 Навозные ворота.
- 3 Ворота фонтана.
- 4 Королевских пула.
- 5 Стена бассейна Шела.
- Королевские сады, 6.
- 7 Ступеней города Давида.
- 8 Гробниц Давида.
- 9 Бассейн, который был создан.

- 10 Дом могущественных.
- 11 Поворот стены.
- 12 Оружейная палата.
- 13 Поворот стены.
- 14 Дом Элиашива.
- 15 Поворот стены.
- Угол, 16.
- 17 Поворот стены.
- 18 Башня в королевском доме. (Башня, которая выделяется.)
- 19 Водяные ворота.
- 20 Высящаяся башня.
- 21 Великая башня, которая возвышается.
- 22 Стена Офеля.
- Конные ворота, 23.
- 24 Дома священников.
- 25 Врат Мифкад.
- 26 Подъем на угол.
- 27 Подъем по стене.
- 28 Дом Давида.
- 29 Ворота между двумя стенами.
- 30 Ворота стражи (2 Царств, xi. 19).
- 31 Ворота стражи (Неем. xii. 39).

Стих 16: “После него починил Неемия, сын Азбуки, на месте против (*негед* = напротив) гробниц Давида”. Стена бассейна Шела была ответвлением от стены Высокого города, поэтому автор возвращается и продолжает свое описание стены Высокого города. Неемия, сын Азбуки, берется за ремонт Ворот Фонтана и движется на север. Он подходит к царским гробницам, которые, следовательно, находятся на офельской стороне Тиропона, немного к северу от Лестницы. Вход должен был бы находиться низко в русле долины, чтобы находиться за стеной, защищающей Офель с запада; но нет никаких причин, почему бы ему не быть низким. Единственное сомнение, которое у нас должно быть, - это находится ли место, отмеченное на плане, достаточно далеко к северу. В любом случае раскопки царских гробниц были настолько обширными, что в конце концов приблизились к южной стене Храма, возможно, даже прикоснулись к стене (в месте, которое сейчас находится под мечетью Эль-Акса). Пророк Иезекииль жалуется на это как на осквернение. “Дом Израилев не должен более осквернять святое имя Мое, ни они, ни их цари, своим блудодеянием и трупами своих царей при их смерти; тем, что они поставили свой порог у моего порога и свой дверной косяк рядом с моим дверным косяком, и между мной и ними была только стена” (Иезек. xliii. 7, 8).

Неемия, сын Азбуки, продолжает двигаться на север “к созданному бассейну” (*берега*, вероятно, “царский бассейн” из ii. 14 и “водоем между двумя стенами” из Исаяи xxii). Он идет

далее “к дому сильных”. Если это дом царской телохранительницы, воинов, упомянутых во 2 Царств ххв. 4, мы обнаружим, что они удобно расположены примерно на полпути между оружейной и царским домом.

На оставшемся коротком участке на западной стороне Тиропоны мы видим не менее четырех групп рабочих, что указывает на то, что разрушения были очень большими, как это действительно обнаружил Неемия, когда не было никакой возможности для его животного проехать; и следующее указание на местность находится в

Стих 19: “поворот” стены, “напротив подъема в оружейную палату”. Следовательно, оружейный склад находился в северо-восточном углу пригорода или поблизости от него.

Стих 20. Теперь мы направляемся от “поворота” стены мимо оружейной на юг, “к дверям дома Элиашива, первосвященника”; и мы не удивлены, обнаружив здесь его дом, поскольку мы находимся недалеко от дворов Храма. Рабочие подходят к двери дома Элиашива, которая, таким образом, кажется обращенной на запад, так что находится совсем близко к линии стены; но они подходят только к менее важным домам, которые следуют за ними.

Стих 24. Шестой рабочий с этой стороны подходит к “повороту” стены и “углу”. Поворот - это не то же самое, что угол; в иврите используются разные слова для обозначения повторного входа и заметного угла. Каждый из двух поворотов на дамбе (ст. 19, 20) называется *микцоа* (= угол возврата); но теперь, в ст. 24, они доходят до *микцоа* и до *пинне* (= выступающий угол). Следует отметить, что у нас не было бы таких углов в этой части, если бы не свободный квадрат, который Уоррен, изучая каменную кладку, вынудил его оставить — стена на 300 футов в каждую сторону от юго-западного угла Храма была более поздней, чем остальные.

Первый заметный угол пропускается, потому что рабочий, который начинает к северу от него, продолжает свою работу до тех пор, пока не дойдет к югу от него, и поэтому в его упоминании нет необходимости при определении проделанной работы. (Аналогичным образом, в ст. 6-8 Ворота Ефрема обходятся без упоминания, хотя, согласно хii. 38, 39, они существовали между Широкой стеной и Старыми воротами; а Угловые ворота, о существовании которых мы знаем, Неемия обходит стороной.)

Стих 25. Упоминание теперь о другом ракурсе возвращения может озадачить нас, но только потому, что в том же стихе говорится о “башне, возвышающейся над верхним домом царя”, и это легко может позволить себе такой ракурс.

Стих 26. Сейчас мы находимся практически на холме Офеля, и, соответственно, работники, которые были приставлены к работе здесь, - это “нефинимы, живущие в Офеле”. В ст. 31 также упоминается дом нетинимов у северного конца восточной стены — все еще за пределами территории Храма.^[31]

Как только нетинимы Офеля забираются достаточно далеко на юг, чтобы заглянуть за выступающую башню и увидеть Тройные Ворота, утверждается, что они находятся напротив Водных ворот. Левин говорит, что “собственно водяные ворота находились во внутреннем Храме, к югу от алтаря, и вели к большим южным воротам внешнего Храма, которые, вероятно, также назывались Водяными воротами”. В то же время нетинимы обнаруживают, что смотрят на восток, или их стена обращена к восходящему солнцу. Они также находятся напротив башни, которая выделяется. Это не та башня, о которой говорилось в предыдущем стихе как о

выступающей из королевского дома, но, возможно, это та башня на изгибе Офельской стены, обнаруженная Уорреном.

Стих 27. Там, где нетинимы прекращают свою работу, за нее берутся текоиты, которые вскоре подходят “к большой башне, которая выделяется”, а именно к большой башне, которую нашел Уоррен. Это отождествление поразило самого Уоррена, и он упоминает об этом в “Восстановлении Иерусалима”, стр. 295. Теперь требовалось лишь небольшое расширение работ, чтобы завершить соединение со Стеной Офеля в том месте, где Уоррен обнаружил, что стена резко обрывается, и повествование сообщает нам, что текоиты осуществили соединение.

Стих 28. Офельская стена, находящаяся в хорошем состоянии, больше не упоминается; но следующее, что упоминается, - это Конные ворота. Поскольку Уоррен не смог найти никаких ворот в Офельской стене, Конные ворота, должно быть, находились к северу от нее; и здесь они должны были находиться в месте, удобном для входа в Конюшни Соломона, которые должны были находиться под дворцом и, возможно, под нынешними сводами, известными как Конюшни Соломона. Между полом Конюшни Соломона и скалой в юго-восточном углу залегает неисследованный мусор глубиной около 100 футов. Настоящие конюшни могут быть погребены под этим мусором.

“Над Конными воротами чинили священников, каждый против своего собственного дома”. Эти дома священников находятся в положении, точно соответствующем положению дома Элиашиба и других домов на западной стороне. Выражение “напротив” подразумевает, что ремонтируемая городская стена находится в удалении от домов священников, которые граничат с храмовыми дворами, и это было бы к востоку от нынешней стены Харам. Герр Шик рисует это так.

Стих 29. Упоминаются Восточные ворота (*Мизрах*), которые не следует путать с воротами Харсит, так называемыми Восточными воротами Иеремии хіх. 2 в Авторизованной версии. Возможно, это ворота Шушан, которые, согласно Талмуду, находились напротив восточного фасада Храма.

Когда мы подходим к Золотым воротам, которые Неемия называет Воротами Мипхкад, мы оказываемся как раз там, где проходческие работы Уоррена были остановлены массивным каменным барьером — вероятно, частью древней городской стены — в 50 футах к востоку от стены Харам. Стена была сложена из больших камней, добытых в карьере, и была такой толстой, что проделанное в ней отверстие длиной 5 футов 6 дюймов не проходило насквозь. В нескольких футах к северу от Золотых ворот стена начинала изгибаться на северо-запад, как бы повторяя контур холма; и Уоррен также заподозрил, что стена высокая, простирающаяся вверх через *обломки* почти до поверхности, поскольку непосредственно над ней, на дороге, в одну линию лежат несколько больших грубо обтесанных камней.^[32]

В описании Неемии мы находимся непосредственно у “подъема на угол” (*пинне*, выступающий угол). Сейчас на поверхности сразу к северу от Золотых Ворот не видно ни одного уголка, и никакого подъема с глубины. Но мы уже видели, что северный клуатр Храма упирался бы в восточную стену Харам немного севернее Золотых ворот, и, следовательно, здесь находился бы *угол* дворов Храма. Мы также видели, что скала теперь спускается к северу, потому что сюда выходила долина от Ворот Ирода, а в 300 футах к северу от Золотых ворот глубина мусора достигает 125 футов, так что с этой низины при повороте на запад нужно было бы *подниматься*. Сама стена должна была идти вверх, поднимаясь к гребню холма. Нет более вероятного места

для изгиба стены, чем то, которое отмечено небольшим зданием под названием Трон Соломона. Огромная глубина долины здесь придавала угловой башне устрашающую высоту, и восточное воображение вполне могло бы подсказать, что построить ее мог только Соломон или демоны.

Достигнув “подъема на угол”, еще одна группа рабочих подводит нас к Воротам для Овец, с которых началось описание.

Маршрут процессий.—Глава xii. дает поразительное подтверждение вышеуказанным положениям. Во время освящения стен две группы стартуют от Ворот Долины и расходятся в разные стороны, чтобы встретиться в Храме. Предположительно, ворота долины были выбраны для обеспечения поездок примерно одинаковой длины; и это еще одно указание на то, что стена не доходила до Силоама. Группа, направляющаяся на юг, проходит через Навозные ворота и достигает ворот Источника. А теперь в какую сторону они пойдут? Стену отремонтировали прямо перед ними, а также стену, поворачивающую на север, и им придется выбирать между двумя маршрутами. В Исправленной версии говорится, что они прошли “мимо (н.э.) Ворот Фонтана и прямо перед ними” и поднялись *по* лестнице Города Давида при подъеме на стену (на этот раз не *по in*” — *ba-maaleth le-chomah, i.e., in the stairway of the wall by* — лестнице Давида - другой лестнице, отличной от лестницы Города Давида, а не “у”). который спускался в ложе долины).

Их путь вверх по этой лестнице и дальше привел их “выше дома Давида, прямо к Водяным воротам”. Дом Давида здесь находится рядом с королевским садом III. 15; а его расположение на склоне холма дает основание называть дворец Соломона верхним домом царя (или высоким домом, iii. 25). Некоторые говорят, что “дом Давида” означает гробницу Давида; но если это так, то это только подтверждает положение, которое я склонен приписать гробнице. Обратите также внимание, что положение, требуемое для Водяного затвора здесь, снова совпадает с положением настоящего Тройного затвора, такого же, как в iii. 26.

Особого внимания заслуживает то, что участники процессии быстро проходят от Лестницы Давида к Водяным воротам, тогда как при перестройке эти два места расположены очень далеко друг от друга, потому что соблюдается изгиб стены. В iii. 15 у нас есть Гробницы, Бассейн, Дом Сильных Мира Сего, еще четыре бригады рабочих, поворот стены, оружейная палата, дом Элиашива, поворот, угол и выдающаяся башня — все между точкой напротив Лестницы Давида и Водяными воротами; но ни одна из этих вещей не встречается на пути процессии. Это легко понять, если стена образует пролив вверх по Тиропону, ибо тогда сокращенное место в тексте соответствует сокращенному месту на плане; но это вряд ли можно сделать понятным на любом плане, который опускает этот пролив и доводит стену до Силоама.

Может возникнуть поверхностное возражение, что обходного пути вверх по долине и *по* дамбе, которого избегали участники процессии, Неемия избежал бы при ремонте стен, ибо зачем ему было делать что-то большее, чем ремонт короткой поперечной стены, когда его целью была скорость? Мой ответ был бы таким, что его целью были сила и безопасность, а также скорость. Поперечная стена сама по себе не была достаточной защитой, поскольку к ней можно было легко подойти вверх по долине, но она была ценна как дополнение к внутренним стенам. Кроме того, у Неемии было достаточно рабочих, чтобы работать на всех этих участках одновременно, так что завершение работ несколько не задерживалось ремонтом двух северных и южной стен изгиба одновременно с поперечной стеной, да и вообще со стенами по всему городу.

Второй отряд, с которым был Неемия, двинулся от Ворот Долины одновременно с первым; и самым ранним признаком их продвижения является то, что они миновали Башню с Печами и достигли Широкой Стены. Теперь мы, конечно, встречаемся с местами в порядке, обратном тому, в котором мы с ними познакомились, следуя за строителями с востока на запад. Приказ тогда был такой:

- Овчарня.
- Башня Меах.
- Башня Хананеля.
- Рыбные ворота.
- Старые ворота.
- Широкая стена.
- Башня печей.

Проходя мимо них теперь в обратном порядке, мы обнаруживаем, что заметили Ворота Ефрема, расположенные между Широкой Стеной и Старыми Воротами. Я склоняюсь к тому, чтобы разместить Ворота Ефрема на перекрестке нескольких улиц недалеко от северо-восточного угла Муристана, и приведу две причины. (1) Если взять стену в том виде, в каком она была нарисована Шиком, то главная улица города, идущая на запад, упирается в стену в этом месте и требует наличия ворот. (2) Существовали Угловые ворота, по-видимому, в северо-западном углу второй стены, к западу от Широкой стены; расстояние между Угловыми воротами и Воротами Ефрема составляло 400 локтей (2 Царств xiv. 13; 2 Паралипоменон xxv. 23); и место, предлагаемое сейчас для Ворот Ефрема, соответствует этому расстоянию. Возможно, башня этих ворот была тронном правителя, наместника ассирийского царя.

Отряд Неемии, добравшись наконец до Овечьих ворот, вошел во двор Храма и остановился у Ворот Стражи.

Таким образом, два отряда встали по северную и южную стороны жертвенника и вознесли благодарение Богу за то, что нерушимая стена снова защитила Иерусалим.

Установив линию стены с указанием местоположения дома Давида, ворот между двумя стенами и т.д., мы подтверждаем наш вывод о том, что Город Давида находился на восточном холме и включал Офель. Мы видим, где царские гробницы, вероятно, будут обнаружены в ходе будущих раскопок. Мы немедленно получаем кое-что, имея возможность шаг за шагом следить за работой Неемии. И это еще не все, поскольку в различные моменты мы получаем свежий свет на историю дома Давида.

[*Авторитеты и источники:* —Автор сам несет ответственность за виды топографии Иерусалима, изложенные в этом томе. Читателю, желающему проконсультироваться с другими авторами, могут пригодиться следующие ссылки: —“Иерусалим, очерк”. Томаса Левина. “Осада Иерусалима”. Томас Левин. “Древний Иерусалим”. Джозеф Фрэнсис Трапп. “Восстановление Иерусалима”. Сэр Чарльз Уоррен. Пер. Соч. Биб. Археол., том vii. (“Место, где стоял храм”. Сэра К. Уоррена). “Святой город”. Преподобного Джорджа Уильямса. “Гроб Господень и храм”. Джеймс Фергюссон, Ф.Р.С. “Справочник Мюррея по Сирии и

Палестине”. (Доктор Портер). “Ежеквартальные отчеты Фонда социального страхования” (многочисленные документы).]

6. *Лучше осознанные эпизоды истории.*

Взятие Иерусалима Давидом: —Царь и его люди отправились в Иерусалим против иевусеев, которые чувствовали себя в такой безопасности в своей крепости, что насмехались над Давидом, выставляя хромых и слепых на стенах в качестве защитников. Тем не менее, “Давид взял твердыню Сион; это и есть Город Давидов... и поселился Давид в твердыне и назвал ее Городом Давида” (2 Цар. ст.). Цитадель, о которой здесь говорится, - это не то, что сейчас называется башней Давида, недалеко от Яффских ворот, и здесь не говорится о Сионе на юго-западном холме. Параллельное утверждение у Иосифа Флавия гласит, что Давид “взял Нижний город силой, но Акра все еще держалась”. Иоав, однако, взобрался на крепость, иевусеи были изгнаны из Акры, а затем Давид отстроил Иерусалим заново, переименовал его в Город Давида и поселился там (Антик. vii. 3. 1 и 2). Здесь говорится не о Высоком городе, а об Акре; и в том месте, где Иосиф Флавий дает общее описание города, он сообщает нам, что Акра была холмом Нижнего города, в то время как Верхний город был назван царем Давидом *Фрурионом*, то есть *городищем-крепостью* или *сторожевым постом*.

Похоже, что в те далекие времена юго-западный холм еще не был заселен или, во всяком случае, еще не был обнесен стеной, хотя на нем стояла сторожевая башня с гарнизоном. Самые высокие холмы не всегда считаются лучшими позициями для цитадели или замка. Это было не так в Афинах, и это не так в Эдинбурге. Иевусейское население Иерусалима в основном сосредоточилось на восточном холме. В 1879 году сэр Чарльз Уоррен сказал: “На мой взгляд, самым сильным аргументом в пользу того, что Офель был древним местом расположения города Иевусеев, является тот факт, что там был найден единственный источник воды. Я внимательно изучил манеру, с которой кафры располагались поближе к воде в своих различных цитаделях, и я думаю, что, если бы не было очень срочных причин, иевусеи расположились бы рядом с тем, что сейчас называется Источником Богородицы ”.

Но пока восточным холмом был Сион,[33] Акра была оплотом своих владельцев и защитников, их замок занимал выгодный мыс, защищенный долинами и рвами. Замок или форт, расположенный таким образом, не смог бы, однако, выдержать осаду, если бы у него не было тайного запаса воды; и Уоррен говорил о фонтане Пресвятой Девы как о единственном источнике. Но в *хаммаме эш Шефа* есть какая-то загадка, и многие, включая самого Уоррена, склонны полагать, что это может быть связано с источником. Заявлено, что вода здесь прозрачная и не содержит примесей дождевой воды, и ее запас никогда не иссякает. Этот “колодец” расположен в долине Тиропон, на линии между Акрой и Куполом Скалы. Вход в фонтан осуществляется через узкое отверстие, но вскоре шахта расширяется примерно до 12 квадратных футов. На дне находится вырытая камера с одной стороны и проход с другой. Проход расширяется, переходя в свод, за которым канал становится кривым и неправильной формы. Похоже, что древний трубопровод входит в хранилище в конце горизонтального прохода, но его направление и источник неизвестны. Не мог ли какой-нибудь трубопровод позволить осажденному гарнизону форта Акра черпать воду из этого источника?

Несколько лет назад преподобный Ф. В. Берч, аргументируя предположение, что именно город на Офеле захватил Иоав для Давида, предположил, что он нашел путь в него по тайным туннелям и шахтам из Источника Богородицы. То, что Офель мог быть захвачен врасплох таким

образом, кажется вероятным; только Иоаву предстояло захватить не Офель, а Акру. Весь Нижний город был взят, за исключением того, что Акра все еще держалась. Если его гарнизон получал воду из *Хаммам-эш-Шефа*, разве Иоав не мог проникнуть туда из *этого* источника? Ему не нужно было *подниматься* к “канаве” и даже не к “водному руслу”, но “добраться до них по акведуку” (*Б'Циннор*).

Бегство и изгнание Давида; Шпионы.—Сначала Дэвид жил в крепости (форт Акра), но впоследствии мы находим упоминания о доме, который у него был и который находился на склоне Офеля. У нас есть свидетельства этого в Книге Пророка Неемии, и мы находим подтверждение в таких отрывках, как 1 Царств viii. 1-6, где ковчег *выносятся* из города Давидова в храм (и 2 Цар. xxiv. 18; 1 Царств ix. 24). Когда Давид решал бежать из Иерусалима из-за восстания Авессалома, он спускался по лестнице Города Давида, выходил через ворота между двумя стенами и шел через свой собственный сад; а затем, как нам рассказывают, он миновал Кедрон, поднялся на Елеонскую гору и спустился в Иерихон и перешел Иордан.

Но он оставил друзей позади себя в своем доме, и было условлено, что два сына священников будут действовать как шпионы и приносить ему новости (2 Цар. xvii.). Они ждали за городом, в Эн-Рогеле, и девушка пошла и рассказала им. Рогель теперь отождествляется с источником Богородицы; и это было бы неплохим местом для укрытия шпионов, учитывая, что его проходы были темными и сообщались как с холмом, так и с долиной. Служанка, спускающаяся по лестнице сверху, могла взять кувшин или ведро, чтобы набрать воды, и таким образом избежать подозрений; шпионы внизу, получив сообщение, могли ускакать через гору к Иерихонской дороге и Иордану.

Доказательств того, что Источник Богородицы находится в Эн-Рогеле, будет становиться все больше по мере нашего продвижения; но здесь можно указать одну причину. Рогель этимологически означает Источник Фуллера, и был назван так, без сомнения, потому, что фуллеры стирали одежду в этом месте; но это также может означать Источник Ступеней, потому что фуллеры наступали на одежду ногами и, следовательно, получили свое название (от *Regel*, *нога*, и метафорически *ступенька*). Фонтан Пресвятой Богородицы теперь называется арабами *Айн Умм эд Дерадж*, “Фонтан Матери Ступеней”, название, которое, как обычно предполагается, относится к двум лестничным пролетам, ведущим к нему, но которое, по традиции, может происходить от “Эн Рогель”. Ступени были там не всегда. Исследователи Иерусалима говорят: “Первоначально бассейн, по-видимому, был виден на склоне утеса, а свод и ступени современные. Возможно, первоначальный выход воды был в долине Кедрон”.

Пир Адонии у Камня Зохелет.—После смерти Авессалома Давид вернулся в Иерусалим. Но мало-помалу он состарился и ослабел, а затем начались спекуляции и заговоры о наследовании трона. Адония думал снискать благосклонность, приняв царское положение и проявив княжескую щедрость. Он выставил колесницы и всадников и пятьдесят человек, чтобы они бежали перед ним; и он заколол овец, быков и откормленных телят у камня Зохелет, что рядом с Эн-Рогелем. Священник Авиафар был на пиру, и Иоав, опытный военачальник; все шло весело, и гости кричали: “Боже, храни царя Адонию!” (1 Царств i). Но известие об этом деле дошло до Дэвида в его доме на Офеле. Вошла Вирсавия и рассказала ему, что происходит, и напомнила ему о его клятве, что Соломон, ее сын, сядет на трон. Пока королева еще говорила, был объявлен Нафан-пророк, который подтвердил эту историю и с тревогой спросил, кому предстоит царствовать. Тогда Давид позвал Садока и Нафана, священников, и Ванею, солдата,

начальника царской телохранительницы, отправиться с ними в качестве представителя силы и действительно взять своих людей, и сказал: “Пусть Соломон, сын мой, сядет верхом на моего собственного мула и отвезет его в Гихон (*то есть*, Силоамский бассейн), помажьте его там и затрубите в трубу, и скажите: “Боже, храни царя Соломона”. Тогда вы взойдете вслед за ним, и он придет и сядет на мой трон; ибо он будет царем вместо меня”. Это было сделано, и весь народ сказал: “Боже, храни царя Соломона!”

Мы лучше осознаем эти события, когда посмотрим на положение Зохелета, открытие которого стало одним из счастливых результатов исследований месье Клермона Ганно в 1870 году. Почти в центре линии, вдоль которой тянется деревня Силоам, находится скалистое плато, окруженное арабскими постройками, которые скрывают его истинную форму и протяженность: западная сторона, срезанная перпендикулярно, слегка нависает над долиной. Грубо вырубленные в скале ступени позволяют не без труда взобраться по ним и таким образом проникнуть прямо из долины в центр деревни. По этой дороге, трудной и даже опасной, обычно проходят женщины Силоама, которые приходят наполнить свои сосуды у так называемого Источника Девы. Так вот, этот проход и этот выступ скалы, в котором он вырублен, феллахи называют “Эз Зевейле”, что означает “скользкое место” или, возможно, “змеиный камень”. Это было открытие мсье Ганно, и он сразу понял его значение, помогая установить Эн Рогель у фонтана Пресвятой Девы и королевского сада где-то по соседству. Возможно, открытие было бы сделано раньше, если бы не тот факт, что деревня Силоам из-за беспокойства ее жителей почти не посещается европейцами.

Итак, праздник Адонии проходил у подножия этого утеса, примерно в 70 ярдах через долину от Эн-Рогеля. Отряд Соломона не был виден, потому что возвышенность Офель находилась между ними. Но когда помазание состоялось у Силоамского пруда и группа возвращалась вверх по Тиропону к дому Давида, люди включили свою музыку и кричали от радости, пока земля снова не зазвенела. Внимание Иоавы привлёк звук трубы, и он спросил: “Почему в городе такой шум?” Истина была познана, и тогда гости Адонии испугались, встали и пошли каждый своей дорогой.

Смена места жительства Соломона.—Сначала Соломон жил в доме своего отца Давида, который находился недалеко от лестницы, спускавшейся к ложу долины. “И породнился Соломон с фараоном, царем Египетским, и взял дочь Фараонову, и ввел ее в Город Давидов, доколе не окончил строить дом свой” и т.д. (1 Царств iii. 1). “И строил Соломон дом свой тринадцать лет”. “И построил дом для дочери Фараоновой” (рядом со своим домом) (1 Царств vii. 1. 8). “И вывел Соломон дочь Фараонову из Города Давидова в дом, который он построил для нее; ибо он сказал: жена моя не должна жить в доме Давида, царя Израильского, потому что места святы, в которые пришел ковчег Господень” (2 Пар. viii. 11). Это случайное упоминание о том, что он воспитал ее, хорошо согласуется с относительным расположением двух дворцов — дворца Давида ниже по склону Офеля, нового - выше. То же самое замечание относится и к переносу ковчега из дома Давида в Храм.

Строительство Милло.— Давид, крепко захватив Сион, улучшил свою новую столицу, построив “вокруг, от Милло и внутрь” (2 Цар., ст. 9). Что представлял собой Милло или где он располагался, было одной из величайших загадок топографии Иерусалима. Однако, похоже, что это была большая плотина, пересекавшая долину Тиропон. Возможно, что даже иевусеи додумались до этого устройства и построили плотину каким-то грубым способом и называли ее словом своего собственного языка, которое впоследствии закрепилось за ней. Сэр Г. Гроув в

“Библейском словаре” высказывает предположение, что именно иевусеи первыми построили Милло, потому что трудно определить значение этого слова на иврите, в то время как у хананеев из Сихема тоже была Милло (Судьи ix. 6, 20), и потому что Давид, по-видимому, считал его существующим, а не строил. Утверждение о том, что Давид строил из Милло и *внутри* очень хорошо согласуется с отождествлением Милло с великой плотиной, которая была внешней защитой Тиропоны и, в значительной степени, самого Сиона. Также не исключено, что Дом Милло был замком на Офельском холме, недалеко от восточной оконечности плотины, и что Дэвид использовал его в качестве резиденции. Возможно, он также укрепил и замок, и плотину. Эту мою точку зрения теперь разделяет герр Шик. (См. *Квартальный отчет* за январь 1892 г., стр. 22.)

Но именно Соломон настолько усилил это произведение, что заслуживает чести его создания. Это было одно из великих дел, для выполнения которого он обложил налогом все части царства (1 Царств ix. 15). Характер работы указан в 1 Царств xi. 27 — “Соломон построил Милло (и таким образом) заделал трещину (или расселину) в городе Давида, своего отца”: либо эти два выражения относятся к одной и той же работе, либо эти две работы тесно связаны друг с другом. Соответственно, прежде чем приступить к работе, дочь фараона должна освободить дом Милло. Она пришла “из Города Давидова в дом свой, который построил для нее Соломон; затем он построил Милло” (1 Царств ix. 24). Израильтяне, занятые на этой работе, были детьми Иосифа, а их начальником был Иеровоам, ефремлянин, вероятно, уже знакомый с аналогичной работой в Сихеме (1 Царств xi. 28). В Септуагинте говорится, что Иеровоам завершил укрепления в Милло и долгое время после этого был известен как человек, который “окружил Город Давида”. Работа была выполнена настолько хорошо, что Иерусалим больше никогда не подвергался нападениям с этой стороны, хотя ранее эта сторона была признана наиболее уязвимой как Давидом, так и детьми Симеона и Иуды в более ранние времена.

Если мы хотим найти еврейскую этимологию имени Милло, то, по-видимому, это существительное, образованное обычным способом путем приставки буквы М к арамейскому глаголу *l'va*, эквивалентному еврейскому *lavah*,^[34] имеет значение “наматывать” или “скручивать” и используется для описания лестниц, а также змей и гирлянд. Плотина через Тиропон потребовала бы строительства по крайней мере двух лестниц: одной от русла Тиропоны до верха плотины со стороны Офеля и одной от Верхнего города вниз к плотине на западе.

Смерть Гофолии.—Этот инцидент указывает на местность в прекрасном согласии с Неемией. Когда эта царица-мать услышала, что ее сын, царь, был убит Ииуем, она присвоила власть себе, и ее политика заключалась в том, чтобы уничтожить все царское потомство. Но один маленький ребенок сбежал, унесенный своей кормилицей, и они были спрятаны в Храме Иодаем, первосвященником. На седьмой год Иодай собрал вождей народа в Храме, произвел на свет маленького ребенка Иоаса, поставил его на помост (или колонну), предназначавшийся царям, и сказал: “Это законный наследник!” Вожди закричали от радости, когда Гофолия услышала шум и бросилась в Храм, чтобы узнать причину. То, что она так легко услышала и нашла такой легкий доступ в Храм, хорошо согласуется с предположением, что она жила во дворце Соломона, недалеко от Храма, как утверждает Уоррен. Когда Гофолия увидела положение вещей, она закричала— “Измена, измена!” Но она не нашла там друзей. Священник сказал: “Выведи ее — не убивай ее в доме Господнем! И они уступили ей дорогу; и она пошла ко входу в Конные ворота царского дома; и они убили ее там” (2 Пар. xviii. 15; 2 Царств xii. 16). В этом повествовании подразумевается, что Конные ворота находились не только рядом с королевским домом, но и

что это была ближайшая точка, которую можно было рассматривать за пределами священных пределов; и это полностью согласуется с тем положением, которое мы им присвоили.

В контексте только что процитированных отрывков мы находим, что Иоаса несут “через Ворота Стражи в дом царя”. Эти ворота, конечно, должны были находиться на той стороне дворца, которая примыкала ко дворам Храма; вероятно, они находились прямо к северу от Водных ворот (*то есть* Тройных ворот), и это, таким образом, снова согласуется с Неем. iii. 25, где говорится, что башня, возвышающаяся над домом Соломона, находится “во дворе стражи”. Двор стражи вполне мог простираться от Водных ворот снаружи до Ворот Стражи со стороны Храма во дворце. Из Неем. xii. 39 следует, что в соответствующем месте на северной стороне алтаря были соответствующие Ворота Стражи.

Убийство Иоаша. Когда Иоас дорос до положения человека, он произвел изменения, которые вызвали недовольство его народа; и краткое утверждение состоит в том, что его рабы убили его на его постели “в Доме Милло, что спускается к Силле” (2 Царств xii. 20, вместе со 2 Пар. xxiv. 25). Обычно это считалось неясным, и некоторые предполагали, что Силла - это то же самое, что и М'илла, лестница у западных ворот Храма, к северу от арки Уилсона (1 Пар. xxvi. 16). Но более естественно, что это лестница в самом Милло. Иоаш жил в Бет Милло, доме Давида, и когда он услышал о заговоре, он намеревался сбежать вниз по лестнице и через ворота между двумя стенами; но, поскольку он был болен, его несли на носилках, как отмечает Левин, и когда он спускался по Силле, — не когда он спускался в Силлу, поскольку в еврейском тексте здесь нет предлога — ассасины убили его.

Стена, разрушенная Иоасом, царем Израиля, когда он выступил против Амасии Иудейского, простиралась от ворот Ефрема до Угловых ворот на 400 локтей (2 Царств xiv. 13; 2 Паралипоменон xxv. 23). Теперь мы можем, с помощью плана второй стены герра Шика и нашего предыдущего исследования Неемии, увидеть именно этот участок стены, расположенный к югу от церкви Гроба Господня и идущий на восток и запад.

Башни, построенные Озией, предназначались для укрепления города как раз в этой части, где он был признан уязвимым. Он “построил башни в Иерусалиме у Угловых ворот, у ворот Долины и у поворота стены и укрепил их” (2 Пар. xxvi. 9). “Поворот”, о котором здесь говорится, - это угол возвращения, и не исключено, что к юго-востоку от церкви Гроба Господня, где в более позднее время мы находим “Трон Правителя”.

Во времена Ахаза, внука Озии, Иерусалиму угрожали союзные войска Рецина, царя Сирии, и Факея, царя Израиля. Ахаз и его народ были сильно встревожены и нуждались в послании совета и ободрения. Слово Господне было обращено к Исае в Храме, в нем говорилось: “Выйди теперь и встреться с Ахазом в конце водовода верхнего пруда, на дороге к Полю Возделывателя” (Исайя vii. 3). Считается, что верхний бассейн, о котором здесь говорится, является источником Богородицы, где мы находим один конец трубопровода, соединяющего его с нижним бассейном в Силоаме. Но если это то, что имеется в виду, почему это место не описано коротко и ясно как Эн-Рогель, под этим названием оно уже было известно? (1 Царств i. 9). Конечно, имеется в виду не сам бассейн, а конец трубопровода, или канала, или прохода, принадлежащего к нему — конец прохода, но не окончание какого-либо бассейна. Иными словами, это относится к вершине шахты и лестнице на Офельском холме, которые были так долго утрачены, пока вновь не были обнаружены Уорреном. Этот вход, конечно, был известен Исае и царю, поскольку находился недалеко от королевских садов. Ахаз доберется туда, выйдя

через Ворота между двумя стенами, и, вероятно, привык часто прогуливаться там. Место, о котором говорится, на самом деле не называется “*на шоссе Фуллерс Филд*”: в тексте на иврите слово “*в*” не встречается, и отрывок можно было бы перевести как “Конец канала верхнего пруда, лестница Фуллерс Филд”. Это точное описание вершины шахты на Офельском холме.

Итак, здесь у нас есть еще одно интересное указание на местность: похоже, что Поле Фуллера находилось на Офеле, а шахта Уоррена находилась на нем. Мы не можем не вспомнить утверждение Иосифа Флавия о том, что святой Иаков принял мученическую смерть, будучи переброшенным через внешнюю стену ограды Храма, и что “*валяльщик взял дубинку, которой он отжимал одежду, и обрушил ее на голову Праведника*”. Разумно предположить, что фуллеры работали недалеко от того места, где упал Сент-Джеймс. На склоне Офельского холма сэр Чарльз Уоррен обнаружил пещеру, которая, по-видимому, использовалась фуллерами, поскольку в ней были вырубленные в скале чаны или желоба. В земле над пещерой есть сток, который, конечно, более современный; и все же здесь были найдены стекло и керамика, предположительно раннехристианские.

Во времена Езекии, сына Ахаза, о шахте лестницы на Поле Фуллера снова заговорили, и это вполне подтверждает наши предыдущие выводы. Сеннахериб, осаждая Лахис, послал своего Тартана и Рабсака с большим войском против Иерусалима, как легкую добычу. Ассирийские офицеры разбили свой лагерь к северо-западу от города, на возвышенности, которая с тех пор стала известна как “Лагерь ассирийцев”. Но, видя силу города, они не стали штурмовать его; они искали встречи с Езекией, чтобы побудить его сдаться. Узнав, где находится его дворец, то есть дом Давида, на склоне Офеля, они пришли и “*встали у входа в верхний бассейн, который находится у лестницы на Поле Плодоношения*” (2 Царств xviii. 17). Там они воззвали к царю, и когда Езекия, руководствуясь своим достоинством, поручил своему премьер-министру, своему секретарю и своему Протоколисту представлять его, эти офицеры заговорили с вершины стены. Может показаться, что обстоятельства требуют, чтобы стена простиралась немного дальше к югу, чем стена, найденная Уорреном, но они, по-видимому, являются веским доказательством того, что офельская шахта находилась за стеной и что царский дом находился на расстоянии слышимости от шахты, или, по крайней мере, так думали ассирийские генералы.

В то время Иерусалим не был взят, но в ожидании осады Езекия предпринял большие оборонительные приготовления. Во-первых, он собрал много работников и перекрыл все источники за пределами города и остановил течение ручья (2 Пар. xxxii. 3). Он остановил верхний источник вод Гихона и направил их прямо на западную сторону города Давида (2 Пар. xxxii. 30). Он собрал воды нижнего бассейна; он сделал резервуар между двумя стенами для воды из старого бассейна; он сделал бассейн и канал и провел воду в город (Исаия xxii. 9, 11; 2 Царств xx. 20). Вполне вероятно, что большинство этих утверждений относятся к одному и тому же произведению, а именно к сооружению Силоамского бассейна и туннеля для подачи в него воды из Источника Девы Марии. Когда-то существовал “старый бассейн” Силоама, который четко прослеживается к юго-востоку от нынешнего, и это был “нижний бассейн Гихона”; в то время как Источник Девы был “верхним бассейном” или “верхним источником вод Гихона”. Вода ранее текла из одного в другой по открытому каналу вниз по Тиропонской долине — каналу, который в некоторых местах был пробит, — и это был “ручей, который тек посреди земли”. Нижний бассейн и воды Силоаха были упомянуты Исайей в предыдущее царствование (то есть он говорит о водах Силоаха, которые текут тихо, viii. 6, и он подразумевает нижний бассейн, говоря о верхнем бассейне). Доктор Чаплин обоснованно утверждает, [35], что Силоа и

Гихон были идентичны, и что термины применялись не только к источнику или бассейну, но и к каналу, который соединял их. Мы можем согласиться с этим, если будем иметь в виду, что открытый канал существовал до вырубленного в скале туннеля. Единственная трудность, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, чтобы думать о новом Силоаме как о резервуаре между двумя стенами и понимать, зачем было прокладывать туннель, если Силоам должен был находиться за пределами города. Поэтому некоторые авторы предполагают, что первая городская стена действительно огибала Силоам с южной стороны.

Езекия, помимо этих гидротехнических сооружений, отстроил всю разрушенную стену и возвел ее до башен; и другую стену снаружи (которая, вполне возможно, находилась к югу от Силоамского пруда, только даже в этом случае через расщелину к северу от нее есть большая плотина); и, будучи настолько заботливым об этой части города, он “укрепил Милло, город Давидов” (2 Пар. xxxii. 5).

Во времена царя Иосии у нас есть упоминание о пророчице Хульде, и утверждается, что она жила в Иерусалиме, в *Мишне* (или Второй четверти). Это слово означает второго по порядку или достоинству, а в случае с братьями - младшего. По-видимому, оно обозначает ту часть города, которая лежала в долине Асмонеев, часть, уступающую Сиону по достоинству и более молодую как населенный район, потому что первоначально это был пригород за стенами, окружавшими холмы.

Взятие Иерусалима и бегство Седекии.— Чтобы не множить инциденты, давайте перейдем теперь к последнему царю Иудеи — Седекии. В свое время Навуходоносор выступил против города и разбил свой лагерь, как это делали все до него, в северной части. Событие, которого следует ожидать в таком случае, описано в Зеф. i. 10. Сначала из Рыбных ворот в начале Асмонеийской долины доносится шум. Как следствие, затем раздается вой из Второго квартала Иерусалима, поскольку штурм Рыбных ворот привел захватчиков в северную “окраину”. Затем, когда тревога распространилась, с холмов по обе стороны раздается грохот. Вопите вы, жители Мактеша — “Лощины”, южного пригорода, где жили жители Тира, которые привозили рыбу и всякую утварь (Неем. xiii. 15), и в честь которого, вероятно, была названа Долина, — вопите вы, ибо весь торговый люд уничтожен, все, кто был нагружен серебром, отрезаны.

Военачальники Навуходоносора проникли в средние ворота северной стены; и Седекия, как только узнал об этом, ночью бежал со своей телохранительницей. Жил ли он в доме Соломона или Давида, его путь лежал бы вниз по лестнице города Давида в русло Тирофона; и тогда нам ясно сказано, что он бежал через Ворота между двумя стенами, которые были у царского сада (2 Царств xxv. 4; Иер. xxxix. 4; лии. 7). Его план состоял в том, чтобы пойти тем путем, которым шел Давид, когда бежал от Авессалома. Иосиф Флавий говорит, “что он бежал из города через укрепленный ров” (Antiq. x. 8, 2) — утверждение, которое вполне подтверждает нашу идею о том, что глубокая котловина “Пригорода” была защищена поперечной стеной или плотиной.

Пророчество Иеремии.— Чтобы ободрить людей во время плена, Иеремия предсказывает, что Иерусалим снова будет заселен и его границы расширятся. Измерительная линия должна проходить против него на холме Гарев (вероятно, более поздняя Безета, к северо-западу от Храма) и огибать Гоат (по-видимому, это огибание северо-западной, заграничной и юго-западной частей города); и всю долину мертвых тел и пепла (*m.e.*, Тофет, широкое соединение нынешних долин Хинном и Тиропон), и все поля (на восток) до ручья Кедрон (а затем на север),

до угол Конных ворот, обращенный к востоку, должен быть свят Господу (Иер. xxxi. 28). Эта ссылка еще раз подтверждает положение, которое мы присвоили Конным воротам.

Захария также описывает Иерусалим вдоль и поперек. Он должен быть возведен и заселен от ворот Вениамина (восточные ворота храма в плане Иезекииля, Иез. xlviii. 32), к месту первых ворот (первые ворота города, ворота возле северо-восточного угла — как на иврите читается справа налево, так и идет нумерация здесь), к Угловым воротам. Это с востока на запад; северная и южная крайности, названные Захарией, — это башня Хананеля (та же позиция, что и у Антонии) и королевские винные прессы (которые, как мы можем предположить, находятся к югу от королевского сада).

Расположение Королевского сада является важной точкой в топографии Иерусалима. М. Клермон Ганно склоняется к тому, чтобы поместить его на восточной стороне Офеля; но его аргументация кажется недостаточной. Большая восточная долина Иерусалима, так обычно называемая Кедрон, разделена феллахами Силоама на три части, а среднюю часть, простирающуюся от юго—восточного угла Харама до пересечения долин немного севернее колодца Иоава, они называют *Вади Фер'аун*, или “Долина фараона”. М. Ганноу считает, что в их сознании это означает просто *Долина царя*, и эквивалентно Царскому саду.^[36] М. Ганноу мог бы сослаться в свою пользу на утверждение Иосифа Флавия о том, что пир Адонии “по Эн Рогелю” проходил возле фонтана, который находился в царском раю (или парке).^[37] Но рай или парк отличался от сада, и Иосиф Флавий использует слово “рай” не для описания царских садов, в которых был похоронен Озия, а для обозначения *кепуа*.^[38] Стоит также отметить, что если Фонтан Пресвятой Девы и находился в королевском парке, то почти наверняка за пределами города. Опять же, тот факт, что королевский парк включал в себя источник воды, делает вероятным, что шахта, связанная с ним, также находилась в королевской собственности, поскольку короли вряд ли позволили бы бесплатно пользоваться источником, который они считали своим собственным. И потом, если шахта находилась на царских землях (хотя эта часть все еще традиционно называлась Полем Фуллера), было бы естественно, что Исая обнаружил там прогуливающегося царя Ахаза.

Амос пророчествовал во дни Озии, “за два года до землетрясения” (Амос i. 1). Это землетрясение, хотя и не было замечено в истории, носило ужасный характер, и люди бежали перед ним (Зах. xiv. 5). Как рассказывает Иосиф Флавий, как раз в тот момент, когда Озия входил в Храм, здание внезапно развалилось на части; вспыхнул свет, и в тот же момент проказа бросилась в лицо царю. Холмы вокруг ощутили удар, и память о катастрофе долгое время сохранялась в виде большого фрагмента, или оползня, который, скатившись с западного холма, остановился у подножия восточного холма и там перекрыл не только дороги, но и райские кущи королей. Джозефус говорит, что это произошло в месте под названием Эроге, и дин Стэнли уверен, что он имеет в виду Эн Рогель;^[39] но здесь снова необходимо заметить, что речь идет о королевских райских кущах, а не о королевских садах.

Совершенно ясно, что царские сады находились рядом с Воротами между двумя стенами, как упоминается в рассказе о бегстве Седекии; и кажется несомненным, что Ворота между двумя стенами находились в Тиропоне.

7. Осады Иерусалима, понятные по топографии.— Захват Иерусалима Давидом, осаждение его Сеннахерибом и низвержение Навуходоносором уже были описаны. У меня не было бы времени вдаваться в подробности всех последовавших за этим осад; и, вероятно, для читателя

будет достаточно краткого описания двух или трех из них. Мы хотим показать, насколько яснее становится история в свете современных обзоров и исследований; и для этой цели достаточно нескольких примеров.

Иерусалим с трех сторон был защищен глубокими ущельями, и враг, взглянув вверх, видел вершину каждого холма, увенчанного высокими стенами. Сначала он мог бы вообразить, что в долину Тиропон можно попасть с юга, поскольку плотина или поперечная стена располагалась ниже, чем стены, которые она соединяла вместе; но, без сомнения, плотина или стена были построены прочно. Даже если бы он смог проникнуть внутрь, впереди была Дамба, а по обе стороны - стены, и он оказался бы только в том, что Иосиф Флавий называет укрепленным рвом. Нападавшие на Иерусалим, которые, несомненно, знали свое дело, всегда предпочитали атаковать его с возвышенностей на севере и северо-западе. Таким образом, королевский дворец на Офеле был едва ли не последним местом, до которого враг мог добраться, и то только после того, как он проломил две или три стены.

Когда Помпей выступил против Иерусалима (64 г. до н.э.), население разделилось. Отряд Гиркана открыл ему ворота, но отряд Аристобула отступил к Храму, разрушив мост, сообщавшийся с городом. Возможно, это была арка на месте нынешней Арки Вильсона. Помпей, отправив гарнизон в сам город, осадил Храм, намереваясь напасть на него с севера. Он “засыпал ров с северной стороны Храма”. Это будет искусственная выемка в северо-западном углу. Он также засыпал долину, сообщает нам Иосиф Флавий (“Войны”, i, 7, 3): “и действительно, засыпать ту долину было трудно из-за ее огромной глубины, тем более что евреи использовали все возможные средства, чтобы отбросить их от их превосходящего положения”. Это долина, которую обнаружил Уоррен, пересекающая нынешний район Харам, отходящая от северной стороны платформы на глубину 200 футов и переходящая в Кедрон к северу от Золотых ворот. Вероятно, в это время он был заполнен лишь частично. Затем Помпей возвел башни на берегу, который сам построил, и привел в действие орудия; но только на третий месяц осады он стал хозяином Храма.

В 37 году до н.э. Ирод, как и все предыдущие военачальники, разбил свой лагерь на северной стороне (Иосиф Флавий, Войны, i. 17, 9). Евреи в этой войне соорудили мины — возможно, в земле, заложенной Помпеем — и застали римлян врасплох внезапными вылазками снизу. Но первая стена была взята за сорок дней (Антик. xiv. 16, 2. Это, конечно, была стена, известная нам как вторая), и, когда Нижний город был таким образом взят, евреи удалились в Верхний город и в Храм. Верхний город был взят штурмом еще через пятнадцать дней. Но здесь разрушения прекратились. Ирод собирался править в Иерусалиме и не хотел причинять больше ущерба, чем было неизбежно при взятии города. Он пытался спасти Храм, но сгорели только некоторые из прилегающих к нему монастырей.

Впоследствии, чтобы снискать расположение евреев, Ирод перестроил Храм и расширил его территорию. Казалось бы, дворец Соломона был разрушен военачальниками Навуходоносора и никогда не восстанавливался. Собственный дворец Ирода находился в Верхнем городе. Территория, ранее занимаемая дворцом Соломона, теперь была отнесена к территории Храма, юго-западный угол был поднят с низкого уровня и также пристроен; и вдоль этого южного фасада был построен царский монастырь высотой 100 футов. Чтобы подойти к этому монастырю с запада, была возведена Арка Робинсона, и если с западного холма не было виадука, то должна была быть лестница, по которой можно было подняться из долины. С северной стороны

также была расширена территория Храма за счет насыпи земли, которую Помпей поднял на более высокий уровень. Барис, или замок, в котором жил Неемия, был реконструирован и укреплен, переименован в Антонию и соединен с Храмом.

В другом квартале Ирод очень сильно укрепил город. Читатель, наверное, заметил, что, хотя нападавшие обычно атаквали северную стену и брали Нижний город в качестве предварительной меры перед нападением на Верхний город, все же было одно место, откуда к Верхнему Городу можно было сразу подойти снаружи. Это было у Ворот Долины и объяснялось тем фактом, что вторая стена начиналась от ворот Генната и шла на север, в то время как стена Верхнего города была продолжена на запад. Ирод решил укрепить эту часть города еще больше, потому что в этой части находился его собственный дворец; поэтому он построил три мощные башни, которые назвал Гиппик, Фазаил и Мариамна. Гиппикус находился под внешним углом; его основание сохранилось и является фундаментом северо-западной башни нынешней цитадели, которая имеет площадь 45 квадратных футов. Фазаил остается и является единственным заметным объектом по правую руку, когда путешественник въезжает в Яффские ворота. Он имеет размеры 70 на 56 футов и цельный до высоты 60 футов; камни скошены, как те, что окружают Харам, и, похоже, их никогда не трогали. Местоположение Мариамне менее точно, но оно, вероятно, соответствовало третьей башне, которую мы видим отмеченной почти на каждом плане так называемого замка Давида.

Иерусалим времен Ирода был Иерусалимом, который был знаком Иисусу Христу.

В 43 году нашей эры Агриппа построил третью стену, чтобы окружить пригородные жилища, возникшие на севере. Эта третья стена начиналась у башни Гиппикус, шла на север и имела башню под названием Псефинус в ее северо-западном углу, затем проходила на восток “напротив” памятников Елены, царицы Адиабены (так называемые “Гробницы царей”, в полумиле отсюда, на большой северной дороге), затем проходила мимо пещер царей, поворачивала на юг у башни в северо-восточном углу и, наконец, соединялась со старой стеной в долине, “называемой Долиной Кедрон” (Иосиф Флавий, Войны, ст. 4, 2). “Город никак нельзя было бы взять, если бы эта стена была закончена так, как она была начата”. Но Агриппа “перестал строить его, когда только заложил фундамент, из-за страха, который он испытывал перед Клавдием Цезарем”. Стена имела ширину 10 локтей, а затем была поднята на высоту 20 локтей, над которой были зубчатые стены и башенки. По ходу третьей стены, согласно Иосифу Флавию, было девяносто башен по сравнению с шестьюдесятью в первой; а вся окружность города составляла 33 фарлонга. Он также говорит, что девяносто башен находились на расстоянии 200 локтей друг от друга; но это сделало бы одну только третью стену длиной более 5 миль, и поэтому мы заключаем, что в текст вкралась какая-то ошибка. Поэтому мы рискуем принять нынешнюю северную стену города за стену Агриппы, несмотря на то, что тогда вся окружность была бы меньше 33 фарлонгов. Кажется, нет достаточных доказательств для выхода за пределы нынешней стены. Это стена, которая начинается у башни Гиппикус, у Яффских ворот. На расположение большой угловой башни Псефинус, по-видимому, указывает разрушенный замок под названием *Калат Джалуд* (Замок гиганта), расположенный как раз в пределах нынешнего северо-западного угла. Дамасские ворота находятся “напротив” так называемых Царских гробниц, поскольку зритель, стоящий у Гробниц, смотрел бы сверху вниз прямо на эти ворота. “Царские пещеры” мы можем отождествить с Хлопковой пещерой, карьером, откуда иудейские цари добывали камень для великих зданий города. Вход в них находится на склоне обрывистой скалы, примерно в 300 футах к востоку от Дамасских ворот, а

городская стена проходит прямо поперек входа. В северо-восточном углу нынешней стены мы находим башню, которую Иосиф Флавий относит к этому месту - “самые колоссальные руины после тех, что находятся в северо-западном углу”. Траншея, вырубленная в скале у подножия восточной стены, здесь отклоняется, огибает угол и уходит на запад; она не идет дальше на север, как мы могли бы ожидать, если бы стена когда-либо простиралась дальше на север. А затем стена от северо-восточного угла направляется на юг и соединяется со стеной Харама, причем перекресток находится не под северо-восточным углом Харама, а гораздо ближе к Золотым Воротам, в глубокой долине, которую Помпей начал засыпать. Мы должны иметь в виду, что эта третья стена была построена до осады Иерусалима Титом, в 70 году нашей эры.

Тит начал с того, что окружил город с севера и запада. Место, которое он выбрал для своей попытки штурма внешней стены, находилось к западу от Пруда Езекии, потому что там стена Верхнего города не была прикрыта второй стеной, и он думал захватить третью стену, а затем сразу же атаковать первую.

Когда Тит взял внешнюю стену, он расположился лагерем в северо-западной части города между второй и третьей стенами; и в то же время расширил свою линию от “Лагеря ассирийцев” до долины Кедрон. Его попытка штурмовать Верхний город по открытой части стены провалилась из-за прочности башен Ирода. Затем он предпринял попытку взобраться на Храмовую платформу с севера, но потерпел неудачу, потому что долина там была глубокой, а Храм сильно укреплен. Когда он брал Стену Агриппы, он надеялся напасть на Антонию с севера, не захватывая вторую стену; но теперь ему казалось, что лучше всего атаковать этот замок с запада. Эти соображения побудили его атаковать вторую стену. После некоторых усилий была пробита брешь, и римляне вошли в средний город. Однажды евреи изгнали их, и какое-то время их не пускали; но постепенно они снова проникли внутрь, а затем, умудренные опытом, разрушили вторую стену, или ее северную часть, и таким образом смогли удержаться на своих местах.

Теперь Антония подверглась нападению с западной стороны; но дело было трудное, и борьба была долгой. Курганы, насыпанные римлянами, были подрывы евреями и уничтожены. Однако шахты ослабили внешнюю стену замка, и она тоже рухнула. Римляне были полны надежды; но евреи предвидели это событие и взобрались на другую стену позади. Мужество римлян угасло при виде этой второй стены. Но через несколько дней они неожиданно взобрались на него ночью и в то же время проникли в Антонию через шахту под стеной. Евреи в панике бросились в Храм, где они могли защищаться, как в крепости. Но теперь бои происходили ежедневно, пока, наконец, северные монастыри Храма не были сожжены дотла, внутренний Храм подвергся нападению, и в конце концов все здание не превратилось в пепел.

Теперь евреи были переполнены в Верхнем городе и ограничены им. Титус провел с ними переговоры на мосту над Ксисом, то есть у арки Уилсона, предложив им свои условия. Но они отклонили его условия, и поэтому осаду пришлось продолжать. Квартал Офель был теперь разграблен и сожжен, а затем были предприняты грандиозные усилия против Верхнего города. Были возведены насыпи, и штурм велся одновременно с нескольких точек — на западе, у дворца Ирода, в северо-западной части города, немного восточнее башни Фазела, и на северо-востоке у Ксиса, который простирался от арки Уилсона на юг. Крепкий город, наконец, пал, и его стены и здания были разрушены до основания.

Мы знаем, что он восстал из пепла, и с тех пор у него была богатая событиями история; но в наши намерения не входит дальше следить за его судьбой.

Пытаясь понять описания, данные Иосифом Флавием, писатели были сильно озадачены его упоминанием оврага, “называемого Кедронским ущельем”. Это не могла быть сама Кедронская долина, иначе о ней вряд ли говорили бы в таком ключе; кроме того, нам говорят, что восточная часть стены Агриппы соединялась со старой стеной в ущелье под названием Кедрон. Это было бы слишком неопределенным обозначением места, если бы стена и овраг шли параллельно друг другу. Более того, северо-восточный угол Храмовых галерей был построен над указанным оврагом, и глубина его была ужасающей (Войны, vi. 3, 2). Глубина была ужасающей под углом, а не с восточной стороны. Правильного понимания этих ссылок не могло быть до тех пор, пока труды сэра Чарльза Уоррена не показали, что Харам пересекает глубокая долина к северу от Золотых ворот и внутри нее находится Биркет Исраил. Для Иосифа Флавия это был всего лишь “так называемый овраг”, потому что западная часть была засыпана Помпеем, а восточное устье было перерезано Стеной Агриппы. Открытие Уорреном этого оврага и демонстрация его глубины являются великолепным примером ценности земляных работ в вопросах топографии Иерусалима.

[*Авторитеты и источники:* —Труды Иосифа Флавия. “Осада Иерусалима”. Томас Левин. “Иерусалим, набросок”. Томас Левин.]

ГЛАВА IV. ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ.

1. *Христос в провинции.*

Во времена Нового Завета Палестина была римской провинцией, и ее деление больше не было племенным. К востоку от Иордании находились районы Переа Батанея, Трахонитис, Ауранитис, Панеас и Гаулонитис. Однако в этой главе мы имеем дело главным образом с Западной Палестиной. С этой стороны центральное положение занимала Самария, к северу от нее располагалась Галилея, к югу - Иудея, а на крайнем юге - Идумея.

Самаряне не были чистокровными евреями по крови и не были чисто иудеями по своему богослужению. Когда десять колен Израилевых были разгромлены, а их основные семьи уведены в плен, ассирийские завоеватели привезли людей из Куты, Сефарваима и других мест на дальнем востоке и поселили их в Самарии. Сами принадлежа к разным национальностям, эти люди вступали в браки с более бедными евреями, которые остались позади, и поэтому их потомки были смешанной крови. Естественно также, что поначалу имела место некоторая примесь религиозных верований и обычаев и некоторое смешение диалектов (2 Царств, xvii в.).

Но в конце концов различные слои населения объединились, и самаритяне осели как единый народ, говорящий на языке, близком к языку евреев, и принимающий Книги Моисея в качестве

своего руководства. Но они отвергли все более поздние книги, за исключением Иисуса Навина, и утверждали, что гора Гаризим была местом, где всегда предполагалось построить Храм Иеговы. Во времена Ездры и Неемии самаритянам было отказано в сотрудничестве в восстановлении Иерусалима и Храма, и ни в какой более поздний период евреи не соглашались на дружеские отношения с самаритянами.

Неемия видел зло, проистекающее из смешанных браков, и пагубное влияние иностранных купцов в Иерусалиме. В более поздние времена, когда греческая литература и греческие нравы распространились по Сирии, наиболее ревностные из евреев серьезно боролись против порочащих нововведений. День, когда Семьдесят старейшин перевели Закон на греческий для царя Птолемея, был объявлен проклятым — злым днем, подобным тому, когда Израиль сотворил для себя золотого тельца. Патриотическая борьба маккавеев была направлена на то, чтобы избавиться от иностранного влияния и отделить избранный Богом народ. Фарисеи были партией, которая своим названием заявляла, что она “отделилась”, и ставила своей целью противодействовать малейшему отступлению от требований еврейского закона. Их идеи и догматы стали общепринятыми евреями Иудеи; и поэтому во времена Христа Иерусалим был центром исключительности, фанатизма и церемониализма.

Евреи Галилеи, отрезанные от своих южных братьев вмешательством Самарии, редко могли посещать Иерусалимский храм; они мало видели жертвоприношения быков и козлов и научились молиться в синагогах более простым способом. Они поддерживали контакты с северными народами, заключили союз с Финикией и вели дела с людьми многих национальностей в рыбацких городках Тивериадского озера. Возможно, что из-за их общения с иностранцами часть их округа была названа “Галилеей язычников”; и они, по-видимому, настолько изменились в своем диалекте или произношении, что, когда человек из Галилеи открывал рот в Иерусалиме, его речь выдавала его. Галилеяне извлекали по крайней мере одно преимущество из общения с иностранцами; это делало их менее замкнутыми и в какой-то степени готовило к религии, которая должна была быть обращена как к евреям, так и к язычникам. Иисус Христос, когда он начал свое служение, не обращался к толпе в Иерусалиме и не искал учеников среди книжников и фарисеев, но приходил в города Галилеи и призывал рыбаков прекратить их скромное занятие.

Пророчество Михея побудило евреев смотреть на Вифлеем-Ефрафу как на место рождения Мессии; и было выдвинуто возражение против заявлений Иисуса из Назарета о том, что его дом находился в Галилее.

Вифлеем - вытянутый белый город на горном хребте, с террасами оливковых рощ, на расстоянии 6 миль от Иерусалима. Здесь, заключенная в стены греческого монастыря, находится почтенная церковь Рождества Христова, ныне разделенная между греческими, латинскими и армянскими монахами, которые по необходимости живут вместе в разных помещениях монастыря. Церковь, построенная Еленой, матерью Константина, является одной из старейших в мире; а пещера под ней под хорами - традиционная пещера Рождества Христова. Об этом упоминает Юстин Мученик во втором веке; а Ориген в четвертом говорит, что “в Вифлееме показана пещера, где Он родился, и ясли в пещере”. Это единственное священное место, насколько я знаю (говорит Кондер), которое упоминается до установления христианства Константином; однако примечательно, что Иероним обнаружил, что оно больше не принадлежит христианам.

“Вифлеем, - говорит он, - теперь осенен рощей Таммуза, который есть Адонис; и в пещере, где Христос плакал младенцем, теперь оплакивают возлюбленного Венеры”.

Мистер Бартлетт в своих “Прогулках по Иерусалиму” считает, что идентификация этого места противоречит вероятности, поскольку, хотя иногда может случиться, что пещеры в Палестине используются как конюшни, эта пещера находится глубже под землей, чем было бы удобно для такой цели. Если мы примем во внимание, кроме того, тенденцию монахов фиксировать сцены замечательных библейских событий в гротах, возможно, из-за впечатляющей таких мест, предположение против этого места кажется почти убедительным.

Исследование Палестины вряд ли могло пролить какой-либо свет на этот вопрос, который скорее должен быть прояснен путем изучения причин, приведших к путанице между традициями, касающимися Христа, и легендами, рассказываемыми о Таммузе.

Жители Вифлеема лучше питаются, лучше одеты, богаче во многих отношениях, чем жители других маленьких городов Палестины. Женщины замечательны своей красотой, и они носят своеобразный головной убор, украшенный рядами серебряных монет. Считается, что во времена крестовых походов между европейцами и женщинами Вифлеема заключалось много смешанных браков. Сейчас население в основном христианское.

Если мы попытаемся проследить за Иосифом и Марией, возвращающимися из Египта и идущими сначала дорогой в Вифлеем, но меняющими свой курс, когда они слышат, что правит Архелай, и удаляющимися в районы Галилеи (Мф. ii. 23), мы можем предположить, что они направляются к реке Иордан, переходят вброд близ Иерихона, едут по восточной стороне и таким образом избегают Самарии, а затем, повторно перейдя вброд близ Вифлеема, направляются в Назарет.

Назарет, город, в котором вырос Иисус, в настоящее время также не имеет еврейских жителей; население составляет около шести тысяч человек, из которых одна треть - мусульмане, в то время как две трети - христиане латинской, греческой и других церквей. К сожалению, они носят злой характер из-за своей буйности.

В Назарете нам показывают то, что считается мастерской плотника Иосифа, но мы знаем, что это современное сооружение - латинская часовня, построенная только в 1859 году. Нас просят взглянуть на *Менса Кристи*, каменную глыбу грубо овальной формы, 10 футов в поперечнике и 3 фута высотой, в церкви, построенной в 1861 году, но у нас нет уверенности, что Иисус и его ученики использовали ее в качестве стола. Более весомым доказательством является дом, в котором жило Святое семейство, или то, что от него осталось, поскольку легенда гласит, что верхний этаж или внешняя комната была унесена ангелами по воздуху и после долгих странствий была установлена на поросшей лесом вершине холма Лоретто в Италии. Это вырубленный в скале грот под главным алтарем латинской церкви. Разделяющая стена образует в нем две камеры, внешняя из которых называется Гротом Благовещения, а внутренняя - гротом святого Иосифа. Считается, что древко колонны из красного гранита, проходящей через крышу, чудесным образом подвешено над тем самым местом, где стоял ангел Гавриил, чтобы передать свое послание. Из внутренней комнаты — комнаты святого Иосифа — узкий проход с семнадцатью ступенями ведет наискось в самую дальнюю часть пещеры, помещение неправильной формы, традиционно считавшееся кухней Пресвятой Девы.

Покидая эти места, мы спрашиваем о той синагоге, в которой Иисус получал наставления в юности и “встал читать” по памяtnому случаю после того, как стал общественным учителем. Но в Назарете нет евреев, и поэтому сейчас нет необходимости в синагоге. Греко-католики, действительно, говорят нам, что их часовня на главной улице находится на самом месте синагоги; но мы не находим никаких остатков синагогальной архитектуры. Нам приходит в голову, что, во всяком случае, есть одно место, черты которого вряд ли могли быть уничтожены или изменены, а именно “выступ холма, на котором стоял город”, и с которого назаряне намеревались низвергнуть великого Учителя после той сцены в синагоге. Но когда нас проводят к “выступу”, хотя мы видим перед собой устрашающий спуск высотой около 1000 футов, который старый Мондевиль называет “Прыжком Господним”, мы замечаем, что он находится в 2 милях от города; и мы не можем понять, как это может быть выступ холма, на котором стоял город.

Способны ли наши исследователи что-либо сделать для нас в условиях общей неопределенности? Да, немного, потому что это люди, которые используют свои глаза, и они указывают на то, что высоко над нынешним городом находятся многочисленные старые цистерны и гробницы. Водоемы, несомненно, находились в непосредственной близости от жилищ людей, следовательно, древний Назарет должен был стоять выше по склону; и поэтому “выступом холма”, вероятно, был один из утесов, возвышающихся сейчас над городом.

Кондер также указывает, что фонтан Богородицы в Назарете, также называемый фонтаном Благовещения, должен быть одним из наиболее точно идентифицируемых мест. В городе всего один источник, и Мария обязательно должна была черпать воду из него, как и другие женщины. Греки построили на этом месте свою церковь и заявляют, что это место празднования Благовещения. Их церковь посвящена святому Гавриилу, и даже латиноамериканцы признают, что она стоит на том месте, где впервые стал виден ангел. “Как в восьмом веке, так и сейчас источник находится под полом церкви, которая сама наполовину подземная. Воду отводят слева от главного алтаря, мимо устья колодца, по которому ее забирают для паломников, и, таким образом, по каналу к каменному фонтану, где она выходит через металлические желоба под сводчатым углублением, достаточно широким, чтобы пятнадцать женщин могли стоять бок о бок. Внизу, у желоба, образовался пруд, и здесь можно целый день наблюдать постоянную череду назаретянок, наполняющих свои большие глиняные кувшины, стоящих по щиколотку в воде, в своих мешковатых брюках в розовую или зеленую полоску, заправленных между колен; их головы покрыты, у мусульман - шиной в форме луны, у христианок - пестрым платком или волосами, заплетенными в длинные хвосты. Негритянки в синем то тут, то там смешиваются с толпой, которая болтает, кричит, сплетничает, а иногда и дерется.

“Жители города примечательны веселой расцветкой своих платьев, а христианки - своей красотой. Много очаровательных красок, много стройных фигур, подчеркнутых живописными костюмами, много темных глаз и румяных щек я видел на улицах или весной. Эта красота присуща христианам Вифлеема и Назарета”.

Иисус жил в Назарете до тех пор, пока не пришло время приступить к своей общественной работе. Непосредственным поводом, вызвавшим его из плотницкой мастерской, было известие о том, что Иоанн Креститель начал проповедовать в Иудейской пустыне. Работа исследователей Палестины пролила важный свет на движения и миссионерскую деятельность Иоанна Крестителя.

Иоанн, по-видимому, начал свою общественную деятельность у великого брода Иордана близ Иерихона; и туда вышли к нему Иерусалим и вся Иудея креститься. Иордан в этой части представляет собой коричневый, быстрый бурлящий ручей около 20 ярдов в поперечнике, окаймленный джунглями из тамариска, тростника и ивы, в которых леопард и волк находят укрытие. Традиция, согласно которой Иисус был крещен здесь, по крайней мере, датируется четвертым веком; греческая и латинская церкви согласны в этом отношении, и в наши дни паломники из всех церквей прибегают к этому месту, чтобы искупаться в священных водах.

Наши исследователи не видят причин сомневаться в этой традиции, и им удалось устранить трудность, которая действительно существовала. В четвертом Евангелии (Иоанна i. 28) говорится, что Иоанн крестил в Вифаваре за Иорданом, когда к нему пришел Иисус; что Креститель свидетельствовал о Христе в течение двух дней, а на третий день Иисус намеревался отправиться в Галилею и присутствовал в Кане на брачном пиру. Враждебные критики четвертого Евангелия, взяв за основу традиционную сцену крещения Иоанна близ Иерихона— где на картах обычно обозначалась Вифабара, утверждали, что Иисусу предстояло преодолеть 80 миль за один день, чтобы достичь Каны Галилейской, и что этот подвиг, конечно, невозможен. Но на самом деле нет никаких утверждений о том, что это было сделано или предпринято. Это всего лишь традиция четвертого века, которая относит Бетабару так далеко к югу или говорит, что Иисус был крещен в Бетабаре. Местоположение недалеко от Верхней Галилеи больше подходило бы для повествования как место расположения Вифабары. Теперь геодезисты в ходе своей работы отметили все броды через Иордан и собрали все названия. Следующей зимой, когда майор Кондер просматривал список, чтобы составить указатель, его поразило присутствие слова *Абара*. Он сразу понял, что домом или станцией в этом месте должна быть Бет-Абара, которая, таким образом, была обнаружена невольно. Он посмотрел на карту и обнаружил, что это один из главных бродов Иордана, как раз над тем местом, где река Джалуд, текущая по долине Изрееля и мимо Бейсана, впадает в Иордан. Расстояние оттуда до Каны составит всего 22 мили. В четвертом Евангелии не говорится, что Иисус был крещен в Вифаваре, и поэтому это новое открытие не нарушает ту часть традиции, которая фиксирует крещение близ Иерихона. Иисус, приняв крещение, удалился в пустыню, а когда он вернулся в мир, то обнаружил, что Иоанн удалился на более северную станцию, и туда он последовал за ним. Поскольку Иисус начал набирать учеников в Вифаваре, события Иоанна i, должно быть, произошли после Искушения, и поэтому они действительно вписаны в Евангельские гармонии (см. “Библейский словарь” Смита, стр. 721).

Исправленная версия гласит “Вифания за Иорданом”, вместо “Вифабара”, и это прочтение древнейших рукописей. Напрасно предполагать какую-либо путаницу с Вифанией близ Иерусалима. “Батания” была хорошо известной формой (использовавшейся во времена Христа) старого названия Васан, округа в Перее или страны за Иорданом; и, возможно, как предполагает Кондер, первоначальное прочтение было “Вифабара в Вифании за Иорданом”. Мы также должны согласиться с ним, что такое отождествление Вифабары является одним из наиболее ценных открытий, сделанных в результате исследования.

То, что Иоанн Креститель действительно переезжал с одной станции на другую во исполнение своей миссии, еще раз подтверждается утверждением, что после этих событий Иоанн крестил в Эноне, недалеко от Салима, потому что там было много воды (Иоанна iii. 23). Где был Энон? Раньше предполагалось, что это, конечно, было недалеко от Иудейской пустыни, где Иоанн впервые проповедовал. Но, конечно, было бы излишне говорить нам, что в Иордане было

достаточно воды для крещения, тогда как если бы изобилие воды можно было найти где-нибудь еще в Палестине, это было бы несколько примечательно. Сейчас такое изобилие встречается почти в самом сердце Самарии. Путешественник, который проезжает через город Самария, проезжая мимо Гевала, или который следует по каменистой дороге в великолепном ущелье к востоку от той же горы, обнаруживает, что постепенно спускается к источникам, которые находятся в начале великой долины *Фарах*, открытой дороги из Сихема к *Дамиеху* через Иордан. Именно вверх по этой долине Иаков гнал свои стада из Сокхофа в Шалем близ Сихема. Именно по берегам ручья были разбросаны "одежды и сосуды" воинства Бенхадада вплоть до Иордана. Именно здесь израильтяне, вернувшись из плена (согласно самаритянам), очистились перед тем, как отправиться в Гаризим строить храм. Но это место представляет еще больший интерес как вероятное место "Энона близ Салима", где Иоанн крестил и где между учениками Иоанна и евреем возник вопрос об очищении (Иоанна ii. 25). Фраза "много воды" вполне может быть переведена как "много вод" или "много источников", и здесь, в открытой долине, находятся источники. Вода бьет ключом по каменистому ложу и быстро стекает вниз мелким ручейком. Источник воды постоянный, и по дну долины протекает непрерывная череда небольших родников, так что течение становится главным западным притоком Иордана к югу от долины Изреель. Примерно в 4 милях к северу от хед-Спрингс находится деревня под названием *Айнун*, и примерно в 3 милях к югу еще одна деревня под названием *Салем*. Итак, здесь мы имеем "Энон близ Салима", а между двумя деревнями - два главных условия для крещения множества людей, а именно открытое пространство, на котором толпа могла бы стоять, и обилие воды. Действительно, есть другие места под названием Салим, разбросанные по всей стране, но ни в одном из них поблизости нет Энона; и есть еще одно место под названием Энон, но поблизости от него нет Салима, кроме того, оно находится недалеко от Хеврона, в районе, о котором не может быть и речи.

Таким образом, получается, что Иоанн начал крестить в первую очередь близ Иерихона и обратился со своим призывом к Иерусалиму и всей Иудее; затем, вспомнив о другой значительной части евреев в Галилее, он переехал в Вифавару на севере; и далее, поскольку реформированная религия предназначалась не только для евреев, он вошел в саму Самарию и крестил в Эноне.

У истоков Энона мы находимся всего примерно в 5 милях от колодца Иакова. Кондер и другие считают, что личность Иакова не подлежит сомнению, потому что иудейская и самаритянская традиции, христианская и мусульманская - все они сходятся на этом. Эта идентичность дополнительно подтверждается близостью могилы Иосифа, примерно в 600 ярдах к северу от нее, могилы, почитаемой членами каждой религиозной общины в Палестине. Христианская церковь была построена вокруг дома Иакова задолго до 383 года н.э. и разрушена перед началом крестовых походов, сохранился только склеп. Руины засыпали колодец и полностью скрыли его несколько лет назад, но капитан Андерсон из Фонда исследования Палестины убрал их и спустился по веревке. Арабы позволили веревке закрутиться и соскользнуть, так что Андерсон впал в обморок, от которого его разбудил шок от удара о дно. Он измерил колодец и обнаружил, что он 7 с половиной футов в диаметре и 75 футов глубиной. В древности она, должно быть, была глубже, потому что некоторые руины провалились в нее, и каждый проходящий мимо путешественник бросает туда камень, чтобы услышать, как он упадет. Возникает вопрос, зачем вообще нужен какой-либо колодец в этом месте, учитывая, что долина (между Эбалом и Гаризимом) изобилует ручьями, а один ручей протекает всего в 100 ярдах от самого колодца? Данный ответ заключается в том, что человек, выкопавший колодец, не имел

права пользоваться ручьями; он был чужаком на этой земле и чувствовал потребность в запасе воды на своей собственной территории.

Колодец Иакова - одно из немногих мест, несомненно, освященных стопами Христа. Когда фарисеи слышали, что Иисус крестит больше учеников, чем Иоанн, Иисус покинул Иудею и отправился в Галилею, “и ему нужно было пройти через Самарию. Итак, он приходит в город Самарии, называемый Сихарь, недалеко от участка земли, который Иаков дал своему сыну Иосифу, и там был Колодец Иакова. Итак, Иисус, утомленный своим путешествием, сидел так у колодца. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии зачерпнуть воды” и проч. (Иоанна iv. 1-7). Мы предполагаем, что эта женщина была родом из Сихаря; но между Сихаром и Сихемом возникла необъяснимая путаница. Если бы женщина приехала из Сихема, ей пришлось бы нести свой кувшин полторы мили к колодцу, переходя по пути обильные ручьи — очевидно, ненужная проблема. Но ранние христиане располагали Сихар в миле к востоку от Сихема, и наши исследователи согласны с каноником Уильямсом и другими в отождествлении его с деревней Аскар, которая находится в пределах видимости от колодца, примерно в полумиле от него, на склоне Гевала. И все же крестоносцы перепутали Сихар с Сихемом, введя в заблуждение всех, кто пришел после; ошибка сохранилась до нашего времени и вновь появляется даже в тщательно написанных книгах.

Возникает вопрос, зачем Иисусу в данном случае понадобилось проходить через Самарию? Обычно отвечали, что это произошло потому, что Самария лежала прямо на его пути из Иудеи в Галилею. Но это не удовлетворяет нас, когда мы знаем, что часто приходилось пересекать Иордан и путешествовать восточным маршрутом, потому что евреи не имели дел с самаритянами. Однажды я очень внимательно читал Евангелие от Святого Иоанна, чтобы сравнить записи с другом, и меня поразил смысл, заключенный в выражении Христа: “Один сеет, а другой жнет”. Иисус говорит своим ученикам: “Не говорите, что еще есть четыре месяца, а потом наступит жатва”. Мы полагаем, что он указывает на богатое кукурузное поле, где долина переходит в равнину *Мухна*; он замечает, что кукуруза еще не созрела, и жатва не наступит. И все же он говорит: “Смотрите! Поднимите ваши глаза и посмотрите на поля, они уже побелели для жатвы. Тот, кто жнет, получает вознаграждение и собирает плоды для жизни вечной”. Теперь Он имеет в виду духовную жатву: люди стекаются из города, чтобы послушать его учение, они благосклонно настроены и готовы обратиться. Итак, почему они должны быть так готовы слушать, учитывая, что евреи не имели никаких дел с самаритянами? Сам Христос дает ответ, когда говорит: “Истинно изречение: "Один сеет, а другой жнет. Я послал вас пожать то, над чем вы не трудились; трудились другие, и вы приступили к их труду”. "Он не может иметь в виду, что своей проповедью сейчас сеет семена для своих учеников, чтобы со временем собрать жатву обращений, ибо он говорит: “Поля уже побелели для жатвы. Подними свои глаза и посмотри!” Он признает истину о том, что посев и жатва разделены промежутком времени, хотя во время Сбора урожая дома сеятель и жнец могут радоваться вместе, как те, кто трудился в разное время года для достижения одного и того же результата. Следовательно, какой-то Учитель сеял семя среди этих самаритян до того, как Христос пришел к колодцу Иакова; и кто же это, вероятно, был, как не Иоанн Предтеча, когда он проповедовал в Эноне, а жители Сихаря ходили креститься во “многих водах”? В свете этого прочтения мы можем понять, как женщина из Самарии так быстро осознала тот факт, что незнакомец-еврей у колодца - это Христос, который, по словам Иоанна, должен был прийти за ним. Если мы прочтем эту главу еще раз, то увидим, как именно благодаря крещению Иоанна в Эноне возникли обстоятельства, побудившие Иисуса принять решение пройти через Самарию.

Когда Иоанн был еще в Вифаваре, Иисус отправился в Кану Галилейскую на свадебный пир. У Каны есть два конкурирующих места: одно - руины *Канаха*, примерно в 8 милях к северу от Назарета, предполагаемого места во времена крестовых походов; другое - деревня *Кенна*, примерно в 4 милях к северо-востоку, которая была аккредитованным местом до прибытия крестоносцев. Путешественнику показывают горшки с водой в любом месте. В данном случае трудно сделать выбор между конкурирующими утверждениями, но мнение большинства авторов в пользу *Кефр-Кенны*, и наши исследователи склоняются к этому, отчасти по той причине, что он находится на большой дороге между Назаретом и Тверией.

Двигаясь на восток, в Тверию, мы видим немного в стороне от дороги по левую руку от нас холм довольно странной формы; он выглядит так, как будто это кратер вулкана, с двумя низкорослыми рогами, по одному на каждом конце. Это место называется *Рога Хаттина* и отмечено в истории как место, где крестоносцы потерпели свое последнее сокрушительное поражение от рук Саладина, великого сарацинского полководца, в 1187 году. Но это еще более интересно для нас как место, где Христос произнес Нагорную проповедь. Традиция, которая делает *Курн Хаттин* Горой Блаженств, имеет латинское происхождение и датируется не более двенадцатым или тринадцатым веком; но это место настолько хорошо приспособлено для произнесения речи перед большим количеством людей, что в данном случае мы вполне можем поверить, что оно было правильно выбрано теми, кто выбрал его первым. Когда мы находимся на месте, нам нетрудно согласовать кажущиеся противоречивыми утверждения святого Матфея, который говорит, что проповедь была произнесена на горе, и святого Марка, который говорит, что Христос сошел с горы и проповедовал на равнине. Сидя на одной из вышеупомянутых вершин или “рогов”, Иисус мог начать свою беседу со своими учениками, а когда начинала собираться большая толпа, мог спуститься к подножию вершины, все еще оставаясь на горе Хаттин.

Из Хаттина мы вскоре прибываем в Тверию, город, некогда красивый и знаменитый, но теперь печально известный грязью своих улиц и деятельностью паразитов. Арабы говорят, что царь блох держит там свой двор. Иосиф Флавий сообщает нам, что город был построен Иродом Антипой и назван в честь императора Тиберия. Таким образом, во времена Христа это был новый город, и, вероятно, сначала в нем жили только римляне, поскольку у самого Антипы там был дворец, украшенный фигурами животных, “вопреки еврейскому закону”. Более того, поскольку он был построен на месте древнего захоронения, евреи считали его загрязненным и запретным местом. Эти обстоятельства, взятые вместе, могут объяснить тот факт, что Иисус Христос, по-видимому, никогда не входил в город.

О былом величии Тверии свидетельствует протяженность стен толщиной 12 футов, которые были прослежены доктором Селой Меррилл и герром Шумахером на расстоянии 3 миль с южной стороны. В продолжение стены находится старый замок на вершине холма, на высоте 1000 футов над городом. Акведук длиной 9 миль доставлял чистую воду издалека, тогда как нынешние жители довольствуются тем, что пьют воду из озера. Осматривая город, мы замечаем некоторые следы его былого величия; здесь - великолепная глыба полированного гранита из Верхнего Египта, там - сцена охоты, вырезанная на поверхности твердой черной перемычки из базальта, помимо старых зданий, сломанных стволов и колонн, наполовину занесенных мусором.

Из Тверии мы отправляемся на север и, проехав 3 мили, достигаем Меджеля, который представляет собой Магдалу времен Христа и известен везде, где читают Новый Завет, как дом Марии Магдалины. Деревня незначительна, это всего лишь скопление хижин и лачуг; люди бедны и деградировали, а их дети полуголые. Путешественников, приближающихся к этому месту, встречают вой собак, которые выбегают, как будто хотят их сожрать.

Тверия и Меджель - единственные населенные места на озере, которые в настоящее время существуют, и посетителя поражает ощущение мертвенности и запустения. И все же озеро прекрасно, и на его берегах во времена Христа было не менее девяти городов, в то время как многочисленные деревни усеивали равнины и холмы вокруг. Вся окружающая местность была высоко возделана, а само озеро было покрыто рыбацкими лодками. Сейчас осталось не более полудюжины лодок, изготовленных в Бейруте или каком-нибудь другом портовом городе и доставляемых сюда на спинах верблюдов, но озеро по-прежнему кишит рыбой. Когда в воду наугад выстрелили из револьвера, несколько рыб были убиты и плавали на поверхности.

Озеро окружено холмами, за исключением южной оконечности, где оно соприкасается с долиной реки Иордан. Эти холмы находятся на таком расстоянии от воды, что оставляют вокруг себя полосу суши, в основном ровную, которая в некоторых местах расширяется до больших равнин, таких как Геннисарет и Батия. Меджель, о котором уже упоминалось, находится на южной оконечности очаровательной Геннисаретской равнины, от которой Иосиф Флавий приходит в экстаз из-за ее необычайно большого плодородия. Он говорит о пальмах и инжире, оливках и винограде, которые там росли, и о рыбе, которой славились его ручьи. Равнина имеет всего 3 мили в длину и 1 милю в ширину, и сейчас она выглядит запущенной; но ее можно было бы снова превратить в маленький рай, потому что почва здесь такая же плодородная, как и прежде. “Когда мы приближаемся к северной оконечности, “ говорит доктор Меррилл, - мы наблюдаем слева от нас странное зрелище. Гора, по-видимому, раскололась на части и оставила огромную пропасть, стены которой перпендикулярны и полны пещер, которые незадолго до рождения Христа были заняты разбойниками, усмирить которых Ироду Великому было очень трудно. По дну этой пропасти во времена Христа проходила главная дорога из Каны Галилейской, Назарета, Фавора и юго-западных областей к северной оконечности озера, а оттуда в Дамаск. Христос прошел бы по этому пути, спускаясь из Назарета в Капернаум”.

Вероятно, именно на Геннисаретской равнине толпа стояла на суше, пока Иисус отчаливал в лодке, чтобы освободиться от давления толпы во время обращения к ним (Марка iv. 1). В этой местности, без сомнения, также была рассказана притча о сети, брошенной в море.

Из всех девяти городов, расположенных тогда около озера, мы особенно хотели бы восстановить Капернаум и Вифсаиду. До начала Исследования нам приходилось довольствоваться расплывчатым утверждением, что Капернаум находился где-то к северу от Тверии. Теперь мы можем указать на два места и сказать, что Капернаум был одним из них, в то время как эти два места находятся всего в 2 с половиной милях друг от друга. Одним из таких мест является *Телль-Хум*, в верховьях озера, примерно в 2 милях к западу от места впадения Иордана в озеро. Здесь мы видим руины, указывающие на прежнее существование города, едва ли меньшего, чем Тверия; мы находим обычное кладбище, а в ограде - остатки синагоги. Помимо руин синагоги, аргумент в пользу этого места содержится в его названии: *Телль* означает кучу, такой, какой стало это место, а *Хум* - это сокращенная форма имени Наум. Традиция гласила, что здесь жил и умер пророк Наум, и действительно, на его могилу указывали

еще в четырнадцатом веке. Деревня Наум была бы *Кефр-Наум* на иврите; Хафарнаум, как говорит Иосиф Флавий; Капернаум, как мы его знаем. Сэр Чарльз Уилсон выступает за создание этого сайта. С другой стороны, майор Кондер выступает за *Хан-Минье*, расположенный в 2 с половиной милях от *Телль-Хума*, вдоль берега к югу и прямо в углу Геннесаретской равнины. Здесь, опять же, у нас есть свидетельства прежнего существования города, хотя развалин синагоги у нас нет. Название места и в этом случае является веским аргументом. Похоже, что евреи, которые смотрели на Капернаум как на дом Христа и штаб—квартиру его последователей, называли учеников “Сынами Капернаума”; они также прозвали их Прорицателями или Колдунами - на их языке, *Минаи*, имя, часто встречающееся в Талмуде. Таким образом, Хан-Минье, по-видимому, является городом минаев, или Колдунов, первых евреев, обратившихся в христианство; а их родным городом был Капернаум. Может показаться, что против Хан-Минье выдвинуто возражение из-за его расположения на равнине, в то время как о Капернауме сказано: “И ты, Капернаум, будешь ли ты превознесен до небес? ты сойдешь в Ад” (Мф. xi. 23). Такое выражение можно было бы истолковать с моральной точки зрения; но если понимать его буквально, то напрашивается предположение, что город находился не полностью на равнине, а раскинулся на скалистом выступе к северо-востоку. Преподобный Генри Брасс исследовал этот мыс весной 1890 года и на самой высокой части, примерно в 242 футах над озером, обнаружил “остатки укрепления — возможно, резиденции римского центуриона” (Мф. viii. 5)—и тут и там следы построек, но повсюду разбитая керамика, свидетельствующая о том, что раньше здесь жило большое население. Руины Хана на пересечении дорог, ведущих из Кесарии, Иерусалима и Переи, с великой римской дорогой, ведущей на север в Дамаск, вероятно, отмечают то самое место, где Матфей сидел при получении заказа; а отдаленные скалы у подножия утеса, по сей день излюбленного места ловли рыбы, указывают на место, куда Петр, естественно, пошел бы закидывать свой крючок (Мф. xvii. 27).”[40]

Прежде чем совсем выбросить Капернаум из головы, давайте спросим о местонахождении Вифсаиды. Это название означает “Дом рыболовства”, и записано, что Вифсаида находилась на озере, и мимо нее протекал Иордан. Прежде чем мы пойдем дальше, давайте вспомним, что произошло после кормления пяти тысяч человек.

Иисус заставил своих учеников войти в лодку и плыть впереди него на другой берег, в Вифсаиду. Это рассказ святого Марка (Марка vi. 45). Святой Иоанн, говоря о том же событии, говорит, что ученики вошли в лодку и плыли по морю в Капернаум (Иоанна vi. 17). Таким образом, может показаться, что Вифсаида и Капернаум находились в одном направлении и смотрели на озеро с того места, где ученики сели в лодку. На следующий день, когда накормленная толпа обнаружила, что Иисус и его ученики ушли, они наняли несколько небольших лодок, пришедших из Тивериады, и переправились в Капернаум, разыскивая Иисуса. У них, должно быть, были какие-то основания полагать, что он ушел в этом направлении: во всяком случае, в Капернауме, “по ту сторону моря”, они нашли его, и поэтому мы не можем сомневаться, что лодка высадила его в Капернауме или поблизости от него. Поэтому, когда два Евангелиста говорят нам, что они пришли на берег в Геннисарете и пришвартовали там лодку (Мф. xiv. 34; Мк. vi. 53), кажется очевидным, что сам Капернаум находился в земле Геннисарет, как это было бы, если бы он находился в Хан-Минье. И все же, учитывая, что ученикам было велено идти “на другую сторону, в Вифсаиду”, и, возможно, они лишь немного отклонились от курса из-за сильного шторма и высадились в Капернауме, мы вряд ли можем сомневаться, что Вифсаида была рядом. Фактически, руины в *Телль-Хуме* вполне могут указывать на место расположения

Вифсаиды, тем более что их расположение согласуется с описаниями ранних путешественников, которые помещают Вифсаиду к северо-востоку от Капернаума. Например, Виллибальд (722 г. н.э.) говорит: “И оттуда (из Тверии) они пошли вокруг моря и через деревню Магдалума в деревню Капернаум, где наш Господь воспитал дочь принца. Здесь был дом и огромная стена, которые, как сказали им местные жители, были резиденцией Зеведея и его сыновей Иоанна и Иакова. А оттуда они отправились в Вифсаиду, резиденцию Петра и Андрея, где сейчас на месте их дома стоит церковь. Они остались там на ту ночь, а на следующее утро отправились в Хоразин, где наш Господь исцелил бесноватого и послал дьявола в стадо свиней. Здесь была христианская церковь.” После этого они отправились к истокам Иордана в Баниасе.[41]

Хоразин, расположенный в 2 милях к северо-западу от *Телль-Хума*, называется *Керазе*, название, которое легко спутать с *Херсой*, в Гадаринской стране к востоку от озера; и эту ошибку, по-видимому, совершает Уиллибальд.

Много обсуждается вопрос о том, не было ли двух Вифсаид; и те, кто верит, что были, называют вторую “Вифсаида Юлия” и помещают ее на восточном берегу Иордана, недалеко от северной оконечности озера. Иосиф Флавий говорит, что Вифсаида была деревней, возведенной в достоинство города Филиппом тетрархом, который перестроил ее и изменил название на Юлия в честь дочери императора. Филипп построил там себе гробницу и был похоронен там.

Вопрос между *Телль-Хумом* и *Хан-Минье* о местонахождении Капернаума частично касался наличия руин синагоги на первом месте и их отсутствия на втором. Но это может иметь мало общего с решением, поскольку лучшие судьи считают, что синагоги датируются только вторым веком нашей эры.

Тем не менее, существование руин синагог в Галилее является очень интересным фактом; и вполне вероятно, что те, что были возведены во втором веке, были построены по образцу тех, что им предшествовали и в которых Христос, во многих случаях, читал и учил. Руины синагоги в *Телль-Хуме* представляют собой бесформенную груду, но камни были тщательно исследованы и измерены, и теоретически становится возможным реконструировать здание. Подобные руины найдены в семи или восьми других местах Галилеи, и некоторые из них — особенно в *Кефр-Бириме* — находятся в лучшей сохранности. (См. Фронтиспис.) Изучение показывает, что еврейские синагоги не были простыми строениями, похожими на амбары, как представляли себе некоторые люди. Здание было обращено фасадом на юг, в сторону Иерусалима, святого города. Четыре ряда колонн тянулись от одного конца до другого, разделяя здание на пять нефов. В Кефр-Бириме одна синагога была оборудована крыльцом. В здании поменьше, расположенном немного поодаль от деревни, на перекладине двери изображены два ягненка, а под ними надпись на иврите. Ренан прочитал надпись следующим образом: “Мир этому месту и всем местам Божьим. Иосиф левит, сын Левия, установил эту перемычку. Да пребудет благословение над его работой.” В руинах синагоги в *Небартейне*, к северо-востоку от *Цфата*, на перемычке главного входа находится изображение семисвечного подсвечника, подобного тем, что находятся в римских катакомбах и на скалах в пустыне Синай. Здесь, опять же, есть надпись на иврите. Во время раскопок в *синагоге* Телль-Хум была обнаружена перемычка одного из боковых входов, а на ее лицевой стороне стояла ваза — возможно, горшок с манной — и по обе стороны от нее жезл или тростинка. Вдоль изголовья расположен свиток из виноградных листьев. Размеры этой синагоги составляли 74 фута 9 дюймов на 56 футов 9 дюймов.

Материалом служил белый известняк, привезенный издалека, в то время как в Керазе использовался твердый черный базальт из окрестностей.

Как уже отмечалось, *Керазех* (Хоразин), расположенный к северо-западу от *Телль-Хум*, иногда путали с *Херсой*, которая находилась на восточной стороне озера. Херса - это Гергеса, где Христа встретили два бесноватых, вышедших из гробниц (Мф. ix. 1). Он расположен на левом берегу *Вади-Семаха*, в том месте, где холмы заканчиваются и равнина простирается к озеру. Сэр К. Уилсон придерживается мнения, что есть только одно место, где стадо свиней могло спуститься с крутизны в озеро. Это место примерно в миле к югу от Херсы, где холмы, которые повсюду на восточной стороне отступают от кромки воды на расстояние от половины до трех четвертей мили, подступают к ней на расстояние 40 футов и *там* не заканчиваются резко, а спускаются крутым, ровным склоном. Через некоторое время после обследования сэром К. Уилсоном восточное побережье было тщательно обследовано мистером Макгрегором на его каноэ, и он пришел точно к такому же выводу.

В связи с этой местностью возникла трудность из-за различных прочтений в трех Евангелиях. У Матфея говорится, что Христос пришел в страну Гергесинцев; у Луки и Иоанна - в страну Гадаринцев. Старые рукописи здесь ничем не помогают, но сходство названия Херса с названием Гергеса, как указывает доктор Томсон в "Земле и книге", является веским основанием полагать, что чтение Евангелия от Матфея правильное; и у нас также есть свидетельство Евсевия и Оригена о том, что деревня под названием Гергеса когда-то существовала на берегах озера. Возможно, это расхождение можно объяснить предположением, что Гергеса находилась под юрисдикцией Гадары. Сама Гадара, ныне *Умм-Кейс*, находится в добрых двух часах езды от озера, кроме того, здесь мы находим высеченные в скале гробницы, которые на самом деле занимали феллахи, в то время как в Херсе, похоже, таких нет. Чтобы преодолеть трудности, которые могут возникнуть из-за отсутствия гробниц в Херсе, сэр К. Уилсон предположил, что демонические, возможно, жили в надземной гробнице, подобной той, что все еще существует в *Телль-Хуме*, прямоугольном здании, способном вместить большое количество тел и которое, по-видимому, было побелено внутри и снаружи. Возможно, именно на это описание гробницы ссылается наш Господь в Евангелии от Матфея. xxiii. 27, где он сравнивает книжников и фарисеев с "белеными гробницами", прекрасными внешне, но внутри "полными костей мертвецов".

Доктор Меррилл, говоря о Хоразине, Вифсаиде, Капернауме и других местах, ныне заброшенных у Галилейского озера, отмечает, что контраст между нынешним и прежним состоянием этого региона болезнен для того, кто знает его историю. Тем не менее, он говорит: "Этот регион для меня один из самых священных и восхитительных на земле. Ни одно место, освященное людьми, не приближает меня так к Христу, как день, проведенный в прогулках и медитации на этих пустынных берегах".

"Христос также посетил Перею, страну к востоку от Иордана. Несомненно, он следовал по главной дороге к горячим источникам на реке Ярмук, а оттуда в прекрасный город Гадара, расположенный на горе над ними. Возможно, он прошел немного дальше на восток, мимо *Капитолии* и *Диума*, городов, принадлежащих Декаполису, и повернул на юг через густонаселенный регион в Геразу, откуда одним из двух ранее указанных маршрутов он вернется в долину после выполнения своей миссии. Именно в Перее "семидесяти ученикам" было поручено трудиться, и их прием и успех, должно быть, были необычными, поскольку о них

сообщается, что они "возвратились с радостью, говоря: Господи! даже бесы повинуются нам именем Твоим" (Луки х.). Связь нашего Спасителя с этим регионом открывает интересное поле для исследования. Возможно, Он предвидел, что в его богатых городах и среди множества людей его Евангелие вскоре восторжествует замечательным образом, ибо это правда, что в Васане, стране, которую мы теперь привыкли называть пустыней, христианство в первые века нашей эры имело один из своих самых важных оплотов".

Иисус Христос однажды, то ли для тишины, то ли для безопасности, удалился в пределы Тира и Сидона, и там вошел в дом, и не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом (Мк vii. 24). Аналогичная причина, возможно, побудила его посетить Кесарию Филиппову (древние Паней и Дан) в крайнем северо-восточном углу Святой Земли, где Иордан берет начало полноводным потоком под склонами Хермона. Сейчас общепризнано, что горой Преображения был Хермон, а не Фавор (Луки ix. 29). Хермон когда-то был *Шениром*, "Сияющим", название, соответствующее его снежной шапке; и некоторые авторы предполагают связь между этим и одеждой, которая стала белой и ослепительной.

По словам Кондера, еще предстоит отметить одну замечательную природную особенность Хермона, а именно чрезвычайную скорость образования облаков на вершине. Через несколько минут над вершиной горы образуется густая шапка, которая так же быстро рассеивается и полностью исчезает. В рассказах о преображении нашего Господа мы читаем, что во время пребывания в Кесарии Филипповой он удалился со своими учениками на "высокую гору в стороне", и не может быть никаких сомнений в том, что какая-то часть Хермона, и, весьма вероятно, вершина, предназначена для этого. С древнейших времен гора была священным местом; в более поздние времена она была покрыта храмами; по сей день это место уединения друзей. Этот высокий уединенный пик кажется удивительно подходящим для сцены столь важного события; и в этой связи образование облаков наиболее интересно, если мы вспомним облако, которое внезапно рассеялось, когда они не нашли "уже никого, кроме Иисуса, у себя" (Марка ix. 8).

После всего этого произошло, когда Христос и его ученики "были на пути в Иерусалим, что Он проходил посреди Самарии и Галилеи" (Луки xvii. 11). Некоторые критики цитировали этот текст как доказательство того, что святой Лука ничего не знал о стране, о которой он писал. Видя, что Галилея находится к северу от Самарии, они думают, что путешествие с севера на юг скорее следует описать как прохождение через середину Галилеи и Самарии. Более того, они указывают, что, согласно Матфею. xix. 1 и Марку х. 1, Иисус вообще не проходил через Самарию, а пересек Иордан и двинулся восточным путем. Несмотря на четкость этого обвинительного заключения, легко показать, что утверждение святого Луки может быть совершенно правильным. Иисус намеревался отправиться в Иерусалим на праздник, и поскольку он не разделял еврейского предубеждения против самаритян, он намеревался пройти через Самарию. Он послал нескольких учеников перед собой приготовить ему дорогу, и они вошли в самаритянскую деревню; но им не удалось найти пристанища, потому что целью Учителя было пройти в Иерусалим (Лк. 52). Хроническое чувство вражды между самаритянами и евреями, естественно, разгорелось еще сильнее при виде паломников, направляющихся на праздник; ибо тогда возродился вопрос, должны ли люди поклоняться в Иерусалиме или на горе Гаризим. Получив отказ в проезде через Самарию, но все еще намереваясь отправиться в Иерусалим, Иисус Христос повернул на восток и двинулся вдоль границы, которая вела прямо к Вифаварскому броду через Иордан. Путешествуя таким образом, с Самарией по правую руку от

него и Галилеей по левую, конечно, не будет неправильным сказать, что он проходил через Самарию и Галилею; или, как указано на полях Исправленной версии, он прошел между. По-видимому, в одной из пограничных деревень его встретили десять прокаженных, один из которых был самарянином (Луки хvii. 12); и где у него было бы больше шансов найти еврейских и самаритянских прокаженных в одной группе, чем на границе двух провинций? Он следует по этой линии на восток, и, соответственно, когда Матфей и Марк говорят, что он пересек Иордан и вошел в пределы Иудеи восточным путем, это полностью соответствует утверждению Луки. В качестве дальнейшего подтверждения мы читаем в Евангелии от Луки хviii. 35, а также у других евангелистов, что выбранный Иисусом путь привел его через Иерихон. Приближение к Иерусалиму из Иерихона было само собой разумеющимся для паломников из Галилеи, которые путешествовали восточным маршрутом.

Иерихонская дорога была местом действия притчи о добром самарянине. “Некий человек шел из Иерусалима в Иерихон”. Фактический спуск составит около 3000 футов; и каждое выражение такого рода в Священных Писаниях, например, “спускаться” или “подниматься”, всегда соответствует особенностям местности. Этот человек “пал среди воров”. Этот район настолько вероятен, что во времена крестоносцев девять рыцарей объединились, чтобы защитить паломников, спускающихся по этому опасному перевалу: так возник Орден рыцарей-тамплиеров. “Там проходили священник и левит”. Иерихон был жреческим городом, и священники и левиты постоянно сновали между Иерихоном и Иерусалимом. Спускаясь по Иерихонской дороге, путешественник часто имеет широкий обзор по обе стороны; но, несмотря на все это, это горный перевал, где нет пути к спасению в случае нападения; и бедавины, чьи черные палатки видны вдалеке, - именно те парни, которые сейчас напали бы на путешественника, если бы осмелились.

Дорога из Иерихона ведет нас мимо Вифании — деревни, в которой сейчас насчитывается около сорока небольших жилищ, — и через Елеонскую гору в Иерусалим.

[*Авторитетные источники:*— “Работа в палатках в Палестине”. Майор Кондер. “Галилейское море”. Сэр Чарльз Уилсон. (В т.ч. “Восстановление Иерусалима”). “К востоку от Иордании”. Доктор Села Меррилл. “Обзорные мемуары”. Том. специальных документов. “Ежеквартальные отчеты Фонда Р. Е.”. “Галилея во времена Христа”. Доктор Села Меррилл. “Двадцать один год работы на Святой Земле”. Фонд Р. Е.]

2. Христос в столице.

Иерусалим во времена Христа был городом в том виде, в каком он существовал во времена Ирода Великого. На востоке и западе она была не шире, чем сейчас; на юге она охватывала высокий юго-западный холм и значительную часть склона Офеля; на севере третья стена еще не была построена, но за второй стояли пригородные постройки. Территория храма была настолько расширена Иродом, что включала в себя все или почти все нынешнее Благородное Святилище; с запада имелись подходы, один из которых вел через Арку Робинсона. Главная улица от Ворот Долины вела на восток к Храму, проходя над Аркой Уилсона. Другая главная улица, идущая с севера на юг, проходила под аркой Уилсона и аркой Робинсона и вела к воротам в южной стене. В северо-западной части Верхнего города находился дворец Ирода с тремя мощными башнями рядом с Воротами Долины, которые защищали его. Башня Антонии находилась на месте нынешних турецких казарм, к северо-западу от Храма; и когда Понтий Пилат был губернатором, он занимал ее. К западу от города *Биркет Мамилла* существовал как

резервуар для воды, снабжавший дворец и башни; но *Биркет эс-Султан*, или так называемый Нижний бассейн Гихона, еще не был построен. Силоамский Пруд был хорошо известен, и, конечно же, исток источника, который питал его. Традиционного бассейна Бетесды не существовало, но настоящая Бетесда, ныне погребенная под руинами, имела пять веранд и пользовалась популярностью как целебный фонтан. В остальном мы можем сказать, что, хотя все долины были глубже, чем сейчас, улицы и базары, вероятно, в большинстве случаев следовали тем линиям, которые они сохранили до сих пор, и были такими же узкими, как и в настоящее время.

В Верхнем городе, называвшемся во времена Иосифа Флавия Верхней рыночной площадью, где-то должно было быть открытое пространство, фактически используемое под рынок; и здесь, как мы можем предположить, Иисус иногда учил. Сами обстоятельства этого места наводят на мысль о притче о Работниках, некоторые из которых простаивали без дела до одиннадцатого часа. Христос также учил на обширных пространствах дворов Храма (Иоанна vii. 14); и, во всяком случае, в последние дни своего служения он имел обыкновение покидать город до закрытия ворот на закате (Луки xxi. 37). Мы не можем сказать, жил ли он когда-либо в городе, но о том, что у него там не было ни дома, ни друга, в доме которого он был уверен в радушном приеме, можно, возможно, заключить из того факта, что когда он хотел отведать Пасху, ему приходилось занимать комнату для гостей (Марка xiv. 12).

Пруд Вифезды. — Нет сомнения, что когда Христос сказал слепому “Пойди, умойся в купальне Силоам”, он посылал его к тому самому бассейну, который до сих пор носит это название. В отношении пруда Вифезда, “у овечьих ворот” (Иоанна V.), не было такой же уверенности и единодушия. Традиционный бассейн занимает то, что когда-то было долиной к северу от Храма; но поскольку сама долина была там, когда Тит пытался напасть на Храм с севера, мы считаем бассейн более поздней постройкой. Две арки в западном конце его, с лестницами, которые теперь завалены мусором, - это не то же самое, что “пять подъездов”. Опять же, некоторые авторы предположили, что так называемый Источник Богородицы может быть настоящей Вифездой, потому что это источник с перебоями, и потому что современные евреи верят, что вода из этого бассейна является верным лекарством от ревматических жалоб. Они часто ходят толпами, мужчины и женщины вместе, и стоят в одежде в бассейне, ожидая, когда поднимется вода. Но источник Богородицы находится слишком далеко от Овечьих ворот, чтобы быть тем прудом, о котором говорит Евангелист.

Несколько лет назад месье Клермон Ганно указал, что пруд Вифезда следует искать недалеко от церкви Святой Анны, где по старой традиции находится дом матери Марии, называющий его *Бейт ханна*, “Дом Анны”. Это выражение в точности совпадает с *Вифездой*, оба выражения означают *Дом милосердия* или *Сострадания*.^[42] Это предположение подтвердилось; ибо в 1888 году недалеко к северо-западу от нынешней церкви Святой Анны был найден древний пруд Вифезда. Определенные работы, проводимые алжирскими монахами, обнажили большой резервуар, вырубленный в скале на глубину 30 футов, и герр Шик узнал в нем бассейн Бетесды. Он имеет 55 футов в длину с востока на запад и 12 с половиной футов в ширину. С восточного выступа скалы к бассейну ведет пролет из двадцати четырех ступеней. Герр Шик, который сразу понял большой интерес к этому открытию, вскоре обнаружил соседний бассейн, протянувшийся из конца в конец, длиной 60 футов и такой же ширины, как и первый. Первый бассейн был окружен пятью арками, в то время как вдоль бортика бассейна тянулись пять соответствующих веранд. В более поздний период крестоносцы построили церковь над

бассейном, и они, похоже, были настолько впечатлены наличием пяти арок внизу, что в подражание им сформировали свой склеп в виде пяти арок. Они оставили отверстие для спуска к воде; и далее, в качестве главного доказательства того, что они считали бассейн Вифездой, они нарисовали на стене склепа фреску, изображающую ангела, тревожащего воду в бассейне.

Все это, по—видимому, очень хорошо согласуется с тем, что Евсевий говорит в своем “Ономастиконе” о водоеме, который он называет Безата - “водоеме в Иерусалиме, который является *Piscina Probatica*, который раньше имел пять входов, а теперь там указаны два бассейна, из которых один наполняется дождями в течение года, но вода в другом имеет необычный красный оттенок, сохраняя, как говорят, следы жертв, которые некогда в нем омывались”. Здесь у нас есть овца. бассейн, в котором обычно омывались приносимые в жертву жертвы, и рядом с ним (так что они образовывали два бассейна) второй, который, должно быть, был прерывистым, что само по себе характерно для тех вод, которые в определенное время года были беспокойными.[43] Евсевий не дает ключа к пониманию ситуации с бассейнами-близнецами, но паломник из Бордо, посетивший Иерусалим в 333 году н.э., рассказав о двух больших бассейнах сбоку от Храма, по одному с каждой стороны, когда он входил в Иерусалим с восточной стороны (очевидно, у ворот Святого Стефана), ссылается на бассейны-близнецы как находящиеся в большей части города. У них “пять подъездов” (говорит он), “и называются они Вифсаида. Здесь в течение многих лет обычно исцелялись больные. Но в этих бассейнах есть вода, которая при взбалтывании приобретает какой-то красный цвет”.

В последние годы возникло предположение отождествить эти бассейны-близнецы с двумя подземными путями или туннелями, существующими под монастырем Сестер Сион в северо-западном углу района Харам, но теперь эта фантазия рассеялась. То, каким образом большинство предыдущих предположений было опровергнуто фактическим открытием пруда Вифезда, является поучительным свидетельством ценности раскопок в Иерусалиме.

Табличка из храма Ирода.—Иосиф Флавий в своих “Иудейских древностях”, [44] после описания монастырей Храма и Двора язычников, переходит к описанию внутреннего двора и средней стены перегородки, которая отделяла евреев от язычников. Он говорит: “Таким было первое ограждение; посреди которого, и недалеко от него, находилось второе, к которому нужно было подняться на несколько ступенек. Это было окружено каменной стеной в качестве перегородки с надписью, запрещающей любому иностранцу входить внутрь под страхом смерти”. Опять же, в его работе о “Войнах иудеев”, [45]— “Когда вы проходите через эти первые галереи во второй двор Храма, там была перегородка, сделанная из камня со всех сторон, высотой в три локтя. Его конструкция была очень изящной; на нем стояли колонны на равном расстоянии друг от друга, провозглашающие закон чистоты, некоторые греческими, а некоторые римскими буквами, что ни один иностранец не должен входить в святилище, —ибо этот второй двор Храма назывался Святилищем, и к нему вели четырнадцать ступеней из первого двора”.

В 1871 году месье Клермону Ганно посчастливилось обнаружить одну из этих колонн или табличек, частично зарытую в фундамент здания недалеко от района Харам. На нем есть следующая надпись по—гречески, в семь строк:-

ΜΗΘΕΝΑΑΛΛΟΓΕΝΗΙΣΠΟ

ΡΕΥΕΣΘΑΙΕΝΤΟΣΤΟΥΠΕ

ΡΙΤΟΙΕΡΟΝΤΡΥΦΑΚΤΟΥΚΑΙ

ΠΕΡΙΒΟΛΟΥΟΣΔΑΝΛΗ

ΦΘΗΕΑΥΤΩΙΑΙΤΙΟΣΕΣ

ΤΑΙΔΙΑΤΟΕΞΑΚΟΛΟΥ

ΘΕΙΝΘΑΝΑΤΟΝ

Перевод таков: “Посторонний не должен входить внутрь балюстрады, окружающей Храм и ограду. Тот, кого поймают, будет нести ответственность перед самим собой за свою смерть, которая последует”.

М. Клермон Ганно отмечает, что эпизод из Деяний Апостолов (xxi. 26, *и последующие*) проливает яркий свет на эту драгоценную надпись и черпает из нее свет. Павел, очистившись, является в Храм; народ немедленно восстает против него, потому что некоторые иудеи Азии считали, что Павел ввел язычника — Трофима из Эфеса — и таким образом осквернил священное место. Они собираются предать его смерти, когда вмешивается Трибун, командующий фортом Антония, и спасает его. Народ требует от Трибуна казни преступника, *то есть* применения закона.

Эта надпись и, вероятно, сам этот камень почти наверняка были замечены и прочитаны Христом; и, вероятно, исключительный дух евреев произвел на него болезненное впечатление. Это, конечно, не могло вызвать одобрения Учителя, который проповедовал самаритянам у Колодца Иакова и больше трудился в наполовину языческом городе Капернауме, чем в Назарете, защищая свой курс, ссылаясь на пример Илии, который отправился в Сарепту, город Сидон. Христос провозгласил себя Светом всего Мира и Пастырем, у которого были другие овцы, не принадлежащие к еврейскому стаду. Это была работа Христа, прежде чем она стала работой Павла, - разрушить срединную стену, разделяющую евреев и язычников. Поэтому вряд ли может быть сомнений в том, что вид этой надписи усилил бы его желание увидеть этот Храм разрушенным и отменить еврейский ритуал, чтобы он мог воздвигнуть на его руинах духовный храм для всех народов.

В начале недели своих страстей Иисус Христос поднялся по крутому склону из Иерихона, и дорога привела его, наконец, в Вифанию. Однажды ночью он остановился в деревне, как в старые добрые времена; деревня и пустыня были тогда полны жизни, как и до сих пор, раз в год на греческую Пасху, когда толпы пасхальных паломников сновали туда-сюда между Вифанией и Иерусалимом. Утром он отправился в путь. Три тропы ведут, и, вероятно, всегда вели, из Вифании в Иерусалим; одна - длинный путь по северному склону Елеонской горы вниз по долине, отделяющей ее от Скопуса; другая - крутая пешеходная тропа через вершину; третья - естественное продолжение дороги, по которой всадники всегда приближаются к городу из Иерихона, через южное плечо, между вершиной, на которой находятся Гробницы Пророков, и так называемой Горой Оскорбления. “Не может быть никаких сомнений, - говорит декан Стэнли, - что эта последняя дорога является входом Христа, не только потому, что, как только что было сказано, это обычный путь для всадников и больших караванов, о которых шла речь в то время, и всегда должен был быть таким, но также и потому, что это единственный из трех подходов, который соответствует требованиям последующего повествования.

“В тот день встретились два огромных потока людей. Единый хлынул из города, и, проходя через сады, в которых гроздь палм росли в юго-восточном углу Елеонской горы, они срезали длинные ветви, как это было у них в обычае на Празднике Кущей, и двинулись вверх по направлению к Вифании с приветственными криками. Из Вифании потекли толпы, собравшиеся там накануне вечером и пришедшие свидетельствовать о великом событии у гроба Лазаря. Вскоре дорога скрывает Вифанию из виду.... Постепенно длинная процессия поднялась и перевалила через горный хребет, где сначала начинается ‘спуск с Елеонской горы к Иерусалиму’. С этого места впервые открывается вид на юго-восточный угол города.... Именно в этот момент из толпы вырвался торжествующий крик: "Осанна Сыну Давидову!"... Процессия снова двинулась вперед. Дорога спускается по небольшому склону, и вид на город снова скрывается за возвышающимся Оливковым хребтом. Несколько мгновений - и тропинка снова поднимается в гору, взбирается по крутому склону, достигает выступа гладкой скалы, и в одно мгновение перед глазами предстает весь город.... Непосредственно под ним находится Кедронская долина, отсюда видна в своей наибольшей глубине, поскольку она соединяется с долиной Хинном, и таким образом в полной мере проявляется великая особенность Иерусалима, видимая только с его восточной стороны — его положение как города, поднимающегося из глубокой пропасти. Едва ли возможно сомневаться в том, что этот подъем и поворот дороги, этот скалистый выступ были именно тем местом, где толпа снова остановилась, и ‘Он, когда увидел город, заплакал над ним’. Больше нигде на Елеонской горе нет такого вида”.[46]

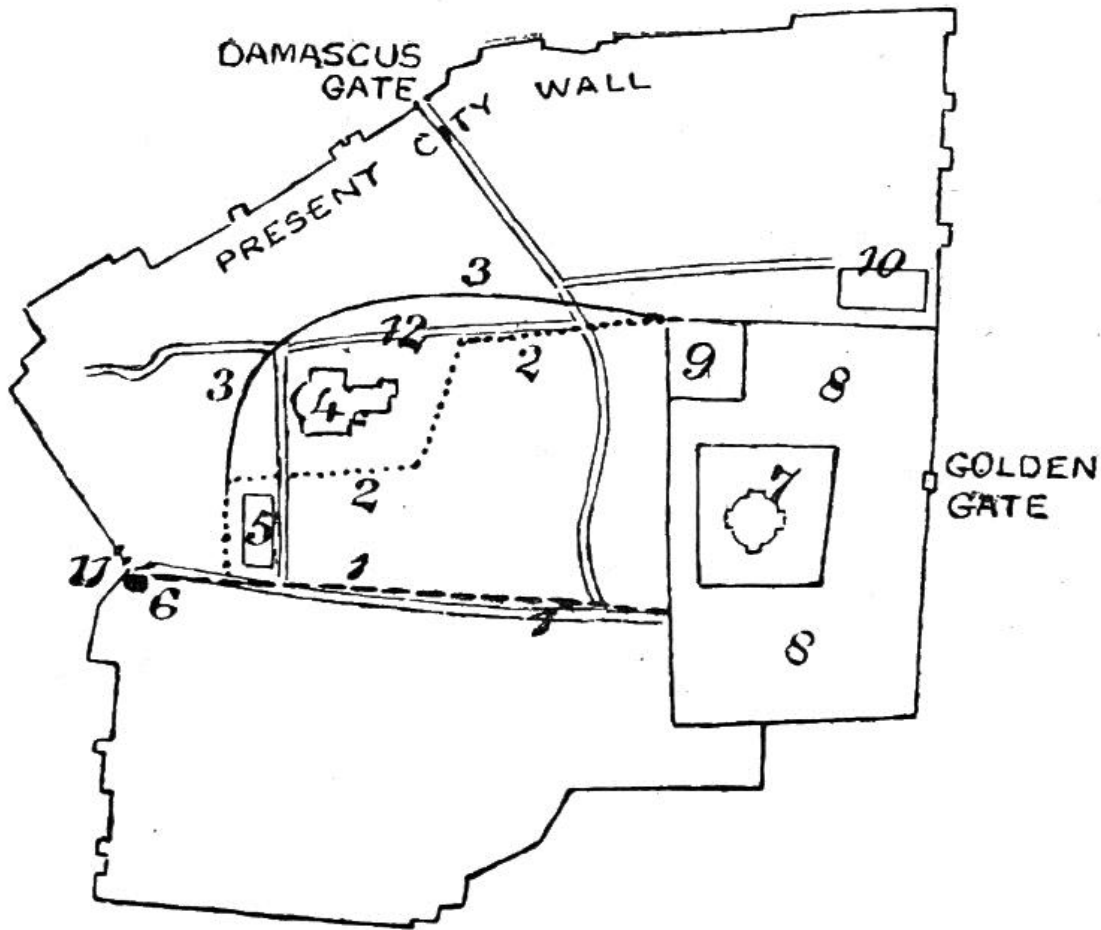
В один из тех последних дней Великий Учитель, покинув город незадолго до захода солнца, сел на одном из скалистых берегов Елеонской горы, напротив Храма. Гора возвышается на 150 футов над уровнем города; город выглядит так, словно его западная сторона наклонена вверх, так что с горы можно смотреть вниз на его улицы. Дворы храма должны были находиться на переднем плане, а Притвор Соломона - на восточной стороне. Возможно, 80 футов мусора, который сейчас лежит у стены, еще не скопились наполовину; и в этом случае камни, которые сложил Соломон, были бы все еще видны — блоки длиной 20 локтей, толщиной 6 локтей и протяженностью 400 локтей. Ученики обращали внимание своего Учителя на красивые камни и здания Храма, когда они проходили мимо, и он объявил, что однажды они будут разрушены; и теперь, сидя на Елеонской горе, он пророчествует о конце века.

От Елеонской горы было совсем недалеко до Вифании, где можно было переночевать. Дикая горная деревушка, примостившаяся на изрезанном скалистом плато, Вифания закрыта горным хребтом от вида на вершину Елеонской горы. Современное название деревни — Эль-Азари - связывает ее с Лазарем, традиционный дом и могила которого до сих пор выставлены, а также традиционный дом Симона прокаженного. Прием, который ожидал Христа в доме Марии, Марфы и Лазаря, должно быть, был очень благодарным после дневного учения и суматохи в шумном городе.

Безнадежно пытаться определить в Иерусалиме дом или улицу, на которых ученики готовили Пасху для своего Учителя. Гефсиманский сад, который мы посетили впоследствии, вероятно, находился в том месте на склоне Елеонской горы или поблизости от него, которое сейчас указано.

Когда Христа привели к Пилату, это произошло в Антониевой башне, к северо-западу от Храма, на месте, которое сейчас занимают турецкие казармы.

За казармами, с северной стороны, проходит улица, которая сейчас называется *Виа Долороза*, потому что традиция гласит, что Христос проходил по ней, направляясь из Зала Суда к месту распятия, отмеченному сейчас церковью Гроба Господня.

ОБЩИЙ ПЛАН ИЕРУСАЛИМА.

- 1 Северная стена Верхнего города, вероятный курс.
- 2 Вторая стена, нарисованная таким образом, чтобы исключить церковь Гроба Господня.
- 3 Вторая стена, включая церковь.
- 4 Храм Гроба Господня.
- 5 Озеро Езекии.
- Цитадель 6.
- 7 Купол скалы (Место расположения Храма).
- 8 Харам - область или Благородное святилище.
- 9 Башня Антонии, ныне турецкие казармы.
- 10 Биркет-Израиль (традиционная Вифезда).
- Яффские ворота, 11.
- Виа Долороза, 12.

Истинное место Голгофы. — Много спорили о том, занимает ли Церковь Гроба Господня истинное место Голгофы или нет. Мы знаем, что Иисус пострадал и был похоронен где-то за городом, ибо именно “когда они вышли”, они нашли Симона из Кирены и заставили его пойти с ними нести крест. Церковь Гроба Господня находится почти в самом центре нынешнего города, но мы должны помнить, что во время распятия третья стена еще не была построена. Первый вопрос, который необходимо решить, - это направление строительства второй стены и вопрос о том, включала ли она в себя территорию церкви или нет. В этой связи открытие участка второй стены, идущей на северо-запад, вдоль Греческого базара, было очень важным: только за ней не проследовали достаточно далеко, чтобы устранить все сомнения. Если мы примем линию герра Шика относительно второй стены, то церковь Гроба Господня будет находиться снаружи, но этого недостаточно. Если бы это место находилось внутри второй стены, оно не могло бы быть Голгофой; если бы оно находилось за пределами стены, это могло быть Голгофой, а могло и не быть. Церковь расположена ближе к стене, чем мы могли бы ожидать от места казни; и если бы Голгофа не находилась дальше, вряд ли было бы достаточно причин принуждать Симона Киренского нести крест.

Но необходимо упомянуть еще об одном открытии, которое имеет некоторое отношение к этому вопросу. Немного восточнее церкви, на участке земли, принадлежащем русским, экскаваторы прошли через остатки нескольких базаров, которые, как известно, существовали там в средние века, и под ними они наткнулись на византийскую мостовую, которая, по-видимому, была проложена Константином вокруг зданий, которые он возвел. Таким образом, становится морально достоверным, что церковь Гроба Господня стоит на том месте, где Константин построил свою церковь, полагая, что это Голгофа. Но между днями Христа и днями Константина было время и место для возникновения ошибок. Иерусалим был разрушен в 70 году, христиане вернулись в него только восемьдесят лет спустя, и к тому времени могло быть трудно идентифицировать священные места. Когда Константин приехал строить свою церковь, он обнаружил, что это место занято храмом Венеры, обстоятельство, которое может свидетельствовать о традиционной святости этого места, но вряд ли соответствует традиции, согласно которой это было еврейское место казни. Майор Кондер говорит, что он мог бы искренне пожелать, чтобы сайт оказался ненастоящим, потому что он опозорен сценами, которые там происходят.

Пройдя через дверной проем, мы входим в вестибюль, в котором находится Камень Помазания, мраморная плита, которую благоговейно целуют паломники. Обогнув его слева, вы попадаете в ротонду церкви; справа за апсидами греческой церкви проходит узкий проход с небольшими часовнями, и здесь лестничный пролет ведет вниз, к подземной часовне Елены с ее живописным освещением и тяжелыми плетеными капителями восьмого века. Под этим, опять же, находится темная пещера, столь намекающе названная Часовней Изобретения Креста. Ротонда хорошо освещена, ее купол светло-голубого цвета украшен золотыми лилиями и арабесками. В центре возвышается старая часовня Гроба Господня, темная и мрачная, из мрамора, выцветшего от времени, увенчанная причудливым куполом в итальянском вкусе и украшенная по всему верху позолоченными букетами цветов и картинами в современных рамках. Наклоняясь, чтобы войти, мы проходим в вестибюль или Часовню Ангела, обнесенную мраморными плитами, а оттуда во внутреннюю часовню самого Склепа, где темноту разгоняют только светящиеся лампы над алтарем на гробнице. Однако самой впечатляющей частью церкви является неф к востоку от ротонды, принадлежащий грекам, с большим экраном перед тремя восточными апсидами. Этаж пуст, если не считать короткой колонны, обозначающей

“центр мира”. Купол наверху убогий, грубо побеленный и расписанный фресками; но великолепие этого места заключается в большом экране и обшивке боковых стен панелями.^[47]

По воскресеньям христиане различных церквей - греческой, латинской, армянской, коптской - проводят свои службы одновременно, под куполом и в боковых приделах, которые выходят на него. Однажды, когда я присутствовал, греческий патриарх проповедовал под куполом ротонды, в восточном конце часовни Гроба Господня, когда внезапно латиняне включили свою инструментальную музыку и пение, заглушив голос проповедника. Я был готов посочувствовать грекам, когда вскоре они образовали процессию и прошествовали вокруг ротонды, пройдя прямо через небольшую группу коптов, которые занимались своим собственным богослужением в западном конце Часовни Гроба Господня. Это невнимание к членам других церквей казалось настолько рассчитанным на то, чтобы привести к ссорам, что я не удивился, обнаружив сотню турецких солдат, выстроенных перед церковью для поддержания мира. Это было за две недели до Пасхи. Во время самой Пасхи, когда разыгрывается так называемое чудо “благодатного огня”, и христиане всех церквей борются друг с другом за то, чтобы первыми зажечь свои свечи от священного пламени, действительно возникают ссоры, и в зале царит столпотворение. Горе владельцу первой зажженной свечи; ее выхватывают у него и гасят, когда в нее втыкают дюжину других. Сильные мужчины борются друг с другом, и даже хрупкие женщины и старики сражаются как фурии. Мы вполне можем присоединиться к Кондеру в желании, чтобы доказательства, наконец, доказали, что Голгофа находилась где-то в другом месте.

В течение нескольких прошедших лет облюбованное место находилось за пределами нынешней северной стены, недалеко от Дамасских ворот. Вот округлый холм с обрывом на южной стороне, в котором находится пещера, известная христианам как Грот Иеремии, по преданию, в нем жил Иеремия и там сочинял свои Причитания. Когда на этот холм смотрят с юго-востока, особенно с южного выступа Елеонской горы, многим наблюдателям кажется, что он имеет поразительное сходство с огромным черепом. Еще в 1871 году мистер Фишер Хоу из Бруклина предложил идентификацию в небольшой книге под названием “Истинное место Голгофы”, опубликованной в Нью-Йорке.^[48] Доктор Чаплин и майор Кондер придали этому дополнительную вероятность, привлекая внимание к еврейской традиции, которая рассматривает этот холм как место публичной казни. Когда смерть наступала от побивания камнями, приговоренного сбрасывали с вершины утеса высотой около 50 футов, и если он не погибал при падении, в него бросали камни до тех пор, пока он не умирал. Это место называлось Домом побивания камнями, и христианская традиция считает его местом мученической смерти Стефана. То обстоятельство, что Иисус Христос был предан смерти по римскому обычаю, будучи распятым, а не побитым камнями, не имеет большого значения для аргументации в пользу места Голгофы, поскольку нет оснований предполагать, что в Иерусалиме было два места казни. Можно добавить, что поверхность холма в настоящее время используется как мусульманское захоронение; и, возможно, таким же был его характер и в еврейские времена. Примерно в 200 ярдах к западу от Грота Кондер сделал интересное открытие - бесспорно, еврейскую гробницу, которая, как считается, относилась к векам, непосредственно предшествующим христианской эре. Было бы смелостью рискнуть предположить, что это та самая гробница, в которую было положено тело Христа — новая гробница в саду, принадлежащем Иосифу Аримафейскому, — однако ее расположение так близко к старому месту казни, безусловно, примечательно. “Таким образом, - говорит Кондер, -

к ”зеленому холму вдали, у городской стены“, мы переходим от искусственных камней и мраморных плит монашеской часовни на Голгофе”.

[*Авторитетные источники*: “Работа в палатке”. Майор Кондер. “Восстановление Иерусалима”. Полковники Уоррен и Уилсон. “Синай и Палестина”. Декан Стэнли. “Прогулки по Иерусалиму”. У. Х. Бартлетт. “Ежеквартальные отчеты Фонда исследования Палестины”.]

ГЛАВА V. МЕСОПОТАМИЯ И БИБЛИЯ.

1. Ассирия.

Месопотамия — “Земля между реками” — представляет собой участок страны длиной почти 700 миль и шириной от 20 до 250 миль, заключенный между Евфратом и Тигром и простирающийся от гор Армении почти до Персидского залива. По большей части это обширная равнина, но ближе к центру ее пересекает гряда холмов, тянущаяся почти на восток и запад - от Хита на Евфрате, знаменитого своими битумными карьерами, до Самары на Тигре. К северу от этой линии местность, хотя и сухая и голая, является холмистой и время от времени поднимается в горы, в то время как к югу от нее регион равнинный и состоит из богатых, влажных аллювиальных земель, образованных самими реками. Этой землей намыва была Вавилония и ее столица Вавилон; страной к северу от нее была Ассирия со столицей Ниневия. Но масштабы обеих стран время от времени менялись в зависимости от власти различных монархов и их успехов в войне.

Зарождение Ассирийской и Вавилонской империй теряется в неизвестности, и среди самих людей не существует записей, свидетельствующих об их происхождении. Тем не менее, рассказ, приведенный в Библии, настолько хорошо согласуется с тем, что известно из летописей, что не может быть никаких разумных сомнений в том, что в нем изложена подлинная история возвышения этих двух наций, которые со временем стали владыками известного тогда мира. Это библейское повествование, подтвержденное и дополненное позднейшими открытиями, образует одно из наиболее интересных и поучительных звеньев в истории человечества и его цивилизационного прогресса.

“Принимая, таким образом, изложение в том виде, в каком оно содержится в Библии”,^[49] говорит мистер Бадж: “похоже, что потомками Хама, третьего сына Ноя, были Хуш, Мицраим, Фут и Ханаан. Земли Хуш и Мицраим до сих пор отождествлялись с Эфиопией и Египтом соответственно; Пхут считался сомнительным, а Ханаан был страной, с которой мы так хорошо знакомы по частому упоминанию этого названия в Библии. Идентификация первого по названию и самого важного из этих районов, земли Куш, многими была расценена как неудовлетворительная: поскольку Нимрод, судя по названиям городов, которые, как говорят, были основаны им, вряд ли мог быть эфиопом, хотя, согласно библейской истории, он был потомком Куша”.

Среди сокровищ ассирийских раскопок, к счастью, была найдена табличка, на которой в списке народов и т. Д., Расположенных вдоль горного хребта Тавр, указана страна, носящая название Кусу, то же слово, которое используется в надписях для обозначения страны Эфиопия; и из этого и из других источников ясно, что народам древнего мира были известны две страны с таким названием: одна - Эфиопия, а другая - Каппадокия или ее ближайшие окрестности. Таким образом, представляется вероятным, что Нимрод и его последователи по какой-то неустановленной причине покинули свой дом в земле Куш или Каппадокии и, отправившись в юго-восточном направлении, пришли в землю Шумер или Шинар. Возможно, встретившись там с семитским населением страны, он не пошел дальше, а поселился там со своими последователями и построил Вавилон и Бирс Нимруд, предполагаемую Вавилонскую башню.

Со временем пришельцы начали смешиваться с исконными (семитскими) жителями страны, и обе расы были вынуждены в целях торговли и сношений изучать язык друг друга, так что в Месопотамии, должно быть, в течение нескольких сотен лет одновременно использовались два языка, и только в двенадцатом или даже, возможно, в десятом веке до нашей эры аккадский был полностью вытеснен языком семитских вавилонян. Вторжение норманнов в Англию является случаем, параллельным вышеупомянутому, но с той разницей, что, хотя вторжение норманнов в Англию было завоеванием, проникновение этих людей (впоследствии известных как аккадцы и шумеры) в Вавилонию, по-видимому, было иным; и поэтому вавилонский язык, хотя и допускает очень много аккадских и шумерских слов, не пострадал в отношении грамматических форм в той же степени, что и английский язык.

Вступление аккадцев в Вавилонию стало началом цивилизации в этой стране, поскольку они принесли с собой, наряду со своей религией, свои легенды и традиции, свои законы, свое искусство, строительные знания, навыки ведения сельского хозяйства и это великое средство цивилизации народов - искусство письма. От этого союза интеллектуальной аккадской расы и воинственных вавилонян произошли два народа, о которых и традиция, и история сохранили свидетельства как о самых могущественных нациях древнего мира, а именно, Вавилония и Ассирия, о которых рассказывается так много легенд и чья мощь и высокая цивилизация среди варварства ранних эпох мира производили такое большое впечатление во времена их господства.

После смешения этих двух рас, но задолго до того, как вымер аккадский язык, вавилоняне, как они будут называться впредь, отправили колонии на север и основали великие города Ассирии — Нинуа (Ниневия), Ресин, Калху (Калах), Ассур и др.

Религия ассирийцев произошла от Древнейионии и оставалась очень похожей на религию последней страны. Обе страны поклонялись одним и тем же божествам, но ассирийцы внесли некоторые изменения в систему, особенно введя поклонение Ассуру. Ассуру поклонялись как “царю богов”, “отцу богов”, “божеству, сотворившему самого себя”. Среди других главных богов ассирийцев были Небо, бог письменности; Меродах, или Бел, божество-компаньон Неба; Шамас, бог Солнца, и Син, бог Луны; Иштар, соответствующая Венере; Нергал и Нинип, боги охоты; Вул, бог бури, Ану, царь небес, и Хеа, владыка подземного мира.

Правление Ассирии было монархическим, а власть царя абсолютной, хотя на практике его правление смягчалось советами советников. Главнокомандующего армией звали Тартан, и здесь также был высший офицер по имени Рабшаке (2 Царств xviii. 17). Судьи решали дела у

ворот храма или дворца, и от них поступало обращение к правителю или царю. Священники были привилегированным классом; они жили на доходы храмов и подношения верующих. Ассирийские месяцы были лунными, а 7-й, 14-й, 21-й и 28-й дни были суббота́ми отдыха: дополнительная работа и даже миссии милосердия были запрещены, определенные продукты нельзя было есть, а царю нельзя было ездить на своей колеснице. Законы этой страны во многих отношениях напоминали законы Израиля: отец был главенствующим в своей семье, а муж имел право развестись со своей женой. Рабство было в моде, и иногда целые семьи продавались вместе. Практиковались различные ремесла, включая ткачество, крашение, производство изделий из железа, меди и бронзы, скульптуры, строительства и т.д. Но самой замечательной чертой ассирийской цивилизации были их литература и библиотеки из глиняных табличек, и именно им мы обязаны большей частью наших нынешних знаний об этом великом народе.

Как мы видели, до дней Моисея между Месопотамией и Египтом существовали дружеские отношения. В более поздние века Ассирия и Египет часто воевали друг с другом. Враждебные армии были вынуждены пройти маршем через Палестину, и царям Израиля и Иудеи стало очень трудно невозмутимо наблюдать за происходящим и сохранять строго нейтральную позицию. И все же, если они отдавали предпочтение одной из великих держав, они, конечно, обижали другую; кроме того, Ассирия в дни своего могущества едва ли могла смириться с тем, чтобы оставить какое-либо маленькое королевство независимым. В конце концов Самария была завоевана, а ее жители депортированы Салманасаром или Саргоном; а затем и Иудея была также завоевана Навуходоносором.

Говоря о пленении Израиля в Вавилонии как о providentialном событии, великий немецкий писатель Лессинг говорит: “Когда ребенок с помощью побоев и ласк пришел к пониманию, отец сразу же отправил его в чужие страны, и здесь он сразу распознал добро, которым в доме своего отца обладал, но не осознавал”.^[50] Он снова говорит: “Ребенок, отправленный за границу, увидел других детей, которые знали больше, которые жили более достойно, и в замешательстве спросил себя: “почему я тоже этого не знаю?” почему и я не живу так же? разве меня не должны были научить всему этому в доме моего отца?”

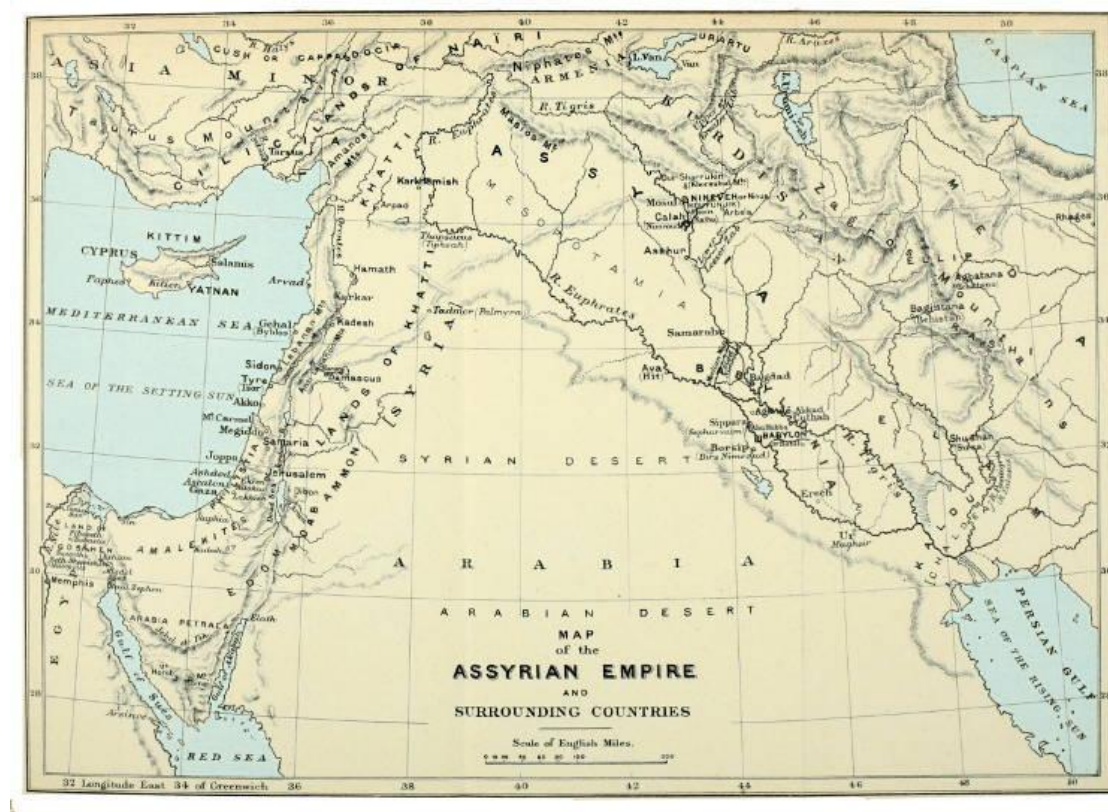
Именно из-за этого пребывания евреев за границей и влияния на них других народов исследование этих восточных стран имеет такое большое значение для изучающих Библию. В Ассирии, Вавилонии и Египте мы попадаем на окольные пути библейской истории, и старые записи, когда их находят, иногда читаются как новые главы Библии.

Земля Месопотамии, которую не совсем уместно назвать кладбищем империй и наций, сейчас заброшена и опустошена из-за неправильного правления Турции. “Монотонность ландшафта была бы нарушена” (говорит Зенида А. Рагозин), “если бы не определенные возвышенности и холмы странной и разнообразной формы, которые усеивают равнину во всех направлениях; некоторые из них высокие и имеют коническую или пирамидальную форму, другие довольно обширны и довольно плоские на вершине, третьи опять же длинные и низкие, и все они странным образом не связаны друг с другом или с какой-либо грядой холмов. Это вдвойне бросается в глаза в Нижней Месопотамии или Вавилонии, вошедших в поговорку из-за своей чрезмерной плоскостности. Несколько постоянных деревень, состоящих из глинобитных хижин или плетеных из тростника хижин, обычно строятся на этих возвышенностях; но другие

используются как места захоронений, и мечеть, мусульманский молитвенный дом, иногда возвышается на одном или другом. Вещество этих насыпей довольно мягкое и податливое, их склоны все еще во многих местах изрезаны оврагами, изрытыми стремительными потоками дождевой воды. Смытый мусор лежит разбросанным по равнине и, как видно, содержит фрагменты кирпичей и керамики, иногда испещренные письменами в виде стрел; в самих ущельях обнажены целые стены из кирпичной кладки и куски скульптурного камня”.

Арабам и в голову не приходило исследовать эти любопытные нагромождения. Их закон запрещает им изображать человеческий облик ни в живописи, ни в скульптуре, чтобы это не привело невежд к идолопоклонству. Они суеверны и смотрят на реликвии древней скульптуры с подозрением, граничащим со страхом, и связывают их с магией и колдовством. Поэтому с благоговением, не лишенным ужаса, они рассказывают путешественникам о подземных ходах в курганах, где обитают не только дикие звери, но и злые духи, а в расщелинах смутно угадываются странные фигуры. Более образованные иностранцы давным-давно предположили, что в этих курганах должны быть погребены все руины и реликвии, какие только сохранились от великих городов прошлого.

Первым европейцем, чья любовь к знаниям была достаточно сильна, чтобы заставить его пренебречь трудностями и расходами и взяться за кирку при раскопках этих курганов, был англичанин по имени Рич. Это было в 1820 году, но мистер Рич не добился большого успеха, и буквально до 1842 года “ящик площадью 3 квадратных фута заключал в себе все, что осталось не только от великого города Ниневии, но и от самого Вавилона”. В 1842 году М. Ботта, французский консул, дислоцированный в Мосуле на Тигре, начал раскопки и после бесплодных трудов на кургане Куюнджик, напротив Мосула, был направлен уроженцем Хорсабада, и там, прорыв траншею, вошел в зал, по периметру выложенный скульптурными плитами, изображающими битвы, осады и подобные события. Внезапно открылся новый и чудесный мир, и он шел как во сне. Это открытие произвело огромную сенсацию в Европе, и дух исследований и предприимчивости был эффективно поднят.

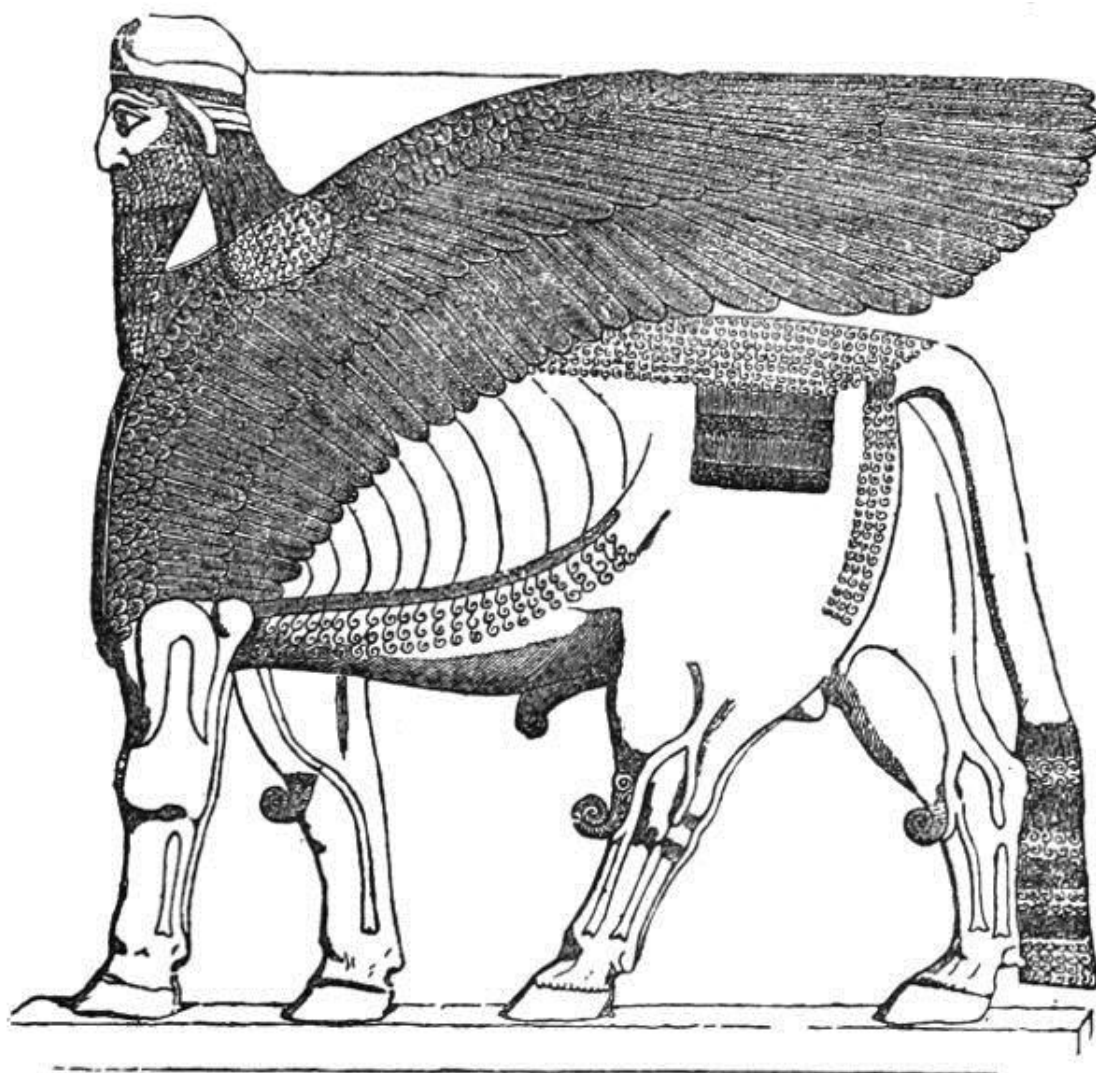

КАРТА АССИРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ СТРАН

Лондон; Киган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко. Ф.С. Веллер, Ф.С.Г.С.

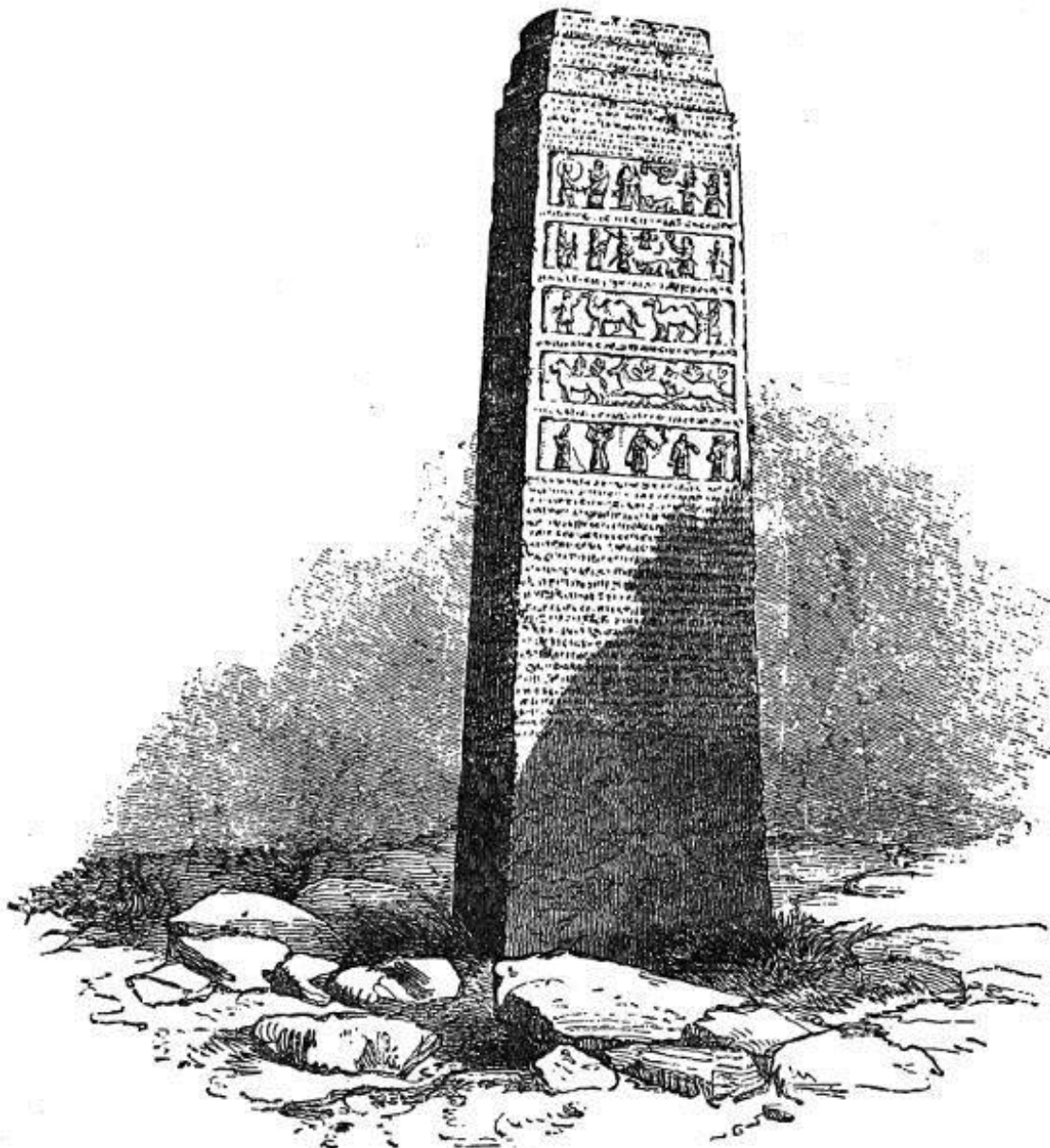
Вскоре расследованием занялся мистер Остин Генри Лейард, наш соотечественник, и найденные предметы были переданы в Британский музей, который сейчас может похвастаться великолепной коллекцией. Преодолев предварительные трудности — интересную историю о которых можно прочесть в его книге “Ниневия и ее руины”, — мистер Лейард получил денежный грант от Музея с полной лицензией турецкого правительства, а затем преуспел в организации группы арабов, которые работали охотно и хорошо, и с этого момента каждый день совершали новые открытия.

Однажды утром, когда он направлялся к месту операции — они копали в кургане Нимрода, — к нему подсказали два араба и сказали: “Поспеш, о бей, поспеш к копателям, ибо они нашли самого Нимрода! Валлах, это чудесно, но это правда; мы видели его своими глазами! Нет Бога, кроме Бога!” То, что они увидели, было скульптурной человеческой головой, которая, после удаления большого количества земли, оказалась принадлежащей крылатому четвероногому — одному из тех колоссальных “быков”, которые с тех пор хранятся в Британском музее. Мы говорим “бык”, но на самом деле это чудовище с телом быка (иногда с телом льва), головой человека и крыльями орла — ассирийское представление о херувимах. Многие из этих объектов были покрыты округлыми письменами, выполненными любопытной клинописью или иероглифами со стрелками.

КРЫЛАТЫЙ БЫК С ГОЛОВОЙ ЧЕЛОВЕКА. (Н.-В. Палас, Нимрод.)

Помимо этих так называемых быков, мистер Лейард обнаружил обелиски из черного базальта с барельефными фигурами, изображающими дань, приносимую ассирийским царям. На черном обелиске в Британском музее, найденном в центральном кургане Нимруд, среди руин дворца Салманасара, встречаются имя и фигура Ииуя, царя Израиля, приносящего дань уважения Салманасару II. (около 842 г. до н.э.). “Я получил дань от Ииуя, сына Омри: серебро, золото, золотые чаши, потиры из золота, кубки из золота, золотые ведра из золота, свинец, скипетры для руки царя, (и) древки копий”. Действительно, совершается ошибка, когда его называют “Ииуй, сын Омри”; Ииуй воссел на трон Омри, но он был узурпатором, а не из дома Омри. Носители дани на этом обелиске несут золотые чаши и кубки, слитки драгоценных металлов и другие ценные вещи. Преподобный Х. Г. Томкинс, говоря об этих ассирийских скульптурных портретах Ииуя и его принцев, говорит, что у них “сильные орлиные черты лица и то своеобразное пожатие плечами или изгиб ноздрей, которое придает пронизательный и зловеющий вид многим евреям на лондонских улицах. Рисуя одно из этих знакомых лиц на памятнике, я был готов поверить, что оно принадлежало прямому предку лондонских мужчин ‘Кло’. Сумка, упавшая на сутулую спину, усилила это впечатление”.^[51]

ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК.

В дополнение к этим вещам мистер Лейард привез домой большое количество алебастровых плит, на которых изображены батальные сцены, охота на львов и священные деревья, которым крылатые фигуры делают таинственные подношения. У ассирийских царей был обычай облицовывать залы и покои своих дворцов простыми алебастровыми плитами, а после каждой новой победы выгравировать историю в отдельной комнате, так что в одной комнате мы получаем отчет о битве в Вавилонии, в другой - историю осады Лахиша близ страны филистимлян и так далее.

Но читатель, который, без сомнения, посещал Британский музей и смотрел на все эти вещи, возможно, спросит, почему мы повторяем знакомую историю. Это делается для того, чтобы придать законченность картине, а также побудить юных посетителей музея вглядываться в вещи

так же, как они смотрят на них. Откуда взялись эти древности? Как были расшифрованы надписи? Что они говорят? Хотя многие из них были доставлены в Музей много лет назад, надписи были прочитаны не сразу; процесс расшифровки все еще продолжается, и вряд ли проходит год без того, чтобы в самом Музее не были сделаны поразительные открытия. В 1872 году мистер Джордж Смит, взяв глиняную табличку, которой никто не пользовался, расшифровал надпись и обнаружил, что это халдейская история о Всемирном потопе. В 1873 году, отправившись с этой целью в Ассирию, он действительно обнаружил недостающую часть таблички. Подобные факты чрезвычайно интересны для изучающих Священные Писания, и они побуждают нас уделить часть нашего внимания легендам и литературе ассирийцев и халдеев.

Мы читаем, что Ниневия была городом, до которого было три дня пути. На самом деле он простирался на 20 миль в длину и на 10 миль в ширину и был окружен огромной стеной, по которой в ряд могли проехать три колесницы.^[52] В пределах этой окружности существуют большие курганы, такие как те, что упоминаются в Нимруде, Хорсабаде и Куюнджике. Внутри этих курганов были обнаружены шесть дворцов и три храма; хотя только одно из этих зданий — дворец Сеннахериба в Куюнджике — находится в приличном состоянии сохранности. Реставрация этого сооружения архитектором мистером Дж. Фергюсоном, помещенная в качестве иллюстрации к книге Лейарда “Ниневия”, показывает, что это было очень величественное сооружение. Второй дворец, найденный в Куюнджике, принадлежал Ашшурбанипалу, внуку Сеннахериба.

СЕННАХЕРИБ ПЕРЕД ЛАХИШЕМ.

С самим Сennaхерибом мы знакомы по Библии. Он был тем монархом, который так напугал доброго царя Езекию, когда тот послал ему богохульное послание и пригрозил прийти и разрушить Иерусалим. Чего должны были опасаться иерусалимские евреи, если он придет они

знали слишком хорошо; и мы знаем теперь, поскольку Сеннахериб осаждал Лахис (2 Царств xvi; Исаия xxxvi) в Палестине, и мы восстановили записи об этой осаде. Это начертано на одном из быков, обнаруженных в самом большом из царских зданий, и изображает монарха, сидящего на своем троне, в то время как надпись вокруг него гласит: “Я, Сеннахериб, великий царь, царь Ассирии, восседающий на троне суда перед Лахисом, я даю разрешение на заклятие”. Перед ним стоят несчастные пленники с кольцами, воткнутыми в носы или губы, с прикрепленными уздечками, так что их головы могут быть обращены вперед, в то время как король выколлет им глаза заостренным инструментом. Там пленникам вырывают языки, других раздевают догола и сдирают кожу заживо, в то время как человеческие головы складывают в пирамиды.

Всех этих пыток должны были опасаться сами евреи, если бы Сеннахериб захватил Иерусалим. Несомненно, это был день ужасного ожидания в Святом Городе и ночь, в которую мало кто осмеливался лечь спать. Но раннее утро принесло весть о том, что армия Сеннахирима разгромлена, что ангел Господень вышел и сразил в лагере ассирийцев сто двадцать пять тысяч человек. Мы знали историю освобождения из Священного Писания, но теперь мы можем лучше понять это, когда у нас есть записи об осаде Лахиша и знаем, какая участь угрожала евреям Иерусалима.

Более того, мы восстановили собственный отчет Сеннахериба об этой самой кампании, в котором он сообщает нам, что взял сорок шесть укрепленных городов в Иудее и что он запер Езекию в Иерусалиме, “как птицу в клетке”. Он воздерживается говорить нам, почему ему не удалось поймать птицу; он умалчивает о бедствии, постигшем его армию; и он, кажется, даже искажает факты, заявляя, что после этого Езекия послал ему в Вавилон великолепные подарки, ибо подарки Езекии были отправлены до этого, когда Сеннахериб был повержен Лахисом, и отправлены с надеждой откупиться от него, чего не было необходимости делать после его отступления.

Большая трудность в Книге пророка Исайи также удовлетворительно устраняется этими надписями. Сеннахерибу, идущему из страны филистимлян в Иерусалим, пришлось бы идти с юго-запада, тогда как в предыдущей главе Исаия рассказал нам, что ассирийский захватчик пришел с севера, что он захватил Кархемиш на своем пути, и завоевал Дамаск, и взял Самарию, а затем, перейдя ущелье у Михмаша, расположился лагерем в Номе, за пределами Иерусалима на севере. Более того, пророк намекает, что он, вероятно, возьмет город; тогда как в более поздней главе он говорит: “Он не возьмет его и даже не выпустит в него стрелу”. Это было большой трудностью, и это казалось противоречием; но теперь это удовлетворительно объяснено, поскольку мы находим из ассирийских надписей, что более ранняя кампания, проведенная Саргоном, отцом Сеннахериба, за десять лет до этого, и что именно он действительно пришел северным путем и захватил Кархемиш и т. д. на севере. по-своему. Не может быть никаких сомнений в том, что если мы читаем 10-ю главу Книги Пророка Исайи, имея в виду Саргона, а не Сеннахериба, все трудности исчезают.

В 20-й главе Книги Пророка Исайи есть случайное упоминание об этом Саргоне: “В тот год, когда Тартан (*то есть* главнокомандующий) пришел в Ашдод, когда Саргон, царь Ассирии, послал его” и т.д.; и на протяжении двадцати пяти веков это было единственным свидетельством того, что такой монарх жил. Неудивительно, что доказательства были сочтены недостаточными — это изолированное упоминание стояло подобно сомнительной окаменелости в скалах старого света — и многие историки и критики хотели отождествить

Саргона с Салманасаром, Сеннахерибом или Эсархаддоном. Некоторые говорили, что Исайя совершил ошибку. Но Ниневия раскопана, и оказывается, что Саргон был очень великим царем, и даже не первым с таким именем, потому что до него было два Саргона, героев древности. М. Ботта находит в Хорсабаде дворец Саргона; и оказывается, что он был преемником Салманасара, он был отцом Сеннахериба и правил семнадцать лет. Среди сокровищ, которые мистер Джордж Смит извлек из руин Ниневии, есть королевская печать Саргона с его именем и датой.

Как только Саргон взошел на трон, он энергично продолжил сирийскую войну, продолжая осаду Тира, взяв штурмом город Самарию и подчинив всю страну Израиль. Самарийскому царству был положен конец, народ был уведен в плен и рассеян по северным провинциям Ассирийской империи и городам Мидии. По-видимому, именно Саргон упоминается во 2 Царств xvii. 6 и xviii. 11 (хотя до сих пор эти отрывки относились к Салманасару), где “царь Ассирии” захватил Самарию и увел Израиль, поселив в их городах людей из Вавилона, Куты, Аввы, Хамата и Сефарваима.

На одиннадцатый год правления Саргона жители Ашдода в Филистии свергли правителя, которого Саргон поставил над ними, и поставили на трон человека по имени Яван, главной рекомендацией которого была его враждебность к Ассирии. Яван заключил союз с Езекией, царем Иудейским, с Моавом и Эдомом и поднял филистимлян на восстание. Члены лиги отправили посольство в Египет с просьбой о помощи, и фараон ободрил их, но не оказал никакой помощи, когда настал час опасности. Саргон, узнав о восстании, прибыл в Палестину; Яван бежал в Египет, восстание потерпело крах, и города Ашдод и Гимту были взяты ассирийцами. В конце концов Яван сдался царю Мероз, или Эфиопии, который связал его и отправил в цепях к Саргону.

Поход против Ашдода состоялся в 711 году до н.э., во время правления Езекии, царя Иудейского, и именно о нем говорится в двадцатой главе Книги пророка Исайи, где пророк осуждает поведение Египта. То, как Исайя говорит о египтянах и эфиопах в этой и других главах, замечательно подтверждается рассказом, приведенным в ассирийских надписях. Египет описывается в “Анналах Саргона” как слабая держава, постоянно разжигающая восстания против Ассирии и неспособная помочь или защитить мятежников. “В те дни, - замечает мистер Джордж Смит, чью большую работу мы здесь цитируем), “Египет был поистине сломанной тростинкой. Рассказ Саргона о включении фонтанов и водотоков для защиты города Ашдод поразительно напоминает аналогичные приготовления Езекии (2 Пар. xxxii.); и любопытно, что приготовления Езекии были сделаны всего за два года до этого, согласно обычной хронологии”.

Как отметил г-н святой Чад Боскавен, политическое значение посольства Бородаха Баладана (2 Царств xx. 12) сразу становится очевидным, если рассматривать его в свете монументальных надписей; а атмосфера интриг, мятежа и суровой мести очень четко прослеживается в трудах как еврейских, так и ассирийских писцов. Именно это посольство в 712 году до н.э. привело к вторжению Саргона в Иудею и осаде Иерусалима в 711 году до н.э. Пророчества Исайи (главы x и xi), которые так долго оставались неразгаданными тайнами, теперь превратились в четкие и подробные записи об этом утерянном событии в истории Востока.

“Саргон” утверждал, что происходит от древнего героя по имени Бел-бани; и он принял имя древневавилонского монарха — Саргона из Агаде, которому поклонялись как полубогу, — но на самом деле его собственное имя было не Саргон. Когда он штурмовал город Самарию, он увел,

по его словам, в плен 27 000 израильтян. Царство Самария было подавлено, и те израильтяне, которые не были депортированы, были поставлены под власть ассирийского правителя. Таким образом, библейский рассказ о пленении десяти колен подтверждается. А что касается Иудеи, то когда мы обращаемся к вавилонским летописям завоевания Навуходоносора, мы находим подтверждение утверждению о том, что он разрушил Иерусалим и увел жителей этого города в плен.

Итак, вот некоторые примеры света, который проливается на Священное Писание этими ассирийскими писаниями, — способа, которым библейское повествование дополняется и иллюстрируется новыми и обильными деталями, и в целом, как обязаны сказать все критики, подтверждается в его утверждениях.

Помимо Ахава и Омрия, Ииуя и Езекии, на клинописных табличках упоминаются Менахем, Факей и Осия, цари Израиля; и Азария, Ахаз и Манассия, цари Иудеи. Ахаза зовут Иоахаз, его имя, как и многие другие, соединено с именем Иеговы; и может показаться, что из-за его пристрастия к иноземному богослужению авторы Библии не стали бы использовать имя Господа в такой ассоциации. Далее, цари Ассирии и Вавилона, о которых говорится в Библии, снова предстают перед нами в клинописных текстах со многими подробностями их военных походов, — Сеннахериб, Асархаддон, Салманасар, Тиглатпаласар, Навуходоносор и др. Тиглатпаласар, как мы выясняем, был не первым носителем этого имени, поскольку монарх, названный таким образом, существовал еще в 1300 году до н.э. Фактически, настоящее имя более позднего царя было Пул или Пулу, и сомнительно, был ли он законным наследником; но когда он вззошел на трон (в 745 году до н.э.), он взял имя более раннего завоевателя, обстоятельство, которое заставило автора Библии предположить, что царей было два. [С. А. Стронг, в “Записях прошлого”. Новая серия. Том v.]

Другой дворец, найденный в Куянджике, принадлежал, как говорилось ранее, Ашшурбанипалу. Он был Сарданапалом греческих писателей и великим завоевателем. Его датировка - около 640 года до н.э. Мистеру Рассаму, местному коллеге мистера Лейарда, посчастливилось обнаружить библиотеку Ашшурбанипала — библиотеку ассирийских царей. “Книги” ассирийцев очень сильно отличались от наших собственных. Раньше они брали глиняную табличку, писали на ней железным пером, запекали ее в терракоту, а затем помещали пластинку на библиотечную полку. Эти глиняные таблички были более долговечны, чем листы бумаги или свитки пергамента, и ассирийские летописи, сокрытые более двух тысяч лет назад, во многих случаях настолько хорошо сохранились, что ученые могут их прочитать.

По мере того как был достигнут прогресс в расшифровке надписей, было обнаружено, что проливается новый и замечательный свет на историю и цивилизацию полузабытых империй. Коллекции табличек с надписями были созданы Тиглатпаласаром II (745 г. до н.э.), который скопировал некоторые исторические надписи своих предшественников. Саргон, отец Сеннахериба (722 г. до н.э.), увеличил эту библиотеку, добавив коллекцию астрологических и подобных текстов; и сам Сеннахериб (705 г. до н.э.) составил копии ассирийского канона, кратких историй и различных надписей, чтобы дополнить коллекцию. Сеннахериб также перенес библиотеку из Калаха, ее первоначального местонахождения, в столицу Ниневию; а Асархаддон, сын Сеннахериба, добавил множество исторических и мифологических текстов. Однако все надписи прежних царей были ничем по сравнению с надписями, написанными во время правления Ашшурбанипала, внука Сеннахериба, который не только записал события

своего собственного правления, но и собрал литературу из других стран и сделал переводы вавилонских записей, которые тогда были древними. Были собраны тысячи табличек с надписями, скопированы и хранились в царской библиотеке в Ниневии; и именно эта царская библиотека была найдена.

Количество ассирийской литературы, находящейся сейчас в нашем распоряжении, более чем равно всему содержанию Ветхого Завета. Сюда входят религия, астрономия, мифология, история, география, естественная история, королевские указы и частные письма, юридические решения и акты купли-продажи, списки податей и налогов, предписания для частной жизни и т.д. Среди священных легенд есть истории о Сотворении Мира и Всемирном потопе. Эти повествования возникли не у ассирийцев, поскольку они получили свою религиозную систему по наследству от вавилонян. Но и они не произошли от вавилонян; поскольку из их собственных записей мы узнаем, что это знание и эти традиции были принесены в их страну аккадцами.

Ашшурбанипал, совершая набеги на Вавилонию и захватывая город, уносил священные писания, чтобы обогатить царскую библиотеку в Ниневии. Когда их привозили в Ниневию, священники переписывали их, а иногда переводили на ассирийский язык, хотя ассирийцы, считавшие себя хорошо образованными, обычно изучали аккадский язык, подобно тому, как английские мальчики изучают латынь, а студенты-богословы иврит и читают писания в оригинале. Очень интересно обнаружить, что у этих древних ассирийцев и халдеев была своя собственная версия Сотворения Мира, Всемирного потопа, Вавилонского столпотворения и т. Д., Которую они уже тогда почитали как древнюю и считали самой священной.

Халдейские повествования незначительными деталями отличались от библейских. Халдейский потоп, например, длился всего семь дней, вместо большей части года; судно было не ковчегом, а кораблем правильной формы, с лоцманом на борту, который управлял им, и другими людьми на борту, помимо семьи Ноя. Халдейский Ной, когда воды спали, послал не только ворона и голубя, но и ласточку; и в конце события ему было переведено, что он не увидит смерти; и это в Библии происходит не с Ноем, а с Енохом. Тем не менее, с учетом этих и других различий, мы имеем тот важный факт, что цикл повествований, сохранившихся в ранних главах Книги Бытия, не являются просто гениальными изобретениями еврейских авторов, они имели параллель в ранней Халдее. Ключ к их точному значению в настоящее время утерян; но мы можем надеяться, что он будет восстановлен, и тогда спорам между Геологией и Книгой Бытия будет положен конец.

2. Вавилония.

Вавилония занимала территорию от Нижнего Заба до Персидского залива протяженностью около 400 миль; и от Элама, к востоку от Тигра, до Аравийской пустыни, к западу от Евфрата, в среднем шириной 150 миль.

Его история начинается очень рано, поскольку считается, что один из его царей — Саргон Аккадский — правил в 3800 году до н.э. Обстоятельство, которому мы обязаны открытием этого замечательного факта, таким образом описано в “Лекциях Хибберта” доктора Сэйса: “Последний царь Вавилонии, Набонид, обладал пристрастием к антиквариату и занимался не только реставрацией старых храмов своей страны, но и извлечением памятных цилиндров,

которые их строители и реставраторы похоронили под их фундаментами. Было известно, что великий храм бога Солнца в Сиппаре, где курганы Абу-Хубба ныне отмечают его остатки, был первоначально возведен Нарамсином, сыном Саргона, и уже предпринимались попытки найти записи, которые, как предполагалось, он захоронил под его углами. С истинно антикварным рвением Набонидос продолжил поиски и не прекращал их до тех пор, пока, подобно декану и капитулу какого-нибудь современного собора, не наткнулся на 'краеугольный камень' самого Нарам-Сина. Этот краеугольный камень, по его словам, никто из его предшественников не видел в течение 3200 лет. Соответственно, по мнению Набонида, царя, который интересовался прошлой историей своей страны и чье царское положение давало ему наилучшие возможности узнать о ней все, что только можно, Нарам-Син и его отец, Саргон I., жили за 3200 лет до его собственного времени, или за 3750 год до н.э."

Дата настолько отдаленная и настолько противоречит всем нашим предвзятым представлениям о древности вавилонской монархии, что ее восприняли не без колебаний; но, похоже, она подтверждается другими свидетельствами и в настоящее время общепринята. Действительно, считается, что памятники, найденные в *Телль-ло*, включая статуи из диорита, материала, чуждого Вавилонии, относятся к еще более раннему периоду и должны рассматриваться как досемитские.

Могут спросить, какой интерес у нас может быть к людям и вещам, столь отдаленным? вавилоняне и их религия давно исчезли и не оказывают никакого влияния на современный мир. На это отвечают, что благодаря providенциальным обстоятельствам Пленения еврей соприкоснулись с вавилонянами; еврейская религия, в свою очередь, оказала влияние на христианство, и всем христианам следует знать, чему евреи научились в своем изгнании. По мнению еврейских пророков, евреи были "отправлены в чужие страны" для получения образования и дисциплины; ассирийский завоеватель был жезлом Божьего гнева (Исаия х. 5), а Вавилонское изгнание было наказанием, уготованным Иудее за ее грехи. Пленники, которые снова вернулись на свою землю, вернулись с изменившимися сердцами и очищенными умами, намереваясь восстановить Иерусалим как дом праведного народа. И они сделали нечто большее, чем научились ненавидеть идолопоклонство, их заставили взвесить ценность религиозных верований и обычаев народов, с которыми они жили в течение семидесяти лет.

Но религиозные идеи вавилонянина и еврея соприкоснулись не только во время вавилонского изгнания. "Действительно, именно тогда," говорит доктор Сэйс, - идеи расы завоевателей, вероятно, произвели самое глубокое и стойкое впечатление; именно тогда еврей впервые обнаружил, что библиотеки и древняя литература Халдеи открыты для его изучения и использования". Но старая традиция уже указывала на долину Евфрата как на первобытную колыбель его расы. Все мы помним, как говорится, что Авраам родился в Уре Халдейском, и как в более ранних главах Книги Бытия Евфрат и Тигр названы двумя райскими реками, а строительство Вавилонской башни описывается как причина рассеяния человечества. Теперь иврит был языком не только израильтян, но и тех прежних жителей страны, которых евреи называли хананеями, а греки финикийцами. Подобно израильтянам, финикийцы считали, что их предки пришли из Персидского залива и аллювиальной равнины Вавилонии. Эта традиция подтверждается исследованиями сравнительной филологии. Их первый дом, по-видимому, находился в низменной пустыне, простирающейся на восток до Халдеи — фактически в том самом регионе, в котором стоял великий город Ур, современный Мугейр.

Самые ранние известные цари Шумира проживали в Уре, и, кроме того, это был главный торговый центр страны. Ибо, как это ни странно, когда мы смотрим на современную карту и наблюдаем руины в 150 милях от моря, Ур тогда был морским городом с гаванью и доками. Из-за накопления наносов, наносимых двумя великими реками, территория Вавилонии неуклонно увеличивалась из века в век, а воды Персидского залива оттеснялись назад. В древние времена между устьями Тигра и Евфрата было расстояние во много миль, и Ур находился совсем рядом с устьем последней реки. Платформа главного кургана, отмечающего это место, облицована стеной толщиной 10 футов из красного обожженного кирпича, зацементированного битумом. Курган имеет форму груши и имеет около 2 миль в окружности. Этот курган, представляющий город, пригородный район, полон могил всех возрастов, свидетельствующих о долгом периоде процветания города.

Из надписей, найденных в Уре, следует, что город был посвящен поклонению богу Луны Сину, которого часто называли “богом Тридцати”, намекая на его функцию измерителя времени по месяцам. Здесь стоял великий храм бога, который был частично исследован мистером К. Лофтусом — храм, построенный поэтапно, из которых сохранились два. На кирпичах храма начертано имя Ур-Багаса, его основателя, первого монарха объединенной Вавилонии, о котором мы знаем. Некоторые гимны, использовавшиеся при ритуальной службе в храме или, во всяком случае, сочиненные в честь бога, были получены Ашшурбанипалом и переведены его писцами с аккадского языка на ассирийский. Одно из них начинается так:—

“Владыка и князь богов, который один является верховным на небесах и земле!

- Отец Наннар, Владыка небесного свода, князь богов!

- Отец Наннар, Владыка небес, могущественный, князь богов!

- Отец Наннар, Повелитель луны, принц богов!

Именно из города, где повторялись подобные гимны во славу бога Луны, Авраам был призван подняться и отправиться в путь. Вместе с Терой, своим отцом, и племенем слуг и приверженцев он отправился в новые земли.

Расстояние от Халдейского Ура до Харрана в северной Месопотамии было значительным, но оно лежало вдоль реки и по обычному маршруту путешествий. Примечательно, что Харран, как и Ур, был городом бога Луны, который, по-видимому, одно время занимал первостепенное положение среди вавилонян. Набонид восстановил храм в Харране, и именно так он празднует это событие: “Пусть боги, обитающие на небесах и земле, приблизятся к дому Греха, к отцу, который сотворил их. Что касается меня, Набонида, царя Вавилона, завершителя этого храма, пусть Син, царь богов неба и земли, поднимая свои добрые глаза, с радостью взирает на меня месяц за месяцем в полдень и на закате: пусть он дарует мне благоприятные знаки, пусть он продлит мои дни, пусть он продлит мои годы, пусть он установит мое царствование, пусть он победит моих врагов, пусть он убьет моих врагов, пусть он сметет моих противников. Пусть Нингал, мать могущественных богов, в присутствии Сина, своего любимого человека, говорит как мать. Пусть Самас и Истар, светлые отпрыски его сердца, скажут Сину, отцу, породившему их, о благословении. Пусть Нузку, всевышний посланник, услышит мою молитву и будет умолять за меня”.

Казалось бы, у Авраама было столько же причин покинуть Харран, сколько и у его отъезда из Ура; и Библия на самом деле представляет пребывание в Харране лишь как этап переселения. Ханаан был землей, о которой Бог “сказал ему”; и там, последовательно возводя жертвенники в Сихеме, Вефиле и в дубовой роще Мамре, он понял, что те, кто поклоняется Господу в духе и истине, могут приблизиться к Нему в любом месте.

Терах и Авраам вышли из Халдеи с большой семьей и многочисленными последователями. “В течение многих лет, ” говорит Рагозин, - племя путешествовало, не разделяясь, от пастбища к пастбищу, по земле Ханаанской, в Египет и обратно из него, пока не произошла ссора между пастухами Авраама и Лота, когда Лот выбрал равнину Иордана, а Авраам остался в центре страны. После битвы четырех царей против пяти в Долине Сиддим, когда Лот был взят в плен, Авраам преследовал победоносную армию, которая теперь беззаботно возвращалась домой, с ее длинной вереницей пленников и добычи, и внезапным и энергичным натиском посеял среди них панику. Был спасен не только Лот со своими женщинами и добром, но и все захваченные товары и люди были возвращены обратно. Кедорлаомер, о котором вдохновенное библейское повествование дает нам столь реалистичный набросок, жил, согласно наиболее вероятным подсчетам, около 2200 года до н.э. В клинописных надписях он назван Худур-Лагамаром; и среди немногих расплывчатых форм, чьи размытые очертания вырисовываются из сумерек тех смутных веков, он второй, имеющий отношение к реальности из плоти и крови, возможно, первый завоеватель, о котором в мире есть какие-либо достоверные свидетельства ”.

Предполагается, что “Амрафель, царь Сеннара”, который выступил в поход с Худур-Лагамаром в качестве своего союзника, был не кем иным, как царем Вавилона, одно из имен которого читается как Амарпал, в то время как “Ариох из Элассара” был эламитом, Эриаку, братом или двоюродным братом Худур-Лагамара и царем Ларсама. В Ларсаме эламские завоеватели основали могущественную династию, тесно связанную по крови с главной династией, которая сделала своей штаб-квартирой достопочтенный Ур.

Вавилон был очень древним городом Вавилонии и впервые упоминается в надписях Издхубара,[53] мифический герой, чье имя связано с халдейской историей о Потопе. В течение нескольких столетий он сохранял второстепенное значение, но в конце концов стал столицей страны. Местное название Баб-илу означает "Врата Божьи", что соответствует Бет-элю, Дому Божьему, на земле Палестины. Согласно Геродоту, город стоял на широкой равнине и представлял собой точный квадрат размером 15 миль в каждую сторону. По его словам, он был окружен широким и глубоким рвом, полным воды, за которым возвышалась стена шириной в 50 царских локтей и высотой в 200. При рытье рва из наносной глины сразу же делали кирпичи и обжигали в печах; из них были возведены стены, причем цементом служил горячий битум. “Наверху, по краям стены, они построили здания из одной камеры, обращенные друг к другу, оставив между ними место для поворота колесницы, запряженной четверкой лошадей. По периметру стены расположены сто медных ворот с медными перемычками и боковыми стойками”.

Широкий поток Евфрат протекал через город, разделяя его на две части, и центр каждой части был занят крепостью. В одном из них находился королевский дворец, окруженный стеной огромной прочности и размеров; в другом находилась священная территория Юпитера Белого, квадратная ограда в 2 фарлонга с каждой стороны, с воротами из цельной меди. “В середине участка, ” говорит Геродот, “ стояла башня из цельного камня, длиной и шириной в фарлонг, на

которой была возведена вторая башня, а на ней третья, и так далее до восьми. Подъем на вершину осуществляется снаружи, по тропинке, которая огибает все башни.... На самой верхней башне находится просторный храм, а внутри храма стоит ложе необычных размеров, богато украшенное, с золотым столом рядом с ним. Ниже, на том же участке, находится второй храм, в котором находится сидящая фигура Юпитера, вся из золота”. Другие историки обходят город от 45 до 48 миль вместо 60; и вряд ли нужно говорить, что современные авторы ставят под сомнение как его протяженность, так и высоту его стен.

Бог, которого Геродот называет Юпитером-Белусом, был Бел-Меродах. Вавилон называли “обиталищем Бела” и “городом Мардука”. Храм Бела представлен руинами Вавилона, курганом на восточном берегу ручья. Некоторые авторы полагают, что на этом месте находилась Вавилонская башня. Другие, включая сэра Генри Роулинсона, отождествляли Вавилонскую башню с руинами Бирс-Нимруда, древней Борсиппы, на западном берегу реки. Бирс-Нимруд - одни из самых внушительных руин в стране, стоящие посреди обширной равнины, и ничто не портит вид. Сэр Х. Роулинсон проводил раскопки на этом месте и обнаружил, что башня была построена в семь этапов, материалом была кирпичная кладка на земляной платформе. Первая ступень представляла собой точный квадрат, 272 фута в каждую сторону и 26 футов в высоту, кирпичи были почерневшими от битума. Более высокие ярусы, конечно, были последовательно меньше, но они располагались не в центре тех, на которых они покоились, а значительно ближе к юго-западному концу, который составлял заднюю часть здания. Кирпичи самой низкой ступени были почерневшими, кирпичи второй ступени были оранжевого цвета, третьей - красного, четвертая, как предполагается, была покрыта золотом. Были использованы семь цветов, символизирующих планеты, и здание получило название Храм Семи сфер. На седьмом ярусе, вероятно, был помещен ковчег или скиния, которая, по-видимому, снова имела высоту 15 футов и, должно быть, почти закрывала вершину седьмого этажа. Этот храм был посвящен Небу, вавилонскому Меркурию, изобретателю алфавита, “писцу”, “пророку”, “автору оракула”. Ашшурбанипал никогда не устает рассказывать нам в конце документов, которые его писцы скопировали с вавилонских оригиналов, что Небо и Тасмит наделили его широкими ушами и зрячими глазами, так что он написал, переплел и опубликовал “Хранилище табличек”, работу, за которую не брался ни один из царей, ушедших до него, даже секреты священного писания. Небо!

Из емкостей по углам описанных выше ступеней сэр Х. Роулинсон извлек цилиндры с надписями, свидетельствующими о том, что здание было Храмом Семи Планет, который был частично построен бывшим царем Вавилона и, придя в упадок, был восстановлен и достроен Навуходоносором. Именно в Бирс-Нимруде мистер Хормузд Рассам нашел металлический лист с какими-то письменами на нем, который оказался посвящением Навуходоносора богу Небу за восстановление его здоровья. Если это имеет отношение к выздоровлению Навуходоносора от его безумия, то это интересное подтверждение истории из Книги Даниила.

“Тайны Неба”, на которые ссылается Ашшурбанипал, были астрономическими записями и другими письменами, хранящимися в храме Неба. Религия вавилонян была основана на изучении небесных тел и была настолько тесно связана с астрономией, что священникам было необходимо быть астрономами. При главных храмах были обсерватории; наблюдения за небесами проводились регулярно, и, естественно, записи хранились в храмовых залах и стали ядром больших библиотек. Мистеру Рассаму посчастливилось обнаружить одну из самых важных из этих библиотек в Абу-Хуббе, примерно в 30 милях к юго-востоку от Багдада, на одном

из каналов, ответвляющихся на восток от Евфрата. Абу Хубба оказывается древней Сиппарой, библейским Сефарваимом, откуда была уведена часть людей для повторного заселения Самарии после того, как были унесены десять колен Израиля. Поскольку еврейское название имеет двойственную форму и обозначает двух Сиппаров, мы ищем двойственность в руинах, и мы находим их на самом деле по обе стороны ручья. Сиппара, как мы знали от Беросуса, была великим местом поклонения солнцу; здесь находился храм бога Шамаса, и именно здесь, как говорили, Ксисуфрус, халдейский Ной, похоронил летописи допотопного мира. Исследования мистера Рассама вернули нам остатки храма бога Солнца.

Цитадель занимает южную часть *окружения*, и ее самая высокая точка на юго-западной стороне когда-то находилась на берегу ручья, либо самого Евфрата, либо широкого канала, сообщавшегося с рекой. Траншеи, выкопанные в кургане, вскоре уперлись в стены здания, и, следуя линии этой стены, открылся внешний фасад большого квадратного здания. Траншеи и шахты, углубленные во внутреннюю часть, показывали, что внутри внешнего вала находилось более сотни помещений, расположенных вокруг центрального двора. В центральной части кургана была обнаружена пара важных помещений, а в центре одного из них - большая кирпичная алтарная платформа площадью около 30 квадратных футов, на которой, очевидно, стоял алтарь всесожжения, поскольку вокруг были разбросаны обугленные фрагменты. Ось этой камеры проходила на северо-восток и юго-запад, а в северо-восточном конце был обнаружен дверной проем, ведущий в камеру меньшего размера, пол которой был вымощен материалом, напоминающим асфальт. Под этим полом мистер Рассам обнаружил терракотовую шкатулку, содержащую три надписи, а именно каменную табличку со скульптурной панелью, изображающей поклонение богу Солнца, и два цилиндра. На цилиндрах были обнаружены надписи Набонида, царя Вавилона, 555 г. до н.э., свидетельствующие о восстановлении этого храма в 550 году до н.э.; а на каменной табличке содержался длинный и важный отчет о восстановлении храма Набу-абла-иддиной, царем Вавилона, дата которого может быть указана примерно в 852 году до н.э. Над фигурой бога Солнца на этой табличке были слова — “Статуя бога Солнца — великого владыки, обитающего в Доме Света, который находится в городе Сиппара”. Но статуя и другие ценные предметы были вывезены. Из цилиндра Набонида, как говорилось ранее, мы узнаем, что храм был восстановлен Нарамсином, сыном Саргона I., в 3750 году до нашей эры. Очень большой интерес вызвала находка в нижних слоях территории храма небольшого овида из розового и белого мрамора с надписью Саргона I. Надпись такого архаичного характера, что, по-видимому, подтверждает эту дату.

Храм назывался многими названиями — “Дворец Бога”, “Высокое место”, “Жилище Бога”, “Место упокоения Бога” - и, среди прочих, “Дом Бога” на аккадском, Эд—Дин-гир на семитском вавилонском, Бит-илу на иврите, Вефиль.

Город Аккад, или Агаде, построенный Саргоном I, по-видимому, был частью двойной Сиппары, и здесь Саргон основал знаменитую библиотеку, которая содержала среди своих сокровищ великий труд по астрономии и астрологии в семидесяти книгах. Вокруг этого ядра объединились другие письменности, и храм Шамаса стал великим государственным архивом. Мистер Рассам нашел в Абу-Хуббе несколько тысяч табличек, относящихся к финансовым, юридическим и коммерческим операциям; и таким образом, представляется, что все документы такого характера хранились священниками. В ходе раскопок был представлен замечательный пример бережного сохранения рукописей, переданных в их ведение. На юго-восточной стороне большого четырехугольника находился квадрат поменьше, в котором располагался ряд

помещений, очевидно, служебных помещений храма. В одном из них было найдено более 30 000 табличек. Мистер Рассам упаковал их в том виде, в каком он их нашел, и перевез в Англию без каких-либо нарушений порядка; и когда футляры были переданы на экспертизу, оказалось, что большинство табличек были расположены в хронологическом порядке. Поскольку эти таблички датировались периодом с 625 по 200 год до н.э., они, должно быть, пролежали в руинах почти 2000 лет совершенно нетронутыми.

Вавилонский храм также был судом справедливости, и подобно тому, как еврейский синедрион заседал в иерусалимском храме, так и совет седовласых собирался во дворах халдейских храмов, чтобы вынести приговор. Доктор Опперт перевел некоторые контракты и юридические решения, несомненно, касающиеся пленных евреев, которые были доставлены в Вавилон после разрушения Иерусалима. Один из самых интересных из них - судебный процесс, возбужденный еврейским рабом по имени Барахиил, чтобы вернуть себе свободу. Дело обстояло следующим образом: —Варахиил, носящий то же имя, что и отец Елиуя в Книге Иова (xxxii. 2-6), — был собственностью богатого человека по имени Акхи—нури, который продал его вдове по имени Гага, около 570 г. до н.э. Он оставался в доме этой женщины в качестве раба, имея право освободиться, заплатив сумму, равную его *resculium* или частной собственности, которую ему было разрешено приобрести, как рабу в Древнем Риме; но, похоже, что он был убит. мне никогда не везло настолько, чтобы иметь возможность позволить себе необходимую сумму денег. Он оставался с Гагой двадцать один год и считался *res*, или собственностью дома, и как таковой был передан в залог, восстановлен и, наконец, стал приданным Нубти, дочери Гаги. Нубти отдала его своему сыну и мужу в обмен на дом и несколько рабов. После смерти двух дам он был продан богатому трактирщику Итти-Мардук-баладу, из дома которого он дважды сбежал. Пойманный во второй раз, он возбудил иск, чтобы его признали свободнорожденным гражданином из семьи Бельриманни; и чтобы доказать, что он благородного происхождения, он притворился, что совершал брачные обряды при бракосочетании дочери своего господина Кудасы с неким Самас-мудаммиком. Такое представление, несомненно, подразумевало, что исполняющий обязанности священника был свободного рождения, и ни один раб или вольноотпущенник не имел права принимать в нем участие.

Имя Барахиил, говорит доктор Опперт, очевидно, принадлежит еврею. Его называют “рабом выкупа”, то есть не рабом, который уже купил свою свободу, а рабом, которому специальные законы разрешили использовать свое личное состояние для собственного освобождения. Он утверждает, что был “соединителем” рук невесты и жениха на свадьбе, которая, должно быть, состоялась до тридцать пятого года правления Навуходоносора, когда он еще принадлежал к дому Акхи-нури, “продавца рабов”, как он назван в конце текста.

Судьи, изучив все доказательства, не находят никаких доказательств того, что Варахиил был человеком свободного происхождения, и соответственно говорят ему: “Докажи нам, что ты потомок благородного предка”. Вслед за этим Варахиил признается, что он не свободнорожденный, но дважды сбежал из дома своего хозяина; однако, поскольку этот поступок видели многие люди, он испугался и сказал, что он сын знатного предка. “Но я не свободнорожденный”, - признается он, а затем рассказывает о событиях своей жизни. Судьи решили, что Барахиил должен быть восстановлен в своем положении раба за выкуп.^[54]

Такая история, как эта, служит для того, чтобы показать, какой могла быть жизнь многих израильтян во время Плена.

3. Как читались эти Писания.

Обычному посетителю Британского музея, смотрящему на клинописные надписи — ничего, кроме по—разному сгруппированных символов в виде наконечников стрел, - кажется удивительным, что они могут составлять язык, и невероятным, что их можно прочесть. Часто задают вопрос: “Как мы можем доверять представленным нам переводам? Откуда нам знать, что это не более чем догадки?” Поэтому, возможно, было бы неплохо рассказать о том, как был получен ключ к утерянному символу и как происходила расшифровка до тех пор, пока перевод повествовательных текстов не будет выполнен с такой же уверенностью, как переводы с иврита Ветхого Завета.

БЕХИСТУНСКАЯ СКУЛЬПТУРА.

Ключ к разгадке был получен из бехистунских надписей благодаря энергии сэра Генри Роулинсона; и записи о последовательных этапах открытия можно найти в *Журнале Азиатского общества*, в *Ежеквартальном обзоре* за март 1847 года и в таких популярных работах, как “Ниневия и Персеполь” мистера Во. Эдвин Норрис и другие приложили немало усилий, и процесс расшифровки клинописных текстов был уже далеко продвинут, когда сэр Генри Лейард и мистер Рассам обнаружили такие обильные сокровища в курганах на берегу Тигра. Надписи, которые, как теперь известно, описывают личную историю Дария, сына Гистаспа, почти всегда выполнены тремя формами клинописи, которые могут быть описаны как персидские, мидийские и ассирийские, и были адресованы разным расам его подданных. Самый обширный памятник подобного рода находится на скальном уступе в Бехистуне, на границе Персии, на большой дороге из Вавилонии дальше на восток. Скала почти отвесна и резко возвышается над равниной на высоту 1700 футов - внушительный объект, который, должно быть, всегда

привлекал внимание путешественников. Он был известен грекам, которые воздвигли на его вершине храм Зевсу; и, вероятно, он был посвящен Ормазду, верховному божеству персов. Высоко на поверхности этой скалы, на высоте 300 футов над равниной, есть две таблички, одна из них содержит скульптурные фигуры и почти тысячу строк клинописи. Скульптурная часть скалы представляет собой шеренгу из девяти человек, соединенных веревкой, обвязанной вокруг шеи, и со связанными за спиной руками, которые приближаются к другому человеку более величественного телосложения, который, подняв правую руку в знак власти, наступает на расprostертое тело. Его лицо выражает представление о великом короле или завоевателе, а позади короля стоят два стражника с длинными копьями в руках.

Правление Дария было нарушено многочисленными восстаниями и попытками восстания многих самозванцев. Именно эти самозванцы изображены в скульптуре пленниками, и над головой каждой фигуры мы находим его имя и описание. Первая фигура, распростертая ниц, - это "Гомат, Маг, самозванец", который сказал: "Я Бартий, сын Кира; я царь", и так далее. Эта надпись, безусловно, является самым крупным и важным из сохранившихся свидетельств о величии Дария, а также о персидском государстве и системе. Строки над самим монархом будут гласить по—английски следующее:-

"Я Дарий, царь, великий царь, царь царей, царь Персии, царь (зависимых) провинций, сын Гистаспа, внук Арсамеса, Ахеменида" и т.д.

Здесь следует заметить, как повторяется слово "царь"; по мере продолжения надписи повторяется и имя Дарий. Немецкий ученый, профессор Гротефенд, заметил, что такие надписи обычно начинаются с трех или четырех слов, одно из которых меняется, в то время как другие нет. Он подозревал, что слово, которое изменится, будет именем короля — поскольку разные надписи будут относиться к разным королям - и что другие слова передают королевские титулы. Он был убежден, что слово, которое постоянно повторялось, означало "король", и предположил, что, когда упоминались два короля, они, вероятно, были отцом и сыном. Обнаружив, что имена Кира и Камбиза не подходят, поскольку ни одно из двух имен в надписи, с которой он имел дело, не начиналось на одну и ту же букву, он попробовал другие. Кир и Артаксеркс казались одинаково неприменимыми из-за их неодинаковой длины, поскольку два имени, с которыми он имел дело, состояли из шести букв каждое. Единственными оставшимися именами были имена Дария и Ксеркса; и при дальнейшем сравнении они, по-видимому, настолько точно соответствовали характерам, что он сразу же, не колеблясь, принял их. Обнаружив таким образом более двенадцати букв, среди которых были именно те, что составляют царский титул, следующей задачей было придать этим именам их первоначальную персидскую форму, чтобы, установив правильное значение каждого символа, можно было расшифровать царский титул. Из "Зендавесты" Анкетиля дю Перрона М. Гротефенд выяснил, что греческая форма *Hystaspes* первоначально была представлена в персидском языке словами *Gustasp*, *Kishtasp* или *Wistasp*. Первые семь букв этого имени были обнаружены сразу, в то время как сравнение всех королевских титулов привело его к выводу, что три последних образовывали форму родительного падежа единственного числа, соответствующую латинскому *Hystaspis*. Так Гротефенд продвигался шаг за шагом, его изобретательность и настойчивость были выше всяких похвал. Тем временем сэр Генри Роулинсон, хотя и находился в Персии и в значительной степени был отрезан от результатов европейской науки, с энтузиазмом посвятил себя изучению бехистунской надписи и добился независимого прогресса.

Оказалось, что из трех форм символов со стрелками в этом классе надписей персидский язык легче всего поддавался расшифровке, поскольку он является алфавитным языком, а два других не были чисто алфавитными. Тем не менее, верная улика была получена, и ключ применялся все большим числом исследователей, мидяне и ассирийцы с течением времени раскрыли свои секреты. Наконец, в 1857 году, чтобы проверить метод расшифровки, надпись Тиглат-Пилесера I. была представлена четырем выдающимся ассириологам, а именно сэру Х. Роулинсону, доктору Опперту, мистеру Фоксу Тэлботу и доктору Хинк, которые независимо сделали ее переводы и отправили их за печатью секретарю Королевского азиатского общества. Когда их вскрыли и сравнили, оказалось, что они демонстрируют поразительное сходство друг с другом, на самом деле гораздо большее, чем могло бы быть, если бы метод расшифровки не был надежным. С 1857 года был достигнут огромный прогресс, и до сих пор, как уверенно заявляет доктор Сэйс, обычный ассирийский текст можно перевести с такой же легкостью и достоверностью, как страницу Ветхого Завета.

[Авторитеты и источники:—“Ассирийские открытия”. Джордж Смит. “Халдейское происхождение”. Джордж Смит. “Древняя история по памятникам: Ассирия”. Джордж Смит. “Древняя история по памятникам: Вавилония”. Преподобный доктор А. Х. Сэйс. “Ниневия и ее руины”. Х. А. Лейард. “Ниневия и Персеполь”. У. С. В. Вокс. “Путеводитель по галерее Куюнджик”. Британский музей. “История народов: Ассирия”. Зенаид А. Рагозин. “История народов: Вавилония”. Зенаид А. Рагозин. “Лекции Хибберта”. Доктор А. Х. Сейс. “Записи прошлого”. “Труды Общества библейской археологии”. “Библейский словарь” Смита. “Из-под пыли веков”. Святой Чад Боскавен.]

ВОСТОЧНЫЙ ВАНДАЛИЗМ.

Кажется вполне providentialным, что бедствия городов и захоронение сокровищ искусства и знаний привели к их сохранению и внесли свой вклад в просвещение мира. Примечательно также, что исследователями погребенных городов Востока должны были быть христианские нации Запада, и что такое богатство открытий должно обогатить этот девятнадцатый век. Благодаря катастрофе, которая обрушилась на Помпеи и сохранила их под слоем вулканического пепла на 1700 лет, мы лучше познакомились с частной жизнью римлян, чем это было бы возможно любым другим способом. Беглец из Помпей в спешке побега бросил предметы, имевшие внутреннюю ценность, и не смог остановиться или нагнуться, чтобы поднять их; и все же они были спасены от рук грабителя, чтобы много веков спустя дать наставления миру. Золотые диадемы, серьги и браслеты, которые доктор Шлиман нашел в большой серебряной вазе на предполагаемом месте Трои, были упакованы в величайшей спешке, и прекрасная владелица, не имея возможности вернуться к ним, без сомнения, сочла их потерянными; но она была орудием в руках Провидения и не ведала, что творила. Благодаря обнаружению ассирийской царской библиотеки мы получаем информацию о религии и мифологии, а также об истории древних народов, о которых мы слишком мало знали из обычных источников истории. Подумайте о библиотекаре Ассурбанипала в Ниневии, размышляющем о конечной судьбе находящихся под его опекой записей! Как он мог догадаться, что, когда

империя погибнет, ее короли будут забыты, а боги отвергнуты как мифические выдумки, из-за Геркулесовых столпов придут ученые и научатся расшифровывать ее записи?

Как же это разочаровывает всех любителей знаний, а также всех изучающих библейские древности, - знать, что теперь, когда известно о существовании этих сокровищ, в нашем народе слишком мало предприимчивости, чтобы пойти и собрать их урожай; и пока мы ждем, они небрежно или бессмысленно уничтожаются! Один исследователь рассказывает об арабе, который нашел целую черную статую, и поскольку она была слишком тяжелой, чтобы унести ее целиком, отломил ей голову и унес сначала ее. Дворцы и храмы, когда их находят, используются в качестве карьеров для производства строительного камня. Известняковые плиты, покрытые драгоценными скульптурами и надписями, сжигаются ради получения извести. Груды гниющих кирпичей, поскольку они содержат селитру, вывозятся в качестве навоза на поля! Ниже приведены несколько примеров вандализма, который, по-видимому, противоречит очевидному замыслу Провидения.

Прекрасные святилища“, возведенные Аменхотепом III. на острове Элефантина, которые были изображены членами французской экспедиции в конце прошлого века, были разрушены турецким губернатором Ассуана в 1822 году”. —*Профессор Масперо.*

Великий Сфинкс в Гизе. — “Нос и борода были отломаны фанатиками”. —*Профессор Масперо.*

Себахские землекопы занимаются своим делом посреди курганов древнего города Фивы. “Себах, означающий "соль" или "селитра", является общим термином для обозначения соляной пыли, которая скапливается везде, где есть груды кирпичных или известняковых руин. Эта пыль высоко ценится как удобрение или ”подкормка”, и туземцы так постоянно ее выкапывают и уносят, что курганы древних городов и деревень быстро разрушаются во всех частях Египта”. - *Мисс Амелия Б. Эдвардс.*

“Присс д'Авеннес рассказывает, что, когда он посетил в 1836 году Бехбейт—эль-Хагар, место старого Хеба, в номе Себеннит, недалеко от нынешнего города Мансура, он ушел с отвращением, увидев регулярную торговлю прекраснейшими скульптурами разрушенного храма, который, кроме того, использовался местными жителями в качестве каменоломни”. -*М. Навилл.*

“Когда шейх, на земле которого я вел раскопки, убедился в объекте моих исследований, он сказал мне, что около двадцати лет назад на этом месте [месте Гесема] было обнаружено большое количество камней с надписями; но с тех пор они исчезли, большинство из них использовалось в строительных целях. Огромное количество осколков, вделанных в стены домов, доказывают, что шейх говорил правду”. —*М. Навилл.*

“В Вавилоне есть четыре научно построенных колодца. Когда мистер Рассам очистил один из них от мусора, он добрался до воды на дне. Каждый камень имеет толщину 3 фута, просверлен и сделан так, чтобы соответствовать тому, что находится под ним, настолько точно, что можно представить, что весь колодец был вырублен из цельной скалы. И все же арабы дробят эти камни для получения извести”. — *Труды Общества библейской археологии*, viii. 185.

В 1815 году леди Эстер Стэнхоуп проводила раскопки в Аскалоне и обнаружила колоссальную статую римского императора, предположительно Августа, воздвигнутую Иродом. К сожалению, его разломали рабочие в поисках сокровищ, которые, как предполагалось, были спрятаны внутри”. — Кондер “Знания о сирийском камне”.

“В Кесарии была проложена широкая улица (недавними иммигрантами из Боснии), которая проходит прямо над остатками римского храма, построенного Иродом в честь Кесаря и Рима (колонисты хорошо обработали белый камень), и над собором крестоносцев, фундамент и стены которого также служат великолепным строительным материалом”. — “Ежеквартальный отчет Фонда исследования Палестины”, июль 1884г.

Я указал, что, хотя объекты под землей сохранятся на несколько лет дольше, продвижение цивилизации быстро стирает все записи о прошлом на поверхности. Древние руины превращались в известь, старые названия уступали место современным наименованиям, а записи о прошлом исчезали”. —Полковник сэра Чарльз Уоррен.

“От Мемфиса в настоящее время почти не осталось следов; а другие великие города, известные древним путешественникам, исчезли вместе с их памятниками. Ящики для мумий и гробы с интереснейшими надписями веками использовались в качестве топлива. И бесчисленные рукописи постигла та же участь.... Гробницы являются удобным пристанищем для арабских семей, которые уничтожают картины и надписи либо густым дымом от своих костров, либо фактически разрушая стены. Меня водили посмотреть “Песнь арфиста”, одно из самых интересных произведений египетской поэзии, которое было опубликовано несколько лет назад доктором Думиченом, но мы обнаружили, что стены, на которых было написано стихотворение, превратились в груды развалин. Но наибольшую опасность для памятников наносит вандализм европейских и американских путешественников. В Бени-Хассане есть, или, скорее, была, известная картина, на которой, как раньше считалось, изображен Иосиф, представляющий своих братьев фараону. Было слышно, как английская леди попросила своего гида вырезать для нее лицо Джозефа!” —П. Le Page Renouf.

ТЕРНБУЛЛ И СПИРС, ТИПОГРАФИЯ, ЭДИНБУРГ.

СНОСКИ:

[1] Из “Записей прошлого”. Новая серия, том ii.

[2] Смотрите “Проповедь епископа Батлера о характере Валаама”.

[3] Преподобный Х. Г. Томкинс утверждает, что он был семитом, хотя и находился в тесном контакте с хеттами. “Журнал Антропологического института”, ноябрь 1889г.

[4] Майор Кондер, в “Журнале Антропологического института”, август 1889г.

[5] Смотрите авторитетные источники, приведенные в “Исторических иллюстрациях Роулинсона к Ветхому Завету”.

[6] “Помпеи” Дайера.

[7] Исх. xxix. 22; Левит. vii. 32, viii. 25, ix. 21; Числ. xviii. 18.

[8] Смотрите “Свежий свет от памятников” Сэйса, стр. 139.

[9] “Записи прошлого”, Новая серия, том ii.

[10] Бругш, “История Египта”, том ii.

[11] Не могло ли это быть новым именем, данным Bubastis после восстановления?

[12] М. Навиль, чьи раскопки в Телль-Басте показали, что Бубастис был очень большим городом и любимым курортом короля и его семьи, считает вполне возможным, что в то время, о котором мы говорим, король находился в Бубастисе, а не в Зоане.

[13] Гезениус дает значение “тростник, заросли тростника, морские водоросли”; а в Исходе. ii. 3 говорится, что Моисея положили в ковчег из суфа или тростника.

[14] В этом пересказе я отображаю один из *vav-файлов* с помощью “тогда” вместо “и”. Мне это будет позволено. Против чего будут возражать, так это против предположения, что Лаша - это Лаиш, тем более, что Лаша содержит другой радикал, *айин* (,,). Но отрывок из книги Бытия может содержать архаичное написание; и поскольку Лаша означает “прорыв вод”, он в высшей степени описывает исток Иордана в Дане. Помещать Лашу на юго-восток Палестины, как это сделано в “Библейском словаре” Смита, - значит обвинять описание в книге Бытия в неполноте, ибо как границы народа определяются путем очерчивания двух сторон неправильного четырехугольника?

[15] Иосиф Флавий: “Войны”, iii. 10. § 8.

[16] “Двадцать один год работы на Святой Земле”.

[17] Описание “Книги Джашера” см. В “Литературных остатках Эмануэля Дойча”.

[18] Малый Хермон на самом деле неправильное название конического холма Духи к северу от долины Изреель. Совместное упоминание Фавора и Хермона в Псалме lxxxix. 12 ввело в заблуждение тех, кто не понимал, что Фавор будет находиться в одном поле зрения с горой Хермон для многих наблюдателей на юге.

[19] Смотрите главу об Иерусалиме.

[20] Греческое “Акра”.

[21] ἡ καθύπερθεν αὐταῖς

[22] “Обзорные мемуары”.

[23] Это улучшенный перевод доктора Сэйса из “Записей прошлого”, Вторая серия, том ii. С тех пор надпись была вырезана и украдена.

[24] “Квартальный отчет”, январь 1890 г.

[25] Может означать выгнутый, или выпуклый, или горбатый. Кондер понимает это как “восхождение к вершине”. Q. S. октябрь 1873 г.

[26] “Квартальный отчет”, январь 1876г.

[27] “Войны”, v. 4. 2.

[28] “Квартальный отчет”, январь 1886 г.

[29] В Авторизованной версии это Meah, в Исправленной версии Hamteah. Это можно было бы перевести как “Башня ста”.

[30] Ездра iv. 16, 20; v. 3, 6; vi. 6, 8, 13; viii. 36.

[31] Нефинимы были всего лишь слугами левитов.

[32] “Восстановление Иерусалима”, стр. 155-9.

[33] Сион называется Мориа только как холм видения (2 Паралипоменон. iii. 1).

[34] Сходство лучше видно на иврите.

[35] “Квартальный отчет”, апрель 1890г.

[36] “Квартальный отчет”, январь–март 1870 г.

[37] Антик., vii. 14, 4.

[38] Antiq., ix. 10. 4.

[39] “Синай и Палестина”, глава iii.

[40] “Квартальный отчет”, июль 1890 г.

[41] “Восстановление Иерусалима”, стр. 284.

[42] “Ежеквартальный отчет”, 1872, стр. 116.

[43] Было бы законно читать “у овечьего пруда” вместо “у овечьих ворот”.

[44] xv. 11. 5.

[45] v. 5. 2.

[46] “Синай и Палестина”.

[47] “Работа в палатке” Кондера.

[48] Смотрите статью преподобного Чарльза С. Робинсона в журнале *Century*, ноябрь 1888г.

[49] Бытие x. 6.

[50] Лессинг: “Воспитание человеческого рода”.

[51] “Журнал Антропологического института”, февраль 1889г.

[52] Правильно будет сказать, что некоторые авторы не убеждены, что Ниневия имела 60 миль в окружности. Они рассматривают Нимруд, Куюнджик и др. как множество отдельных городов.

[53] Или Gilgames. (См. *Академию*, 8 ноября 1890 г.)

[54] “Записи прошлого”. Новая серия, том i.

Примечание переписчика:

1. Очевидные орфографические, типографские и пунктуационные ошибки были исправлены автоматически.
2. Там, где это уместно, слова, написанные через дефис и без дефиса, сохранены как в оригинале.
3. Там, где уместно, сохранено оригинальное написание.
4. В главе 3 для пронумерованных подразделов число 4 было ошибочно указано как 5. Это исправлено.